A
204
247

А 207
247

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЯ ВОЙНЫ XIX ВѢКА.

Безплатное приложеніе къ журналу „ВСХОДЫ“
за 1900 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

Безплатное приложеніе къ журналу „Всходы“ за 1900 г.

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЯ ВОЙНЫ

XIX ВѢКА.

МУЗЕЙ * УЧЕБНЫЙ И РУМЯНЦЕВ. БИБЛІО-ТЕКА

С.-Петербургъ.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 7 Декабря 1900 г.

2007111385

Типографія А. Е. Колпинскаго. Ковпан. 3—5

ОСВОБОЖДЕНІЕ ГРЕЦІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ концѣ IV вѣка по Р. Х. громадная Римская имперія раздѣлилась на двѣ части: Западную, столицей которой былъ Римъ и Восточную, или греческую (Византія) на Апеннинскомъ полуостровѣ, съ главнымъ городомъ Константинополемъ, на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ Римская имперія страдала отъ нападеній германскихъ народовъ, такъ и Византійской приходилось постоянно отбиваться отъ славянъ, дѣлавшихъ на нее набѣги. Иногда грекамъ удавалось одерживать побѣды надъ этими сѣверными варварами и прогонять ихъ за предѣлы имперіи, иногда славяне одерживали верхъ и завоевывали греческія области. Поселившись тамъ, они невольно подчинялись вліянію болѣе образованныхъ грековъ, принимали ихъ религію, языкъ, нравы и обычаи, мало-по-малу сливались съ ними въ одинъ народъ. Византійскіе императоры VII и VIII вѣка охотно предоставляли славянамъ свободныя земли на окраинахъ имперіи, чтобы создать изъ нихъ преграду для вторженія новыхъ враговъ. Благодаря этому, на сѣверѣ Балканскаго полуострова образовались славянскія государства: Болгарія, Сербія Въ XIV вѣкѣ османскіе турки утвердили свое господство въ Малой Азіи и овладѣли городомъ Галлиполи въ Европѣ. Въ это время Греція управлялась слабыми, недальновидными государями, которые не понимали, какая опасность грозитъ ихъ имперіи съ востока, и сами призывали на помощь турокъ во время своихъ войнъ съ славянами. Кромѣ того, въ Константинополѣ происходили частые раздоры изъ-за обладанія престоломъ и изъ-за разныхъ расколовъ, волновавшихъ Восточную церковь. Турки пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы дѣлать пріобрѣтенія на Балканскомъ полуостровѣ. Въ 1361 г. они взяли Адріанополь, въ 1389 г. покорили Сербію, вскорѣ затѣмъ Болгарію. Мало-по-малу владѣнія Византійской имперіи на полуостровѣ ограничились небольшой полосой между Чернымъ и Мраморнымъ морями. Въ 1453 г., при царѣ Константинѣ XII Палеологѣ, султанъ Магометъ II овладѣлъ Константинополемъ, и Византійская имперія перестала существовать... Мало-по-малу весь Балканскій полуостровъ и почти всѣ близъ лежащіе острова Средиземнаго моря были

покорены османами и вошли въ составъ Турецкой имперіи, столицей которой сдѣлался Константинополь.

Покоривъ христіанскіе народы, турки не думали насильно обращать ихъ въ магометанство: они знали, что большинство христіанъ предпочтетъ смерть отступничеству. Но, по ихъ понятіямъ, по ученію ихъ религіи, всякій „неправовѣрный“ былъ существо низкое, презрѣнное, „райя“, скотъ. И съ такой точки зрѣнія смотрѣли они на своихъ христіанскихъ подданныхъ. Турецкіе законы запрещали христіанамъ постройку и починку церквей, колокольный звонъ, общественныя богослуженія; они запрещали имъ изучать арабскій языкъ, носить оружіе, садиться на осѣдланную лошадь, обязывали ихъ въ покроѣ и цвѣтѣ платья соблюдать отличія отъ правовѣрныхъ. Правда, съ теченіемъ времени законы эти стали примѣняться все рѣже и рѣже, правда, что всякій турецкій правитель могъ по произволу требовать или не требовать исполненія ихъ. Но такая зависимость отъ *произвола* была тяжелѣе, чѣмъ подчиненіе самымъ суровымъ законамъ. А между тѣмъ произволъ, самый необузданный произволъ господствовалъ во всей Турецкой имперіи, начиная отъ высшихъ представителей власти до самыхъ низшихъ.

Султанъ, „тѣнь Бога на землѣ“, потомокъ военачальниковъ-завоевателей, считался неограниченнымъ правителемъ страны, и ничто не ставило предѣловъ его деспотической власти. Жизнь и имущество всѣхъ безъ исключенія подданныхъ зависѣли отъ его благоусмотрѣнія. Первый министръ государства, великій визирь, сегодня осыпанный почестями и богатствомъ, завтра могъ лишиться головы по одному знаку своего повелителя. Понятно, что онъ прилагалъ всѣ свои старанія не къ тому, чтобы хорошо исполнять лежавшія на немъ обязанности, а къ тому, чтобы лестью и угодливостью заслужить милость этого повелителя. Его подчиненные относились точно такъ же къ нему, и такъ шло на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы до безправной райи, надъ которой могъ властвовать и издѣваться всякій турецкій чиновникъ. Къ этому произволу присоединялось еще страшное корыстолюбіе всѣхъ правительственныхъ лицъ. И оно вполнѣ понятно: не чувствуя себя обезпеченнымъ, постоянно страшась лишиться мѣста, каждый чиновникъ старался какъ можно скорѣй извлечь всевозможныя выгоды изъ своего положенія. Кромѣ того, служебныя должности въ Турціи не отдавались наиболѣе достойнымъ, а продавались за деньги, иногда за очень крупныя суммы, и каждый чиновникъ старался вернуть себѣ то, что затратилъ при полученіи мѣста. Какой-нибудь намѣстникъ или губернаторъ, задолжавъ ростовщикамъ для покупки мѣста, набрасывался на провинцію, какъ голодный волкъ. Всѣ судьи были подкупны и брали взятки съ праваго и съ виноватаго.

Естественно, что при такомъ управленіи никто не заботился ни о народномъ образованіи, ни о народномъ благосостояніи. Дороги

внутри государства были въ ужасномъ состояніи, больницъ почти не существовало, ни противъ пожаровъ, ни противъ заразительныхъ болѣзней не принималось никакихъ мѣръ. Ни жизнь, ни имущества отдѣльныхъ лицъ не были безопасны. Земледѣльцы и фабриканты, отданные въ жертву грабителямъ,-чиновникамъ, жили въ постоянномъ страхѣ, въ полной неизвѣстности, что ждетъ ихъ завтра. Вслѣдствіе этого, промыслы плохо развивались и плодородныя земли лежали необработанными пустырями. Тамъ, гдѣ могло бы жить въ полномъ изобиліи густое населеніе, съ трудомъ кормилось и самое рѣдкое. Если мы присоединимъ къ этому взрывы религіознаго фанатизма, которые доходили до того, что въ турецкомъ диванѣ (совѣтъ министровъ) не разъ поднимался вопросъ о поголовномъ избіеніи христіанъ,—мы поймемъ, каково жилось несчастной райѣ подъ скипетромъ падишаховъ.

А между тѣмъ съ внѣшней стороны бытъ покоренныхъ грековъ былъ, повидимому, устроенъ недурно. Восемь христіанскихъ церквей Константинополя были, правда, обращены въ мечети, но въ остальныхъ свободно совершалось богослуженіе. Константинопольскій патріархъ оставался главою греческой церкви и кромѣ того былъ главнымъ судьею по дѣламъ своихъ единовѣрцевъ. Многіе знатные фамиліи грековъ (фанаріоты), оставшіяся послѣ завоеванія въ столицѣ, пользовались милостями султана и даже занимали важныя государственныя должности. Для управленія мѣстными дѣлами и для распредѣленія податей жители сами выбирали своихъ народныхъ старостъ, которые, въ свою очередь, выбирали начальниковъ округовъ. Греки сохранили свои школы, находившіяся подъ руководствомъ духовенства, во многихъ мѣстностяхъ они были начальниками мѣстной полиціи, (арматологи). Всѣ эти учрежденія, которыя при другихъ условіяхъ могли бы принести большую пользу народу, теряли свое значеніе при злоупотребленіяхъ, господствовавшихъ во всей Турецкой имперіи. Константинопольскихъ патріарховъ назначалъ султанъ, и вскорѣ званіе это сдѣлалось такимъ же продажнымъ, какъ и другія высшія должности въ государствѣ. Патріархи часто являлись послушными орудіями въ рукахъ султановъ, которые заставляли ихъ проклинать и отлучать отъ церкви грековъ, осмѣливавшихся возставать противъ распоряженій турецкихъ властей; а деньги, собиравшіяся на нужды церкви, нерѣдко переходили изъ кассы патріарха въ казну повелителя правовѣрныхъ. Фанаріоты, живя среди высшаго турецкаго общества, заражались его пороками, забывали о страданіяхъ своихъ единовѣрцевъ и, получая какую-нибудь должность, не отставали отъ турецкихъ чиновниковъ въ жестокости и корыстолюбіи. Земледѣлецъ, ремесленникъ платилъ сравнительно небольшія подати, но всякій мѣстный начальникъ могъ по собственному произволу поставить въ его домѣ военный постой, заставить его исполнять ту или другую общественную

работу, купить у него за дешевую плату или даже взять даромъ его произведенія. Къ этому надобно прибавить жестокость, можно сказать, свирѣпость, отличавшую нравы турокъ-завоевателей и нисколько не смягчившуюся отъ соприкосновенія съ европейскою цивилизаціею. Смертная казнь казалась имъ недостаточнымъ наказаніемъ, и они придумывали разныя утонченныя пытки, при чемъ обыкновенно вымещали свой гнѣвъ на всей семьѣ, на родственникахъ и друзьяхъ виновнаго. Ограбленные чиновниками, выведенные изъ терпѣнія презрительнымъ отношеніемъ „правовѣрныхъ", опасаясь для себя и для своихъ близкихъ мести какого-нибудь вліятельнаго лица, мирные жители селъ и городковъ иногда бросали свои дома и поля и уходили въ горы, гдѣ становились разбойниками, клефтами. На такой шагъ рѣшались обыкновенно люди наиболѣе смѣлые и свободолюбивые, а такъ какъ набѣги ихъ направлялись преимущественно противъ турокъ, то греческое населеніе относилось къ нимъ съ уваженіемъ. Уже одно то, что они носили оружіе, на что греки вообще не имѣли права, выгодно отличало ихъ отъ остальныхъ согражданъ и внушало къ нимъ невольное почтеніе. Сынъ клефта по большей части продолжалъ занятіе отца и гордился своимъ происхожденіемъ. Простая жизнь среди дикой природы, постоянная борьба со всевозможными опасностями, привычка переносить всякія лишенія и во всемъ полагаться на собственныя силы—все это развивало въ клефтахъ энергію, ловкость, сметливость, гордый духъ независимости. Скрываясь въ недосягаемыхъ горныхъ ущельяхъ, пробираясь по дорожкамъ и тропинкамъ, имъ однимъ извѣстнымъ, они умѣли спасаться отъ преслѣдованья турецкихъ солдатъ, а греческіе арматологи часто сквозь пальцы смотрѣли на ихъ подвиги.

ГЛАВА I.

Вліяніе Россіи на судьбу Балканскаго полуострова.—Греческая торговля и греческіе моряки.—Поэтъ Ригасъ.—Гетеріи и графъ Каподистрія.—Александръ Ипсиланти.—Возстаніе въ княжествахъ.

Стремленіе освободиться изъ-подъ турецкаго ига никогда не покидало христіанскихъ подданныхъ султана. Въ XV и XVI вѣкахъ они зорко слѣдили за всѣми европейскими событіями, надѣясь найти себѣ на западѣ сильныхъ союзниковъ и помощниковъ; съ XVIII вѣка взоры ихъ стали обращаться исключительно на Россію отъ нея одной ждали они себѣ спасенія.

И дѣйствительно, русскіе государи, начиная съ Петра Великаго, всегда готовы были принять на себя защиту своихъ угнетенныхъ

единовѣрцевъ на Балканскомъ полуостровѣ. Благодаря прямой или косвенной помощи Россіи, удалось освободиться Черногоріи и Сербіи. Дунайскія княжества Молдавія и Валахія находились прямо подъ покровительствомъ Россіи. Во время первой турецкой войны императрицы Екатерины II, когда русскій флотъ появился въ Средиземномъ морѣ, на югѣ Греціи вспыхнуло возстаніе, и корабли греческихъ острововъ дѣйствовали сообща съ русскими. Это возстаніе было, правда, легко подавлено турками, которые по удаленіи русскихъ жестоко отомстили возставшимъ, но мысль о возможности освобожденія запала въ умы и тлѣла подобно искрѣ, готовой вспыхнуть при первомъ удобномъ случаѣ.

Заключая съ Турціей миръ послѣ первой и послѣ второй турецкой войны (1774 и 1792 гг.), Россія не выговорила никакихъ особыхъ правъ для своихъ союзниковъ грековъ,—она только обязывала Турцію „оказывать покровительство христіанской религіи“, но тѣ преимущества, какія она получила для своей морской торговли, оказали большое вліяніе на судьбы Греціи. Русскимъ торговымъ судамъ былъ предоставленъ свободный входъ въ Дарданеллы, а такъ какъ въ то время Россія не располагала торговымъ флотомъ, то подъ русскимъ флагомъ стали вести торговлю на Черномъ морѣ греки. Эта торговля быстро развилась на островахъ Архипелага, и вскорѣ греческіе купцы вытѣснили другихъ европейцевъ изъ большинства торговыхъ мѣстъ Средиземнаго моря.

Для того, чтобы защищать торговыя суда отъ разбойниковъ, нерѣдко разъѣзжавшихъ по Средиземному морю, острова снаряжали вооруженныя суда, которыя мало-по-малу составили цѣлый флотъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ неустрашимыми жителями горъ, клефтами, возникло столь же неустрашимое сословіе моряковъ, которые во время самыхъ страшныхъ бурь переплывали въ маленькихъ суденышкахъ Мраморное море и въ то же время умѣли управлять большими кораблями, а въ стычкахъ съ сѣверо-африканскими пиратами научились военному дѣлу и полюбили его.

Турки не обращали вниманія на эту вновь создававшуюся силу, очевидно, не предвидя ея значенія; нѣкоторые паши, которымъ купцы давали большія взятки, даже покровительствовали ей ради собственныхъ выгодъ. Купцы же могли не скупиться на взятки. Богатство ихъ быстро росло, на скалистыхъ берегахъ Идры и Спеціи выросли красивыя, изящныя виллы, благосостояніе жителей Хіоса удивляло всѣхъ путешественниковъ.

Вмѣстѣ съ богатствомъ стало развиваться среди грековъ и образованіе. Богатые торговцы охотно жертвовали большія деньги на устройство въ Греціи школъ и библіотекъ, посылали своихъ сыновей учиться за границу. Въ университетахъ Парижа, Вѣны, Лейпцига появились молодые греки, которые тамъ болѣе основательно, чѣмъ у себя дома

изучали исторію своей несчастной родины и научились краснѣть за ея современное униженіе.

Около 1790 года въ Вѣну пріѣхалъ греческій поэтъ Ригасъ. Своими стихотвореніями, своими пламенными рѣчами онъ воодушевилъ всѣхъ жившихъ тамъ грековъ на дѣло освобожденія. По его мысли, слѣдовало прежде всего призвать на служеніе родинѣ клефтовъ.

— Долго ли, паликары (молодцы), обращается онъ къ нимъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, — будете вы жить одиноко, какъ львы, въ ущельяхъ, въ горныхъ, скалистыхъ мѣстахъ? Долго ли будете вы жить въ пещерахъ, въ темномъ лѣсу страшнаго, горькаго рабства, долго ли будете бѣжать свѣта? Долго ли будете покидать братьевъ и родителей, друзей, дѣтей и свой родной домъ? Не лучше ли одинъ часъ свободнаго существованія, чѣмъ долгіе годы рабства и неволи?

Ригасъ надѣялся для осуществленія своего плана получить помощь отъ Наполеона I и, составивъ подробный планъ войны съ турками, поѣхалъ къ нему въ Италію. Но по дорогѣ австрійское правительство арестовало его съ пятью его товарищами и со всѣми его бумагами и выдало бѣлградскому пашѣ. Паша быстро раздѣлался съ „измѣнниками“: онъ велѣлъ всѣхъ ихъ утопить въ Дунаѣ. Ригасъ пытавшійся защищаться, былъ застрѣленъ и умеръ со словами:

„Я посѣялъ сѣмя, а мой народъ пожнетъ сладкіе плоды!“

И дѣйствительно, посѣянное имъ сѣмя не заглохло. Его пѣсни и стихотворенія пѣлись и читались во всѣхъ закоулкахъ Греціи и всюду возбуждали одни и тѣ же чувства; въ разныхъ городахъ стали устраиваться общества, которыя, повидимому, имѣли цѣлью развитіе греческой литературы и изученіе греческихъ древностей, на самомъ же дѣлѣ стремились къ освобожденію Греціи отъ ненавистнаго ига.

Въ концѣ 1814 года такое общество (гетерія) возникло среди грековъ, жившихъ въ Одессѣ. Это общество быстро распространялось, и скоро отдѣленія его появились въ разныхъ греческихъ городахъ. Въ это время однимъ изъ министровъ императора Александра I былъ грекъ, графъ Каподистрія. Члены гетеріи нѣсколько разъ обращались къ нему, уговаривая его стать во главѣ ихъ общества и склонить императора оказать поддержку Греціи. Каподистрія былъ въ душѣ горячій патріотъ, но онъ сомнѣвался въ успѣхѣ возстанія именно въ это время и потому отказывался отъ дѣятельной роли въ немъ. Съ императоромъ онъ часто говорилъ о своей родинѣ, и Александръ всегда съ большимъ сочувствіемъ относился къ ея печальной судьбѣ; но Россія еще не успѣла оправиться послѣ нашествія французовъ, Европа, потрясенная наполеоновскими войнами, жаждала мира,—и Каподистрія зналъ, что императоръ не рѣшится нарушить этотъ миръ, не рѣшится навлечь на свою страну бѣдствія новой войны. Между

тѣмъ случилось одно обстоятельство, которое могло благопріятствовать греческому возстанію. Въ началѣ XIX вѣка Турецкая имперія обнаруживала признаки слабости и упадка. Намѣстники отдѣльныхъ частей ея только по имени признавали власть султана, на самомъ же дѣлѣ дѣйствовали какъ независимые государи. Такимъ независимымъ государемъ былъ Мехмедъ-Али, намѣстникъ Египта; къ такой же самостоятельности стремился Али-паша, намѣстникъ Эпира и Македоніи. Его притязанія были особенно опасны для Порты, такъ какъ онъ управлялъ воинственнымъ племенемъ албанцевъ, изъ котораго въ послѣднее время составлялись лучшія войска имперіи. Султанъ долго не рѣшался обуздывать своего могущественнаго вассала, но, наконецъ, терпѣніе его лопнуло, и онъ присудилъ Али-пашу къ изгнанію. Чтобы привести этотъ приговоръ въ исполненіе, ему пришлось двинуть противъ Али большое войско. Тогда Али заперся въ своей сильно укрѣпленной крѣпости Янинѣ и началъ оттуда переговоры съ греками, убѣждая ихъ поднять знамя возстанія. Онъ склонилъ на свою сторону небольшое греческое племя, храбрыхъ горцевъ суліотовъ, да и многіе члены гетеріи находили, что будетъ выгодно возстать противъ Порты именно въ то время, когда ея войска заняты усмиреніемъ Али и его албанцевъ.

Послѣ отказа Каподистріи стать открыто во главѣ гетеріи, члены ея обратились къ другому греку, жившему также въ Петербургѣ, къ адъютанту государя, Александру Ипсиланти, сыну Константина Ипсиланти, извѣстнаго греческаго патріота, всю жизнь мечтавшаго добиться тѣмъ или инымъ путемъ освобожденія родины. Пылкій, увлекающійся молодой человѣкъ не раздѣлялъ боязливой осторожности Каподистріи. Онъ принялъ предложенія гетеристовъ съ полною готовностью и потребовалъ, чтобы ему дали роль главнаго руководителя дѣла. Противъ этого никто ничего не имѣлъ. Греки были убѣждены, что флигель-адъютантъ императора заручился его согласіемъ, что онъ является лишь представителемъ „правленія", которое будетъ существовать въ Петербургѣ и во главѣ котораго станетъ самъ государь, скрывающій пока свои намѣренія, чтобы не встревожить преждевременно Турцію. Ипсиланти не разочаровывалъ своихъ соотечественниковъ и самъ вѣрилъ, что, какъ только вспыхнетъ возстаніе, русскій царь окажетъ ему дѣятельную поддержку. Онъ писалъ изъ Петербурга письма въ разные города Греціи, доказывалъ, что именно настоящая минута особенно благопріятна для возстанія, и возбуждалъ „потомковъ Аристида, Ѳемистокла и Ликурга" подражать примѣру славныхъ предковъ. Его письма возбуждали величайшее одушевленіе среди людей, жаждавшихъ свободы, готовыхъ ухватиться за всякую тѣнь надежды. Списки членовъ гетеріи стали быстро наполняться, въ нихъ попадались имена высшихъ духовныхъ лицъ и разныхъ аристократовъ. Первое письмо Ипсиланти, пришедшее въ Константинополь

въ 1819 году, было принято тамъ съ восторгомъ, въ безчисленныхъ спискахъ переходило изъ дома въ домъ, съ корабля на корабль, и всякій клочокъ его хранился, какъ святыня.

Побуждаемый своими сторонниками и самъ рвавшійся къ дѣятельности, Ипсиланти осенью 1819 года поѣхалъ на югъ Россіи, въ Кишиневъ и Измаилъ, и созвалъ туда разныхъ вліятельныхъ гетеристовъ, чтобы обсудить съ ними вмѣстѣ, съ какого мѣста начинать возстаніе. Мнѣнія по этому поводу раздѣлились: одни совѣтовали начинать съ юга, гдѣ огонь патріотизма горѣлъ особенно сильно, гдѣ можно было разсчитывать на поддержку флота и гдѣ турецкое населеніе было малочисленнѣе. Другіе утверждали, что Пелопоннесъ не готовъ къ войнѣ, и совѣтовали начать дѣйствія изъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, населеніе которыхъ было сильно недовольно своими господарями и ждало только перваго толчка для поголовнаго возстанія. Возлагались надежды на помощь Сербіи и особенно Россіи, которая, въ силу договоровъ, могла не согласиться на вступленіе турецкихъ войскъ въ княжества. Ипсиланти, неопытный въ дѣлахъ, совершенно незнакомый съ условіями той страны, которую мечталъ освободить, растерялся и не зналъ, на что рѣшиться. Его засыпали со всѣхъ сторонъ массою проектовъ и предложеній. Толпа молодыхъ фантазеровъ, окружившихъ его, составляла самые несбыточные планы и въ то же время прославляла его, какъ освободителя родины, какъ возстановителя Византійской имперіи. Болѣе пожилые гетеристы въ своихъ письмахъ и цвѣтистыхъ рѣчахъ тоже сравнивали его съ разными героями древняго и новаго міра, тоже называли его божьимъ посломъ, предназначеннымъ спасти отчизну. Мудрено ли, что голова молодого энтузіаста закружилась, и онъ искренно повѣрилъ въ свое собственное величіе!

Наконецъ рѣшено было начать дѣйствія въ княжествахъ, а въ Пелопоннесъ и Лаконію отправлены были агенты и воззванія къ жителямъ, чтобы они немедля готовились къ войнѣ и вооружали флотъ.

Въ мартѣ 1820 года Ипсиланти съ большой свитой и небольшимъ войскомъ перешелъ изъ Бессарабіи черезъ Прутъ и, не встрѣчая сопротивленія, занялъ главный городъ Молдавіи, Яссы, а его единомышленникъ Ѳедоръ Владимірскій овладѣлъ главнымъ городомъ Валахіи, Бухарестомъ. Въ обоихъ этихъ городахъ появленіе гетеристовъ вызывало болѣе смятенія, чѣмъ одушевленія. Жители княжествъ были, правда, недовольны своимъ положеніемъ, но для улучшенія его они готовы были скорѣй обратиться къ помощи Порты, чѣмъ къ оружію: къ грекамъ они не чувствовали ни малѣйшей симпатіи и вовсе не желали проливать свою кровь ради ихъ освобожденія. Ипсиланти былъ разочарованъ. Настоящее дѣло было совсѣмъ не такимъ, какое рисовала его пылкая фантазія: онъ мечталъ, что, какъ только онъ появится на Балканскомъ полуостровѣ, подъ знамена его тотчасъ соберутся тысячи, десятки тысячъ воиновъ, восторженныя толпы провозгласятъ его вождемъ

народа, императоромъ. Вмѣсто этого онъ встрѣчалъ недовѣріе, боязливую осторожность, ему приходилось считаться съ мѣстными условіями, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія. Все это совершенно сбивало его съ толку. Онъ то успокоивалъ молдаванъ и валаховъ тѣмъ, что не останется въ ихъ странѣ, что онъ отправляется въ Грецію, и уговаривалъ ихъ не покидать своихъ мирныхъ занятій, то, напротивъ, увѣрялъ ихъ, что противъ турокъ готова большая сила, и приглашалъ ихъ стать подъ знамя креста противъ невѣрныхъ. Въ Яссахъ онъ держалъ себя точно былъ уже настоящимъ греческимъ королемъ, принималъ бояръ съ холодною важностью и установилъ правила строгаго этикета для своихъ приближенныхъ. Въ начальники войска онъ назначалъ своихъ братьевъ и лицъ своей свиты и не старался приблизить къ себѣ вліятельныхъ грековъ. Относительно турокъ онъ допускалъ непростительныя звѣрства: въ Галацѣ начальникъ одного изъ его отрядовъ приказалъ изрубить турецкую стражу, охранявшую безопасность турецкихъ купцовъ, убилъ имама и осквернилъ мечети; въ Яссахъ турецкая стража и турецкіе купцы были посажены въ тюрьму и затѣмъ перебиты. Рядомъ съ жестокостью шли и несправедливые поборы, которые такъ запугали богатыхъ бояръ, что они цѣлыми десятками бѣжали изъ страны. Въ то же время отряды формировались очень медленно, и въ нихъ вступали по большей части люди не ради высокой цѣли, а ради личныхъ выгодъ. Исключеніе составлялъ одинъ только такъ называемый „священный отрядъ", въ который записывались образованные молодые люди, горячіе патріоты, готовые пожертвовать жизнью за свободу родины.

Цѣлый годъ пробылъ Ипсиланти въ Яссахъ и Бухарестѣ, не предпринимая ничего рѣшительнаго. Все, на что онъ надѣялся, измѣнило ему: молдаво-валахи холодно отнеслись къ его краснорѣчивымъ воззваніямъ, гетеристы Константинополя не только не исполнили его приказанія овладѣть турецкимъ флотомъ и арсеналомъ, а напротивъ, думали только о спасеніи собственныхъ головъ, такъ какъ турецкое правительство узнало о существованіи гетеріи; сербскій князь ничѣмъ не выражалъ ему своего сочувствія. Наконецъ онъ рѣшилъ обратиться съ письмомъ къ императору Александру, на поддержку котораго не переставалъ разсчитывать.

„Благородныя побужденія народовъ, писалъ онъ, происходятъ отъ Бога, и подъ вліяніемъ этого божественнаго вдохновенія греки поднимаются, чтобы стряхнуть съ себя 400-лѣтнее иго. Мой долгъ къ отечеству и послѣднія воля отца повелѣваютъ мнѣ посвятить себя этому святому дѣлу. Болѣе 200 адресовъ, подписанныхъ именами сотней тысячъ лучшихъ людей Греціи, призвали меня стать во главѣ возстанія".

Въ заключеніе онъ заклиналъ государя помочь освобожденію Греціи.

Письмо это пришло къ императору Александру въ самую неблагопріятную минуту. Онъ былъ въ это время въ Австріи и совѣщался съ нѣмецкими государями, какія мѣры принять противъ народныхъ волненій, вспыхнувшихъ въ Испаніи и Италіи. Возстаніе Греціи было новой угрозой европейскому миру, его слѣдовало подавить въ зародышѣ. Поэтому Александръ I заявилъ Ипсиланти, что не намѣренъ принимать никакого участія въ его предпріятіи и совѣтуетъ ему немедленно распустить тѣхъ несчастныхъ, которыхъ онъ ввелъ въ заблужденіе, и прекратить всякія враждебныя дѣйствія противъ Турціи. Положеніе Ипсиланти было отчаянное: послѣ всѣхъ обѣщаній, какія онъ давалъ, послѣ всѣхъ громкихъ фразъ, какія онъ говорилъ, сразу отказаться отъ задуманнаго дѣла, положить оружіе, ни разу не поднявъ его противъ врага, было немыслимо: съ другой стороны, съ тѣми небольшими силами, какія были въ его распоряженіи, съ той неурядицей, какая господствовала и среди его отрядовъ и среди начальниковъ этихъ отрядовъ, предпринять что-нибудь смѣлое и рѣшительное было невозможно. Онъ двинулся съ своими войсками ближе къ австрійской границѣ, чтобы обезопасить себѣ отступленіе, укрѣпился въ Терговищѣ и принялъ выжидательное положеніе.

Между тѣмъ турецкія силы уже двинулись противъ князей изъ Константинополя и изъ дунайскихъ крѣпостей. Одинъ отрядъ занялъ безъ сопротивленія Бухарестъ, другой взялъ обратно Галацъ, который героически защищала небольшая кучка гетеристовъ, и направился противъ Ипсиланти. Среди арміи Ипсиланти, не превышавшей 5000 человѣкъ, господствовали страшные раздоры, зависть, интриги; начальники отдѣльныхъ частей взаимно обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, начиналось дезертирство, бѣгство въ Австрію. Тѣмъ не менѣе Ипсиланти занялъ крѣпкую позицію у села Драгачанъ и рѣшилъ отбить нападеніе турокъ. Первое столкновеніе съ авангардомъ турецкой конницы кончилось побѣдой грековъ, но, когда за авангардомъ явились главныя силы непріятеля, греки смутились и бѣжали. Потери ихъ были въ сущности не велики, но на нихъ напалъ какой-то паническій страхъ, и они отступили въ страшномъ безпорядкѣ. Одинъ только священный отрядъ мужественно защищалъ свою позицію, и поле битвы покрылось трупами изрубленныхъ храбрецовъ. Въ своемъ дикомъ бѣгствѣ войско увлекло за собой Ипсиланти въ Рымникъ, откуда онъ переѣхалъ въ одинъ монастырь, среди Карпатскихъ горъ. Въ отчаяніи, потерявъ вѣру въ людей и въ свое дѣло, онъ бросилъ все и перебрался черезъ австрійскую границу. Австрійское правительство, на основаніи договоровъ, имѣло право принимать бѣглецовъ изъ Турціи только подъ условіемъ дѣлать ихъ безвредными: поэтому оно засадило Ипсиланти въ тюрьму, гдѣ онъ провелъ больше шести лѣтъ и откуда вышелъ съ окончательно разстроеннымъ здоровьемъ.

Отдѣльные отряды разсѣянной греческой арміи держались еще

нѣсколько времени въ горахъ и монастыряхъ, наскоро превращенныхъ въ крѣпости, и героически защищались противъ гораздо болѣе многочисленнаго непріятеля. Почти всѣ они или пали въ отчаянномъ бою или, принужденные сдаться, были вѣроломно перебиты турками.

Въ княжествахъ турки положительно неистовствовали. Смерть и опустошеніе сопровождали каждое движеніе ихъ отрядовъ. Села и города пылали, людей сотнями и тысячами грабили и убивали, не разбирая правыхъ и виноватыхъ.

ГЛАВА II.

Пламя разгорается. -Колокотрони. Партія горожанъ въ Патрѣ. Петробей. Первые успѣхи и первыя неудачи. Битва при Вальтеци. Возстаніе распространяется. -Греческій флотъ.—Константинопольскія неистовства.

Несмотря на неудачу, постигшую смѣлое предпріятіе Ипсиланти, искра, брошенная имъ, не потухла. Особенно сильно разгорѣлась она на югѣ, въ Пелопонесѣ, среди людей, считавшихъ себя потомками древнихъ спартанцевъ. Горы Пелопонеса издавна служили пріютомъ смѣлымъ клефтамъ. Одинъ изъ этихъ клефтовъ, Ѳедоръ Колокотрони, выгнанный турками изъ родного дома, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ такою неустрашимостію и такимъ мастерствомъ велъ мелкую клефтскую войну съ магометанами, что нагналъ положительно ужасъ на турецкое начальство. Послѣднее время онъ ради отдыха жилъ на Іоническихъ островахъ. Туда пришло къ нему письмо Ипсиланти и заставило его встрепенуться.

Когда пришло ко мнѣ воззваніе Ипсиланти, разсказывалъ онъ,— мнѣ казалось, что земля и небо звучатъ его словами: „Труба отечества зоветъ васъ!“ и я начерталъ въ своемъ сердцѣ огненными буквами благословенное имя Александра Ипсиланти!

Онъ немедленно вернулся на родину, въ суровыя ущелья и долины Эврота, и сталъ собирать отряды не для разбойничьихъ нападеній, а для борьбы за святое дѣло освобожденія родины. Въ это же время въ другомъ, сѣверозападномъ углу Пелопонесскаго полуострова, дѣйствовала съ той же цѣлью другая партія, партія горожанъ, сторонниковъ порядка и благоустройства. Главнымъ центромъ ея былъ богатый городъ Патра, стоявшій среди цвѣтущей равнины, а во главѣ ея стояли три человѣка, связанныхъ тѣсною дружбою: Андрей Займисъ, Андрей Лонтосъ и архіепископъ Германъ. Признаки броженія среди населенія, а главное, возвращеніе Колокотрони встревожили турецкія власти, и онѣ приказали бею Майны выгнать этого опаснаго человѣка. Бей Петръ Мавромихали, или Петробей,

самъ гетеристъ и горячій патріотъ, всей душою преданный дѣлу освобожденія, конечно, оставилъ это приказаніе безъ вниманія. Между тѣмъ тайная дѣятельность партіи все разрасталась, а нѣсколько дерзкихъ нападеній клефтовъ на турецкихъ чиновниковъ окончательно перепугали турокъ.

Калавритскій воевода окопался и приготовился къ защитѣ, какъ будто возстаніе уже вспыхнуло. Христіане, встревоженные, въ свою очередь, этими враждебными приготовленіями, собрались вооруженной толпой, заперли воеводу въ его башнѣ и принудили его къ сдачѣ. Извѣстіе объ этомъ, преувеличенное молвой, взволновало все окрестное населеніе. Въ Патрѣ вспыхнуло возстаніе, сосѣдніе жители вошли въ городъ съ оружіемъ въ рукахъ и загнали турокъ въ крѣпость. Узнавъ объ этомъ, архіепископъ Германъ и его друзья Лонтосъ и Займисъ двинулись съ своими вооруженными людьми, заняли округъ Св. Георгія, водрузили передъ церковью крестъ, и поклялись передъ нимъ отдать жизнь на борьбу за вѣру и отечество. Они разослали воззванія къ иностраннымъ консуламъ и къ народу, въ которыхъ прямо провозгласили этотъ день, 14 апрѣля 1821 г., началомъ возстанія Греціи.

На слѣдующій день майноты съ Петробеемъ и Колокотрони во главѣ двинулись къ Каламатѣ, столицѣ Мессеніи, гдѣ испуганные турки сдались имъ съ оружіемъ въ рукахъ и со всѣмъ своимъ имуществомъ. Петробей образовалъ для общаго управленія дѣлами „мессенскій совѣтъ“ и отъ его имени объявилъ Европѣ причины возстанія и надежды грековъ на ея помощь. Отсюда же расходились въ разныя стороны капитаны и вербовщики, которые подавали знакъ къ изгнанію турокъ и приглашали всѣхъ вооружаться по какимъ бы то ни было побужденіямъ: если не изъ любви къ родинѣ, то изъ удали, изъ честолюбія, изъ жажды наживы. Впрочемъ, эти приглашенія были почти излишни: по всему греческому міру словно электрическій токъ, пронесся лозунгъ: „Христіане и турки не могутъ больше жить вмѣстѣ“. Пламя вспыхнуло въ отдаленныхъ другъ отъ друга точкахъ и охватило массы. Въ самое короткое время почти всѣ турки изъ внутренней страны принуждены были бѣжать въ укрѣпленный городъ Триполицу или въ прибрежныя укрѣпленія.

Такой быстрый успѣхъ возстанія не могъ быть прочнымъ. Опомнившись отъ перваго страха, турки перешли въ наступленіе, и греки, неопытные въ военномъ дѣлѣ, дѣйствовавшіе мелкими отрядами безъ общаго руководительства, потерпѣли нѣсколько чувствительныхъ пораженій. Въ Патрѣ, крѣпость, въ которой заперся воевода, осажденный греками подъ предводительствомъ архіепископа Германа, терпѣла недостатокъ въ водѣ и готова была сдаться, но на помощь ей явился съ войскомъ паша Юсуфъ, который безъ труда прошелъ сквозь нестройныя толпы осаждающихъ. Ободренные турки сдѣлали вылазку,

заняли городъ, обратили въ бѣгство грековъ. Вступивъ въ Патру побѣдителемъ, Юсуфъ совершалъ тамъ страшныя варварства: требовалъ отъ жителей отступничества отъ вѣры, казнилъ безъ суда кого попало, продавалъ въ рабство женщинъ и дѣтей. Колокотрони былъ тоже разбитъ турками и принужденъ бѣжать въ горы. Нѣсколько другихъ отрядовъ были равнымъ образомъ разсѣяны. Эти несчастія не сломили мужества патріотовъ. Колокотрони и другіе предводители стали быстро набирать новые отряды, и не прошло мѣсяца, какъ эти отряды стянулись къ Триполицѣ, заграждая горные проходы на сѣверѣ, западѣ и югѣ отъ этого города. Если бы имъ удалось заградить съ востока проходы Аргонидскихъ горъ, они отрѣзали бы Триполицу отъ всѣхъ путей сообщенія. Но именно съ этой-то стороны имъ и грозила опасность. Мустафа-бей съ большимъ отрядомъ двинулся вдоль Коринѳскаго залива, освободилъ отъ осады Акрокоринѳъ и Навплію, соединился съ вышедшимъ къ нему навстрѣчу войскомъ изъ Триполицы и послалъ 3500 человѣкъ къ Вальтеци, гдѣ стоялъ одинъ изъ греческихъ отрядовъ. Турки были увѣрены, что безъ труда обратятъ его въ бѣгство, но ошиблись въ расчетѣ. Отрядъ мужественно выдержалъ нѣсколько нападеній; на помощь ему явился Колокотрони, который зашелъ въ тылъ нападающимъ. Тогда Мустафа самъ двинулся съ 1500 всадниками и двумя пушками, затѣмъ вызвалъ всѣ свои резервы, но все напрасно: греки не отступили ни на шагъ. Упорная битва продолжалась цѣлый день. Ночью еще одинъ отрядъ подоспѣлъ на помощь грекамъ, и они окружили со всѣхъ сторонъ Мустафу, такъ что, когда онъ поутру далъ приказъ къ отступленію, ему пришлось оружіемъ прокладывать себѣ путь. Чтобы нѣсколько поправить дѣла, Мустафа отрядилъ 4000 человѣкъ къ другой греческой позиціи, въ Вервены. По дорогѣ туда отрядъ наткнулся на племянника Колокотрони, Никиту, который съ 120 человѣками засѣлъ въ трехъ домахъ и въ теченіе 11 часовъ задерживалъ турокъ. Между тѣмъ вервеницы успѣли занять крѣпкую позицію и побѣдоносно отбили непріятеля. Все войско Мустафы быстро отступило, почти бѣжало.

Побѣда при Вальтеци сильно подняла духъ возставшихъ. Они увидѣли, что могутъ справиться съ довольно значительными непріятельскими силами, что даже турецкая конница, которой они до сихъ поръ побаивались, не особенно страшна, что хотя турки превосходятъ ихъ численностью и хорошимъ вооруженіемъ, но они могутъ стойкостью и отвагой взять надъ ними верхъ.

Возстаніе пріобрѣло особенную силу, когда къ нему примкнули богатые острова Архипелага, Идра, Спеція и Псара, владѣвшія большимъ торговымъ флотомъ. Спеція первая подняла на своихъ кораблях новое знамя свободы. За ней послѣдовали псаріоты, которые послали семь кораблей подъ начальствомъ Николая Апостоли въ

Смирну, гдѣ составлялся большой турецкій отрядъ для усмиренія Пелопонеса. Островитяне потопили одинъ турецкій корабль, четыре другихъ взяли въ плѣнъ, и, благодаря имъ, переправа войска въ Пелопонесъ не могла состояться. Часть кораблей Спеціи пошла въ Милосъ, гдѣ захватила турецкій корветъ и бригъ; другая часть блокировала Аргосскій заливъ подъ предводительствомъ богатой гречанки Баболины, которая мстила туркамъ за мужа и сына, убитыхъ ими. Два корабля Спеціи явились передъ Идрой съ флагомъ свободы, и тогда жители Идры украсили свои суда такимъ же флагомъ и посвятили ихъ на служеніе тому же дѣлу. Изъ Идры извѣстія о возстаніи пошли ко всѣмъ Эгейскимъ островамъ и берегамъ: Циклады и многіе изъ Спорадскихъ острововъ примкнули къ движенію. Изъ большихъ острововъ азіатскаго берега Самосъ поднялъ знамя свободы.

Идра, Спеція и Псара владѣли въ это время 176 вооруженными судами; эти суда разсѣялись во всѣ стороны для отдѣльныхъ набѣговъ, но иногда они соединялись вмѣстѣ для большихъ морскихъ экспедицій.

На материкѣ Греціи возстаніе развивалось не такъ быстро, какъ на Пелопонесскомъ полуостровѣ. Но все-таки и тамъ нашлось среди капитановъ не мало ревностныхъ патріотовъ, которые составляли отряды и, гдѣ могли, тревожили турокъ, и тамъ не мало героевъ положили жизнь за свободу родины. Къ половинѣ 1821 года возстаніе уже охватило многія мѣстности Беотіи, Эвбеи, Магнезіи, Македоніи и Аттики; аѳиняне подняли знамя свободы и выгнали изъ города турокъ, которые заперлись въ Аѳинскомъ акрополѣ (крѣпости).

Гетеристы проникли въ монастыри на Аѳонской горѣ и уговорили монаховъ стать на защиту креста противъ невѣрныхъ. Увлеченные монахи разсѣялись по сосѣднимъ горнымъ округамъ и стали проповѣдывать крестовый походъ противъ турокъ. Своими насиліями турецкія власти содѣйствовали успѣху ихъ проповѣдей. Салоникскій бей послалъ войско на святую гору, казнилъ епископа Китра и нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, бросилъ въ тюрьму болѣе 2,000 христіанъ. Тогда всѣ мѣстечки округа взялись за оружіе, и образовались два большихъ отряда, которые довольно успѣшно дѣйствовали противъ турокъ.

Нельзя не удивляться той безпечности, тому ослѣпленію, съ какимъ турецкое правительство дало развиться возстанію. Гетеристы давно дѣйствовали чуть не на глазахъ у него, оно получало съ разныхъ сторонъ предостереженія относительно ихъ замысловъ, но не обращало на нихъ ни малѣйшаго вниманія. При началѣ возстанія оно было вполнѣ увѣрено, что это мѣстныя броженія, которыя и прежде часто волновали турецкую имперію, что для уничтоженія ихъ вполнѣ достаточно нѣсколькихъ полковъ турецкаго войска. Но когда движеніе разрослось, когда вѣсти о немъ стали приходить и съ сѣ-

вера, и съ юга, и съ запада, турецкими властями овладѣла слѣпая, необузданная ярость. Греческому патріарху приказано было безъ объясненія причинъ выслать въ Патру нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, которыя были немедленно заключены въ тюрьму; представители многихъ знатныхъ греческихъ фамилій, жившихъ въ Константинополѣ, были обезглавлены, какъ государственные преступники; министры высказывались за поголовное избіеніе всего греческаго населенія. Въ своемъ приказѣ министру внутреннихъ дѣлъ султанъ заявлялъ, что состояніе безоружнаго покоя, въ которомъ жили въ послѣднее время османы, дало смѣлость мятежникамъ, что всѣ мусульмане должны приготовиться къ военной жизни и соединиться на защиту своей религіи. Этотъ приказъ возбудилъ фанатизмъ уличной толпы Константинополя. Турецкіе солдаты, не сдерживаемые своими офицерами, и необузданная чернь мусульманская, получившая оружіе, грабили и убивали обезоруженную райю. Иностранные посланники дѣлали Портѣ представленія объ этихъ безобразіяхъ; министры отдѣлывались неопредѣленными обѣщаніями, но не принимали никакихъ мѣръ для возстановленія порядка. Мало того, константинопольскій патріархъ Григорій былъ глубокій старикъ. Онъ зналъ о существованіи гетеріи и, хотя явно не выражалъ сочувствія ея планамъ, но оказывалъ покровительство отдѣльнымъ членамъ ея. Когда получилось извѣстіе о возстаніи въ Пелопоннесѣ, турецкія власти рѣшили, что душою его былъ престарѣлый патріархъ (родомъ пелопоннесецъ). И вотъ, 22 апрѣля, въ день св. Пасхи, только что онъ отслужилъ Христову заутреню, въ церковь ворвались солдаты, схватили его, связали ему руки и повѣсили его на воротахъ патріаршей церкви. Самъ султанъ пріѣзжалъ любоваться висящимъ трупомъ. Къ довершенію гнусности, евреямъ позволили снять трупъ, тащить его съ проклятіями по улицамъ и бросить въ море. Три другіе митрополита и восемь высшихъ духовныхъ лицъ въ ту же ночь раздѣлили участь своего несчастнаго архипастыря.

Это ужасное событіе произвело потрясающее впечатлѣніе во всей Греціи. Оно придало борьбѣ характеръ религіозной войны, оно вызвало среди грековъ чувство жестокой мстительности, оно уничтожило всякую мысль о возможности примиренія, оно пробудило во всемъ христіанскомъ мірѣ состраданіе къ несчастному греческому народу.

Россія не могла равнодушно смотрѣть на такое возмутительное отношеніе къ ея единовѣрцамъ, и русскій посланникъ въ Константинополѣ немедленно выразилъ Портѣ неудовольствіе своего правительства. На его упреки Порта давала уклончивые и мало удовлетворительные отвѣты, и сама требовала отъ Россіи выдачи христіанъ, турецкихъ подданныхъ, бѣжавшихъ въ Россію. Въ концѣ концовъ посланникъ объявилъ, что не можетъ продолжать сношеній съ Пор-

тою и выѣхалъ изъ Константинополя, Россія стала готовиться къ войнѣ. Но тутъ вмѣшались другія державы, Австрія и Англія. Онѣ, съ одной стороны, уговаривали Порту быть уступчивѣе относительно Россіи, съ другой, убѣждали императора Александра не возмущать общеевропейскаго мира, защищая мятежниковъ, возстающихъ противъ своего законнаго государя. Императоръ склонился на ихъ убѣжденія и удовлетворился тѣми уступками, какія сдѣлала ему Порта: султанъ согласился вывести свои войска изъ княжествъ Молдавіи и Валахіи и послалъ во всѣ провинціи приказъ, въ которомъ строго требовалъ, чтобы при разборѣ дѣлъ о безпорядкахъ, наказанія падали только на такихъ лицъ, виновность которыхъ будетъ вполнѣ доказана; при этомъ онъ объявлялъ, что всякій оскорбившій его подданнаго, какого бы то ни было вѣроисповѣданія, будетъ отвѣчать за это прегрѣшеніе передъ божественнымъ закономъ.

Такимъ образомъ Греція была предоставлена собственнымъ силамъ и должна была вести свою борьбу, не разсчитывая на внѣшнюю поддержку.

ГЛАВА III.

Варварства турокъ въ Малой Азіи и на островахъ. Первые подвиги греческаго флота. Осада Триполицы. Дмитрій Ипсиланти. Учрежденіе правительства.

Призывъ султана къ истребленію христіанъ нашелъ отголосокъ въ провинціяхъ и возбудилъ фанатизмъ тамошняго населенія.

На берегу Малой Азіи лежалъ греческій городъ Кидонія. Городъ этотъ, окруженный многочисленнымъ турецкимъ населеніемъ, вовсе не желалъ принимать участія въ борьбѣ за независимость. Несмотря на то, близъ него былъ расположенъ отрядъ турецкаго войска въ 4000 человѣкъ, который на каждомъ шагу оскорблялъ христіанъ. Когда передъ городомъ появился греческій флотъ, богатые горожане рѣшили бѣжать и наняли плоты, которые должны были подвезти ихъ къ судамъ. Турки воспротивились этому, напали на жителей и на экипажъ плотовъ, и въ нѣсколько часовъ превратили цвѣтущій городъ въ груду пепла. Части населенія удалось спастись на корабли, но все имущество горожанъ погибло.

Въ тотъ же день такая же судьба постигла Смирну. Тамъ тоже вооруженная мусульманская чернь безнаказанно грабила и оскорбляла христіанъ. Русскій и французскій консулы съ трудомъ могли защищать своихъ единовѣрцевъ. Толпы мусульманъ врывались въ дома христіанъ, убивали и мучили всякаго, кто попадался имъ. Если бы вооруженнымъ иностранцамъ не удалось остановить эти неистовства, всѣ христіане города были бы поголовно перебиты.

Подобную же участь испытали большіе острова Кипръ и Кандія. Вдали отъ театра возстанія, почти вовсе не зная о гетеріи, христіане обоихъ острововъ желали одного: чтобы ихъ не трогали ни единовѣрцы, ни турки. Но покорность не спасла ихъ отъ бѣды. Какъ только вспыхнуло возстаніе, Порта послала нѣсколько отрядовъ войска на Кипръ и дала губернатору острова право поступать съ вліятельными христіанами, какъ онъ найдетъ нужнымъ. Турецкіе чиновники тотчасъ составили списокъ подозрительныхъ лицъ, въ который попали: архіепископъ, три епископа и всѣ знатные и богатые люди, имуществомъ которыхъ они хотѣли завладѣть. Губернаторъ послалъ приглашеніе всѣмъ зажиточнымъ грекамъ явиться къ нему, въ столицу острова Левкосію. Многіе явились, не чуя бѣды, другіе, не довѣряя туркамъ, бѣжали. Тогда губернаторъ сталъ дѣйствовать открыто. Архіепископъ погибъ на висѣлицѣ, три епископа были обезглавлены. 200 значительнѣйшихъ гражданъ преданы смерти или отданы въ рабство. 30 дней продолжалось избіеніе несчастныхъ жертвъ.

Изъ всѣхъ турецкихъ провинцій, нигдѣ христіане не подвергались такимъ постояннымъ преслѣдованіямъ, какъ въ Кандіи. На югѣ-западѣ острова, въ округѣ Сфакіи, воинственные пастухи сохранили свою дикую независимость, но мирные поселяне терпѣли всевозможные притѣсненія и отъ турецкихъ чиновниковъ, и вообще отъ мусульманъ. При извѣстіи о пелопоннесскомъ возстаніи, мусульмане пришли въ ярость. Въ самомъ цвѣтущемъ городѣ острова, Ханіи, паша взялъ подъ стражу епископа и черезъ нѣсколько дней выдалъ его черни, которая повѣсила его и разграбила христіанскую церковь. Ночью толпа разсыпалась по окрестностямъ, убивала, вѣшала людей, предавала огню ихъ дома. Въ продолженіе 14 дней на рынкѣ Ханіи продавали въ рабство захваченныхъ женщинъ и дѣтей. Тѣ, кому удалось спастись, бѣжали въ горы къ воинственнымъ сфакійцамъ. Въ другихъ городахъ острова свершались такія же неистовства. Въ Иракліонѣ яростная толпа ворвалась въ церковь, убила у алтаря архіепископа, пять епископовъ и всѣхъ молившихся, затѣмъ продолжала свои злодѣйства на улицахъ. 700 христіанъ пало подъ ножомъ убійцъ въ одинъ день. Въ другомъ городѣ, Ретимнѣ, паша хитростью заманилъ къ себѣ нѣсколько священниковъ и монаховъ и велѣлъ убить ихъ. Конецъ этимъ безобразіямъ положили сфакійцы. Они спустились съ горъ тремя отрядами и, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ перемѣннымъ счастіемъ, разбили турокъ на голову. Тогда и все до тѣхъ поръ мирное населеніе Кандіи примкнуло къ общему греческому движенію, приняло участіе въ войнѣ противъ невѣрныхъ.

Въ половинѣ мая мѣсяца турецкій флотъ вышелъ изъ Константинополя и направился къ острову Самосу, чтобы усмирить его. Греческіе корабли, крейсировавшіе въ этихъ же водахъ, напустились на большой 74-пушечный фрегатъ, составлявшій авангардъ непріятель-

ского флота, и рѣшили взорвать его. Снарядили брандеръ, старое судно съ ящиками, наполненными смолой и другими горючими веществами. Первая попытка подвезти его къ турецкому фрегату не удалась. На слѣдующій день одинъ изъ двухъ снаряженныхъ брандеровъ сгорѣлъ безполезно, а другой зажегъ переднюю часть фрегата, который взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Это до того напугало турокъ, что они поспѣшили вернуться съ своимъ флотомъ въ Дарданеллы.

Черезъ мѣсяцъ 30 турецкихъ кораблей снова подступили къ Самосу. Хотя на островѣ уже были образованы четыре греческіе полка, но при видѣ непріятельскаго флота самосцы оробѣли, часть ихъ бѣжала въ горы, и другіе спасались на сосѣдніе острова, воины прятались отъ огня флота за ближайшіе дома. Очень небольшая часть собралась вокругъ своего предводителя, энергичнаго, мужественнаго Георга Логоѳети, и не давала туркамъ высадиться на берегъ. Разсвирѣпѣвъ отъ этого сопротивленія, Кара-Али, начальникъ флота, велѣлъ повѣсить на своемъ адмиральскомъ кораблѣ двухъ самосскихъ матросовъ головами внизъ, намазать ихъ дегтемъ и сжечь. Не рѣшаясь съ своими силами высадиться на берегъ, онъ ожидалъ 9 транспортныхъ судовъ, которыя должны были подвезти ему новыя войска съ азіатскаго берега. Но въ узкомъ проливѣ между островомъ и материкомъ эти суда неожиданно натолкнулись на греческій флотъ, который спѣшилъ на помощь Самосу. Перепуганные турки посадили свои суда на мель, а сами вернулись къ прочимъ войскамъ, еще ожидавшимъ на берегу посадки на корабли. Тогда греки зажгли всѣ транспортныя суда въ виду турецкаго войска и турецкаго флота. Ихъ дерзость до того устрашила Кара-Али, что онъ поспѣшилъ удалиться съ своимъ флотомъ, отложивъ усмиреніе Самоса до болѣе благопріятнаго времени.

Между тѣмъ военныя дѣйствія на Пелопоннесѣ не прекращались и сосредоточились преимущественно около Триполицы, главнаго города Морей. Триполица расположена у подошвы горы Меналона, въ юго-западномъ углу большой аркадской возвышенности. Населеніе ея состояло изъ 30.000 человѣкъ, изъ которыхъ 10.000 были вооружены. Четыре отряда грековъ расположились полукругомъ около города. Главнокомандующимъ ихъ считался майнотскій бей Мавромихали, на самомъ же дѣлѣ всѣми военными операціями распоряжался Колокотрони. Для завѣдыванія продовольствіемъ арміи и внутреннимъ управленіемъ мѣстностей, отпавшихъ отъ Турціи, избранъ былъ сенатъ изъ наиболѣе уважаемыхъ гражданъ. Въ половинѣ іюня разнесся слухъ, что Александръ Ипсиланти разбилъ турокъ на голову и подступилъ къ Константинополю, а въ Грецію посылаетъ вмѣсто себя брата своего. Это вызвало общій восторгъ, и когда Дмитрій Ипсиланти, проѣхавшій изъ Кишинева въ Австрію и оттуда на кораблѣ въ Грецію, высадился на берегъ, толпа привѣтствовала его громкими криками, называя своимъ

избавителемъ. Въ лагерѣ подъ Триполицей его также приняли съ ликованіемъ и почетомъ. Ему назначили 200 тѣлохранителей и, отслуживъ благодарственный молебенъ, прочли бумагу, въ которой говорилось, что Александръ Ипсиланти назначаетъ его своимъ замѣстителемъ въ Греціи. Лагерь огласился восторженными криками, среди которыхъ слышались даже голоса: „Да здравствуетъ властитель!“

Въ другихъ частяхъ Греціи вполнѣ готовы были признать его правителемъ, главою народа. Воззванія и приказы, которые онъ разсылалъ во всѣ стороны, читались съ восторгомъ. Аѳиняне, еще осаждавшіе Акрополь, просили у него намѣстника; восточная Эллада прислала депутацію просить у него войска, денегъ на военные расходы и предводителя; Кандія тоже просила себѣ полководца. Маленькіе турецкіе города, осажденные греками, соглашались сдаться только съ тѣмъ, чтобы Ипсиланти прислалъ вѣрнаго человѣка заключить съ ними условія.

Захватить власть, сдѣлаться диктаторомъ Греціи было при данныхъ обстоятельствахъ не трудно, и Дмитрій Ипсиланти страстно желалъ этого, но у него не хватало нужныхъ способностей. Онъ былъ человѣкъ честный, справедливый, образованный, пламенный патріотъ, беззавѣтно преданный дѣлу родины. Но, во-1-хъ, наружность его производила невыгодное впечатлѣніе: небольшой ростомъ, плѣшивый, съ гнусавымъ говоромъ, съ неловкими манерами, онъ въ 25 лѣтъ имѣлъ видъ 40-лѣтняго. Во-2-хъ, онъ, какъ и братъ его, совершенно не зналъ мѣстныхъ греческихъ условій, не зналъ, чѣмъ могъ заслужить расположеніе своихъ соотечественниковъ. Отличаясь личною храбростью, онъ былъ новичокъ въ военномъ дѣлѣ и не могъ играть роль предводителя арміи рядомъ съ Колокотрони и другими опытными капитанами клефтовъ. Съ нимъ пріѣхала свита изъ 50 грековъ, получившихъ образованіе въ Европѣ, и эти греки ясно выражали желаніе заправлять всѣми дѣлами возстанія по собственному усмотрѣнію. Такія притязанія, естественно, возмущали людей, которые съ самаго начала несли на своихъ плечахъ все бремя войны. Архіепископъ Германъ, Петробей и другія вліятельныя лица стали съ недовѣріемъ относиться къ Дмитрію и къ его приближеннымъ.

Между тѣмъ осада Триполицы подвигалась, и скоро можно было надѣяться, что городъ сдастся. Осажденные терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и принуждены были дѣлать вылазки, чтобы добывать себѣ пищу. При одной изъ такихъ вылазокъ греки обратили въ бѣгство турецкій отрядъ въ 5000 человѣкъ, и послѣ этого турки уже не рѣшались выходить за свои стѣны. Въ сущности городъ былъ очень слабо укрѣпленъ, имѣлъ всего одинъ фортъ и былъ обнесенъ нетолстой стѣной. Но у грековъ совсѣмъ не было артиллеріи, поэтому они не могли разрушить даже такихъ слабыхъ укрѣпленій. Въ сентябрѣ разнесся слухъ, что на выручку Триполицы идутъ двѣ экспедиціи, одна

моремъ, другая сухимъ путемъ. Дѣйствительно, турецкій флотъ появился на южномъ берегу Пелопоннеса. Онъ снабдилъ провіантомъ осажденные съ суши города Модонъ и Коронъ, вошелъ въ Коринѳскій заливъ, превратилъ въ пепелъ прибрежный городокъ Галаксиди, и двинулся къ Триполицѣ. Но въ это время пришло извѣстіе, что греческіе капитаны восточной Эллады разбили на голову 7000 турецкій отрядъ, спѣшившій на выручку осажденнаго города съ суши, и Кара-Али счелъ за лучшее отплыть обратно съ своимъ флотомъ.

Потерявъ надежду на помощь извнѣ, изнемогая отъ голода и лишеній, осажденные рѣшили, наконецъ, начать переговоры о сдачѣ. Пока тянулись эти переговоры, турецкая стража, по безпечности, пустила нѣсколькихъ грековъ взобраться на стѣну города: ихъ примѣру послѣдовалъ цѣлый отрядъ: на стѣнѣ взвилось греческое знамя: весь греческій лагерь бросился на штурмъ, и вскорѣ необузданныя толпы ворвались въ городъ.

На полѣ битвы клефты дрались какъ герои, самоотверженно жертвуя для освобожденія родины и всѣмъ достояніемъ и жизнью, но когда дѣло шло о добычѣ, въ нихъ просыпались инстинкты разбойниковъ, дѣтей и внуковъ разбойниковъ.

Къ этому присоединилось еще чувство мести за все, что имъ самимъ и ихъ соотечественникамъ пришлось перенести отъ турокъ. У нихъ не явилось ни искры состраданія къ несчастнымъ побѣжденнымъ. Они неистовствовали въ Триполицѣ совершенно такъ же, какъ турки въ христіанскихъ городахъ. Съ богатыхъ турокъ и евреевъ брали громадный выкупъ, остальныхъ немилосердно избивали. Убитыхъ насчитывалось больше 10.000. Петробей послалъ домой 2 верблюда и 20 лошаковъ, навьюченныхъ добычей. Майноты нагрузили добычей своихъ женъ, пришедшихъ къ нимъ съ горъ.

Паденіе Триполицы произвело громадное впечатлѣніе на турокъ. Теперь почти весь внутренній Пелопоннесъ былъ въ рукахъ грековъ, и они легко могли бы изгнать турокъ изъ тѣхъ немногихъ городовъ, въ которыхъ тѣ еще держались. Къ сожалѣнію, побѣда сдѣлала ихъ слишкомъ самоувѣренными: имъ казалось, что не стоитъ прилагать особенныхъ усилій для завоеванія городовъ, которые и безъ того скоро падутъ. Вслѣдствіе этого, они вели осаду вяло, кое-какъ, и одинъ только Акрокоринѳъ сдался Ипсиланти.

Главное вниманіе руководителей возстанія было занято устройствомъ законнаго правительства, которое возстановило бы порядокъ въ освобожденныхъ округахъ и сосредоточило въ своихъ рукахъ общее руководство военными дѣйствіями.

Когда срокъ, на который избранъ былъ Пелопоннесскій сенатъ, истекъ. Ипсиланти разослалъ приглашенія народнымъ представителямъ съѣзжаться на общее собраніе въ Триполицу. Къ концу года (1821) представители начали собираться со всѣхъ концовъ страны.

При новости дѣла, при господствовавшихъ вездѣ безпокойствахъ, количество представителей было несоразмѣрно съ количествомъ населенія: такъ, изъ восточной Эллады прибыло 26 человѣкъ, а изъ западной всего 8. Тѣмъ не менѣе вся Грецiя признала собраніе законнымъ, и засѣданія его открылись 1 января 1822 г.

Обаяніе, какимъ сначала пользовался Дмитрій Ипсиланти, исчезло, послѣ того, какъ стало извѣстно, какое пораженіе понесъ его братъ и какъ отнеслась къ его предпріятію Россія. Онъ не сумѣлъ войтись ни съ одной изъ греческихъ партій: клефты чуждались его, вліятельные горожане боялись его честолюбивыхъ замысловъ. Поэтому въ собраніи никто не выразилъ желанія избрать его правителемъ. Тамъ боролись двѣ партіи — военная и городская. Представителями городской являлись люди болѣе образованные, желавшіе не только дать свободу родинѣ, но создать такое правительство, при которомъ она могла бы пользоваться всѣми благами этой свободы. Главнымъ вождемъ этой партіи былъ Александръ Маврокордато, человѣкъ еще молодой, получившій европейское образованіе, посвятившій большую часть своего значительнаго состоянія на дѣло освобожденія родины и отличавшійся безукоризненною честностью, дѣловитостью, спокойнымъ, миролюбивымъ характеромъ. Собраніе выработало такъ называемую „конституцію“, т.-е. законы, опредѣляющіе управленіе страною. Верховная власть поручена была „директоріи“ изъ пяти членовъ, представителей разныхъ частей Греціи; законодательное собраніе должно было состоять изъ 70 представителей народа. Президентомъ директоріи избранъ былъ Маврокордато, президентомъ законодательнаго собранія Ипсиланти.

ГЛАВА IV.

Паденіе Янины и его послѣдствія. Ужасная судьба Хіоса. Новые подвиги греческаго флота. Усмиреніе Македоніи и Фессаліи. Походъ Драмали. Взятіе Навпліи. Турки въ западной Греціи. Первая осада Миссолунги. — Конецъ арміи Драмали.

Въ началѣ 1822 года произошло событіе весьма неблагопріятное для греческаго возстанія: Хуршиду-пашѣ, осаждавшему Али-пашу въ Янинѣ, удалось наконецъ заставить его сдаться. Выманивъ старика ложными обѣщаніями изъ крѣпости, турки убили его и такимъ образомъ избавились отъ важнаго врага. Послѣ этого они могли сосредоточить всѣ свои силы на войнѣ съ греками. Еще зимой авангардъ флота въ 35 судовъ вышелъ изъ Дарданелль, направился къ Пелопоннесу, снабдилъ припасами Модонъ и высадилъ въ Патрѣ отрядъ анатолійскихъ турокъ. Этотъ отрядъ прорвался среди осаждавшихъ городъ грековъ и нанесъ имъ сильное пораженіе; но Колокотрони, руководившему осадой, удалось поправить дѣло и, въ свою очередь, разбить турокъ. Между тѣмъ въ Коринѳскомъ заливѣ 63 греческія судна,

подъ начальствомъ мужественнаго и опытнаго морякa Міаулиса, напали на турецкій флотъ. Они не одержали рѣшительной побѣды, но своими брандерами нагнали на турокъ такой страхъ, что тѣ быстро удалились къ берегамъ Египта.

Главныя силы турецкаго флота, подъ начальствомъ Кара-али, должны были заняться усмиреніемъ возставшихъ острововъ Архипелага. Въ Идрѣ, Спеціи, Самосѣ ожидали появленія ихъ и дѣлали приготовленія къ оборонѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ явился флотъ и направился прямо къ острову Хіосу. Населеніе этого острова состояло по большей части изъ людей зажиточныхъ, миролюбивыхъ, вовсе не расположенныхъ возставать противъ турецкаго ига, которое при томъ же и не особенно тяготѣло надъ ними. Правда, и среди нихъ появилось нѣсколько гетеристовъ, но лишь небольшая кучка безпокойныхъ прислушивалась къ ихъ рѣчамъ, остальные же продолжали заниматься исключительно личными дѣлами. Несмотря на все это, турецкія власти стали заранѣе принимать мѣры предосторожности. Они потребовали заложниковъ, которые должны были служить порукой за спокойствіе острова, послали туда войско, приказали обезоружить жителей. Это, конечно, увеличило число недовольныхъ. Для поддержанія ихъ, сосѣдній Самосъ прислалъ къ острову свои корабли и отрядъ въ 2,500 человѣкъ. Турецкій адмиралъ явился передъ Хіосомъ съ 46 кораблями и 7,000 десантнаго войска и немедленно распорядился обстрѣливать городъ. Турки, оставшіеся въ городѣ, напали на самосцевъ и прогнали ихъ. Въ тотъ же день красивый, богатый городъ былъ сожженъ до тла, жители его перерѣзаны или отданы въ рабство. Этого мало: многіе изъ горожанъ бѣжали внутрь страны, искали спасенія въ монастыряхъ; турки выступили противъ нихъ и перерѣзали тысячи беззащитныхъ. Самосцы сопротивлялись нѣсколько времени, укрѣпившись въ монастырѣ св. Георгія, но были изгнаны оттуда и бѣжали на своихъ судахъ, предоставивъ островъ его несчастной судьбѣ. А судьба была, дѣйствительно, ужасна. Турки разсѣялись по всему острову, какъ дикіе звѣри, нападали на безоружныхъ людей, не отличая вѣрныхъ не разбирая ни пола, ни возраста, не отличая подданныхъ султана отъ мятежниковъ. Монастыри были взяты, и всѣ находившіеся въ нихъ люди перерѣзаны: турки обыскивали погреба домовъ, пещеры въ горахъ, убивали даже больныхъ въ госпиталяхъ. Море на далекое разстояніе покраснѣло отъ крови убитыхъ, весь островъ наполнился смрадомъ гніющихъ труповъ. Изъ 100,000 населенія спаслось едва 5,000, которымъ удалось найти убѣжище въ консульствахъ и на иностранныхъ корабляхъ. Тѣ, кто не были убиты, были проданы въ рабство. Цѣлые корабли нагружены были людьми, которыхъ перевозили въ Египетъ и въ сѣверную Африку.

Ужасная судьба Хіоса произвела сильное впечатлѣніе во всей Европѣ. До тѣхъ поръ большинство находило, что война грековъ съ

турками — борьба двухъ одинаково дикихъ народовъ, что съ обѣихъ сторонъ дѣлаются одинаковыя жестокости, одинаково проявляется корыстолюбіе и мстительность. Но эта страшная свирѣпость противъ безоружнаго невиннаго населенія показала всѣмъ, что турки враги не только христіанства, но и человѣчности, что греки вполнѣ правы, стремясь освободиться изъ-подъ власти такихъ варваровъ.

Греческій флотъ изъ 56 судовъ и 8 брандеровъ подъ предводительствомъ Міаулиса направился къ Хіосу, забралъ нѣсколькихъ несчастныхъ, блуждавшихъ по берегу, спасаясь отъ преслѣдователей, и увидѣлъ, что турецкій флотъ стоитъ въ Хіосскомъ проливѣ. Четыре греческихъ брига напали на большой адмиральскій корабль, но были отбиты и принуждены отступить. Тогда греки задумали смѣлый планъ. Два брандера, подъ управленіемъ Константина Канариса изъ Псары и Георгія Пипина изъ Идры должны были темною ночью пробраться въ средину непріятельскаго флота. Эти брандеры отправились къ Чесмѣ, а когда стемнѣло, вошли съ сѣверной стороны въ проливъ, гдѣ турецкій флотъ стоялъ на якорѣ. Была темная, безлунная ночь. Освѣщенные корабли адмирала и вице-адмирала виднѣлись издалека. Брандеры незамѣтно приблизились. Экипажъ ихъ заранѣе причастился св. Таинъ и приготовился къ смерти въ случаѣ неудачи. Около полуночи брандеры, благодаря попутному вѣтру и темнотѣ, незамѣтно проскользнули мимо непріятельскихъ судовъ и достигли адмиральскихъ кораблей. Псаріецъ прицѣпился къ передней части адмиральскаго корабля и быстро зажегъ его; идріецъ также прицѣпился къ вице-адмиральскому кораблю, но отцѣпился, прежде чѣмъ онъ зажегся, и, объятый пламенемъ, поплылъ среди турецкихъ судовъ, распространяя ужасъ и смятеніе. Экипажъ обоихъ брандеровъ успѣлъ вскочить въ свои шлюпки и выѣхать изъ пролива на югъ, къ греческимъ судамъ, которые съ торжествомъ приняли ихъ. Суматоху, какая происходила среди турецкаго флота, невозможно описать: суда загорались то тамъ, то здѣсь, пушки палили, люди бросались въ спасательныя лодки и нагружали ихъ до того, что тѣ не могли держаться на водѣ и тонули. Наконецъ, огонь достигъ пороховой камеры на адмиральскомъ кораблѣ, и громадное судно взлетѣло на воздухъ. Тяжело раненый Кара-Али былъ перевезенъ въ лодкѣ на берегъ и умеръ на томъ самомъ островѣ, который онъ превратилъ въ пустыню. Флотъ, не ожидая дальнѣйшихъ нападеній грековъ, поспѣшилъ вернуться въ Дарданеллы.

Дѣйствія турокъ на сухомъ пути шли болѣе успѣшно. Главнокомандующимъ войскъ, которыя должны были усмирять сѣверъ, Македонію и Ѳессалію, былъ назначенъ очень способный и энергичный паша Абдулабудъ. Ему безъ большого труда удалось справиться съ значительными вооруженными отрядами грековъ, находившимися въ этихъ областяхъ; а для усмиренія жителей онъ принималъ тѣ же мѣры, что Кара-Али на Хіосѣ. Нѣсколько городовъ и 120 мѣстечекъ

были выжжены до тла. 10000 безоружныхъ мужчинъ и женщинъ были убиты или проданы въ рабство. Аѳонскій монастырь спасся отъ разрушенія только тѣмъ, что заплатилъ за себя громадный выкупъ и согласился содержать у себя турецкій гарнизонъ.

Въ Ларисѣ Хуршидъ-паша окончательно сформировалъ армію въ 30.000 человѣкъ съ артиллеріей и 6000 конницы. Такъ какъ послѣ усмиренія Македоніи и Ѳессаліи никакая опасность не грозила этой арміи съ сѣвера, то она смѣло могла двинуться въ восточную Элладу, а оттуда въ Пелопоннесъ. Начальникомъ этого войска назначенъ былъ Махмудъ-паша, или Драмали, какъ его называли по имени города, изъ котораго онъ происходилъ. Турецкая армія перешла рѣку Сперхіо, не встрѣтивъ враговъ. Ни Ѳермопилы, ни другіе горные проходы не были защищены. Изъ всей Беотіи жители бѣжали въ горы. Въ Аттикѣ было то же самое. Передъ самымъ приходомъ турокъ, Аѳинскій акрополь, наконецъ, сдался осаждавшимъ его цѣлые полгода грекамъ и былъ занятъ нѣсколькими капитанами съ ихъ отрядами. Изъ самаго же города и его окрестностей всѣ жители бѣжали на Саламинъ. Горныя цѣпи, отдѣляющія Беотію отъ Коринѳскаго перешейка, были свободны, и турецкая армія безпрепятственно спустилась въ Коринѳскую равнину. Греческое правительство, напуганное слухами, которые преувеличивали непріятельскія силы, удалилось изъ Коринѳа въ Аргосъ. Маврокордато былъ въ это время въ отсутствіи, остальные члены директоріи окончательно потеряли голову. При первомъ извѣстіи о движеніи Драмали, они рѣшили снять осаду Патры и отправить въ Элладу всѣ пелопоннесскія войска; а когда Колокотрони хотѣлъ отправиться на границы Беотіи, чтобы тамъ задержать турецкую армію, они приказали ему оставаться подъ Патрой, говоря, что послали достаточное войско противъ непріятеля. Дѣйствительно, къ Ѳивамъ посланы были три значительные отряда; но слухи, предшествовавшіе появленію Драмали, навели на нихъ такой ужасъ, что они разбѣжались, не видавъ врага.

Не только городъ Коринѳъ и его окрестности оказались безлюдными, но даже и крѣпость Акро-коринѳъ, которую легко могла бы удержать небольшая горсть храбрыхъ воиновъ. Драмали сначала не довѣрялъ своему счастію и подозрѣвалъ, что греки готовятъ ему западню; но затѣмъ, обезопасивъ себя занятіемъ крѣпости, успокоился и смѣло двинулся къ Аргосу. Въ Арголидѣ населеніе всѣхъ деревень поспѣшно разбѣжалось, правительство перебралось на близлежащій островъ. Городъ Аргосъ оказался совершенно оставленнымъ, вокругъ него царило безлюдье. Пятьдесятъ турецкихъ всадниковъ, высланныхъ впередъ, заняли его, не встрѣтивъ сопротивленія. Но въ это время въ замкѣ около города находился грекъ Каррігіани съ десятью товарищами. Онъ собралъ второпяхъ толпу армянъ, выгналъ турокъ изъ города и затѣмъ снова вернулся въ крѣпость защищать свое

знамя. Его смѣлый поступокъ явился какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ военныхъ дѣйствій. На другой день на поддержку горсти храбрецовъ подоспѣло подкрѣпленіе, а нѣсколько дней спустя, Колокотрони, забывъ всѣ свои раздоры съ правительствомъ, принялъ главное начальство надъ отрядами, спѣшившими со всѣхъ сторонъ къ Аргосу. Планъ Колокотрони состоялъ въ томъ, чтобы удержать турокъ какъ можно долѣе въ Арголидѣ, гдѣ еще до прихода непріятеля весь хлѣбъ былъ сожженъ и всѣ припасы увезены бѣжавшими жителями. Пока было возможно, греки держались въ крѣпости Аргоса, а затѣмъ Колокотрони удалось ночью вывести изъ крѣпости весь гарнизонъ. Большое турецкое войско очутилось въ опустошенной Арголидѣ. Не прошло и мѣсяца, какъ оно стало сильно страдать отъ голода и недостатка воды. Среди него начался ропотъ, неудовольствіе противъ начальства. Драмали рѣшилъ отступить на Коринѳъ. Колокотрони, предвидя это, занялъ оба горные прохода, которые ведутъ туда. Турки пошли черезъ проходъ Дервенаки. Одна тропинка вела въ глубину долины по берегу горнаго ручья; увидѣвъ, что она укрѣплена, они поворотили на другую, которая поднимается къ такъ называемому ущелью св. Сотиса. Здѣсь греческіе отряды неожиданно напали на турецкую армію, заняли проходъ и заперли его передъ подымавшимися турками. Стѣсненные спереди, сзади и съ боковъ въ ущельѣ, гдѣ ни одинъ выстрѣлъ нападающихъ не пропадалъ даромъ, турки цѣлыми толпами падали въ пропасть. Другіе взбирались на горы и гнали туда нагруженный вьючный скотъ, но не могли удержаться на крутизнѣ и катились внизъ вмѣстѣ съ животными, поклажей и камнями. У грековъ не хватило силъ, чтобы вполнѣ удержать непріятеля. Драмали съ частью войска удалось-таки добраться до Коринѳа. Здѣсь Колокотрони повторилъ то же, что сдѣлалъ въ Аргосѣ. Онъ окружилъ непріятельскую армію кольцомъ греческихъ отрядовъ и прекратилъ всякій подвозъ припасовъ къ ней. Попытки арміи вернуться въ Аргосъ или пробраться къ приморскому городу Навплію, осажденному греками, оказались неудачными.

Гарнизонъ Навплія страдалъ отъ голода и болѣзней и нетерпѣливо ждалъ помощи отъ флота, который долженъ былъ подвезти припасы.

Дѣйствительно, въ началѣ сентября турецкій флотъ весьма внушительныхъ размѣровъ появился около Арголидскаго залива. Но Міаулисъ съ 60 судами и 10 брандерами слѣдилъ за всѣми его движеніями. Греческій брандеръ взорвалъ на воздухъ одинъ изъ турецкихъ фрегатовъ и нагналъ ужасъ на турокъ. Черезъ нѣсколько дней турецкому флоту удалось однако приблизиться къ Навплію; Міаулисъ послѣдовалъ за нимъ, съ тѣмъ, чтобы напасть на него въ глубинѣ залива, гдѣ стояло наготовѣ нѣсколько брандеровъ. Узнавъ объ этомъ, адмиралъ отдалъ приказъ немедленно вернуться назадъ, не дожидаясь до-

сити миль до Навплін и не снабдивъ припасами несчастный городъ. Но и это поспѣшное отступленіе не спасло его отъ страшныхъ „огненныхъ кораблей". Вытерпѣвъ сильную бурю, онъ остановился у Тенедоса, и тутъ два псарійскіе брандера подъ начальствомъ Канариса и Брацана проскользнули незамѣченные сторожевыми судами и прицѣпились къ двумъ главнымъ кораблямъ турецкаго флота. Адмиральскій корабль спасся, а вице-адмиральскій взлетѣлъ на воздухъ. Послѣ этого турецкій флотъ поспѣшилъ вернуться въ Дарданеллы, а Навплія, не ожидая болѣе ни откуда поддержки, сдалась грекамъ.

Въ западной Греціи, по смерти Али-паши, албанцы покорились Хуршидъ-пашѣ: одно только племя суліотовъ сохраняло свою независимость. Хуршидъ-паша пытался примирить ихъ сначала мѣрами кротости: обѣщалъ имъ полное прощеніе, возстановленіе ихъ старыхъ правъ, владѣніе землею. Но суліоты отвѣчали, что они примутъ прощеніе только въ томъ случаѣ, если оно распространится и на всѣхъ возставшихъ грековъ, въ противномъ случаѣ они не хотѣли опозорить себя измѣной своимъ единовѣрцамъ. Тогда паша рѣшилъ дѣйствовать силою. Онъ направилъ свое 14.000 войско на округъ Сули, въ которомъ насчитывалось не болѣе 2000 воиновъ. Послѣ храбраго сопротивленія, суліоты принуждены были покинуть свои позиціи и самый городъ Сули, но они стойко держались въ крѣпости Кіафѣ. Приготовленія къ походу въ восточную Элладу заставили Хуршидъ-пашу уѣхать, и онъ предоставилъ расправу съ дерзкими храбрецами пашѣ Омеръ-Вріоне, который немедленно осадилъ Кіафу.

Для грековъ было чрезвычайно важно подать помощь суліотамъ, чтобы черезъ нихъ склонить на свою сторону албанцевъ и освободить западную Грецію изъ-подъ власти турокъ.

Маврокордато отлично понималъ это. Онъ собралъ отрядъ, въ который вошли: 600 человѣкъ регулярнаго греческаго войска, обученнаго европейскими офицерами, рота іонійцевъ, явившихся на помощь своимъ единовѣрцамъ, и европейскіе добровольцы, и съ этимъ отрядомъ пришелъ въ Миссолунги. Къ сожалѣнію, при всей своей личной храбрости, Маврокордато не обладалъ ни способностями полководца, ни знаніемъ военнаго дѣла.

Онъ раздѣлилъ свое войско на мелкіе отряды, и они были поодиночкѣ разбиты турками. Главныя силы его потерпѣли при Петѣ, около Арты, страшное пораженіе. Третья часть регулярнаго войска, половина іонійцевъ, три четверти европейскихъ волонтеровъ остались на мѣстѣ.

Это пораженіе было страшнымъ ударомъ для всей западной Греціи. Оно пришлось какъ разъ въ то время, когда Драмали безпрепятственно проходилъ черезъ восточную Элладу, и гибель греческаго народа казалась неизбѣжной. Дѣло суліотовъ было проиграно, въ Акарнанію открытъ широкій путь. Суліоты поспѣшили возобновить пере-

говоры съ Омеръ-пашой. Они отдавали ему Кіафу, но просили разрѣшенія переселиться на Іонические острова, на что были согласны и англичане. Омеръ-паша, чтобы скорѣй покончить съ безпокойнымъ маленькимъ племенемъ, охотно далъ свое согласіе на это переселеніе. Самъ онъ немедленно направился въ Акарнанію. Тамъ онъ старался дружелюбіемъ склонить на свою сторону греческихъ капитановъ. Вслѣдствіе несогласій, какія возникли между предводителями разныхъ мелкихъ отрядовъ, и вслѣдствіе вѣроломнаго образа дѣйствій албанцевъ, которые то притворялись, что служатъ грекамъ, то измѣняли имъ.—Омеръ-паша почти безпрепятственно прошелъ черезъ всю Акарнанію. Маврокордато и нѣсколько вѣрныхъ капитановъ старались въ разныхъ пунктахъ задерживать его, но должны были отступать передъ превосходными силами непріятеля. Въ концѣ концовъ имъ пришлось искать спасенія въ Миссалунги, гдѣ турки немедленно осадили ихъ съ моря и съ суши. Большинство капитановъ, сбѣжавшихся въ городъ, совѣтовали президенту сдаться, правительство Іоническихъ острововъ предлагало ему убѣжище; но онъ указалъ на то, что сдача Миссалунги откроетъ туркамъ путь въ Пелопонесъ, и торжественно объявилъ, что умретъ, а не сдастъ крѣпости. Его примѣръ воодушевилъ капитановъ; жители Миссалунги также объявили, что будутъ держаться до послѣднихъ силъ.

Миссалунги былъ почти вполнѣ христіанскій, греческій городъ по своему населенію и лежалъ на мысѣ между рѣками Бѣлой и Фидари. Жители его занимались рыболовствомъ, морскою торговлею и работали на двухъ солеваріяхъ по сосѣдству. Морское мелководье образовало передъ городомъ нѣсколько большихъ лагунъ, богатыхъ рыбой. По нимъ можно было плавать только на мелкихъ лодкахъ, но посерединѣ онѣ были прорѣзаны каналомъ, черезъ который морскія суда имѣли доступъ къ городу. У восточнаго края канала былъ на маленькомъ островѣ выстроенъ фортъ, а со стороны материка городъ былъ защищенъ старымъ рвомъ и стѣною безъ башенъ, съ 14 старыми желѣзными пушками. Съ этими средствами защиты 360 вооруженныхъ людей, съ запасами на одинъ мѣсяцъ, рѣшили сопротивляться 11.000 турокъ, которые немедленно начали обстрѣливать городъ изъ 11 пушекъ.

Если бы Омеръ-паша тутъ же приступилъ къ штурму, крѣпость неминуемо погибла бы; но онъ разсчиталъ, что за штурмомъ послѣдуетъ разграбленіе и уничтоженіе города, а ему хотѣлось устроить въ немъ зимнія квартиры для своего войска. Поэтому онъ началъ съ греками переговоры о сдачѣ. Греческіе предводители подавали нашъ надежду, что сдача состоится, и въ то же время употребляли всевозможныя хитрости, чтобы затянуть переговоры: они все надѣялись, что къ нимъ откуда-нибудь да явится помощь. Наконецъ назначенъ былъ послѣдній, восьмидневный срокъ, чтобы достать суда, которыя должны

были увезти изъ города Маврокордато и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Можно себѣ представить, что переживали осажденные въ эти дни! И вдругъ, на пятый день на горизонтѣ показались корабли подъ греческими флагами. Это были идрійскія суда. При видѣ ихъ, эскадра Юсуфъ-паши, блокировавшая городъ, поспѣшно удалилась. Суда привезли въ Миссалунги отрядъ въ 700 человѣкъ подъ начальствомъ Петробея и Займиса. Теперь о сдачѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что какъ только блокада была снята, сосѣдніе острова обильно снабдили городъ припасами. Другія суда подвезли еще свѣжія войска. Въ тылу турокъ задвигались ободрившіеся этолійцы. Съ востока приходили печальныя извѣстія о пораженіи Драмали, о несчастіяхъ флота. Албанцы, составлявшіе главную часть осаждавшаго войска, дезертировали сотнями. Омеръ-паша рѣшилъ, наконецъ, произвести *штурмъ въ самый день Рождества, разсчитывая*, что греки будутъ въ церкви. Но греки, предупрежденные о его намѣреніи, выставили 2000 вооруженныхъ человѣкъ по всей линіи укрѣпленій и побѣдоносно отбили штурмъ. Турки безпрестанно получали тревожныя извѣстія объ отпаденіи албанцевъ и покорившихся имъ греческихъ капитановъ, о побѣдахъ грековъ надъ мелкими турецкими отрядами. Наконецъ, пришла вѣсть, что Одиссевъ съ войскомъ идетъ на освобожденіе Миссалунги. Тогда турки пришли въ такой ужасъ, что поспѣшно бросили свой лагерь съ орудіями и обозомъ и направились въ Превезу. По дорогѣ ихъ преслѣдовали греческіе отряды: многіе изъ нихъ потопули, переправляясь черезъ Бѣлую рѣку, остальные, полумертвые отъ страха и истощенія, дотянулись до Карвазары, откуда ихъ на судахъ перевезли въ Превезу.

Изгнаніе турокъ изъ Акарпаніи имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу арміи Драмали. Положеніе ея было плачевно. Напрасно ждала она отъ Хуршидъ-паши обѣщанныхъ подкрѣпленій. Хуршидъ-паша еще въ августѣ вооружилъ новое войско и поручилъ Мехмеду-пашѣ итти съ нимъ въ восточную Элладу и въ Коринѳъ. Но движеніе его было остановлено греческими отрядами подъ главнымъ начальствомъ Одиссева, который игралъ въ восточной Элладѣ почти такую же роль, какъ Колокотронп въ Пелопоннесѣ. Настала глубокая осень, зима, армія Мехмедъ-паши разошлась по зимнимъ квартирамъ, а въ это время Хуршидъ-паша, обвиненный передъ султаномъ въ разныхъ противозаконныхъ поступкахъ, былъ приговоренъ къ смерти и покончилъ жизнь самоубійствомъ. Между тѣмъ въ лагерѣ подъ Коринѳомъ вслѣдствіе дурныхъ помѣщеній, голода и недостатка въ водѣ развились болѣзни и сильная смертность. Самъ Драмали заболѣлъ и умеръ въ началѣ зимы. Тогда жалкіе остатки его арміи, отчаявшись получить откуда-нибудь подкрѣпленіе, рѣшились пробраться въ Патру, чтобы спастись отъ голодной смерти. Тысяча человѣкъ могла сѣсть на суда, остальные 3500 человѣкъ шли вдоль Ахайскаго берега. Тутъ, въ го-

рахъ они напкнулись на греческіе отряды, случайно проходившіе по этому мѣсту, и греки заперли горные проходы впереди и позади нихъ, такъ что они не могли ни отступить, ни двинуться впередъ. Турки пытались пробиться, но напрасно. Имъ пришлось бы всѣмъ погибнуть отъ голода, если бы Юзуфъ-паша, проходившій мимо съ своей эскадрой, не взялъ на суда уцѣлѣвшихъ и не доставилъ ихъ въ Патру.

ГЛАВА V.

Состояніе Турціи и Греціи послѣ втораго года войны. Раздоры партій. Походы 1823 г.—Осада Антаколика. — Новый врагъ. Сочувствіе Европы.—Лордъ Байронъ.

Блестяще начатые походы 1822 года кончились крайне плачевно для турокъ. Двѣ арміи ихъ погибли, лучшіе военачальники были убиты, флотъ потерпѣлъ пораженіе; оказалось, къ удивленію всей Европы, что могущественная Порта не въ состояніи справиться съ мятежниками. Въ 1823 году она могла выставить противъ нихъ гораздо менѣе значительную армію, и для начальства надъ этой арміей не нашлось ни одного способнаго полководца. Такое положеніе дѣлъ являлось большимъ счастьемъ для грековъ. Силы ихъ были тоже истощены, а главное—среди нихъ начались распри и раздоры, которые мѣшали дѣлу. Первая директорія была избрана всего на одинъ годъ; при слѣдующихъ выборахъ Маврокордато, наиболѣе способный изъ членовъ правленія, не былъ избранъ, и вообще въ правленіе попали люди, не сумѣвшіе внушить къ себѣ достаточнаго уваженія и довѣрія. Распоряженія правительства не исполнялись, казна его опустѣла. Военная партія смотрѣла на него съ презрѣніемъ. Въ законодательномъ собраніи тоже шли страшные раздоры между разными партіями. Отъ многихъ округовъ явилось по два депутата, враждебныхъ другъ другу; явились представители отдѣльныхъ военныхъ отрядовъ и люди, не имѣвшіе вовсе никакихъ полномочій. Къ партіи горожанъ, или партіи порядка, примыкали и островитяне съ своимъ флотомъ. Главными вождями военной партіи были Колокотрони и Одиссей. Вражда между этими двумя партіями доходила до того, что они не только не могли имѣть общихъ совѣщаній, но часто вступали даже въ драку, поднимали оружіе другъ на друга. Горожане стремились установить сильное правительство и правильную систему войны: военная партія находила, что война должна быть по-прежнему партизанской и страну слѣдуетъ раздѣлить на военные округа, предоставивъ неограниченную власть военноначальникамъ. Горожане побѣдили: президентомъ новаго правительства былъ избранъ Петробей (Петръ Мавромихали); изъ остальныхъ членовъ трое были

горожане и только четвертый представитель военной партіи—Колокотрони. Скоро однако народное собраніе оказалось не довольно этимъ правительствомъ и выбрало новое, президентомъ котораго былъ Контуріоти. Первое правительство не соглашалось отказаться отъ своихъ правъ, и между двумя правительствами началась борьба, доходившая до кровопролитія.

Второе въ концѣ концовъ одержало верхъ, потому что Контуріоти удалось заключить заемъ у лондонскихъ банкировъ и такимъ образомъ добыть деньги, безъ которыхъ невозможно было продолжать возстаніе.

Въ 1823 году турки такъ же, какъ и въ 22-мъ, двинулись одновременно съ востока и съ запада. Восточной арміи пришлось немедленно отдѣлить значительный отрядъ противъ Магнезіи, гдѣ возставшіе греки укрѣпились въ Трикери и гдѣ они сильно безпокоили турецкія войска. Въ Аттикѣ и Беотіи, напротивъ, турки не встрѣтили нигдѣ серьезнаго сопротивленія. Жители Аѳинъ отправили женъ и дѣтей на Саламинъ, но могли противопоставить непріятелю лишь небольшой отрядъ, который скоро былъ разсѣянъ. Ничто не мѣшало туркамъ перейти черезъ Коринѳскій перешеекъ: но они вмѣсто того направились на островъ Эвбею. Тамъ незначительные греческіе отряды бѣжали при ихъ появленіи въ горы, а мирные жители городовъ и селъ спѣшили изъявлять имъ покорность. Изъ Эвбеи турецкія войска вернулись въ Аттику и разсыпались по странѣ, принося всюду смерть и опустошеніе. Аѳинскій акрополь (крѣпость) находился все еще въ рукахъ грековъ, но вмѣсто того, чтобы начать правильную осаду его, турки стали лагеремъ въ Каламосѣ. Тамъ на помощь грекамъ явились болѣзни, которыя до того развились среди турецкаго войска, что пришлось распустить его. Султанъ назначилъ новаго главнокомандующаго, тотъ собралъ вторую армію, но и та не двинулась дальше горы Эты.

На западѣ Мустафа-паша долженъ былъ съ 13,000 войскомъ пройти изъ Ѳессаліи въ Этолію и затѣмъ въ равнину Врахори, а Омеръ-Вріоне съ 3,000 албанцевъ напасть на Акарнанію и соединиться съ главнымъ корпусомъ подъ Миссалунги. Вслѣдствіе раздоровъ разныхъ капитановъ и недостатка въ оружіи, греки могли противопоставить надвигавшейся грозѣ лишь слабый отпоръ. На военномъ совѣтѣ рѣшено было, что храбрый капитанъ Марко Бопари станетъ во главѣ суліотовъ и съ помощью еще нѣсколькихъ капитановъ встрѣтитъ Мустафу-пашу, а другіе капитаны попытаются остановить вторженіе Омера-Вріоне. Марко Бопари немедленно выступилъ изъ Миссалунги навстрѣчу непріятелю. Подойдя къ Карпенизи, онъ узналъ, что авангардъ Мустафы въ 5,000 человѣкъ стоитъ недалеко отъ этого города у подошвы горы. Такъ какъ въ его распоряженіи было всего 1,200 человѣкъ, то онъ не рѣшился вступить въ открытый бой съ

превосходными силами непріятеля, а задумалъ произвести ночное нападеніе на его лагерь. Боцари раздѣлилъ свое войско на два отряда, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ итти горной стороной, а другой, подъ его командой,—равниной. Въ назначенное время онъ былъ на мѣстѣ съ своими 350 суліотами, но напрасно ждали они втораго отряда. Тогда Боцари рѣшилъ одинъ произвести нападеніе и привелъ турокъ въ такой ужасъ и смятеніе, что они обратились въ бѣгство, почти не попытавшись защищаться. Грекамъ досталась богатая добыча, много оружія и скота, но они понесли невознаградимую потерю: мужественный Марко Боцари въ пылу битвы не замѣтилъ, что получилъ рану въ бокъ, но затѣмъ вражеская пуля на смерть сразила его. Его кончина вызвала глубокую печаль во всей Греціи. Это былъ другъ Маврокордато, искренній сторонникъ партіи порядка и въ то же время рѣшительный, искусный предводитель войска, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на суліотовъ. Послѣ него командованіе его отрядомъ взялъ на себя его братъ, Коста. Ему и другимъ капитанамъ удалось на время задержать Махмедъ-пашу, но они были недостаточно сильны, чтобы вполнѣ остановить его движеніе и помѣшать ему соединиться съ Омеръ-Вріоне. Обѣ турецкія арміи прошли до морского берега и остановились между двумя городами Антаколико и Миссолунги. Греки были увѣрены, что турки захотятъ загладить неудачу прошлаго года и обратятся противъ Миссолунги; но турки имѣли преувеличенное мнѣніе о силахъ Миссолунги и рѣшили сперва взять Антаколико. Это былъ небольшой городъ, расположенный среди лагунъ, не укрѣпленный, не приготовленный къ осадѣ, съ отрядомъ всего въ 500 человѣкъ. Къ счастью, море было открыто. Правда, на немъ появился турецкій флотъ, но адмиралъ его, Хозревъ-паша, такъ растянулъ линію своихъ кораблей, что греческія суда безъ труда проскальзывали среди нихъ и снабжали осажденныхъ всѣмъ необходимымъ. Осаждающіе получали свои припасы сухимъ путемъ изъ Патры. Узнавъ это, одинъ изъ греческихъ капитановъ напалъ на турецкій обозъ и овладѣлъ имъ, перебивъ его прикрытіе. Этотъ неожиданный ударъ и приближеніе зимы заставили пашей снять осаду. Въ одну бурную ночь они бѣжали, точно спасаясь отъ преслѣдованія. Во время этого быстраго отступленія у нихъ погибло до 2,000 человѣкъ.

Такой полной неудачей кончился для Порты третій годъ войны. Казна ея была окончательно истощена, у нея не было искусныхъ военачальниковъ, не было матросовъ для флота, среди населенія чисто турецкихъ провинцій не замѣтно было ни малѣйшаго одушевленія, ни малѣйшаго желанія продолжать войну. Въ этой крайности султанъ рѣшилъ обратиться за помощью къ Мехмеду-Али, вице-королю египетскому, котораго до тѣхъ поръ считалъ самымъ опаснымъ изъ своихъ васаловъ и который, дѣйствительно, въ теченіе 15 лѣтъ совер-

ценно самостоятельно управлять Египтомъ. Мехмедъ-Али согласился выручить султана изъ бѣды подъ тѣмъ условіемъ, что Кипръ и Кандія будутъ присоединены къ Египту, а сынъ его Ибрагимъ получитъ намѣстничество въ Мореѣ.

Такимъ образомъ у грековъ являлся новый врагъ. Ибрагимъ-паша, который долженъ былъ вести противъ нихъ египетскія морскія и сухопутныя силы, былъ искусный полководецъ, успѣвшій прославиться своими походами въ Аравіи. Войска его отличались воинственнымъ духомъ и одною своей численностью способны были задавить греческіе отряды. Что могла противопоставить Греція этой надвигавшейся на нее силѣ? Страна была разорена и тѣми опустошеніями, какія производили въ ней турецкіе походы, и тѣми жертвами, какія ей приходилось дѣлать на военные расходы. Массы бѣдняковъ изъ сожженныхъ селъ и городовъ бродили безъ пристанища, безъ куска хлѣба: богачи, пожертвовавшіе все свое состояніе на дѣло освобожденія, стали чуть не нищими. Сотни и тысячи удальцовъ уже сложили головы въ битвахъ съ врагомъ, военные припасы были истрачены, и не хватало денегъ на покупку новыхъ, не было средствъ починить старыя суда, завести новыя. Съ матеріальной стороны греки находились въ такомъ положеніи, что имъ, казалось, грозила неминуемая гибель. Но они не погибли. Ихъ спасла та стойкость, съ какой они продолжали борьбу до послѣдней крайности, та геройская рѣшимость, съ какой они готовы были скорѣй умереть, чѣмъ снова подчиниться ненавистному игу. Эта стойкость, это геройство возбуждали удивленіе и сочувствіе во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Правительства не оказывали поддержки грекамъ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., австрійское, смотрѣли на ихъ борьбу, какъ на мятежъ противъ законнаго государя: но частные люди выказывали имъ свои симпатіи, чѣмъ и какъ могли. Въ Россіи, Германіи, Швейцаріи, Испаніи, Франціи, Англіи и Нидерландахъ образовались такъ называемые „греческіе комитеты", которые собирали для нихъ деньги и снабжали ихъ военными припасами. Появилось множество ученыхъ сочиненій и небольшихъ брошюръ, въ которыхъ излагалась исторія Греціи, вспоминалось ея прежнее величіе, съ негодованіемъ указывалось на тѣ униженія и притѣсненія, какія въ настоящее время терпитъ несчастный греческій народъ.

Газеты внимательно слѣдили за всѣмъ, что происходило на Балканскомъ полуостровѣ, отмѣчали всякій геройскій поступокъ грековъ, всякое новое варварство турокъ. Съ самаго перваго года войны въ Грецію отправлялись отряды волонтеровъ, составлявшіеся изъ представителей разныхъ націй; отдѣльныя лица: офицеры, механики, инженеры, охотно приносили свои силы и знанія на пользу дѣлу освобожденія.

Такимъ самоотверженнымъ добровольцемъ явился въ Грецію знаменитый англійскій поэтъ Байронъ. Байронъ посѣщалъ Грецію во

время своего путешествія въ 1809 г. и тогда до глубины души возмущале и угнетеннымъ положеніемъ греческаго народа.

Въ своей поэмѣ „Чайльдъ Гарольдъ“ онъ писалъ:

„Свобода! Съ свитой Ѳразибула
Давно ль неслась ты между горъ?
О, если бъ ты теперь взглянула
На падшей Греціи позоръ!..
Теперь не грозные тираны
Ей цѣпи тяжкія куютъ,
Но каждый ей наноситъ раны,
Надъ ней заноситъ дерзкій кнутъ.
И цѣлый край лежитъ безъ силы
И на спинѣ своей несетъ
Безславно свой турецкій гнетъ...“

Его удивляло кажущееся спокойствіе, съ какимъ греки переносили свое униженіе, и онъ призывалъ ихъ вспомнить былую славу родины и воинственный духъ отцовъ:

„Добудь изъ отческихъ гробовъ
Святой огонь, тотъ сердца пылъ,
Который ихъ животворилъ!
Кто за отчизну гибнетъ самъ,
Прибавитъ имя къ именамъ,
Что дрожь наводятъ на враговъ;
И въ сердцѣ страждущихъ сыновъ
Проснется слава, и скорѣй
Они погибнутъ отъ мечей,
Чѣмъ отъ оковъ... За вольность бой,
Начавшись разъ въ странѣ родной,
Отъ дѣдовъ къ внукамъ перейдетъ.
Порой замолкнетъ,—не умретъ
И славно кончится. Вѣковъ
Минувшихъ слава изъ гробовъ
Къ тебѣ зоветъ, зоветъ...“

(Изъ поэмы „Гяуръ“).

Онъ совѣтовалъ имъ не разсчитывать на помощь иностранныхъ государствъ:

„Рабы! по развѣ вы забыли:
Кому свободы дорогъ даръ,
Тѣ рабству сами наносили
Въ бою рѣшительный ударъ,“

говорилъ онъ имъ тогда. Понятно, съ какимъ горячимъ сочувствіемъ встрѣтилъ онъ попытки ихъ возвратить себѣ свободу. При началѣ греческаго возстанія Байронъ жилъ въ Италіи. Отсюда онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило на Балканскомъ полуостровѣ, и постоянно сносился съ лондонскимъ „греческимъ комитетомъ“. Въ 1823 году

онъ рѣшилъ лично отправиться въ Грецію и посвятить свои силы на служеніе этой странѣ. Онъ купилъ и снарядилъ на собственный счетъ корабль „Геркулесъ", вооружилъ его двумя пушками, нагрузилъ всевозможнымъ оружіемъ и припасами и пустился въ путь вмѣстѣ съ тремя своими пріятелями и 8 слугами. Черезъ мѣсяцъ они были на островѣ Кефалоніи. Прежде, чѣмъ ѣхать дальше, Байронъ послалъ своихъ пріятелей лично разузнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла Греціи и какого рода помощь ей особенно нужна. Пріѣздъ знаменитаго поэта, при томъ англійскаго лорда, человѣка богатаго и щедраго, произвелъ сильное впечатлѣніе на увлекающихся грековъ. Къ Байрону посыпались приглашенія изъ Аѳинъ, Морей, Акарнаніи. Всѣ партіи, боровшіяся въ это время въ Греціи, присылали къ нему своихъ уполномоченныхъ, каждая старалась заручиться его поддержкой.

Нѣтъ, отвѣчалъ всѣмъ имъ Байронъ, я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы помогать какой-нибудь отдѣльной партіи, а для того, чтобы помогать всѣмъ вамъ, какъ вашъ общій другъ.

При этомъ онъ убѣждалъ ихъ забыть взаимныя распри и бороться исключительно за родину. Маврокордато, съ которымъ Байронъ былъ знакомъ раньше, убѣждалъ его не придавать значенія раздорамъ партій: „Правительственныя лица ссорятся, писалъ онъ ему, — а народъ весь стоитъ за одно". Онъ приглашалъ его пріѣхать въ Миссолунги, которая въ то время подвергалась блокадѣ турецкаго флота и которой грозила осада въ случаѣ взятія Антаколико. Байронъ отправился въ путь со всей своей свитой на двухъ судахъ, дорогой вытерпѣлъ сильную бурю, едва не былъ захваченъ турецкимъ фрегатомъ и прибылъ въ Миссолунги въ то время, когда турки уже бѣжали отъ Антаколико. Въ Миссолунги ему устроили торжественную встрѣчу. Все населеніе города и окрестностей собралось на берегу; всѣ суда, стоявшія въ портѣ, расцвѣтились флагами и привѣтствовали его судно выстрѣлами. Маврокордато и всѣ военныя и гражданскія власти встрѣтили его и проводили въ приготовленный для него домъ при громкихъ крикахъ войска, разставленнаго на улицахъ. Этотъ пріемъ воодушевилъ Байрона, и онъ съ энергіей принялся работать на пользу Греціи. По его ходатайству, одинъ англійскій банкиръ согласился дать значительную сумму въ долгъ греческому правительству, а пока эти деньги не пришли, онъ помогалъ изъ собственныхъ средствъ укрѣплять городъ; устроить пороховой заводъ. Онъ выписывалъ оружіе, вмѣстѣ съ Маврокордато снаряжалъ суда, одѣтъ и взялся на свой счетъ содержать отрядъ изъ 500 суліотовъ, принялъ предложенное ему званіе „архистратига" (главнокомандующаго) трехтысячнаго отряда, который долженъ былъ отправиться въ Лепанто, занятый турецкими войсками. Приготовленія къ этому походу, обученіе солдатъ, переписка съ лондонскимъ комитетомъ и съ разными начальственными лицами въ Гре-

ціи, совѣщанія съ Маврокордато, который ничего не предпринималъ безъ его совѣта, поглощали все время поэта. Къ усиленнымъ занятіямъ присоединялись непріятности: героическія доблести суліотовъ не мѣшали имъ быть „клефтами", разбойниками, жадно подстерегающими добычу. Этой добычей являлся въ данномъ случаѣ англійскій лордъ, который такъ щедро помогалъ всѣмъ нуждающимся, что они считали его страшнымъ богачомъ. И вотъ, когда всѣ приготовленія къ походу въ Лепанто были готовы, они вдругъ объявили, что не двинутся съ мѣста, если имъ не прибавятъ жалованья. Такое корыстолюбіе и неблагодарность до того возмутили Байрона, что съ нимъ сдѣлался припадокъ падучей болѣзни. Походъ пришлось отсрочить. Между тѣмъ убійственный климатъ Миссолунги, расположенной въ очень низкой, сырой мѣстности оказывалъ губительное вліяніе на здоровье поэта. Онъ схватилъ болотную лихорадку, и послѣ нѣсколькихъ припадковъ онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ вставать съ постели. Но и больной, онъ продолжалъ заботиться о греческихъ дѣлахъ. 18 апрѣля ему было очень худо. Это былъ первый день Пасхи, который греки имѣли обыкновеніе встрѣчать пистолетными выстрѣлами. Но на этотъ разъ во всемъ городѣ царила мертвая тишина. Военные патрули ходили по городу и, сообщая жителямъ объ опасномъ положеніи больного, просили ихъ не безпокоить его шумомъ.

19 апрѣля Байронъ скончался. Міръ потерялъ въ немъ одного изъ своихъ величайшихъ поэтовъ, Греція преданнаго друга, принесшаго на служеніе ей свое состояніе и самую жизнь свою! Искреннее горе охватило всю страну. Въ Миссолунги всѣ магазины и мастерскія были закрыты въ теченіе трехъ дней, всѣ общественныя увеселенія запрещены, во всѣхъ церквахъ служили панихиды: городъ одѣлся на три недѣли въ трауръ.

ГЛАВА VI.

Ибрагимъ-паша въ Греціи. Нашествіе на Псару. Побѣды греческаго флота. Побѣда подъ Кремиди и взятіе Наварина. Колокотрони возвращается изъ ссылки. Взятіе Триполицы и битва при Вальтези.

Ибрагимъ-паша двинулся на Грецію съ 23,000 сухопутнаго войска, которое черезъ два года возросло до 90,000, и съ флотомъ изъ 54 военныхъ фрегатовъ и 400 транспортныхъ судовъ. Онъ почти безъ сопротивленія овладѣлъ Критомъ и рѣшилъ, прежде, чѣмъ высадиться въ Морею, усмирить мятежные острова Самосъ, Псару, Идру и Спецію. Турецкій флотъ долженъ былъ помогать ему въ этомъ предпріятіи и направился прямо къ Псарѣ. Этотъ маленькій островокъ имѣлъ для своей защиты 150 пушекъ, расположенныхъ на городскихъ стѣнахъ и на береговыхъ укрѣпленіяхъ. Малочисленное населеніе его

сильно возросло въ послѣднее время, вслѣдствіе наплыва бѣглецовъ съ материка, искавшихъ на немъ спасенія. Эти ослабленные, безоружные бѣглецы могли быть лишь помѣхой при всякомъ столкновеніи съ непріятелемъ, тѣмъ не менѣе нсарійцы рѣшили защищать свой островъ до послѣдней крайности. Турки начали бомбардировать городъ и въ то время, когда главныя силы островитянъ были сосредоточены на защитѣ его, послали отрядъ высадиться на островъ съ другой стороны й подступить къ городу съ суши. Появленіе непріятеля на горахъ, господствующихъ надъ городомъ, вызвало такой ужасъ переселенцевъ, уже испытавшихъ всѣ бѣдствія турецкаго нашествія, что они обратились въ бѣгство, увлекая за собой вооруженныхъ. Они бросились къ берегу, на лодки, и въ суматохѣ многіе изъ нихъ потонули, остальные попали въ руки турокъ. Изъ всего нсарійскаго флота спаслось всего 19 бриговъ, всѣ остальные были сожжены турками. Турецкія десантныя войска ворвались въ городъ, убивали всѣхъ, кто попадался имъ подъ руку, грабили и поджигали дома. Между тѣмъ крѣпость съ своимъ гарнизономъ въ 600 человѣкъ мужественно отбивала всѣ нападенія непріятеля и держалась двое сутокъ. На третій день адмиралъ повелъ всѣ свои войска на штурмъ; тогда эта кучка героевъ, уже потерявшая треть товарищей, рѣшилась дорого продать жизнь: они помолились Богу, причастились св. Таинъ и, какъ только начался новый штурмъ, подожгли пороховой складъ. Страшный взрывъ потрясъ весь островъ и похоронилъ подъ развалинами крѣпости весь гарнизонъ за исключеніемъ двухъ человѣкъ и 2000 осаждавшихъ турокъ. Больше половины жителей Нсары были перебиты или проданы въ рабство, нѣкоторымъ удалось спастись, и они въ самомъ жалкомъ видѣ искали убѣжища на берегахъ Эгины и Пирея.

Всѣ ожидали, что Хозревъ-паша немедленно обратитъ свои силы противъ Самоса; но такъ какъ это было время магометанскаго праздника Байрама, то онъ предпочелъ отдохнуть въ Лесбосѣ. Между тѣмъ нсарійскія суда, которымъ удалось спастись, поспѣшили въ Идру и въ Спецію сообщить о бѣдствіи, постигшемъ ихъ островъ. Міаулисъ тотчасъ же собралъ свою флотилію и направился къ Нсарѣ, въ надеждѣ спасти ея фортъ. Въ гавани Нсары онъ нашелъ 27 турецкихъ судовъ, а въ разрушенномъ фортѣ небольшой турецкій гарнизонъ. Онъ немедленно напалъ на этотъ гарнизонъ и прогналъ его къ морю. Турки спаслись на свои корабли, которые поспѣшно вышли въ море. Міаулисъ преслѣдовалъ ихъ и разбилъ на голову. На помощь своимъ явился Хозревъ-паша со всѣмъ флотомъ, и передъ такою силою Міаулисъ принужденъ былъ отступить. Онъ вернулся къ Идрѣ. Тогда Хозревъ-паша направился къ Самосу. Но товарищъ Міаулиса Захтурисъ съ авангардомъ греческаго флота загородилъ ему входъ въ проливъ, изъ котораго можно было высадиться на островъ.

Три раза напрасно пытался Хозревъ-паша пробиться. Наконецъ онъ раздѣлилъ свой флотъ и напалъ на городъ съ двухъ сторонъ. Но тутъ дѣло рѣшили брандеры. Неустрашимый Канарисъ взорвалъ на воздухъ большой непріятельскій фрегатъ, а вслѣдъ за нимъ другіе брандеры сожгли одинъ корветъ и одинъ бригъ. Это такъ устрашило Хозревъ-пашу, что онъ отказался отъ намѣренія нападать на Самосъ и поспѣшилъ соединиться съ эскадрой Ибрагима-паши. Теперь соединенный мусульманскій флотъ состоялъ изъ одного линейнаго корабля, 25 фрегатовъ, 25 корветовъ и около пятидесяти шхунъ и бриговъ, не считая транспортныхъ и мелкихъ военныхъ судовъ. Греки съ своимъ флотомъ стали около острова Патмоса. У нихъ было около 70 парусныхъ судовъ съ нѣсколькими сотнями пушекъ; а противъ нихъ стоялъ соединенный мусульманскій флотъ изъ 100 большихъ военныхъ кораблей и множества мелкихъ военныхъ и транспортныхъ судовъ, съ 50,000 морского и сухопутнаго войска, при 2,500 пушкахъ, предназначенныхъ для перевозки въ Морею. Несмотря на такое неравенство силъ, Ибрагимъ-паша не рѣшался начать битву: на морѣ онъ не чувствовалъ такой увѣренности, какъ на сушѣ: греки, съ своей стороны, понимали, что слишкомъ слабы для наступательныхъ дѣйствій, и стали понемногу удаляться. Тогда турки порѣшили нанести имъ рѣшительный ударъ прежде, чѣмъ высадиться въ Морею, и завязали бой. Этотъ бой продолжался нѣсколько часовъ безъ замѣтныхъ результатовъ, но вотъ двумъ греческимъ брандерамъ удалось взорвать большой тунисскій фрегатъ, и это рѣшило дѣло въ ихъ пользу.

Неудача морскихъ операцій раздражала въ высшей степени Ибрагима. Греческій флотъ не только помѣшалъ ему расправиться съ мятежными островами, но и задержалъ высадку его войскъ въ Пелопоннесъ. А между тѣмъ приближалась осень, среди его солдатъ появились болѣзни, страшная буря повредила многія изъ его судовъ, и онъ рѣшилъ перевести свою эскадру на зимовку въ Критъ.

Узнавъ о его намѣреніи, Міаулисъ немедленно пустился преслѣдовать его, напалъ на авангардъ, состоявшій изъ одного фрегата и нѣсколькихъ болѣе мелкихъ военныхъ судовъ, и, хотя не успѣлъ овладѣть ими, но напалъ на египтянъ такой страхъ, что они бросались съ фрегата прямо въ воду. Ибрагимъ-паша до того растерялся, что съ своими военными фрегатами быстро двинулся впередъ, оставивъ транспортныя суда безъ прикрытія. Міаулисъ воспользовался этимъ и овладѣлъ многими изъ нихъ.

Цѣлая треть египетскаго войска погибла въ этотъ годъ, а гордый египетскій флотъ потерялъ два фрегата, два корвета, два брига да 50 мелкихъ судовъ, и принужденъ былъ вернуться на Критъ, даже не видавъ Мореи, которую Ибрагимъ предполагалъ завоевать въ четыре мѣсяца.

Но Ибрагимъ-паша былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ неудачи

приводятъ въ отчаяніе и уныніе. Онъ немедленно послалъ къ отцу за подкрѣпленіями, а самъ, не ожидая весны, принялся переправлять свое войско на берега Морен. Его суда прорвали греческую блокаду у Патроса и снабдили эту крѣпость провіантомъ, затѣмъ онъ освободилъ отъ осады Модонъ и Коронъ и двинулся къ Наварину.

Греки, привыкшіе къ медлительнымъ, нерѣшительнымъ дѣйствіямъ турецкихъ войскъ, были ошеломлены быстротой этого зимняго похода. Корабли ихъ спокойно стояли въ портахъ, солдаты отдыхали на зимнихъ квартирахъ. Когда разнеслась вѣсть о движеніи Ибрагимъ-паши къ Наварину, разные предводители поспѣшно выступили съ своими небольшими отрядами, и въ Кремиди, недалеко отъ Модона, собралось войско въ 5000 человѣкъ. Это, конечно, было немного, но, несмотря на то, двѣ первыя стычки окончились побѣдой грековъ. Тогда Ибрагимъ-паша двинулъ всѣ свои полки противъ Кремиди: ударъ въ штыки прорвалъ центръ греческихъ войскъ, а египетская конница, зайдя по непроходимымъ тропинкамъ въ тылъ лѣваго крыла, довершила пораженіе ихъ. Послѣ этого путь къ Старому и Новому Наварину былъ открытъ. Но чтобы взять эти крѣпости, слѣдовало овладѣть островомъ Сфактеріей, высоты котораго господствуютъ надъ ними. Ибрагимъ-паша подождалъ прибытія своего флота, который Міаулисъ напрасно пытался задержать на пути, и съ нимъ двинулся къ острову. Цѣлый рядъ военныхъ фрегатовъ не подпускалъ близко флотилію Міаулиса, а 50 транспортныхъ судовъ, подъ прикрытіемъ дыма отъ пушечной пальбы береговыхъ батарей высадили на берегъ большой отрядъ войска, который меньше, чѣмъ въ часъ, овладѣлъ всѣмъ островомъ. Послѣ этого и Старый и Новый Наваринъ, окруженные со всѣхъ сторонъ сильнымъ непріятелемъ, страдавшіе отъ недостатка и воды и съѣстныхъ припасовъ, принуждены были сдаться. Теперь для Ибрагима-паши весь западный берегъ былъ открытъ съ своими широкими равнинами, гдѣ могла развернуться его конница; онъ опирался на трехугольникъ крѣпостей Модонъ, Коронъ и Наваринъ, владѣлъ превосходною гаванью, въ которой помѣщались суда его, подвозившія все необходимое изъ Крита и изъ Египта.

Міаулисъ много разъ пытался заграждать путь его флоту, но все напрасно.

Не можетъ маленькая собачка биться противъ нѣсколькихъ тигровъ! говорилъ онъ въ объясненіе своихъ неудачъ.

И дѣйствительно, его флотъ состоялъ изъ торговыхъ судовъ, которымъ трудно было мѣриться силами съ хорошо вооруженными военными судами. Даже брандеры, значительно усовершенствованные греками за время войны, часто безполезно гибли, не причиняя вреда непріятелю, которой ловкими маневрами умѣлъ уклоняться отъ нихъ.

Страшная опасность, въ какой очутилось все дѣло освобожденія, заставила грековъ на время забыть свои партійные раздоры. Правп-

тельство объявило общее прощеніе всѣмъ лицамъ, которыя за противодѣйствіе его распоряженіямъ были высланы или заключены въ тюрьмы. Въ числѣ этихъ изгнанниковъ находился и Колокотрони, котораго морейскіе горцы и поселяне считали единственнымъ человѣкомъ, способнымъ спасти родину. Колокотрони немедля пріѣхалъ въ Триполицу, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Передъ его пріѣздомъ жители занимались разыскиваньемъ какого-то клада, который, по древнимъ сказаніямъ, былъ зарытъ въ окрестностяхъ города. Въ отвѣтъ на ихъ привѣтственную рѣчь, Колокотрони сказалъ имъ:

По дорогѣ сюда я бросилъ въ море всѣ свои обиды на другихъ, и вы то же сдѣлайте: заройте въ землю всѣ ваши ссоры, это будетъ для васъ самый лучшій кладъ.

На призывъ Колокотрони вокругъ него собрались тысячи воиновъ. Онъ предлагалъ употребить противъ египтянъ тѣ же средства, которыя сломили силу Драмали: сжечь Триполицу, опустошить окружающую мѣстность и извести непріятеля голодомъ. Но на такія энергичныя мѣры никто не былъ согласенъ, пока Ибрагимъ находился еще далеко отъ Триполицы и противъ обоихъ фланговъ его стояли сильные отряды, одинъ въ Аркадіи, подъ начальствомъ храбраго гетериста Дикеоса, другой въ Каламатѣ, подъ начальствомъ Петробея. Греки все еще не привыкли къ быстрымъ движеніямъ Ибрагима-паши, который 1-го іюня послѣ 10-часоваго кровопролитнаго боя разбилъ на голову Дикеоса, 9-го іюня разсѣялъ войска Петробея, сжегъ Каламату и всѣ близлежащія села, а 22-го былъ уже въ Триполицѣ. Напрасно поспѣшилъ Колокотрони со своимъ войскомъ навстрѣчу ему и старался запереть горные проходы. Египетская конница и египетскіе штыки нагнали такой страхъ на нѣкоторые отряды грековъ, что они бѣжали, не вступая въ бой, другіе мужественно держались, но ничего не могли сдѣлать противъ непріятеля, въ десять разъ превосходившаго ихъ числомъ. Триполица была безъ боя занята египтянами. Но неутомимый Ибрагимъ не остановился и тутъ, а съ главными силами немедленно двинулся къ Навплію. Этотъ городъ, плохо укрѣпленный, не снабженный достаточнымъ количествомъ припасовъ, наполненный безпріютными бѣглецами, искавшими въ немъ спасенія, навѣрно, не устоялъ бы противъ грозной силы египетскаго войска, но, ко всеобщему удивленію, Ибрагимъ, не дойдя до него, повернулъ назадъ и вернулся въ Триполицу. Оказалось, онъ узналъ отъ своихъ лазутчиковъ, что Навплія собирается отдаться подъ покровительство Англіи, что въ ея гаванъ вошли два англійскихъ фрегата и что командиръ ихъ, въ случаѣ крайности, обѣщалъ поднять англійскій флагъ на ея крѣпости. Такое вмѣшательство сильной державы было, понятно, крайне нежелательно для египетскаго паши, и онъ предпочелъ не трогать Навплію и остаться въ Триполицѣ. Тогда Колокотрони рѣшилъ привести свой планъ въ исполненіе: запереть его въ

разоренномъ городѣ и погубить его войско голодомъ. Съ этою цѣлью онъ расположилъ всѣ находившіяся подъ его командой войска въ разныхъ пунктахъ вокругъ Триполицы. Но съ Ибрагимомъ было не такъ легко справиться, какъ съ турецкимъ пашой. Замѣтивъ намѣреніе непріятеля, онъ устремился на главныя силы его, стоявшія въ Вальтези, подъ начальствомъ сына Колокотрони. Завязался горячій бой. Греческій отрядъ въ теченіе 9 часовъ защищалъ свою позицію, но не могъ устоять, когда обошли его съ фланга. Другіе отряды, поспѣшившіе къ нему на помощь, были тоже разбиты. Четырнадцать именитыхъ греческихъ капитановъ пали въ этой битвѣ, послѣ которой пелопоннесы уже не рѣшались встрѣчаться съ войсками Ибрагима въ открытомъ полѣ. Паническій ужасъ овладѣлъ всѣмъ полуостровомъ. При появленіи египтянъ всѣ разбѣгались, не пытаясь сопротивляться. Ибрагимъ безъ труда разсѣялъ войска, собранныя Колокотрони, и изъ Триполицы дѣлалъ опустошительные набѣги въ разныя стороны.

ГЛАВА VII.

Дѣйствія Решидъ-Мехметъ-паши на материкѣ Греціи.—Осада Миссолунги.—Геройская защита.—Ибрагимъ-паша подъ стѣнами города.—Ужасная смерть осаждающихъ.—Ужасное положеніе осажденныхъ.—Лучше смерть, чѣмъ неволя.

Пока Ибрагимъ-паша одерживалъ въ Пелопоннесѣ побѣду за побѣдой, на материкѣ Греціи дѣйствовалъ Решидъ-Мехметъ-паша, человѣкъ дѣятельный, предпріимчивый, честолюбивый, которому ни за что не хотѣлось уступать египтянину всю славу побѣды надъ мятежниками. Онъ еще зимой направился въ Ларнесу и Янину; чтобы усмирить волненіе въ Эпирѣ, онъ постарался привлечь на свою сторону влятельныхъ албанцевъ, разогналъ греческіе отряды, охранявшіе горные проходы, и явился передъ Миссолунги.

Въ Миссолунги, кромѣ жителей, способныхъ носить оружіе, находилось 3000 человѣкъ гарнизона. Благодаря деньгамъ и стараніямъ Байрона, укрѣпленія города были исправлены, устроены новыя башни и бастіоны, увеличено число пушекъ. Решидъ-паша повелъ осаду не спѣша, по всѣмъ правиламъ искусства. Прежде, чѣмъ обстрѣливать городъ, онъ предпринялъ большія земляныя работы: вдоль всей городской стѣны онъ вывелъ на разстояніи 300 саженъ высокій валъ, затѣмъ возвелъ такіе же валы около всѣхъ фортовъ и всѣхъ батарей грековъ. Противъ одного изъ главныхъ фортовъ, форта Франклина, онъ устроилъ высокую земляную насыпь. Осажденные, съ своей стороны, выстроили въ это время сзади первой городской стѣны вторую.

Огонь своихъ батарей Решидъ-паша направлялъ преимущественно на главные форты, Ботсари и Франклинъ. Осажденные энергично отвѣчали ему изъ своихъ батарей, хотя у нихъ былъ весьма скудный запасъ боевыхъ снарядовъ и мало надежды пополнить его.

Въ половинѣ лѣта къ Миссолунги подступилъ турецкій флотъ, который прогналъ небольшую эскадру идрійскихъ судовъ, стоявшихъ въ заливѣ, и привезъ осаждающимъ новые запасы оружія и нѣсколько пушекъ. Въ числѣ судовъ этого флота были плоскодонныя, которыя могли входить въ лагуны. Съ ихъ помощью турки въ состояніи были отрѣзать осажденнымъ всякое сообщеніе съ моремъ. Къ счастью для грековъ, адмиралъ турецкаго флота, снабдивъ всѣмъ необходимымъ Решида-пашу, повернулъ съ своими кораблями назадъ и оставилъ около Миссолунги лишь небольшую эскадру. Благодаря этому, осажденные могли поддерживать сношенія хотя съ Антикирро. Между тѣмъ земляныя работы Решида-паши подходили къ концу; насыпь приблизилась къ самому форту Франклину, передніе рвы грековъ были уже до половины засыпаны землей. Прежде, чѣмъ приступить къ штурму, онъ предложилъ осажденнымъ сдаться. Ему отвѣчали отказомъ. Тогда турки взорвали мину подъ фортомъ Ботсари и сквозь брешь пытались ворваться въ городъ, но были отбиты. Черезъ нѣсколько дней взорвана была мина предъ Франклиномъ, и штурмъ возобновился съ удвоенной силой; но послѣ полуторачасовой битвы, турки принуждены были отступить, потерявъ 500 человѣкъ убитыми. Эти побѣды дорого стоили осажденнымъ: ихъ небольшіе запасы боевыхъ снарядовъ сильно уменьшились; послѣ втораго штурма у нихъ осталось всего двѣ бочки пороха. Если бы турки повторили свое нападеніе, грекамъ пришлось бы сдаться. И вдругъ совершенно неожиданно явилось спасеніе. Въ ночь послѣ штурма греческій флотъ подъ начальствомъ Міаулиса и Захтуриса приблизился къ городу, разогналъ часть судовъ, стоявшихъ ближе къ берегу, и на слѣдующій день вступилъ въ бой со всей эскадрою. Миссолунгцы съ лихорадочнымъ волненіемъ слѣдили за греческими брандерами, пытавшимися взорвать адмиральскій корабль. Попытки эти не удались, но такъ напугали турецкаго адмирала, что онъ поспѣшилъ удалиться со всей своей эскадрой.

Прибывшій флотъ снабдилъ осажденныхъ припасами и боевыми снарядами: они приободрились и мужественно ждали новой атаки Решидъ-паши. Ждать пришлось не долго. Насыпь передъ Франклиномъ достигла такой высоты, что господствовала надъ фортомъ, удержать его не представлялось возможнымъ, и турки заняли его, но за нимъ они наткнулись на новые рвы, новыя стѣны и укрѣпленія, батареи которыхъ обстрѣливали со всѣхъ сторонъ ихъ насыпь и ихъ позиціи. Въ теченіе 15 дней обѣ враждующія стороны подъ непрерывнымъ градомъ пуль, стоя на разстояніи нѣсколькихъ саженъ другъ отъ друга, старались перещеголять одна другую возведеніемъ новыхъ

стѣнъ, новыхъ оборонительныхъ и наступательныхъ приспособленій. Грекамъ удалось подложить мину подъ галлерею непріятеля. Одновременно съ взрывомъ мины они атаковали отряды, работавшіе сзади Франклина, прогнали ихъ, возвратили себѣ фортъ и разрушили часть насыпи. Однако Решидъ-паша не унывалъ. Онъ снова укрѣпилъ насыпь, возвелъ еще новую, съ лѣвой стороны Франклина, и распорядился предпринять новый штурмъ. Но его армія, страдавшая отъ лишеній и болѣзней, сильно упала духомъ. Албанцы, составлявшіе значительную часть ея, роптали и дезертировали. Ихъ тревожили слухи, что въ тылу арміи собираются греческіе отряды, которые грозятъ отрѣзать ей сообщеніе съ Патрасомъ, откуда она получала припасы. Пришлось отложить штурмъ. Между тѣмъ греки заложили очень сильную мину передъ Франклиномъ и, сдѣлавъ фальшивую вылазку, приманили непріятеля къ этому пункту. Когда мину взорвало, часть насыпи и всѣ находившіеся на ней турки взлетѣли на воздухъ. Вторая мина окончательно разрушила насыпь. Послѣ этого всѣ осадныя дѣйствія прекратились. Решидъ-паша готовъ былъ совсѣмъ увести свою армію, уменьшившуюся на половину, но онъ не могъ забыть слова, какія сказалъ ему султанъ, отправляя его въ Миссолунги: „Или крѣпость, или твоя голова", —и потому рѣшился перезимовать подъ стѣнами крѣпости, такъ основательно укрѣпившись за своими шанцами, что греки не осмѣлились нападать на него.

Неудача Решидъ-паши сильно раздражила султана. Ему хотѣлось во что бы то ни стало сломить упрямство непокорнаго города, и онъ обратился за помощью къ Ибрагиму-пашѣ. Честолюбивый египтянинъ рѣшилъ немедленно, зимой же, сдѣлать то, что Решидъ-паша не могъ исполнить въ цѣлое лѣто, заставить Миссолунги сдаться. Онъ отправилъ часть своего войска моремъ, другую повелъ сухимъ путемъ, и въ январѣ явился подъ Миссолунгами, къ великому неудовольствію Решида-паши, который въ обидѣ удалился за внѣшнія укрѣпленія и предоставилъ все дѣло Ибрагиму.

Вся Греція съ волненіемъ слѣдила за судьбой несчастнаго города. Въ пользу его собирались пожертвованія, и, благодаря этимъ пожертвованіямъ, Міаулису удалось снарядить 20 судовъ, съ которыми онъ прорвался сквозь турецкій флотъ и подвезъ осажденнымъ разныхъ припасовъ. Безъ этой помощи голодъ, можетъ-быть, и сломилъ бы мужество миссолунгцевъ. Положеніе ихъ было ужасно. Истощенные лишеніями и тяжелыми земляными работами, страдая отъ холода и сырости въ своихъ полуразрушенныхъ жилищахъ, они уже потеряли половину своего гарнизона. А у нихъ на глазахъ равнина покрывалась безчисленными палатками египтянъ, возникали новыя батареи сильнѣе прежнихъ, египетскія войска производили свои ученья и готовились къ штурму; со стороны моря замѣтна была дѣятельность непріятель-

скихъ судовъ. И несмотря на все это, городъ два раза отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе Ибрагима сдаться.

Сдѣлавъ всѣ необходимыя приготовленія, Ибрагимъ приступилъ къ штурму. Онъ открылъ по городу огонь изъ всѣхъ своихъ батарей и въ три дня превратилъ его въ груду развалинъ. Жители прятались въ ямы и во рвы, такъ что убитыхъ было не много. Ночью египетскія войска заняли укрѣпленія около форта Ботсари и удержали ихъ до утра, но тутъ гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и прогналъ ихъ. Ибрагимъ самъ сталъ во главѣ своихъ штурмовыхъ колоннъ, но осажденные взорвали мину подъ ихъ ногами и заставили ихъ отступить. Решидъ-паша съ злорадствомъ наблюдалъ издали за ходомъ битвы: теперь его соперникъ убѣдился, что Миссолунги вовсе не „жалкій заборъ“ (какъ онъ выражался раньше), которымъ ничего не стоитъ овладѣть, и принужденъ былъ обратиться къ его помощи.

Такъ какъ штурмъ съ сухого пути не удавался, то оба паши рѣшили дѣйствовать со стороны моря. Ибрагимъ располагалъ нѣсколькими десятками плоскодонныхъ судовъ, и съ ними онъ предпринялъ штурмъ фортовъ, расположенныхъ на мелкихъ островкахъ среди лагуны. Малочисленные гарнизоны этихъ фортовъ защищались съ удивительнымъ мужествомъ. Островъ Дампа съ одной батареей и 200-нымъ гарнизономъ держался 7 часовъ противъ 2000-наго непріятельскаго отряда и сдался только тогда, когда всѣ защитники его были перебиты. На островѣ Клизонъ Решидъ-паша безъ большого труда овладѣлъ внѣшними палисадами: гарнизонъ заперся въ колокольнѣ церкви св. Троицы и оттуда обстрѣливалъ непріятеля такъ энергично, что принудилъ его отступить, при чемъ самъ Решидъ-паша былъ раненъ. Ибрагимъ послалъ второй отрядъ подъ предводительствомъ Гуссейнъ-паши, но его постигла та же участь, и Гуссейнъ былъ убитъ. Цѣлый день продолжалась битва, болѣе 1000 непріятелей обагрили своей кровью воды лагуны, но горсточка въ 300 человѣкъ, понятно, не могла устоять противъ цѣлой арміи, и островъ былъ взятъ.

Послѣ этого всякое сообщеніе Миссолунги съ моремъ было прервано и осажденные ниоткуда не могли получать припасовъ. Они перебили всѣхъ животныхъ, бывшихъ въ городѣ, не исключая мышей, рыбу могли добывать только съ опасностью жизни, отъ морской травы у нихъ дѣлалось разстройство желудка. Къ голоду присоединился холодъ. Дома, разрушенные бомбами, не могли служить убѣжищемъ, дровъ для костровъ не хватало, больные умирали десятками и сотнями, здоровые бродили среди нихъ словно тѣни, съ исхудалыми, помертвѣлыми лицами. Ибрагимъ-паша, знавшій, въ какомъ ужасномъ положеніи находится городъ, еще разъ предложилъ ему сдаться, обѣщая дать свободный пропускъ и жителямъ и гарнизону, если они положатъ оружіе.

— Нѣтъ, отвѣчали миссолунгцы, мы не выдадимъ наше оружіе,

обагренное кровью враговъ! И они рѣшили тайнымъ образомъ выбраться изъ города, унося съ собой оружіе. Имъ удалось извѣстить о своемъ намѣреніи небольшіе греческіе отряды, стоявшіе въ сосѣднихъ горахъ, и тѣ обѣщали напасть съ тыла на лагерь Ибрагима и отвлечь его вниманіе. Въ назначенную ночь черезъ рвы были перекинуты мостики, стража на стѣнахъ перекликалась какъ обыкновенно, а все населеніе собралось къ восточнымъ батареямъ. Люди, способные носить оружіе, раздѣлились на три партіи, и каждая изъ нихъ окружила толпу изъ подростковъ, изъ безоружныхъ, изъ переодѣтыхъ въ мужское платье женщинъ, которыя тащили на спинѣ дѣтей. Старые, больные и раненые заперлись въ уцѣлѣвшей части мельницы, гдѣ былъ сложенъ запасъ пороха. Хотя удалявшіеся всячески старались соблюдать тишину, но топотъ ногъ по мосткамъ и гулъ сдерживаемыхъ рыданій донеслись до египетскаго лагеря, и осаждающіе дали наугадъ нѣсколько залповъ. Напрасно ждали несчастные миссолунгцы обѣщанной помощи горцевъ: имъ пришлось одинъ пробираться сквозь вражескій станъ. Передняя партія уже подошла къ шанцамъ египтянъ, какъ вдругъ безоружнымъ народомъ, находившимся среди нея, овладѣлъ паническій ужасъ. Раздался крикъ: „Назадъ!“ и часть толпы бросилась обратно къ рвамъ. Другіе двѣ партіи не останавливаясь шли впередъ. Конница Решидъ-паши и самъ Ибрагимъ во главѣ отряда пытались перерѣзать путь удалявшимся. Многіе изъ нихъ пали въ бою, остальнымъ удалось добраться до горъ, гдѣ они нашли себѣ кое-какой пріютъ.

Болѣе ужасная судьба ожидала тѣхъ, кто остался въ городѣ или вернулся въ него. Мусульмане преслѣдовали по пятамъ возвращавшихся, безпощадно убивали всѣхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей забирали въ рабство. Ворвавшись въ беззащитный городъ, они съ такимъ неистовствомъ принялись за грабежъ, что турки и египтяне передрались другъ съ другомъ, и въ концѣ концовъ египтяне прогнали турокъ. Цѣлую ночь раздавался ревъ кровожадныхъ побѣдителей, стоны умирающихъ и взрывы пороховыхъ минъ, погребавшихъ подъ развалинами и палачей и жертвъ. Мельница держалась два дня, затѣмъ запершіеся въ ней греки подложили огонь въ пороховой складъ и взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ осаждавшими ихъ египтянами.

ГЛАВА VIII.

Послѣдствія паденія Миссолунги. — Столкновеніе греческаго флота съ турецкимъ. Партизанская война. Взятіе Аѳинъ и осада Акрополя. Караискаскиръ. Два знатныхъ иностранца. — Пагубная ошибка Кочрана.

Миссолунги пали, но кровь его героическихъ защитниковъ пролилась не даромъ. Вся Европа, съ волненіемъ слѣдившая за событіями на Балканскомъ полуостровѣ, прониклась чувствомъ состраданія и

удивленія къ этому маленькому народу, такъ упорно боровшемуся за свободу. Въ греческіе комитеты стали со всѣхъ сторонъ стекаться пожертвованія, богачи приносили тысячи, бѣдняки свой дневной заработокъ. Извѣстіе о томъ, что миссолунгскія женщины и дѣти проданотся, словно скотъ, на турецкихъ базарахъ, вызвало взрывъ общаго негодованія и сильныя посылки денегъ на выкупъ ихъ. Правительства Россіи и Англіи рѣшили употребить свое вліяніе, чтобы положить конецъ этой кровопролитной войнѣ и устроить судьбу Греціи.

Въ самой Греціи паденіе Миссолунги вызвало общую печаль, какъ великое народное бѣдствіе. На время всѣ раздоры партій были забыты, всѣхъ охватило одно тоскливое чувство: отечество гибнетъ...

И дѣйствительно, положеніе Греціи было плачевное. Въ Пелопоннесѣ только одинъ Майнскій округъ оставался не тронутымъ египтянами, на материкѣ еще держались Аѳины; съ паденіемъ этихъ послѣднихъ оплотовъ свободы все дѣло возстанія должно было погибнуть. А между тѣмъ у правительства не было денегъ, чтобы снарядить войска, которыя остановили бы движеніе Ибрагима-паши, не было средствъ послать подкрѣпленія и припасы въ осажденныя Аѳины. Не мудрено, что многими изъ лучшихъ людей овладѣло уныніе!..

Къ счастью, это уныніе было лишь мимолетное. Изъ разныхъ странъ Европы вмѣстѣ съ изъявленіями сочувствія стали получаться денежныя пособія, давшія возможность и содержать войска и снаряжать корабли; греки приободрились и рѣшили держаться до послѣдней крайности.

Подъ Наварриномъ стоялъ соединенный турецко-египетскій флотъ; ожидали, что онъ направится противъ острововъ. Такъ какъ Спеція съ своими невысокими, ровными берегами представляла мало удобствъ для защиты, то ея жителей убѣдили перебраться на Идру, скалы которой составляли какъ бы естественныя укрѣпленія. На Идрѣ воздвигнуты были новыя батареи, гарнизонъ ея значительно усиленъ, сосѣдніе островки обѣщали въ случаѣ надобности явиться къ ней на помощь. У береговъ ея стоялъ наготовѣ флотъ изъ 60 кораблей и 21 брандера. Приготовленія эти оказались однако напрасными: часть турецкаго флота подъ начальствомъ Тагиръ-паши дѣйствительно послана была противъ острововъ, но не противъ Идры, а противъ Самоса. Какъ только это стало извѣстно, половина эскадры, стоявшей около Идры, поспѣшила подъ начальствомъ Захтуриса къ Самосу. Между двумя непріятельскими флотами произошла небольшая стычка, послѣ которой турецкій адмиралъ отступилъ къ Митиленѣ и оставался тамъ безъ дѣйствія цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, Миаулисъ и Захтурисъ рѣшили перейти въ наступленіе. Соединивъ свои эскадры, они двинулись навстрѣчу турецкому флоту и ночью подвергли его сильнѣйшей канонадѣ. Съ наступленіемъ утра завязался горячій бой. Турки сражались болѣе мужественно, чѣмъ обыкновенно на морѣ;

греки и на брандерахъ и на бригахъ дѣйствовали болѣе отважно, чѣмъ когда-либо. Кто остался побѣдителемъ, сказать трудно, но Тагиръ-паша немедленно удалился въ Дарданеллы и не показывался больше съ своей эскадрой; а большинство греческихъ судовъ вернулись домой, радуясь, что на этотъ разъ Самосъ спасенъ.

Между тѣмъ Ибрагимъ-паша рѣшилъ, не теряя времени, приступить къ покоренію Майнскаго округа. Греки не могли противопоставить ему ни одного сильнаго отряда войска, но Колокотрони вполнѣ примѣнилъ свою систему партизанской войны. Это было особенно удобно потому, что всякое передвиженіе арміи Ибрагима сопровождалось опустошеніемъ и сожженіемъ селъ и городовъ, жители которыхъ спѣшили укрыться въ горы и тамъ немедленно примыкали къ отрядамъ клефтскихъ капитановъ. Эти отряды безпрестанно самымъ неожиданнымъ образомъ нападали на египтянъ, терпѣли пораженія, отступали въ свои недосягаемыя горныя ущелья и затѣмъ снова появлялись на новомъ мѣстѣ.

Первый походъ Ибрагима противъ Майны кончился неудачей. Онъ послалъ туда одинъ отрядъ моремъ, а самъ двинулся сухимъ путемъ съ 7000 войска; но около Армира жители укрѣпили горный проходъ и два раза отбили нападеніе египтянъ. Константинъ Мавромихали командовалъ небольшой кучкой вооруженныхъ людей. Къ нимъ пристала толпа мѣстныхъ крестьянъ, священниковъ, женщинъ; они напали на отрядъ, двигавшійся отъ берега, и такъ расколотили его, что онъ поспѣшилъ убраться назадъ, на свои суда.

Ибрагимъ со стыдомъ вернулся въ Триполицу, вымещая по пути свой гнѣвъ на беззащитныхъ селахъ. Второй походъ его на Майну оказался еще болѣе неудачнымъ. Онъ раздѣлилъ свое войско на три отряда, и каждый изъ нихъ потерпѣлъ такое сильное пораженіе отъ клефтскихъ капитановъ, что принужденъ былъ возвратиться. Всю осень провелъ паша въ опустошительныхъ походахъ по берегамъ Коринѳскаго пролива и въ стычкахъ съ мелкими отрядами грековъ, но не завоевалъ ни пяди земли. Зиму онъ рѣшилъ провести въ Модонѣ. Войска его представляли далеко не блестящій видъ. Непрерывныя стычки съ непріятелемъ утомили ихъ, они страдали отъ отсутствія теплаго платья, нуждались въ пищѣ. Опустошенія, произведенныя ими, принесли вредъ имъ же самимъ: они принуждены были покупать хлѣбъ на вѣсъ серебра. Среди зимы въ Наваринъ пріѣхалъ александрійскій флотъ и привезъ жизненныхъ припасовъ, но свѣжихъ войскъ на немъ не было. Египетскій намѣстникъ находилъ, что усмиреніе Греціи и безъ того слишкомъ дорого стоитъ ему. Онъ не довѣрялъ Портѣ и подозрѣвалъ, что она нарочно взваливаетъ на него все бремя войны, чтобы обезсилить его. Главнымъ образомъ смущали его слухи о намѣреніи Россіи и Англіи вмѣшаться въ дѣло; онъ чув-

ствовалъ, что тогда игра будетъ окончательно проиграна, и рѣшилъ продолжать ее только для виду, чтобы не раздражить Порту.

Въ восточной Греціи дѣйствовалъ Решидъ-паша съ 10000-нымъ войскомъ. Онъ прогналъ грековъ съ ихъ позицій при Солонѣ, овладѣлъ Ѳивами и направился въ Аттику. Въ Аѳинахъ было всего съ небольшимъ 1000 вооруженныхъ воиновъ, да въ крѣпости (акрополѣ) 300, подъ начальствомъ Гураса. Городъ былъ окруженъ старыми, но крѣпкими стѣнами и защищенъ небольшимъ количествомъ пушекъ. Передовой турецкій отрядъ, подъ начальствомъ Мустафы-бея, овладѣлъ нѣсколькими укрѣпленными церквами въ окрестностяхъ города, взялъ штурмомъ холмъ Музея и направилъ на городъ огонь трехъ батарей. Самъ Решидъ повелъ дѣло еще рѣшительнѣе. Послѣ двухнедѣльной бомбардировки защитники покинули городъ и перебрались въ крѣпость. Между тѣмъ въ тылу турецкой арміи собрались греческіе отряды. Правительство назначило главнокомандующимъ въ восточной Греціи Караискакиса, одного изъ самыхъ отважныхъ, дѣятельныхъ и способныхъ армatоловъ. Онъ собралъ отрядъ въ 3000 человѣкъ, и вмѣстѣ съ французомъ Фабвье, командовавшимъ корпусомъ европейскихъ волонтеровъ, подошелъ къ деревнѣ Хайдари, въ полутора часахъ отъ Аѳинъ. Здѣсь имъ удалось отбить нападеніе турецкаго отряда, и они собрались спуститься къ самимъ Аѳинамъ, но Решидъ-паша выслалъ противъ нихъ 5000 пѣхоты и 1000 конницы и послѣ упорной битвы заставилъ ихъ отступить. Сознавая, что прямое нападеніе на армію осаждающихъ будетъ безполезно, Караискакисъ отвлекъ ловкими маневрами вниманіе турокъ и далъ возможность капитану Кріезотису съ 300 человѣкъ пробраться въ акрополь для подкрѣпленія тамошняго гарнизона. Самъ онъ усилилъ свое войско отрядами, которые охотно примыкали къ любимому начальнику, и направился къ Коринѳскому заливу, прогоняя турокъ изъ всѣхъ мѣстечекъ, занятыхъ ими. При Араховѣ онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Мустафа-бемъ: болѣе 1000 турокъ и самъ Мустафа были убиты. Затѣмъ онъ прогналъ мусульманъ изъ Солоны и, неутомимо преслѣдуя ихъ, возвратилъ Греціи весь материкъ, занятый было турками, за исключеніемъ Миссолунги, Анатолико, Вонницы и Лепанто.

Гарнизонъ аѳинскаго акрополя держался мужественно и энергично отбивалъ штурмы непріятеля. Тогда Решидъ предпринялъ земляныя работы, чтобы отвести воду и жаждой принудить его сдаться, но эти работы плохо подвигались, такъ какъ осажденные мѣшали имъ вылазками и ловко направленными контръ-минами. Между тѣмъ, какъ жизненные припасы, такъ и снаряды ихъ приходили къ концу. Тогда Фабвье рѣшилъ пройти въ крѣпость и доставить ей запасъ пороха. Съ отрядомъ изъ 600 удальцовъ, которые несли на спинѣ мѣшки съ порохомъ, онъ ночью тихо пробрался черезъ непріятельскій лагерь. Около холма Музея стража окликнула ихъ и, не получивъ отвѣта,

стала стрѣлять. Но Фабвье и его люди выгнали турокъ изъ рва, въ коромъ они засѣли, и, благодаря вылазкѣ, устроенной въ это самое время Кріезотисомъ, вошли въ крѣпость, потерявъ всего 8 человѣкъ.

Это нѣсколько подняло духъ осажденныхъ, но, конечно, было слишкомъ незначительною помощью, и правительство рѣшило снарядить войска для освобожденія акрополя. Средства для этого были получены изъ-за границы. Кромѣ того, не задолго передъ тѣмъ въ Грецію пріѣхали изъ Англіи два человѣка, на которыхъ возлагались громадныя надежды. Одинъ былъ генералъ Робертъ Чёрчъ, извѣстный грекамъ со временъ наполеоновскихъ войнъ, когда онъ командовалъ на Іоническихъ островахъ греческимъ батальономъ и заслужилъ всеобщую любовь подчиненныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Колокотрони. Другой—адмиралъ Кочрэнъ давно составившій себѣ прочную извѣстность, какъ отважный морякъ и искусный предводитель войска. Оба они предложили свои услуги грекамъ. Вмѣстѣ съ этимъ прибылъ изъ Англіи пароходъ,- первое военное паровое судно Греціи, и большой фрегатъ, построенный въ мастерскихъ Нью-Іорка. Адмиралъ пріѣхалъ на собственной яхтѣ, въ сопровожденіи брига, и привезъ съ собой денегъ, военныхъ снарядовъ и жизненныхъ припасовъ.

Очарованное горячими рѣчами адмирала, который хвасталъ, что пріѣхалъ возстановить Византійскую имперію и водрузить греческое знамя на Св. Софіи, греческое правительство назначило его главнокомандующимъ всѣхъ морскихъ силъ Греціи. Міаулисъ, какъ всегда, скромный и самоотверженный, безропотно отказался отъ званія адмирала и взялъ мѣсто простого капитана корабля. Чёрчъ назначенъ былъ начальникомъ сухопутныхъ войскъ.

Эти два иностранца энергично взялись за дѣло освобожденія Аѳинъ. Караискакисъ присоединился къ нимъ со своимъ войскомъ, изъ Пелопоннеса явилось нѣсколько капитановъ съ отрядами, всего собралась армія въ 10,000 человѣкъ. На военномъ совѣтѣ Чёрчъ и греческіе предводители предлагали тотъ планъ дѣйствій, который раньше имѣлъ успѣхъ въ западной Греціи: окружить непріятельскую армію со всѣхъ сторонъ своими отрядами, отрѣзать ей всякій подвозъ припасовъ и такимъ образомъ заставить ее отступить. Но Кочрэнъ стоялъ за немедленное нападеніе на осаждающихъ: онъ хотѣлъ или заставить ихъ снять осаду или по крайней мѣрѣ снабдить акрополь всѣмъ необходимымъ. Небольшая побѣда, одержанная греками, еще болѣе утвердила его въ этомъ рѣшеніи: грекамъ удалось овладѣть монастыремъ св. Спиридонія, въ которомъ засѣлъ турецкій отрядъ, и такимъ образомъ установить сообщеніе между своимъ лагеремъ и Фалернскою гаванью.

Англійскій адмиралъ такъ рѣшительно высказывалъ свое мнѣніе, грозя въ случаѣ ослушанія немедленно удалиться, что всѣмъ поневолѣ приходилось подчиняться. Хотя въ дѣйствительности ему при-

надлежала власть только надъ флотомъ, но онъ присвоилъ себѣ распоряженіе и сухопутною арміей. Рѣшивъ произвести атаку на осаждающихъ, онъ самъ составилъ планъ этой атаки и не хотѣлъ слушать замѣчаній Караискакиса, который, какъ человѣкъ, хорошо знакомый и съ мѣстностью и съ характеромъ греческаго войска, предлагалъ ему нѣкоторыя измѣненія въ этомъ планѣ. Къ несчастію для грековъ, наканунѣ дня, назначеннаго для атаки, во время одной мелкой стычки съ непріятельскими форпостами, Караискакисъ получилъ смертельную рану и рѣшительный бой произошелъ безъ него.

Вечеромъ, наканунѣ дня назначеннаго Кочрэномъ для атаки, 7,000-ый корпусъ былъ подвезенъ на судахъ къ мысу Коліасъ и оттуда долженъ былъ подступить къ Лоншамъ. Генералъ Чёрчъ сопровождалъ его, но остался на кораблѣ, предоставивъ отдѣльнымъ начальникамъ размѣщать и вести войска по собственному усмотрѣнію. Отрядамъ пришлось итти по совершенно открытой мѣстности, и притомъ они растянулись такъ, что когда передніе прошли полпути, задніе только еще ступали на берегъ. Тѣмъ не менѣе авангарду удалось побѣдоносно отбить двѣ атаки турецкой конницы. Но когда къ конницѣ присоединилась артиллерія, уничтожившая редуты, наскоро построенные греками, они не устояли. Передній отрядъ былъ весь перебитъ, задніе обратились въ безпорядочное бѣгство, увлекая тѣхъ, которые только что хотѣли высадиться, въ числѣ ихъ Чёрча и Кочрэна. Около 1,500 грековъ и многіе изъ наиболѣе уважаемыхъ капитановъ пали жертвой этого легкомысленнаго предпріятія Кочрэна. Только канонада съ судовъ удержала турокъ отъ нападенія на греческій лагерь и полнаго разгрома его.

Это пораженіе произвело самое тяжелое впечатлѣніе на греческія войска. Многіе отряды, особенно пелопоннесцевъ, оставили начальниковъ, къ которымъ потеряли всякое довѣріе. Черезъ три дня подъ командой Чёрча оказалось всего 3,500 человѣкъ. Не надѣясь болѣе оказать помощь осажденнымъ, Кочрэнъ и Чёрчъ стали хлопотать о возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ сдачи крѣпости. Решидъ-паша, до котораго дошли слухи, что Ибрагимъ снова идетъ къ нему на помощь, согласился отпустить весь гарнизонъ съ оружіемъ и вещами. 2,000 грековъ, большею частью больныхъ, истомленныхъ долгою осадой, вышли изъ акрополя и были перевезены европейскими кораблями на Эгину.

Сдача акрополя была тяжелымъ ударомъ для всего греческаго народа. Обвиняли англійскихъ генераловъ, обвиняли Фабвье, командовавшаго гарнизономъ послѣ смерти Гураса, обвиняли весь гарнизонъ, который не сумѣлъ послѣдовать примѣру мужественныхъ миссолунцевъ. Среди военныхъ отрядовъ господствовало уныніе. Решидъ-паша безъ труда снова овладѣлъ всѣми тѣми мѣстностями, изъ которыхъ Караискакису удалось изгнать турокъ. Теперь ничто не мѣшало

ему перейти черезъ Коринѳскій перешеекъ и подать помощь Ибрагиму для окончательнаго завоеванія Пелопоннеса. Къ счастью для грековъ, онъ вмѣсто этого остался бездѣйствовать въ Ѳивахъ, а въ это время судьба Греціи рѣшилась, но рѣшилась не силою ихъ собственнаго оружія, а вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ.

ГЛАВА IX.

Вмѣшательство иностранныхъ державъ. Наваринская битва. Война съ Россіей Адріанопольскій миръ.—Греція - независимое государство.

Въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ отношенія сложились очень благопріятно для Греціи. Во Франціи все общество такъ громко и горячо высказывало ей свое сочувствіе, что и правительство не могло не стать на ея сторону; въ Англіи министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Каннингъ, противникъ всякаго насилія, горячій приверженецъ свободы; въ Россіи послѣ смерти императора Александра I вступилъ на престолъ императоръ Николай I (въ декабрѣ 1825 г.), который сразу заявилъ свое намѣреніе принять участіе въ дѣлахъ Балканскаго полуострова и оказать поддержку своимъ единовѣрцамъ грекамъ. 4 апрѣля 1826 г. Россія и Англія согласились обратиться совмѣстно къ Портѣ съ предложеніемъ прекратить военныя дѣйствія и предоставить Греціи независимость на правахъ вассальнаго княжества, которое платило бы Турціи опредѣленную дань и избирало бы себѣ правителя съ ея утвержденія. Султанъ отвѣчалъ на это предложеніе самымъ рѣшительнымъ отказомъ: онъ былъ убѣжденъ, что его военачальникамъ удастся очень скоро подавить греческое возстаніе. Вскорѣ къ Россіи и Англіи примкнула Франція, и всѣ три державы согласились твердо настаивать на немедленномъ заключеніи перемирія между Турціею и греками. Это было 6 іюля 1827 года, черезъ два мѣсяца послѣ паденія акрополя, когда въ Турціи считали грековъ почти окончательно побѣжденными, и султанъ еще рѣшительнѣе прежняго отвергъ вмѣшательство державъ во внутреннія дѣла его имперіи. Тогда союзныя державы заявили, что онѣ не остановятся передъ насиліемъ для возстановленія мира, что онѣ будутъ всѣми мѣрами препятствовать подвозу моремъ оружія и войскъ. Въ это время Порта собиралась нанести послѣдній ударъ грекамъ, овладѣвъ островами. Съ этою цѣлью снаряжались два большихъ флота, одинъ въ Александріи, другой въ Константинополѣ. Они сошлись въ Наваринѣ и должны были начать оттуда совмѣстныя дѣйствія. Между тѣмъ союзныя державы выслали въ Средиземное море свои эскадры, Россія подъ начальствомъ адмирала Гейдена, Франція де-Риньи, Англія Кодрингтона, съ тѣмъ, чтобы показать султану,

что онѣ намѣрены на самомъ дѣлѣ исполнить свою угрозу. Адмиралъ Кодрингтонъ сообщилъ Ибрагиму-пашѣ о цѣли своего прибытія и совѣтовалъ ему отослать его суда обратно въ Александрію, такъ какъ высадка на берега войска, все равно, не будетъ допущена. Ибрагимъ отвѣчалъ, что не можетъ отослать суда, не получивъ разрѣшенія отъ султана или отъ отца. Тогда соединенный флотъ союзныхъ державъ вошелъ въ Наваринскую гавань съ тѣмъ, чтобы слѣдить за движеніями египетскихъ и турецкихъ судовъ. Египетско-турецкій флотъ состоялъ изъ 89 военныхъ и 41 транспортныхъ судовъ при 2438 пушкахъ и стоялъ въ полномъ боевомъ порядкѣ. У союзниковъ было всего 27 судовъ и 1276 пушекъ. Два враждебно настроенные флота, естественно, не могли долго стоять другъ противъ друга, не предпринимая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Сначала затѣялась небольшая перестрѣлка между англійской шлюпкой и турецкимъ брандеромъ, затѣмъ турецкій корабль выстрѣлилъ въ англійское адмиральское судно, англичане отвѣтили ему, и вдругъ, неожиданно для всѣхъ, загорѣлся ожесточенный бой. Онъ продолжался всего четыре часа, но кончился почти полнымъ истребленіемъ турецко-египетскаго флота. Болѣе 5.000 мусульманъ пали въ битвѣ, 60 военныхъ кораблей ихъ покрыли гавань своими обломками, остальные были сильно повреждены. Союзный флотъ тоже пострадалъ, хотя значительно меньше. Смущенный Ибрагимъ не смѣлъ болѣе противиться требованіямъ адмираловъ и, какъ только уцѣлѣвшія суда его были исправлены, немедленно отослалъ ихъ въ Александрію.

На султана Наваринская битва произвела совсѣмъ иное впечатлѣніе: онъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе и объявилъ посланникамъ, что согласится на прекращеніе военныхъ дѣйствій только подъ условіемъ полнаго подчиненія Греціи. Обращеніе его съ посланниками было такъ надменно, что имъ пришлось выѣхать изъ Константинополя, т.-е. прервать всякія дипломатическія сношенія съ Портой.

Султанъ, видимо, готовился къ войнѣ, а именно къ войнѣ съ Россіей-которая казалась ему наиболѣе опасной защитницей грековъ. Императоръ Николай предупредилъ его, и самъ объявилъ войну въ апрѣлѣ 1828 г. Вслѣдъ за этимъ русскія войска, подъ начальствомъ фельдмаршала князя Витгенштейна, вступили въ княжества Молдавію и Валахію. Турецкая армія равнялась всего 50.000 человѣкъ и, не рѣшаясь помѣриться съ русскими силой въ открытомъ полѣ, ограничивалась защитой при дунайскихъ крѣпостей. Весь 1828 годъ прошелъ въ осадѣ крѣпостей. Браиловъ, Шумла и Варна сдались послѣ упорнаго сопротивленія; Анапа (на восточномъ берегу Чернаго моря) была взята черноморскимъ флотомъ подъ командой князя Меньшикова. Въ то же время отдѣльный корпусъ русской арміи дѣйствовалъ въ Азіатской Турціи, подъ начальствомъ генерала Паскевича, и дѣй-

ствовалъ необыкновенно удачно. Онъ взялъ штурмомъ крѣпость Карсъ, считавшуюся до тѣхъ поръ неприступною, затѣмъ направился къ Ахалцыху, разбилъ турецкое войско, явившееся на защиту этой крѣпости, овладѣлъ ею и завоевалъ всю окружающую мѣстность. Наступленіе суровыхъ холодовъ на Армянской возвышенности заставило объ воюющія стороны прекратить военныя дѣйствія и стать на зимнія квартиры. На слѣдующій годъ война велась столь же успѣшно для русскихъ. Паскевичъ перешелъ Салангунскій хребетъ, разбилъ по одиночкѣ два турецкихъ корпуса и овладѣлъ Эрзерумомъ. А въ Европейской Турціи русскія войска взяли Силистрію и Шумлу, нанесли полное пораженіе арміи Решидъ-паши, перешли черезъ Балканы и заняли Адріанополь.

Съ своей стороны, Англія и Франція тоже содѣйствовали освобожденію Греціи. Англійскій адмиралъ Кодрингтонъ появился съ своимъ флотомъ передъ Александріей и заставилъ Мехмета-Али отозвать изъ Европы сына его Ибрагима. Въ то же время 14.000-ный корпусъ французской арміи подъ начальствомъ генерала Мезона высадился въ Пелопоннесѣ, чтобы защищать полуостровъ отъ турецкихъ и египетскихъ войскъ.

Портѣ пришлось смириться и просить Россію о заключеніи мира. Мирный договоръ былъ подписанъ въ Адріанополѣ, въ сентябрѣ 1829 г., и въ одной изъ статей его Греція признана независимымъ государствомъ.

Еще раньше, въ началѣ 1827 г., греческое законодательное собраніе постановило вмѣсто пяти членовъ директоріи избрать одного правителя и остановило свой выборъ на графѣ Каподистріи, бывшемъ министрѣ императора Александра. Каподистрія всячески старался ввести порядокъ и благоустройство въ новое государство, но его правленіе было недолговременно. Державы, покровительницы Греціи, желали, чтобы она была не республикой, а королевствомъ, и, по совѣту ихъ, греки избрали своимъ королемъ принца Оттона Баварскаго. Преемникомъ его былъ сынъ короля Датскаго, Георгъ, который и до сихъ поръ управляетъ Греческимъ королевствомъ.

А. Анненская.

ОБЪЕДИНЕНІЕ ИТАЛІИ.

ГЛАВА I.

Римская имперія. Италія —Ея природа. Прошлое Италіи. Папы и ихъ значеніе въ исторіи Италіи.

Римъ! Вотъ имя, звучавшее громче и грознѣе всѣхъ въ то время когда подъ знаменіемъ чудесной звѣзды родился Спаситель міра. Владыкою міра тогда былъ Римъ. Всѣ страны отъ Гибралтарскаго пролива до Тибра и отъ Рейна и Дуная до пустынь Африки, т.-е. почти всѣ извѣстныя тогда земли, принадлежали Риму, всѣми ими распоряжался римскій цезарь, или кесарь. Въ его владѣніяхъ родился Спаситель, съ его изображеніемъ монету показывали хитрые фарисеи Іисусу Христу, подъ покровомъ его власти совершилось распятіе Сына Божія. Прошли вѣка. Разрушилась могучая Римская имперія. На земляхъ, когда-то входившихъ въ составъ ея, основались новыя государства, съ иными народами, иными правами и вѣрованіями. Прежнее грозное могущество Рима отошло въ область исторіи, и въ настоящее время Римъ славенъ только своимъ прошлымъ.

За эти XIX вѣковъ, которые прошли со времени Рождества Іисуса Христа, какихъ только народовъ не видѣла на своей землѣ Италія, подъ какими только владыками не была она, кто только не стремился захватить ее всю или хотя бы часть ея. Да это и понятно: уже одного ея климата, одной ея богатой природы было достаточно, чтобы привлечь къ ней жадныхъ завоевателей.

Италія занимаетъ Апеннинскій полуостровъ, длинною, узкою полосою вдающійся въ море и отдѣляющій Адріатическое море отъ Тирренскаго. Напоминая по формѣ гигантскій сапогъ, поддающій носкомъ треугольный островъ Сицилію, полуостровъ этотъ вытянулся по направленію къ юго-востоку, точно силясь соединить Европу съ Африкой.

Высокія Альпы полукругомъ стали на сѣверѣ Италіи, отдѣливъ ее отъ средней Европы. Снѣга, выпадающіе на горахъ и вѣчно лежащіе на вершинахъ ихъ, даютъ начало множеству рѣчекъ и потоковъ, которые, спускаясь внизъ, сливаясь и расширяясь, образуютъ крупнѣйшія рѣки Италіи, орошающія Ломбардскую низменность. И чѣмъ восточнѣе, чѣмъ ближе къ Адріатическому морю, тѣмъ ниже становится уровень почвы, тѣмъ воды больше. Въ Ломбардіи и особенно

въ восточной сосѣдкѣ ея—Венеціи, расположившейся на берегу Адріатическаго моря и на прибрежныхъ островахъ, на цѣлыя мили тянутся тростники, луга, затопленныя рисовыя поля. Много потрудился здѣсь человѣкъ, чтобы отвоевать у воды себѣ землю и обезопасить ее отъ наводненій.

Не таковъ противоположный, сѣверо-западный уголъ Италіи. Здѣсь Апеннинскія горы тянутся почти параллельно изогнутому берегу Генуэзскаго залива, отрѣзая къ сѣверу Пьемонтъ, а къ югу узкую прибрежную полосу. Здѣсь, на южномъ склонѣ этихъ горъ все открыто теплу и свѣту. Съ горъ спускаются между спиралистными агавами бѣлыя, сверкающія на солнцѣ дороги. Подъ вліяніемъ свѣжаго морского вѣтра тихо шелестятъ приморскія сосны, распространяя запахъ ладана, точно въ храмѣ; словно сѣрое серебристое море, волнуются масличныя рощи, зеленѣютъ фруктовые сады, бѣлѣютъ селенія и рѣзко вырисовываются на голубомъ морѣ далеко выдвинувшіеся мысы и прибрежные островки.

Южнѣе Апеннины измѣняютъ свое направленіе и тянутся вдоль полуострова, ближе къ правому берегу, чѣмъ къ лѣвому, на югѣ переходя въ Калабрію и продолжаясь на островѣ Сициліи. Своими предгорьями и отрогами они наполняютъ полуостровъ, порой уступая мѣсто обширнымъ прибрежнымъ низменностямъ, порой спускаясь къ морю и врѣзаясь въ него живописными мысами, между которыми въ берегъ вдаются полукруглые заливы въ зеленыхъ берегахъ. Внизу сверкаетъ безконечно измѣнчивое море, то красноватое, то изумрудное, то лазурное, а вдали синѣетъ хребетъ съ темными лощинами, и кажется, что это пропитанный свѣтомъ паръ повисъ въ воздухѣ.

Правда, на полуостровѣ встрѣчаются и безплодныя болотистыя мѣстности, дающія вредныя испаренія и порождающія жестокія лихорадки, встрѣчаются и безплодныя скалистыя пустыни, но въ общемъ трудно представить себѣ климатъ болѣе благодатный и природу болѣе богатую, чѣмъ климатъ и природа Италіи. Особенно сильно и ярко сказывается это на растительности Италіи, въ высшей степени роскошной и разнообразной.

Померанцы, апельсины и лимоны, пиніи со своими округлыми кронами, стройные кипарисы, темнолистные дубы, лавры и мирты, гранаты, сѣрыя, точно посыпанныя серебристымъ пушкомъ маслины, фисташки, магноліи съ крупными, толстыми листьями, финиковыя пальмы, раскинувшія вверху свои листья точно струи фонтана, агавы съ синими листьями, пробковые дубы, красноствольные земляничники, олеандры и многое множество всякихъ вѣчнозеленыхъ деревьевъ дѣлаютъ то, что зима здѣсь такая же зеленая и оживленная, какъ и лѣто. Только тамъ, гдѣ преобладаютъ тополи и ильмы, виноградъ и каштаны, зимою шелестятъ подъ ногами опавшіе листья, растительность становится прозрачнѣе и солнечные лучи свободнѣе прорѣ-

заютъ заросли; но и тамъ вьющіяся растенія скрываютъ подъ густымъ зеленымъ покровомъ потерявшія листья деревья... Даже тѣ растенія, какія встрѣчаются и сѣвернѣе, здѣсь, подъ волшебнымъ южнымъ солнцемъ, принимаютъ другой видъ и другія свойства. Особенно рѣзко сказывается это въ травахъ и цвѣтахъ. Они доходятъ прямо до волшебнаго великолѣпія, особенно весною или послѣ дождя, когда холмы и поля покрываются пестрымъ ковромъ, ароматнымъ и блестящимъ яркими красками. Есть такія мѣстности, гдѣ все утопаетъ въ благоуханіи, гдѣ каждое дуновеніе воздуха и днемъ и ночью напоено ароматомъ, гдѣ чуть не каждый растертый листикъ оставляетъ въ рукѣ долго не исчезающій запахъ. Цвѣтущія маслины, дикіе нарциссы и желтофіоли, гвоздики и фіалки, розы и цвѣты апельсиновъ смѣшиваютъ свой запахъ съ ароматомъ хвойныхъ деревьевъ, мирть, лавровъ и др... Размаринъ, шалфей, чеберъ, лаванда, мята повсюду, на горахъ и около дорогъ, на кладбищахъ и въ развалинахъ...

Изъ многихъ растеній люди добываютъ благовонныя воды и масла, многія употребляются какъ лѣкарства, многія -какъ красящія вещества. Мы уже не говоримъ о кукурузѣ, пшеницѣ, рисѣ, маслинѣ, тутовомъ деревѣ, смоковницѣ, каштанѣ, виноградѣ и всевозможныхъ фруктахъ, плодахъ и овощахъ. Вдоль береговъ Средиземнаго моря во многихъ мѣстахъ у подошвы скалъ идетъ богатая черноземомъ, хорошо орошаемая, плодородная полоса: внизу она даетъ обильныя жатвы маиса и пшеницы, а выше—растутъ маслины, смоквы, грецкіе орѣхи, фруктовыя деревья, виноградныя лозы и т. д. и т. д. Здѣсь круглый годъ идетъ работа на поляхъ и въ садахъ.

Повыше, на горахъ зеленѣютъ поросли стелющихся по землѣ, иглистыхъ, сучковатыхъ кустовъ и кустарниковъ, перевитыхъ вьющимися растеніями и перемежающихся пахучими травами. Надъ ними, выше, скалы и пустыни, голыя и безводныя, иногда смѣняющіяся оазами деревьевъ—платановъ, каштановъ, дубовъ, буковъ...

Наибольшаго богатства достигаетъ природа на островѣ Сициліи, этой „жемчужинѣ Средиземнаго моря", „житницѣ Италіи"; тутъ неизвѣстны морозы, и растительность близко подходитъ къ тропической...

Чудно, хорошо въ Италіи, подъ ея голубымъ небомъ, въ ея благодатномъ климатѣ, при ея щедрой природѣ! Но людямъ въ этой обильно одаренной Богомъ странѣ живется далеко не привольно, да и прежде жилось плохо, и трудно назвать другую страну, населенію которой пришлось бы за многіе вѣка перенести столько, сколько перенесли предки нынѣшнихъ обитателей благословеннаго Богомъ полуострова.

Мѣсто не позволяетъ намъ подробно разсказать исторію полуострова. Мы не будемъ говорить о постепенномъ паденіи и разложеніи могущественной Римской имперіи подъ вліяніемъ причинъ внутреннихъ, развившихся въ самой имперіи подъ ея блестящею оболочкой,

и причинъ внѣшнихъ—напора новыхъ народовъ, столкновенія съ которыми начались еще задолго до Рождества Христова. Напрасно старались спасти имперію немногіе лучшіе императоры: она распалась на двѣ части—Западную, съ столицею Римомъ, и Восточную—съ столицей Константинополемъ, и затѣмъ Западная имперія начала быстро гаять. Составныя части ея одинъ за другими захватывались германцами, изъ нихъ образовывались новыя самостоятельныя государства, пока, наконецъ, подъ властью западнаго императора осталась одна только Италія. Наконецъ и она перешла въ руки германцевъ, первое время еще сохраняя зависимость отъ восточнаго императора. Послѣ ость-готовъ лангобарды овладѣли значительной частью полуострова. Только нѣкоторая часть Италіи управлялась еще экзархами и правителями, поставленными восточными императорами. Остальная же часть ея, весь сѣверъ Италіи, полоса въ средней и вся южная часть, входитъ въ составъ владѣній лангобардовъ. Можно было ожидать, что съ теченіемъ времени побѣжденные и побѣдители, прежніе жители Италіи и лангобарды, сольются въ одинъ народъ, тѣмъ болѣе, что подъ властью лангобардскихъ королей жилось даже лучше, чѣмъ въ не захваченныхъ еще ими земляхъ Италіи. Такъ, можетъ-быть, и было бы, если бъ въ дѣлахъ Италіи не приняли дѣятельнаго участія папы.

Слово „папа" было сначала общимъ названіемъ старшихъ духовныхъ лицъ, и только впослѣдствіи это названіе присвоили исключительно епископамъ Рима. Римъ выдѣлялся изъ ряда другихъ городовъ, какъ столица Римской имперіи, какъ центръ торговли и просвѣщенія. Сюда стекались по своимъ дѣламъ христіане и со всѣхъ концовъ государства, всѣмъ приходилось имѣть дѣло съ римскимъ епископомъ, и среди епископовъ другихъ городовъ, римскій епископъ занялъ особое положеніе, пользовался особеннымъ вліяніемъ. Когда Западная имперія отдѣлилась отъ Восточной, римскій епископъ остался единственнымъ епископомъ на западѣ въ то время, какъ въ Восточной имперіи ихъ было нѣсколько и всѣ одинаковаго значенія; на востокѣ епископамъ много приходилось заботиться объ охранѣ чистоты вѣроисповѣданія отъ вѣянихъ ересей, а римскіе епископы, свободные отъ этой борьбы, могли всѣ свои силы отдавать заботамъ объ устройствѣ своей церкви, объ утвержденіи своей власти, для чего располагали и большими средствами, такъ какъ имъ принадлежали обширныя земли. Въ глазахъ новыхъ христіанъ, германцевъ, римскій епископъ пользовался большимъ уваженіемъ, какъ епископъ великаго города, прежней столицы міра, города, гдѣ проповѣдывалъ и скончался мученическою смертью великій апостолъ Христовъ Петръ; папы являлись заступниками за Римъ передъ варварами, боролись съ ними, обращали ихъ въ христіанство, подчиняли своему вліянію. Они не щадили ни труда, ни богатствъ, чтобы, съ одной стороны, сдерживать германцевъ,

а съ другой, уменьшать несправедливости восточныхъ экзарховъ. И вся Италія смотрѣла на нихъ съ благоговѣніемъ, благодарностью и надеждой.

Утвержденіе власти лангобардовъ въ Италіи грозило уменьшить значеніе папъ. Если бы лангобардамъ удалось объединить Италію, если бы рядомъ съ папою появился король, которому пришлось бы уступить во многомъ, папа превратился бы въ обыкновеннаго епископа, уже не Рима столицы міра, а просто мѣстнаго епископа, такого же, какъ, напр., епископъ Константинопольскій. Да и самое значеніе Рима упало бы,- онъ превратился бы въ столицу небольшого итальянскаго королевства. И вотъ папы, быть-можетъ, по вреду для будущаго Италіи, всѣми силами противятся ея объединенію подъ властью короля лангобардовъ; они сѣютъ междоусобія между лангобардами, возстановляютъ противъ нихъ населеніе, и, наконецъ, просятъ помощи у франковъ, призываютъ ихъ въ Италію.

И франки появляются. Въ 800 г. папа коронуетъ франкскаго короля Карла Великаго императорскою короною и провозглашаетъ его „умирителемъ и великимъ императоромъ римлянъ, вѣнчаннымъ рукою Божіею". Такимъ образомъ, папа какъ бы получилъ право давать свѣтскую власть. Въ то же время папы и сами становятся государями: часть земель, принадлежавшихъ Восточной имперіи, перешла въ ихъ руки, и они сдѣлались свѣтскими владѣтелями. Послѣ смерти Карла, когда распалась его монархія и начались смуты между его преемниками, папа не разъ являлся распорядителемъ римской короны. Въ концѣ концовъ она перешла къ нѣмецкимъ королямъ. Король нѣмецкій сдѣлался итальянскимъ королемъ и императоромъ римскимъ.

При нѣмецкихъ императорахъ велась открытая уже борьба свѣтской власти и духовной. Папѣ много помогали въ этой борьбѣ города Италіи. Въ Италіи широко развилась городская жизнь. Благодаря своему положенію, города Италіи пользовались почти полною независимостью. Многіе изъ нихъ составляли какъ бы отдѣльныя государства и нерѣдко подчиняли себѣ менѣе сильные города. Иногда нѣсколько городовъ соединялись для какой-либо цѣли въ союзъ, но чаще между ними шли распри и ссоры, для разрѣшенія которыхъ они иногда обращались къ германскому императору, а чаще къ оружію; воевали города другъ съ другомъ, воевали между собою граждане одного и того же города... Во время этой борьбы съ папами и городами императоры порой доводились до крайняго униженія, порой, напротивъ, одерживали верхъ, и затѣмъ опять падали. А притязанія папъ все увеличивались. „Какъ солнце и луна, говоритъ одинъ папа, при которомъ особенно возвысилась папская власть,- поставлены на небесномъ сводѣ, солнце для того, чтобы управлять днемъ, а луна ночью, такъ точно есть двѣ власти въ церкви: одна папская, высшая,

потому что ея попеченію ввѣрены души, другая императорская, низшая, потому что ей поручены только тѣла". Одинъ изъ богослововъ высчиталъ, что папская власть въ сорокъ семь разъ выше императорской, а другой поправилъ его: папа въ 1744 раза выше императора и королей.

Южная Италія, благодаря своему положенію въ центрѣ Средиземнаго моря, постоянно дѣлалась добычей разныхъ пиратовъ и завоевателей. Устройство поверхности и отсутствіе какой-либо обширной рѣчной системы, разнообразіе племенъ, заселившихъ эту часть Италіи, затрудняли образованіе одного сильнаго народа и облегчали дѣло завоевателямъ, привлекаемымъ, помимо легкости завоеванія, богатою природою страны. Почти ни одинъ городъ южной Италіи не управлялся долго самъ собою, они постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки. Въ началѣ XI вѣка появились тамъ нормандскіе выходцы. По дорогѣ изъ Святой земли они освободили городъ Салерно отъ сарацинъ и затѣмъ забрали владѣнія Восточной имперіи, еще находившіяся здѣсь, покорили нѣсколько вольныхъ городовъ и образовали на югѣ Италіи нормандское княжество. Папы смотрѣли на нормандскихъ владѣтелей, какъ на союзниковъ противъ императора, и дали имъ титулъ королей Сицилійскихъ. Но германскіе императоры не могли спокойно видѣть, что южная Италія ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Одному изъ императоровъ удалось по брачному союзу пріобрѣсти Неаполь и Сицилію, несмотря на противодѣйствіе папъ. А его преемникъ, Фридрихъ II, родившійся и воспитывавшійся въ Италіи, любившій Италію и жившій преимущественно въ Италіи, мечталъ объединить подъ своею властью весь полуостровъ. Значеніе папы находилось въ опасности. Папы поняли это и вступили въ борьбу съ императоромъ, пользуясь всякими средствами: они возстановляли противъ него народъ при посредствѣ нищенствующихъ монаховъ, удалили императора подъ страхомъ отлученія отъ церкви въ крестовый походъ, возбуждали противъ него различныхъ государей и даже собственнаго его сына. Та же борьба продолжалась и при сынѣ Фридриха, и папы, наконецъ, побѣдили: по предложенію папы, южную Италію занялъ Карлъ Анжуйскій. Затѣмъ, въ XIII вѣкѣ, французы были изгнаны изъ Сициліи, и она перешла во власть королей испанскихъ.

Папы думали о всемірномъ господствѣ, они боялись объединенія всѣхъ областей и городовъ Италіи въ одно цѣлое, въ одинъ народъ, подъ одною властью, и всячески противодѣйствовали ему. Они достигли своей цѣли: итальянскія области и города не чувствовали взаимной связи между собой, не считали себя сынами Италіи, членами одного народа, не мечтали объ единомъ Итальянскомъ государствѣ.

Когда стихала борьба между папами и императорами, распри

и раздоры не прекращались въ Италіи: враждуютъ города съ городами, дворяне съ крестьянами, купцы съ цѣхами, цѣхи другъ съ другомъ и т. д. Любви къ своему народу, къ отечеству, не было ни у кого. Случалось, какой-нибудь изгнанникъ набиралъ себѣ единомышленниковъ въ другихъ городахъ и шелъ съ ними на свой родной городъ, не считая этого ни за грѣхъ, ни за измѣну. Явились даже особые люди, кондотьеры, которые, набравъ себѣ шайку всякихъ искателей приключеній, по найму принимали участіе въ чужихъ спорахъ.

И вотъ всѣ почти области итальянскія, истощенныя долгою борьбою, подвергаясь нападеніямъ кондотьеровъ, раздираемыя междоусобіями, одна за другою переходятъ въ руки мелкихъ владѣтелей или въ руки того или другого изъ европейскихъ царствующихъ домовъ. Вся Италія раздробилась на мелкія государства, не связанныя между собою, не имѣющія никакого значенія въ дѣлахъ Европы, безсильныя и беззащитныя. Только Венеція и Генуя представляли нѣкоторое исключеніе.

Въ XV и XVI вѣкѣ боролись между собою три, наиболѣе сильныя въ то время, европейскія монархіи: Франція, Германія и Испанія, боролись между прочимъ за обладаніе тою или другою частью Италіи: кровопролитныя войны ихъ велись въ самой Италіи, и несчастной странѣ приходилось нести тяжести и всѣ послѣдствія этихъ войнъ. Короли французскіе, состоявшіе въ родствѣ съ Анжуйскимъ домомъ, овладѣли Неаполемъ и Миланомъ, но въ XVI вѣкѣ оба эти города и значительная часть остальной Италіи перешли къ Испаніи. Папы принимали дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, они то сами способствовали изгнанію французовъ и усиленію испанцевъ, то, наоборотъ, враждовали съ испанцами и входили въ соглашенія съ французами; но въ концѣ концовъ во второй половинѣ XVI вѣка испанскіе Габсбурги овладѣли всею Испаніей.

Въ концѣ XVII вѣка Франція, желая помѣшать усиленію Испаніи, вмѣшивается въ дѣла Италіи, затѣмъ, въ XVIII вѣкѣ, войны между сильными европейскими государствами оканчиваются опять-таки перераспланировкой Италіи. Ея части переходятъ изъ рукъ въ руки, урѣзываются, мѣняются. Неаполь, Парма, Тоскана, Модена переходятъ къ владѣтелямъ изъ испанско-бурбонскаго и австрійско-габсбургскаго дома, Миланъ и Ломбардія—въ руки Австріи.

Переходя такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, находясь почти все время подъ чуждою властью, итальянцы, не принимая участія въ дѣлахъ государственныхъ, обратили всѣ силы свои на другую область—область искусства. Въ тѣ вѣка, когда ниже всего падала самостоятельность Италіи, когда хуже всего складывалась ея государственная жизнь, искусство въ ней расцвѣтало пышнѣе, чѣмъ гдѣ-либо достаточно, напр., назвать для одного XVI вѣка такія имена, какъ Рафаэль, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи, Тиціанъ, Корреджіо:

въ живописи, архитектурѣ и ваяніи. Аріосто, Макіавелли—въ литературѣ и мног. друг.

Между тѣмъ папская власть съ теченіемъ времени теряла свое первенствующее значеніе. Чѣмъ сильнѣе становились европейскія государства, чѣмъ больше распространялось просвѣщеніе въ народѣ, тѣмъ больше и государи и народъ тяготились ею. Противъ папъ стали возставать не только отдѣльныя лица, но и государства. Вмѣстѣ съ этимъ и нравственность католическаго духовенства падала, злоупотребленія среди него возрастали, уваженіе къ нему въ настѣ уменьшалось. Да и какъ было не уменьшиться уваженію, когда иной разъ дѣло доходило до того, что одновременно являлось два-три папы, споривніе другъ съ другомъ и позорившіе одинъ другого, когда папами бывали иногда люди въ высшей степени безнравственные, продажные, преступные!

Затѣмъ, въ XVI вѣкѣ, реформація дала новый толчокъ паденію папства, требуя, во имя разума и справедливости, преобразованія духовной власти, измѣненія самаго вѣроисповѣданія, уничтоженія злоупотребленій, требуя возвращенія къ забытымъ евангельскимъ истинамъ. Папы напрягали всѣ силы, чтобы спасти свое значеніе, для защиты ихъ основался особый монашескій орденъ іезуитовъ, усилилась инквизиція, но ничто не помогало. Ихъ вліяніе на государственныя дѣла Европы пало. Государи перестали бояться отлученій отъ церкви, когда-то всесильнаго оружія папы противъ императоровъ, и не позволяли духовной власти вмѣшиваться въ дѣла управленія государствомъ. Такъ всѣ многовѣковыя старанія папъ добиться всемірнаго господства не привели ни къ чему. Передавая итальянскіе престолы послѣ лангобардовъ Карлу Великому, нѣмецкимъ королямъ, норманнамъ, французамъ, австрійцамъ, испанцамъ, они сдѣлали Италію мѣстомъ нескончаемой борьбы. „Церковь Римская, говоритъ одинъ итальянскій писатель,—была виновницей того, что Италія не могла соединиться подъ державою одного главы, а распалась между многими государями и владѣтелями: отсюда такое разъединеніе и такая слабость, что она стала постоянною добычею не только могущественныхъ варваровъ, но и каждаго, кто на нее нападаетъ".

Такова судьба Аппенинскаго полуострова. „Италіи" собственно не было, слово „Италія" можно было скорѣе считать простымъ географическимъ выраженіемъ. Только нарѣдка появлялись люди, проповѣдывавшіе народамъ Италіи единеніе.

ГЛАВА II.

Данте.—Кола ди-Ріенци.—Макіавелли.—Мазаніелло.

Въ XIII-мъ вѣкѣ объ объединеніи Италіи взывалъ великій патріотъ и поэтъ Аллигіери Данте, родившійся въ 1265 году.

Мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ нѣкоторыми обстоятельствами его жизни, такъ какъ они могутъ служить яркимъ примѣромъ бѣдствій раздиравшейся междоусобіями Италіи.

Данте родился въ городѣ Флоренціи, въ Тосканѣ, одной изъ лучшихъ областей средней Италіи по умѣренности и мягкости климата, по плодородію почвы и богатству орошенія. Благодаря своему положенію, города Тосканы, а особенно—Флоренція, „городъ цвѣтовъ", были одними изъ центровъ торговли и промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ процвѣтанія наукъ и искусствъ. Въ ряду такихъ имент, какъ Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи, Андреа дель-Сарто, Савонарола, Галилей, Макіавелли и друг., блеститъ и имя великаго поэта и патріота Италіи—Аллигіери Данте.

Во время Данте Флоренція была республика, во главѣ которой стояли „пріоры". При Данте же во Флоренціи вспыхнули раздоры между горожанами, начавшіеся, какъ это часто бывало въ Италіи, изъ причинъ личныхъ и мелкихъ и перешедшихъ въ настоящую междоусобную войну. Одинъ выдающійся флорентіецъ Черки пригласилъ къ себѣ на ужинъ Донати, брата своей жены, только что умершей передъ этимъ и, по слухамъ, отравленной своимъ мужемъ. Черки налилъ вина и предложилъ его Донати, но тотъ отстранилъ отъ себя кубокъ. Черки подозвалъ одного изъ своихъ приближенныхъ и велѣлъ ему выпить этотъ кубокъ. Тотъ выпилъ. Тогда Донати всталъ и сказалъ своему родственнику: „Мою сестру ты угостилъ не такимъ виномъ". Съ этого и началась вражда двухъ семей, къ той и другой присоединились родственники, друзья, сторонники, и скоро весь городъ раздѣлился на двѣ арміи Черныхъ и Бѣлыхъ. Побѣдили Бѣлые,—и Черные были изгнаны. Въ эти раздоры вмѣшался папа и, яко бы для примиренія, прислалъ во Флоренцію брата французскаго короля. Тотъ не столько заботился примирить партіи, сколько побольше нажиться. Когда онъ уѣхалъ, Черные ворвались въ городъ, убивали своихъ противниковъ, грабили и жгли ихъ дома, сотнями изгоняли ихъ изъ города или предавали казни и т. д., а вслѣдъ затѣмъ начали раздоры и въ своей средѣ.

Данте происходилъ изъ знатной древней фамиліи и получилъ очень хорошее, по тому времени, образованіе: еще больше знаній онъ пріобрѣлъ потомъ самъ; онъ занимался и философіей, и живописью, изучалъ и право и богословіе и т. д.

Онъ былъ тоже въ числѣ изгнанниковъ, и ему пришлось вести жизнь, полную лишеній. Онъ страдалъ отъ нужды, отъ необходимо-

сти „подниматься и спускаться просителемъ по чужимъ лѣстницамъ", отъ тоски по родинѣ. „Я скитаюсь, какъ бѣдный странникъ, говоритъ онъ, почти какъ нищій, по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ говорятъ языкомъ Италіи, показывая всюду противъ воли рану, нанесенную мнѣ судьбою. Поистинѣ я уподобляюсь лодкѣ безъ парусовъ и руля, прибиваемой къ разнымъ гаванямъ и берегамъ сухимъ вѣтромъ, которымъ движетъ скорбящая бѣдность". Онъ былъ и въ Римѣ, и въ Сіенѣ, и въ Падуѣ, и въ Вероиѣ, и даже въ Парижѣ, и наконецъ, послѣ долгихъ скитаній скончался въ 1321 году, въ городѣ Равеннѣ. Тамъ онъ и похороненъ. Флоренція много разъ добивалась возвращенія праха своего великаго согражданина, но ея старанія были напрасны: и до сихъ поръ

спитъ Дантъ далеко
Отъ береговъ страны родной,
Гдѣ оскорбленъ былъ такъ жестоко
И изгнанъ дерзко въ край иной...

А во Флоренціи на кладбищѣ воздвигнутъ въ честь его великолѣпный саркофагъ съ надписью: „Уважайте великаго поэта".

Такимъ образомъ Данте пострадалъ отъ партійныхъ раздоровъ, хотя, какъ человѣкъ просвѣщенный и любившій свое отечество, имѣлъ въ виду прежде всего не выгоды той или другой партіи, а благо родины. И когда императоромъ германскимъ сдѣлался Генрихъ VII, мечтавшій объ умиротвореніи Италіи, о возвышеніи императорской власти, Данте смотритъ на него, какъ на избранника Божія, какъ на единственнаго спасителя раздираемой междоусобіями родины. „Возрадуйся, Италія, пишетъ онъ: близокъ тотъ, кто освободитъ тебя изъ темницы нечестивыхъ и отдастъ свой виноградникъ въ руки другихъ рабочихъ, которые, когда придетъ часъ жатвы, соберутъ плоды правды и справедливости." Онъ умоляетъ о мирѣ „всѣхъ и каждаго, королей Сициліи и Неаполя, римскій сенатъ, а равно герцоговъ, графовъ, маркграфовъ и народы Италіи." Но города продолжали враждовать. Флоренція противодѣйствовала Генриху, и Данте пишетъ своимъ „нечестивымъ флорентійцамъ" письмо, полное просьбъ о мирѣ, доказываетъ имъ благо единенія подъ единой властью, упрекаетъ ихъ... Императора онъ проситъ поторопиться, поразить гидру въ сердце, подчинить непокорные города и важнѣе всего Флоренцію. Но Генрихъ умеръ прежде, чѣмъ успѣлъ исполнить эти желанія.

Данте горячо любилъ свою родину, но родиной этой была для него не Флоренція, раздираемая враждою партій, а вся несчастная Италія, истекающая слезами и кровью изъ-за разлада и раздора мелкихъ владѣтелей и городовъ. Онъ мечтаетъ о королѣхъ, управляющихъ отдѣльными народами, съ единымъ императоромъ надъ ними. Такъ, въ Данте сказался и древній римлянинъ, въ которомъ были живы еще преданія о прежнемъ

всемірномъ могуществѣ цезаря, и въ то же время—современныхъ междоусобій, раздиравшихъ Италію.

Величайшее произведеніе Данте—„Божественная комедія“ даетъ описаніе загробной жизни въ „Адѣ“, „Раѣ„ и „Чистилищѣ“ и въ то же время показываетъ намъ духовную жизнь самого поэта, его политическіе взгляды и упованія, состояніе научныхъ знаній въ его время. Въ этой поэмѣ онъ возстаетъ противъ свѣтской власти папъ, мечтаетъ объ единой имперіи. Онъ вспоминаетъ древній Римъ, его героевъ и подвиги, печалится о настоящемъ положеніи Италіи и желаетъ возвращенія прошлаго.

Кромѣ своихъ великихъ художественныхъ достоинствъ, поэма Данте и большинство литераторовъ, замѣчательна еще и въ другомъ отношеніи. Данте первый писалъ не по-латыни, какъ писали до него ученые литераторы, а на народномъ языкѣ, на флорентійскомъ діалектѣ, который впослѣдствіи сталъ народнымъ итальянскимъ языкомъ. Защищая его въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ и, еще важнѣе, употребляя его въ своемъ великомъ произведеніи, онъ создалъ для народовъ Италіи великую связь—единый національный письменный языкъ, единую національную литературу. „Это было главнѣйшее благо, какое онъ могъ дать и дѣйствительно далъ своему народу“. „И Данте свою любовь къ родинѣ нигдѣ не проявляетъ такъ великолѣпно, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, подобно сыну, защищающему мать, беретъ подъ свою защиту языкъ своего народа отъ презирающихъ его латинистовъ“. Можно, пожалуй, сказать, что первое основаніе объединенія Италіи было заложено въ тотъ день, когда великій поэтъ изъ употреблявшихся на полуостровѣ нарѣчій выковалъ свой прекрасный, звучный и твердый языкъ.

Одною изъ интересныхъ личностей средневѣковой Италіи былъ Кола ди-Ріенци, послѣдній Римскій трибунъ, задумавшій освободить римскій народъ, дать ему миръ и порядокъ, возстановить древнее величіе столицы міра, „Вѣчнаго Города“. И ему удалось до нѣкоторой степени осуществить свои мечты, но не надолго: положившій всю жизнь свою на благо народа, онъ и погибъ отъ руки народа.

Кола ди-Ріенци родился въ 1313 г. въ Римѣ, въ небогатой и незнатной семьѣ. Дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ и, вернувшись уже 20 лѣтъ въ Римъ, занялся самообразованіемъ, сталъ читать древнихъ римскихъ писателей, познакомился съ прошлымъ Рима, полюбилъ это прошлое, гордился имъ и за себя и за народъ римскій. Онъ увлекся мечтами воскресить этотъ народъ, вызвать къ жизни древнія доблести, вернуть древнее величіе. Въ этомъ онъ видѣлъ великую задачу, могущую удовлетворить его честолюбіе, видѣлъ священный долгъ свой.

Самый Римъ въ то время былъ въ печальномъ положеніи.

Въ народѣ сохранялись только преданія о прежнемъ величіи, но не было прежнихъ доблестей. Это была гордая своимъ славнымъ

превосходствомъ, способная къ мятежамъ, но не обладавшая мужествомъ масса. Нобили, или патриціи (знатные люди), вели себя съ этимъ народомъ скорѣе какъ бандиты, чѣмъ какъ умные правители. Папы не жили въ то время въ Римѣ. Въ началѣ XIV вѣка они оставили Римъ и поселились въ Авиньонѣ, и нобили, не видя себѣ никакой преграды, сдѣлались полными хозяевами и города и всей Папской области. Къ народу они относились съ презрѣніемъ, къ папской власти—безъ всякаго уваженія. Въ Римѣ еще сохранялся призракъ народнаго правленія: городъ дѣлился на тринадцать частей, и каждая часть избирала себѣ вождя,—но у вождей этихъ на самомъ дѣлѣ не было ни силы, ни значенія: были сенаторы, но они назначались папами или нобилями и только изъ нобилей; значеніе ихъ зависѣло исключительно отъ ихъ личныхъ свойствъ. Нобили, въ своихъ замкахъ и крѣпостяхъ, не подчинялись ни властямъ, ни закону. Они содержали войска изъ иностранныхъ наемниковъ, въ ихъ рукахъ была и судебная и военная власть, и они чувствовали себя въ полной безопасности, несмотря на ненависть народа. Они враждовали и воевали между собою, притѣсняли горожанъ, захватывали прибыльныя должности. Изъ такихъ фамилій, враждовавшихъ между собою во время Ріензи, самыми сильными были фамиліи—Колонны и Орсини.

Горожане страдали и отъ мира нобилей и отъ ихъ борьбы, страдали, кромѣ того, отъ многочисленныхъ разбойниковъ, наполнявшихъ дороги и состоявшихъ подъ покровительствомъ патриціевъ, набиравшихъ изъ нихъ свои войска. Были разбойники и болѣе крупные, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи цѣлыя арміи, нападавшія на сосѣднія государства и грабившія ихъ.

Доходы папы уменьшались, бѣдность народа увеличивалась. И вотъ папа Климентъ VI, чтобъ наполнить свою казну и дать доходъ городу, задумалъ устроить празднество юбилея въ 1350 г. Всѣмъ, кто въ этотъ годъ посѣтитъ Римъ, было обѣщано полное отпущеніе грѣховъ. Подобный праздникъ былъ устроенъ около полувѣка назадъ и обогатилъ папскую казну: „два священника стояли день и ночь съ граблями въ рукахъ, и, не считая, огребали кучи золота и серебра, принесеннаго пилигриммами на алтарь св. Павла“... Между тѣмъ разбойники на дорогахъ могли испортить все дѣло, могли помѣшать наплыву паломниковъ, и епископу орвіетскому Раймонду было поручено сдѣлать что возможно для уменьшенія этого зла.

Имя Ріензи уже было извѣстно народу. Въ то время, какъ патриціи ссорились другъ съ другомъ, вызывая проклятія народа, и поддерживали свое значеніе мечами не знавшихъ себѣ ни въ чемъ удержу наемниковъ, Ріензи, обладавшій сильнымъ краснорѣчіемъ, одушевленный любовью къ родинѣ, говорилъ народу о свободѣ, обѣщалъ ему лучшее будущее, говорилъ о славномъ прошломъ римскаго народа, сопоставляя его съ печальнымъ настоящимъ. И значеніе этого

человѣка росло съ каждымъ днемъ. Онъ имѣлъ связи съ вліятельными, ѣздилъ, какъ депутатъ, къ папѣ въ Авиньонъ и умолялъ его вернуться въ Римъ. Ему не удалось убѣдить папу, но онъ очаровалъ его своими рѣчами и возвратился, облеченный важнымъ саномъ. Положеніе его стало выше и значеніе въ глазахъ народа еще больше. И рѣчи его о завидномъ прошломъ Рима, о необходимости и возможности вернуться къ нему стали еще плодотворнѣе, кружокъ единомышленниковъ шире, сочувствіе въ народѣ больше. Вѣра въ себя и въ свое дѣло росла въ Ріенци съ каждымъ днемъ. Все, что страдало и терпѣло униженія отъ вліятельныхъ, все, что хоть немного знало о минувшемъ, все было на сторонѣ его: мирные ученые, менѣе сильные вліятельные, священники, монахи, купцы, ремесленники...

И вотъ къ нему-то, по порученію папы, и обратился епископъ съ просьбою обезопасить дороги, чтобы паломники не терпѣли отъ разбойниковъ и ихъ покровителей—вліятельныхъ. При этомъ онъ далъ ему право примѣнять самыя строгія мѣры противъ виновныхъ, кто бы они ни были. Пользуясь поддержкою папы, Ріенци перешелъ къ дѣлу. Чтобы больше воодушевить народъ, онъ прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ. Разъ, напр., онъ выставилъ картину, аллегорически изображавшую положеніе Рима и его народа, и толпамъ, собравшимся у картины, давалъ такое объясненіе ея:

„Вы видите передъ собой могущественное и бурное море; на его волнахъ пять кораблей; четыре изъ нихъ превратились уже въ обломки; ихъ машины разбиты, волны врываются чрезъ разсѣвшіяся доски; для нихъ нѣтъ уже ни помощи, ни надежды; на каждомъ изъ нихъ лежитъ тѣло женщины. Замѣчаете ли вы, какъ вѣрно живописецъ въ омертвѣломъ лицѣ и безжизненныхъ членахъ изобразилъ оттѣнки и отвратительный видъ смерти? Эти корабли—Карѳагенъ, Троя, Іерусалимъ и Вавилонъ. Для всѣхъ этихъ кораблей одна общая надпись: „Мы доведены несправедливостью до истощенія“. А посреди моря качается среди волнъ пятый корабль, съ сломанной мачтой, отбитымъ рулемъ, порваными парусами... Онъ еще не потерпѣлъ полнаго крушенія, но скоро и съ нимъ будетъ то же, что съ тѣми четырьмя кораблями. На палубѣ на колѣняхъ стоитъ женщина, одѣтая въ трауръ, и глубокое, безнадежное горе видно на лицѣ ея, и она простираетъ руки, она со слезами взываетъ къ вамъ и къ небу о помощи. Это Римъ! Это ваша родина! А на правой сторонѣ картины видна и причина бури, видно, почему этотъ корабль находится въ опасности, а другіе четыре погибли. Тамъ разные звѣри пускаютъ изъ своихъ пастей вѣтры и бури, волнующія море. Вотъ львы, волки и медвѣди—это безаконные и свирѣпые сеньоры; вотъ собаки и свиньи—дурные совѣтники и паразиты; вотъ драконы и лисицы—судьи, продающіе правосудіе; вотъ зайцы, козлы, обезьяны—воры и убійцы, похитители и грабители! Понимаете вы, римляне? Раз-

гадали вы загадку картины? Есть у васъ надежда? Есть! Развѣ эта же картина не обѣщаетъ спасенія? Взгляните - надъ гнѣвнымъ моремъ открываются небеса, и Богъ въ величіи и славѣ исходитъ для суда. Изъ лучей, окружающихъ Духа Божія, выдаются два пламенныхъ меча, и на нихъ, гнѣвные, но пришедшіе для освобожденія, стоятъ двое апостоловъ могущественные покровители нашего города!"

И число сторонниковъ Ріенци увеличивалось. Въ тайныхъ собраніяхъ въ развалинахъ древнихъ храмовъ собирались они и давали клятву по первому призыву собраться подъ знаменемъ освобожденія и возрожденія Рима.

Разъ утромъ толпы народа собрались у церкви Іоанна Латеранскаго. Многіе изъ знатнѣйшихъ вельможъ Рима также пришли сюда, отчасти изъ любопытства, отчасти для того, что щегольнуть блескомъ своей свиты, отчасти повинуясь приглашенію епископа. Въ церкви, передъ скамьями, у невысокаго помоста виднѣлась большая желѣзная доска съ вырѣзанною на ней древнею надписью. Все въ церкви было богато разубрано. У помоста сидѣлъ епископъ Раймондъ въ парадной одеждѣ, на скамьяхъ, покрытыхъ сукномъ, расположились судьи, ученые и патриціи, а остальное пространство было заполнено народомъ, все продолжавшимъ прибывать подъ звуки большого церковнаго колокола. Вотъ смолкъ колоколъ, отдернулся пурпурный занавѣсъ въ глубинѣ церкви, и передъ народомъ явился Ріенци, въ ослѣпительно бѣломъ камзолѣ, въ длинномъ, стелющемся по полу плащѣ, въ бѣлой повязкѣ, украшенной золотой коропой.

Полная тишина воцарилась въ храмѣ, когда онъ вошелъ на помость и обратилъ свой взглядъ на патриціевъ и на чернь.

- Синьоры Рима, началъ онъ, - и вы, друзья, граждане! Вы слышали, зачѣмъ вы собрались здѣсь. Вы, монсиньоръ, епископъ орвіетскій, и вы, сотрудники мои на поприщѣ учености, также знаете, что поводомъ къ этому послужило нѣчто, относящееся къ древнему Риму. Мы провели нашу юность, стараясь понять возвышеніе и упадокъ его прежняго величія и славы. Но вѣрьте мнѣ, это не есть просто изслѣдованіе, полезное только ученымъ, относящееся только къ мертвому. Пусть погибнетъ прошедшее, пусть тьма покроетъ его, пусть оно вѣчно спитъ въ обвалившихся храмахъ и печальныхъ могилахъ его забытыхъ сыновъ, если вырытыя изъ земли тайны его не могутъ представить намъ руководства для настоящаго и будущаго!

Онъ говорилъ дальше о значеніи изученія прошедшаго, жизни предковъ, запрещающихъ своимъ потомкамъ итти назадъ. - Прошедшее есть могила для построенія на ней храма. Затѣмъ онъ перешелъ къ доскѣ, времень Веспасіана, добытой изъ развалинъ, и къ древней надписи на ней, содержащей постановленіе Римскаго сената, опредѣляющее условія и права императорской власти. - Обширная власть дается императору, но кѣмъ? спрашиваетъ Ріенци и самъ отвѣчаетъ: —

Римскимъ сенатомъ! А что такое былъ Римскій сенатъ? Представитель римскаго народа!... А теперь, продолжалъ онъ, что вы можете дать? Кто, какой даже незначительный начальникъ проситъ у васъ власти? Его сенатъ—мечъ! Грамота его привилегій написана не чернилами, а кровью. Народъ!.. Въ Римѣ нѣтъ народа! Кто вашъ императоръ? Иностранецъ! Кто великая глава вашей церкви? Изгнанникъ! Вы лишены законныхъ вождей. Почему? Потому что у васъ есть беззаконные тираны. Ваши побили, ихъ своеволіе, споры и распри заставили святого отца удалиться отъ наслѣдія Св. Петра. Они наполнили улицы вашею кровью, растратили богатства, добытыя вашими трудами, на содержаніе наемныхъ негодяевъ! И осыпавъ упреками патриціевъ, онъ опять обратился къ народу: О, римляне, проснитесь, заклинаю васъ! Пусть воспоминаніе о вашемъ прежнемъ могуществѣ, о вашей древней свободѣ глубоко западетъ въ вашу душу! Вспомните, что приближается время юбилея, необходимо очистить дороги отъ разбойниковъ, города отъ наемниковъ, изгнать распри, междоусобія и виновниковъ этихъ распрей, какъ бы знатны они ни были.

Эти обвиненія, брошенныя въ глаза могучимъ патриціямъ, преобразили Ріензи, въ глазахъ народа, въ какого-то боговдохновеннаго пророка, одареннаго сверхъестественною смѣлостью, и вражда къ побилямъ, всегда жившая въ толпѣ, сказалась во взглядахъ и ропотѣ толпы. Объ уничтоженіи распрей взывалъ къ синьорамъ и епископъ. И народъ разошелся, готовый силою добиваться новаго порядка.

Черезъ нѣкоторое время, по призыву Ріензи, народъ рано утромъ собрался у церкви Св. Анжело. Затѣмъ раздался звонъ колокола, зазвучалъ хоръ внутри церкви, и къ народу вышелъ Ріензи въ полномъ вооруженіи, вмѣстѣ съ епископомъ и сотней воиновъ. Процессія двинулась къ Капитолію, и здѣсь Ріензи опять обратился съ рѣчью къ народу, изобразилъ бѣдствія, происходящія отъ отсутствія хорошихъ законовъ, и наконецъ, приказалъ герольду прочитать предлагаемый имъ проектъ новаго устройства страны: великій умышленный убійца, кто бы онъ ни былъ по своему званію, наказывался смертью; никакой отдѣльный человѣкъ не имѣетъ права устраивать укрѣпленія въ городѣ, имѣть своихъ наемниковъ, давать прибѣжище разбойникамъ: бароны-землевладѣльцы должны охранять безопасность своихъ крестьянъ и проѣзжихъ по своимъ владѣніямъ; въ каждомъ кварталѣ города учреждаются особые отряды городского войска, которые по звону колокола должны собираться для защиты государства, и т. п. Черезъ нѣкоторое время, когда новые законы уже стали примѣняться, Ріензи, по просьбѣ народа, принялъ власть въ свои руки, назвавъ себя „трибуномъ“ и указавъ на епископа, какъ на своего соправителя и товарища. И законы стали дѣйствовать, стали распускаться наемные от-

ряды, разрушаться частныя укрѣпленія и усиливаться городскія; противъ разбойниковъ и недовольныхъ новыми порядками нобилей въ рукахъ Ріензи было 20 т. вооруженныхъ римлянъ, готовыхъ собраться по первому звуку большого колокола. Подъ его правленіемъ злоупотребленія уменьшились, торговля сдѣлалась безопаснѣе, стало развиваться искусство.

Ріензи возвышался. Въ характерѣ его соединялись самыя противорѣчивыя особенности: большой здравый смыслъ и суевѣріе, умѣнье подчинить себѣ людей обаяніемъ своей личности и краснорѣчіемъ и слѣпое увлеченіе, роскошь въ жизни общественной и воздержанность въ домашней, гордость съ знатными и простота съ низшими, горячая любовь къ родинѣ и жажда личной власти.

Народъ былъ увлеченъ своимъ трибуномъ, и нобили должны были покориться; тѣ изъ нихъ, которые противились, пытались составить заговоры, свергнуть и погубить трибуна,—жестоко поплатились за это. Новые, все болѣе широкіе планы возникали въ головѣ Ріензи. Онъ уже мечталъ объ объединеніи всей Италіи, о всемірномъ господствѣ ея, и разослалъ правительствамъ Италіи приглашеніе прислать своихъ представителей въ Римъ на сеймъ. Явились послы отъ Флоренціи, Сіенны и др. городовъ, отъ Милана, отъ Болоньи, пріѣхали послы венгерскій, неаполитанскій, баварскій, богемскій и т. д.

И на этомъ сеймѣ Ріензи объявилъ, что Римъ—столица міра и что всякій городъ, всякое государство въ Италіи отнынѣ свободны, что престолъ Римской имперіи принадлежитъ Риму, римскому народу и Италіи. И онъ требовалъ, чтобы императоръ и всѣ государи Италіи лично явились въ Римъ для защиты и доказательства своихъ правъ, назначивъ имъ для явки опредѣленный срокъ. Это было время высшей славы и силы Ріензи. Возведенный въ рыцари, онъ назвалъ себя: „Рыцарь Николай, кандидатъ Св. Духа, другъ вселенной, tribunus augustus“. Были выпущены монеты съ подписью: „Римъ — глава міра“. Италія была объявлена свободною и объединенною, сеймъ представителей ея правительствъ объявлялся единственною властью, могущею избирать императора.

Но весь этотъ широкій замыселъ ограничился одними только словами, и съ этихъ поръ началось паденіе трибуна. Нобили не дремали: они составляли заговоры, покидали Римъ, возставовляли противъ трибуна папу; они составили себѣ войско изъ приверженцевъ и наемниковъ, напали на Римъ, но были отбиты Ріензи, и многіе погибли съ той и другой стороны. Народъ, понеся потери въ этой борьбѣ, обложенный новою податью для уплаты жалованья солдатамъ, измѣнилъ свои отношенія къ недавно боготворимому трибуну: его стали обвинять въ гордости и даже въ измѣнѣ, въ жестокости по отношенію къ народу, въ непрямомъ пролитіи крови и т. п. и т. п. Нобили сумѣли внушить нанѣ боязнь къ возраставшей власти Ріензи,

обвинить его въ ереси и въ мятежѣ противъ церковной власти, и папа объявилъ Ріенци отлученнымъ отъ церкви. Тогда всѣ отступились отъ Ріенци.

— Какъ! обращался трибунъ къ народу съ рѣчью,—неужели вы оставляете меня, вы, за дѣло которыхъ въ меня бросаютъ громы Божіи, отлучаютъ отъ церкви? Развѣ не за васъ я объявленъ еретикомъ и мошенникомъ? Въ чемъ мои преступленія? Въ томъ, что я сдѣлалъ Римъ свободнымъ и объявилъ свободу Италіи, въ томъ, что я смирилъ гордыхъ магнатовъ, которые были врагами папы и народа? И вы упрекаете за то, на что я отважился для васъ! Вмѣстѣ съ вами я хотѣлъ бы сражаться, за васъ готовъ погибнуть. Оставляя меня, вы оставляете самихъ себя. Семь мѣсяцевъ я управлялъ вами, счастливый въ торговлѣ, безупречный въ правосудіи, побѣдоносный въ полѣ... Я показалъ вамъ, чѣмъ можетъ быть Римъ!

Но все было напрасно. Никто не примкнулъ къ трибуну, и онъ бѣжалъ изъ Рима. И опять вернулись къ власти побили, и горько-горько пришлось римскому народу...

Черезъ нѣсколько лѣтъ Ріенци вернулся въ Римъ, примиренный съ папою и возведенный имъ въ званіе сенатора, облеченный властью вице-короля римскаго, намѣстника папы. Пользуясь именемъ Ріенци и еще не заглохшею къ нему любовью римскаго народа, папа думалъ вернуть себѣ господство надъ Римомъ и справиться съ своими врагами. И онъ успѣлъ въ этомъ. Имя Ріенци привлекло къ нему многихъ римлянъ, и враги папы были побѣждены. Ріенци опять сталъ мечтать о будущемъ Рима, о развитіи искусствъ и науки подъ сѣнью мира и закона, о перерожденіи патриціевъ изъ хищниковъ въ охранителей порядка и объ облагороженіи народа,—чтобъ народъ, сдѣлавшись храбрымъ и просвѣщеннымъ, могъ самъ и защищать себя и управлять собою. И опять мечты Ріенци разбились. Опять ему пришлось вести открытую борьбу съ войсками бароновъ, опять онъ былъ въ сущности одинъ, потому что никто изъ римлянъ, преклоняясь передъ Ріенци и привѣтствуя его, въ то же время не хотѣлъ ничѣмъ пожертвовать для свободы Рима. У бароновъ были опытныя войска, у Ріенци — войско изъ торговцевъ и ремесленниковъ, не хотѣвшихъ служить безплатно, но не хотѣвшихъ и платить подати, или наемныя войска, которымъ опасно было довѣряться. И Ріенци понималъ свое положеніе, онъ сдѣлался мрачнѣе, суровѣе, здоровье его пошатнулось; а поддержки ни въ комъ не было: прежніе помощники его умерли, или уѣхали, или отошли отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ; съ новыми вождями народными сойтись сразу было трудно, да они не особенно и расположены были къ сенатору, назначенному папою. Опять начались заговоры противъ Ріенци, преслѣдованія и казни со стороны Ріенци, опять пошли сраженія съ побилями, довольно, впрочемъ, удачныя для Ріенци. Чтобы довершить свое дѣло, Ріенци задумалъ устроить въ

каждомъ кварталѣ Рима по одному римскому легіону изъ гражданъ. Но никто не соглашался служить въ этихъ легіонахъ безплатно,—и Ріенци наложилъ налогъ на вино и соль. Тогда въ народѣ поднялся ропотъ, перешедшій въ бунтъ. Къ черни присоединились солдаты бароновъ, и всѣ вмѣстѣ кинулись на Капитолій. Ріенци попробовалъ спастись бѣгствомъ, но былъ узнанъ и убитъ. Обезображенный трупъ его сожгли, а пепелъ развѣяли по вѣтру.

Такова была блестящая, но неудачная попытка воскресить прошлое величіе Рима. Голоса о возвратѣ къ славному минувшему раздавались и раньше и послѣ Ріенци. Такъ, вѣка за два до него, жилъ въ Италіи знаменитый проповѣдникъ, Арнольдъ Брешіанскій, въ своихъ сильныхъ рѣчахъ возставшій противъ свѣтской власти папъ, противъ роскошной жизни духовенства, проповѣдывавшій ему возвращеніе къ правамъ временъ апостольскихъ. Онъ тоже говорилъ о величіи древняго Рима и о возстановленіи древней римской республики. Судьба его была печальна: онъ былъ въ 1155 г. казненъ, трупъ сожженъ, а пепелъ брошенъ въ Тибръ.

Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка объ объединеніи Италіи мечталъ и писалъ Макіавелли, флорентіецъ родомъ, прославившійся своими сочиненіями по государственнымъ вопросамъ.

Только изрѣдка и то ненадолго возмущается народное чувство и дѣлаются попытки, сбросить съ себя подавляющее иго. Такъ, въ XVII вѣкѣ населеніе Сициліи и Неаполя, выведенное изъ терпѣнія жестокостью и поборами испанскихъ вице-королей, намѣстниковъ, возстало сначала въ Палермо, а затѣмъ въ Неаполѣ. Во главѣ возстанія въ Неаполѣ былъ Мазаніелло.

Но неаполитанцы жестоко поплатились за свое возстаніе и кратковременную свободу, продолжавшуюся всего девять мѣсяцевъ.

ГЛАВА III.

Италія въ концѣ XVIII вѣка. Италія при Наполеонѣ. Италія послѣ Наполеона

Къ концу XVIII вѣка Италія представляла печальное зрѣлище. И въ народѣ и въ правительствахъ полное отсутствіе чувства національности, нравственнаго согласія, желанія независимости, гражданскаго достоинства: и народы и правительства истощились во взаимной борьбѣ, въ борьбѣ частной, личной...

Въ концѣ XVIII вѣка Италія дробилась на 12 отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ 4 были республики. Эти республики: Венеціанская, Генуэзская, Луккская и Санъ-Маринская.

У города Венеціи было блестящее прошлое. Благодаря своему

положенію, дававшему безопасность отъ внѣшнихъ враговъ и въ то же время способствовавшему процвѣтанію мореходства и торговли, она рано сдѣлалась самою богатою и могущественною изъ всѣхъ торговыхъ республикъ. Во времена крестовыхъ походовъ она пользовалась большимъ значеніемъ среди европейскихъ государствъ, обладала значительнымъ флотомъ и громадными богатствами. Цѣлые лѣса лиственницы послужили для укрѣпленія почвы, на прежнемъ болотѣ раскинулся громадный городъ съ тысячами дворцовъ и сотнями церквей, со множествомъ плотинъ, каналовъ и мостовъ. И немного было странъ подобныхъ ей по процвѣтанію промышленности и искусствъ. Но съ теченіемъ времени, сначала открытія новыхъ земель и новыхъ путей, а затѣмъ возраставшая власть турокъ уронили ея значеніе. Республика Венеціанская сохранила свою самостоятельность, но внутри изнемогала подъ тяжестью правленія аристократовъ, властвовавшихъ при помощи шпіонства, насилій и казней.

Пала и Генуя, въ средніе вѣка серьезная соперница Венеціи въ морской торговлѣ. Ея флагъ развѣвался на всѣхъ моряхъ, ея колоніи были и на берегахъ Эгейскаго моря и въ Крыму, въ ея рукахъ была торговля съ центральной Азіей. Ея уроженцу, Колумбу, удалось открыть Новый Свѣтъ. И въ ней, хотя и не въ такой степени, какъ въ Венеціи, процвѣтали науки и искусства, но и она, какъ и Венеція, страдала отъ междоусобій своихъ аристократовъ-торговцевъ и съ трудомъ спасала свою самостоятельность отъ соперницы своей Венеціи и другихъ сильныхъ сосѣдей.

Совсѣмъ мала была республика Лукская и еще меньше Санъ-Маринская, которой итальянскія междоусобія послужили на пользу: благодаря имъ, ей удалось сохранить свою независимость, несмотря на всю свою крохотность и безсиліе. Она и теперь самостоятельна и управляется верховнымъ совѣтомъ изъ шестидесяти пожизненныхъ членовъ; совѣтъ этотъ, въ случаѣ смерти одного изъ своихъ членовъ, выбираетъ ему преемника. Она занимаетъ всего 59 кв. километровъ съ населеніемъ меньше 9 тысячъ человѣкъ.

Ломбардія, съ своимъ городомъ Миланомъ, когда-то могущественнымъ главою союза ломбардскихъ городовъ, уже въ XIII вѣкѣ имѣвшимъ 200 тыс. жителей, въ концѣ XVIII в. принадлежала Австріи, составляла провинцію ея, съ отдѣльнымъ, впрочемъ, управленіемъ.

Неаполитанское королевство, Сицилія, герцогство Пармское, Тосканское и Модепское управлялись властителями изъ австрійско-бурбонскаго и испанско-бурбонскаго дома. Тяжело жилось народу въ этихъ земляхъ подъ туземнымъ игомъ, подъ бременемъ тяжкихъ податей, подъ гнетомъ католическаго духовенства, поддерживавшаго въ немъ всякія суевѣрія и полное невѣжество.

Еще въ худшемъ состояніи была Папская область со своимъ владѣтельнымъ епископомъ, почти вполнѣ подчинившимся королю фран-

цузскому. Видя, какъ неудержимо рушится съ каждымъ днемъ значеніе ихъ власти, сознавая свое безсиліе, папы коварствомъ и насиліемъ настойчиво боролись съ духомъ времени, подавляя всякій проблескъ мысли и свободы въ народѣ. Одинъ писатель говоритъ въ „хвалебной“ рѣчи, посвященной папѣ Пію VI: „До него не было въ Европѣ, послѣ Турціи, страны, управляемой хуже Церковной области“. А Пій VI только и сдѣлалъ хорошаго, что осушилъ часть Понтійскихъ болотъ. Область эта богато одарена природой, почва плодородная, превосходныя, пастбища, положеніе для развитія промышленности благопріятное. И все-таки это одна изъ самыхъ бѣдныхъ областей Италіи. И виноваты въ этомъ властители Рима - папы и духовенство. Вотъ что говоритъ о римскомъ народѣ одинъ писатель (его описаніе относится къ болѣе позднему времени, но вполнѣ приложимо и къ концу XVIII-го вѣка): „Плебеи вѣчнаго города большія дѣти, дурно воспитанныя и разными средствами развращенныя. Ихъ не учатъ читать, но имъ не запрещаютъ просить милостыню; къ нимъ на домъ посылаютъ капуцина (монаха): капуцинъ даетъ лотерейные билеты женѣ и пьетъ съ мужемъ. Отъ нихъ требуется только—быть добрыми христіанами, клаияться духовенству, унижаться передъ богатыми, ползать передъ патриціями и не бунтовать“. Писатель этотъ спросилъ у одного монаха, отчего такая богатая отъ природы страна въ такомъ запустѣніи, и получилъ отвѣтъ: „Земля не лишена обработки, но если бъ это и было такъ, виноваты въ томъ папскіе поддапные. Это народъ лѣнивый по природѣ, хотя 21.415 священниковъ проповѣдуютъ ему трудъ“. Но одной проповѣди мало, особенно, когда десятки тысячъ духовныхъ, ложась тяжелымъ бременемъ на народъ, въ то же время, давали ему примѣры, не достойные подражанія: лѣни, тупеядства, нечестнаго обогащенія и т. п., а все живое, хотѣвшее учиться, развиваться, пзгонялось и каралось.

Остается еще упомянуть о королевствѣ Сардинскомъ, которое въ дальнѣйшей судьбѣ Италіи сыграло большую роль. Герцоги савойскіе и пьемонтскіе, примыкая то къ одному, то къ другому изъ сосѣдей своихъ, понемногу округляли свои владѣнія. Савойя въ XVIII в. сдѣлалась настолько сильна, что стала королевствомъ, расширила свои владѣнія, пріобрѣла Сицилію, а затѣмъ Сицилію обмѣняла на Сардинію и въ 1720 году превратилась въ Сардинское королевство, съ Турномъ, главнымъ городомъ Пьемонта, какъ столицею. Изъ королей Сардинскихъ замѣчателенъ Карлъ-Эммануилъ, сумѣвшій расширить границы королевства, ограничившій значеніе духовенства въ своемъ государствѣ, уничтожившій крѣпостное право, улучшившій законы. Къ сожалѣнію, все это было потеряно при его пріемникѣ.

Такова была Италія къ концу XVIII вѣка.

Вторая половина XVIII вѣка въ Европѣ была временемъ усиленнаго умственнаго движенія, развитія наукъ и литературы; все ясиѣе

и яснѣе становилось сознаніе необходимости коренныхъ реформъ; сознавали это и государи, и вторая половина XVIII вѣка почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ ознаменовалась крупными перемѣнами. Проникли эти вѣянія и въ Италію, хотя и въ слабой степени, и тамъ нѣкоторые государи старались хоть немного улучшить жизнь своихъ подданныхъ, дать больше простора земледѣлію, торговлѣ и промышленности, уменьшить хоть немного вредное вліяніе духовенства, помочь развиться народному образованію, немного поднять общее благосостояніе. Но все это было незначительно, невелико. Совсѣмъ иначе пошло дѣло, когда въ Италію явились французскія войска.

„До французской революціи народы, подчиненные разнымъ итальянскимъ правительствамъ, говорится въ одномъ австрійскомъ сообщеніи того времени, или вовсе не сознавали недостатковъ въ устройствѣ жизни, или не обращали на нихъ вниманія; всѣ въ счастливой апатіи спокойно подчинялись порядку вещей, существовавшему при отцахъ и дѣдахъ; никто не надѣялся на преобразованія, никто и не желалъ преобразованій". Франція, свергнувшая своего короля Людовика XVI, превратившаяся въ республику и возставшая противъ себя почти всѣ европейскія государства, отправила свои войска въ сѣверную Италію, и объявила войну Пьемонту въ 1792 г., такъ какъ король сардинскій хотѣлъ тоже поддерживать Людовика, а въ слѣдующемъ — и Неаполю, и когда во главѣ республиканскихъ войскъ сталъ Наполеонъ Бонапартъ, французы одерживали побѣду за побѣдой. Савойю и Ниццу (входившія въ составъ Сардинскаго королевства) Наполеонъ присоединилъ къ Франціи, взялъ Миланъ, вторгся въ Папскую область, взялъ Ливорно, Мантуа, образовалъ изъ Модены и части Папской области республику, опять побывалъ въ Папской области и, наконецъ, въ 1797 г. принудилъ Австрію заключить въ Кампо-Форміо миръ, по которому вся Италія измѣнилась. Австрія взамѣнъ Ломбардіи, превращенной въ республику, получила почти всю Венеціанскую область. Но этимъ не кончились войны въ Италіи. Скоро папа былъ лишенъ свѣтской власти и изгнанъ изъ Рима, король сардинскій — изъ Пьемонта, Тоскапское герцогство и королевство Неаполитанское обращены въ республики, и король неаполитанскій съ семьею своею бѣжалъ въ Сицилію. Во всѣхъ этихъ перемѣнахъ мало было хорошаго для Италіи. Французы - „освободители" скоро дали себя почувствовать поборами, угнетеніями, грабежами. И французы и австрійцы обѣщали Италіи одни - свободу, другіе — миръ и порядокъ, дрались другъ съ другомъ и опустошали все ту же Италію.

Потомъ, когда Наполеонъ былъ въ Египтѣ, а у враговъ Франціи явился новый страшный союзникъ — Россія, прославная въ Италію Суворова съ войсками, счастье на время измѣнило французамъ и Италія перешла въ руки Австріи и прежнихъ властителей, - и еще хуже стало ей, чѣмъ до французовъ и при французахъ. Въ одномъ

Неаполѣ 30.000 человѣкъ было брошено въ тюрьмы, 300 въ первые дни сложили голову на эшафотѣ, 7.000 чел. изгнаны, какъ сторонники французовъ или новыхъ порядковъ. Но это недолго продолжалось. Несогласія Австріи съ Россіею, ея недоброжелательство къ Суворову привели къ тому, что войска русскія оставили Италію. Затѣмъ Наполеонъ вернулся во Францію, и скоро почти вся власть въ республикѣ сосредоточилась въ его рукахъ. Онъ снова перешелъ Альпы и, разбивъ австрійцевъ при Маренго, вернулъ Франціи ея недавнее значеніе въ Италіи. И опять ничего хорошаго не увидѣла Италія. Наполеонъ дѣлилъ страну то такъ, то этакъ: одиѣ части ея подчинялъ прямо себѣ, другія отдавалъ то тому, то другому изъ своихъ родныхъ и сподвижниковъ. Онъ измѣнялъ устройство государствъ, сажалъ одного государя, черезъ нѣсколько недѣль смѣнялъ его другимъ... Къ концу перваго десятилѣтія XIX вѣка почти вся Италія оказалась въ полномъ или косвенномъ подчиненіи Наполеону, кромѣ Сардиніи и Сициліи, гдѣ удержались прежніе государи, да Мальты, принадлежавшей Англіи; сѣверо-западная часть ея принадлежала Франціи, изъ сѣверо-восточной образовано королевство Италія, съ королемъ — самимъ Наполеономъ, а въ королевствѣ Неаполитанскомъ королемъ былъ сдѣланъ Мюратъ, зять Наполеона.

Народъ изнемогалъ подъ тяжестью налоговъ для покрытія тѣхъ подарковъ, какія дѣлалъ Наполеонъ своимъ генераламъ, любимцамъ, родимъ, для покрытія военныхъ расходовъ, для удовлетворенія наборовъ и контрибуцій: тысячи итальянскихъ солдатъ гибли въ безконечныхъ походахъ Наполеона въ Испаніи, Германіи, Россіи....

Но, несмотря на все это, хотя и невольно, Наполеонъ сослужилъ службу Италіи. Во-первыхъ, уничтожилось многое изъ того, отчего страдалъ народъ при прежнихъ правительствахъ, и еще неудовлетворительнѣе казались эти порядки теперь, когда стало меньше несправедливостей, когда пала власть духовенства и дворянства. Мѣсто прежняго произвола почти во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ заступила власть закона: тайные и особенно ненавистные духовные суды, инквизицію, замѣнило гласное, словесное судопроизводство, а въ дѣлахъ уголовныхъ присяжные: вмѣсто монаховъ, босыхъ и обутыхъ, доминиканъ, капуциновъ и іезуитовъ, стали засѣдать въ судахъ міряне: важнѣйшія дѣла стали рѣшаться присяжными изъ народа; всѣ сословія стали равны передъ закономъ, равны въ правѣ на всѣ гражданскія и военныя должности, равны въ платежѣ податей... Во-вторыхъ, эти новые, лучшіе порядки были одинаковы для всей Италіи, для всѣхъ государствъ и областей ея, кѣмъ бы онѣ ни управлялись. Подъ французскою властью уничтожились границы между отдѣльными мелкими народами, и легче имъ стало сознавать себя членами единой имперіи. Этому развитію идеи національнаго единства помогали и враги Наполеона. Они старались развить эту мысль о единствѣ и независимости

Италіи, чтобъ возстановить противъ Наполеона народъ, чтобъ вызвать противъ него народную войну въ помощь ихъ силамъ. Въ 1813 году главнокомандующій австрійскими и англійскими войсками пишетъ, обращаясь „къ народамъ Италіи“: „Итальянцы, много лѣтъ были вы угнетены и должны были стонать подъ желѣзнымъ игомъ; нынѣ мы пришли съ войсками освободить васъ. Отнынѣ начинается для Италіи новый порядокъ вещей, который возстановитъ между вами общее благоденствіе. Примите же первые плоды своего освобожденія, заключающіеся въ разныхъ благодѣтельныхъ учрежденіяхъ, которыя вамъ уже дарованы и вступаютъ въ полное дѣйствіе повсюду, куда являются наши освобождающія войска. Тамъ же, куда они еще не достигли, отъ васъ самихъ, храбрые и славные итальянцы, зависитъ силою оружія возстановить свободу, могущество и счастье отечества. Возстаньте же, итальянцы! А если ваше оружіе окажется недостаточнымъ для сверженія чужеземнаго ига, наше могучее оружіе готово на помощь вамъ. Возстаньте, итальянцы! Насталъ для васъ день свободы! Вы должны образовать единый независимый народъ. Посвятите всѣ свои силы на общее дѣло, и если вы довѣритесь тѣмъ, которые васъ любятъ и дѣлаютъ такія огромныя усилія въ вашу пользу, вы скоро будете велики и счастливы, скоро будутъ завидовать вашей участи и удивляться вамъ....“ „Союзники хотятъ соединить ваше политическое и гражданское существованіе, читаемъ въ другомъ воззваніи,—съ правами законныхъ государей Италіи такимъ образомъ, чтобы вы въ ряду народовъ представляли единое тѣло, единую націю, достойную уваженія сосѣдей и свободную отъ всякаго посторонняго вліянія“. Всѣхъ итальянцевъ призываютъ „подъ одно знамя, знамя чести, счастія, возрожденія Италіи!“ „Возстаньте, итальянцы! обращается къ нимъ великобританскій агентъ въ 1814 году.—Въ то время, какъ чужіе мечи сражаются за васъ, неужели вы будете лобызать свои цѣпи, вмѣсто того, чтобы участвовать въ освобожденіи вашего отечества отъ тирана? Отъ васъ, воины Италіи, отъ васъ преимущественно зависитъ увѣнчать успѣхомъ благополучно начатое нами дѣло; отъ васъ, стяжавшихъ громкую славу въ бояхъ и мужествомъ своимъ оправдавшихъ память о древнихъ доблестяхъ сыновъ Италіи, отъ васъ зависитъ возвратить себѣ священнѣйшія права и возстановить свою національную независимость. Будемъ сподвижниками въ часъ опасности!....“

Но вотъ пришелъ 1814 годъ: счастье измѣнило Наполеону, онъ долженъ былъ отречься отъ престола, и союзники въ 1815 году собрались на конгрессъ въ Вѣну. И опять измѣнился видъ Италіи. Австрія получила Венецію и обратно Ломбардію; Папская область возстановлена, хотя въ меньшемъ размѣрѣ; въ Неаполѣ и Сициліи возстановленъ домъ Бурбоновъ, королевство Сардинское возстановлено и къ нему присоединена Генуя взамѣнъ части Савоіи, отданной

Франціи. Австрія, въ своихъ расчетахъ, и дипломаты другихъ европейскихъ государствъ, по разнымъ соображеніямъ, устроили такъ, что чуть не весь полуостровъ оказался подъ вліяніемъ Австріи; она къ принадлежавшей ей раньше Ломбардіи присоединила владѣнія бывшей Венеціанской республики и часть Папской области, въ нѣкоторыя помѣстила эрцгерцоговъ изъ своего дома, съ нѣкоторыми итальянскими государями заключила договоры, обязывавшіе ихъ не вводить никакихъ перемѣнъ въ устройствѣ государства безъ согласія Австріи и сообщать ей обо всемъ, что можетъ грозить безопасности и спокойствію полуострова. Получивъ, такимъ образомъ, право вмѣшиваться въ дѣла Италіи, Австрія явилась въ значительной степени распорядительницею надъ всѣмъ почти полуостровомъ.

И вотъ, гдѣ быстрѣе, гдѣ медленнѣе, гдѣ съ нѣкоторою борьбою, гдѣ спокойно, итальянскія государства возвратились къ прежнему устройству; устранены были всѣ, кто занималъ должности при Наполеонѣ, уничтожено все, что заведено новаго при немъ, и даже уничтожены и тѣ улучшенія, какія введены были передъ нашествіемъ французовъ; объявлена была борьба противъ всякаго стремленія къ самоуправленію, къ ограниченію королевской власти, во владѣніяхъ же Австріи, кромѣ того,— и противъ чувства національности, самостоятельности. „Я хочу, говорилъ императоръ Францъ,— чтобы ломбардцы совсѣмъ забыли, что они итальянцы". Онъ хотѣлъ убить всякую идею итальянскаго единства, поэтому онъ уничтожилъ итальянскую армію и всѣ учрежденія, которыя могли бы поддерживать мысль о національномъ государствѣ. Онъ хотѣлъ бы разбить на австрійскія провинціи самостоятельную прежде и когда-то могущественную Венеціанскую область и пользовавшуюся раньше отдѣльнымъ управленіемъ Ломбардію. И послѣ, когда возстанія показали, что національная идея не уничтожается, Австрія прибѣгала къ крайнимъ средствамъ: къ военному и полицейскому произволу, къ шпіонству, къ жестокимъ карамъ, къ изгнаніямъ, казематамъ, казнямъ.

Свѣтская власть папы, отнятая у него Наполеономъ, была послѣ паденія Наполеона возстановлена. Въ судѣ, въ дѣлахъ управленія, въ Папской области, были сдѣланы шаги назадъ, къ прежнимъ порядкамъ, духовенству возвращены прежнія преимущества, возстановлены прежніе налоги, вмѣсто французскихъ законовъ введены духовные и римскіе. Правительства, въ XVIII вѣкѣ старавшіяся ограничить значеніе католическаго духовенства и уменьшить злоупотребленія, добившіяся уничтоженія ордена іезуитовъ, теперь, напротивъ, учреждали новые епископскіе престолы, возстановляли и открывали монастыри, возвращали духовенству отобранныя у него имущества, освобождали его отъ подсудности свѣтскимъ судамъ и т. д. Наконецъ были возстановлены орденъ іезуитовъ и инквизиція.

Народъ страдалъ подъ тяжкимъ гнетомъ, отъ непосильныхъ податей, отъ страшно усилившагося разбойничества.

ГЛАВА IV.

Альфіери Уго Фосколо.—Леопарди. Карбонаріи. Возстанія въ Италіи до 1830 г. Сильвіо Пеллико.

Италіи предстояла великая работа: ея народамъ надо было завоевать и внутреннюю свободу и внѣшнюю независимость, а еще раньше—самое трудное—создать итальянскую національность.

Въ этомъ отношеніи большую услугу Италіи оказала литература. Еще въ XVII вѣкѣ въ литературныхъ произведеніяхъ Италіи почти нѣтъ связи съ народнымъ чувствомъ, съ интересами родины, точно для писателей не существовала Италія, точно они закрывали глаза на современную имъ жизнь народа и государства. Но затѣмъ, съ половины XVIII вѣка, литература становится ближе къ дѣйствительной жизни, а послѣ французской революціи, господства Наполеона и возврата къ прежнимъ порядкамъ,—еще ближе. „Благодаря столькимъ великимъ событіямъ, благодаря столькимъ горькимъ испытаніямъ, написано въ одномъ итальянскомъ журналѣ въ 1818 году,—люди нашего поколѣнія пробудились къ страданію; а какъ скоро возвратилась способность страдать, они научились и мыслить". Какъ они страдали и какъ мыслили, выразилось въ современной литературѣ, изъ представителей которой назовемъ Альфіери и Уго Фосколо.

Альфіери родился въ 1749 г. въ Пьемонтѣ. Онъ извѣстенъ какъ авторъ многихъ драматическихъ произведеній, возбуждавшихъ чувство народности, стремленіе къ свободѣ. Его произведенія не отличаются большими художественными достоинствами, въ нихъ мало жизни, но зато они полны благородныхъ чувствъ, они проникнуты желаніемъ подѣйствовать на народъ, сдѣлать его свободнымъ и сильнымъ. Онъ былъ въ Парижѣ при началѣ революціи, потомъ видѣлъ, какъ французы обращались съ завоеванной Италіей, и во многихъ его произведеніяхъ сказывается ненависть къ французамъ и слышенъ призывъ къ итальянцамъ сбросить съ себя новое чужеземное иго: онъ говоритъ итальянцамъ объ ихъ паденіи, рисуетъ передъ ними доблестныхъ древнихъ героевъ, толкаетъ ихъ на новую дорогу. И трагедіи его, разыгрываемыя передъ народомъ, на площадяхъ, бродячими актерами, не могли остаться безъ вліянія.

Еще дальше пошелъ Уго Фосколо, родившійся въ 1776 г. отъ матери гречанки и отца венеціанца. Еще юношею онъ слышитъ совѣтъ отъ матери своей, провожавшей сына въ инквизиціонное судилище:

„Умри, сынъ мой, но не выдавай имень твоихъ друзей". Онъ привѣтствовалъ французовъ, самъ сражался въ ихъ рядахъ и послѣ Маренго былъ произведенъ въ капитаны. Но скоро онъ разочаровался въ французахъ. „Я видѣлъ, пишетъ потомъ Фосколо,—что число французскихъ войскъ все увеличивалось, батареи ихъ перекрещивали всѣ улицы. Отцы семействъ вмѣстѣ съ сыновьями приходили въ церкви и объявляли, что хотятъ остаться свободными, какъ ихъ предки: 14 столѣтій не знали они чужого владычества, а ихъ насильно обращаютъ въ рабство. Напрасныя жалобы! Я тоже поклялся". И онъ не измѣнилъ своей клятвѣ. Онъ видѣлъ отчаянное положеніе Италіи. Онъ скорбитъ объ общемъ рабствѣ, объ отсутствіи людей благородныхъ, любящихъ свободу и готовыхъ биться за свободу отечества. Онъ борется противъ чужеземнаго ига, его ссылаютъ, затѣмъ, въ 1809 г., даютъ каѳедру въ одномъ университетѣ и опять ссылаютъ за рѣчи противъ Наполеона; наконецъ онъ видитъ почти всю Италію въ рукахъ Австріи, тоже подъ чуждою властью. И отчаяніе овладѣло патріотомъ. Онъ отказался дать обѣщаніе подданства австрійскому комиссару, и послѣ этого ему оставалось одно: покинуть Италію. Онъ уѣхалъ въ Англію, осыпаемый обвиненіями въ непостоянствѣ и честолюбіи и клеветами въ измѣнѣ. Только въ 1826 году онъ отвѣтилъ на эти обвиненія. „Я, говоритъ онъ, былъ всегда одинъ, одинъ и останусь. Одна только дорога обозначитъ путь мой; въ словахъ моихъ найдутъ одну только мысль, одну цѣль, одну заботу объ Италіи". Онъ отчаялся въ лучшемъ будущемъ своего отечества и Италію считалъ „трупомъ"; онъ даже переставъ обвинять Австрію: „За что, спрашиваетъ онъ, — нападать на Австрію? Она застала королевство въ развалинахъ, въ страшныхъ бѣдствіяхъ, въ судорожной надеждѣ и страхѣ, въ раздирающихъ его интригахъ: она нашла духовенство и дворянство, жадныя на мѣста, почести и мщеніе, провинціи во враждѣ другъ съ другомъ"... Онъ хотѣлъ бы вырвать изъ своего сердца Италію. „Я рѣшился, говоритъ онъ, не слышать голоса, не видать лица ни одного итальянца. Вамъ клевета и интриги; мнѣ—счастіе не видать васъ больше!" Жилъ онъ въ Англіи въ крайней бѣдности. „Если бы я не рѣшился продать лучшія мои книги, писалъ онъ одному своему родственнику, —то вамъ пришлось бы, когда вы будете ставить мой бюстъ, выбить подъ нимъ надпись, что вашъ знаменитый родственникъ умеръ съ голоду". На сорокъ девятомъ году онъ скончался въ Лондонѣ.

Онъ написалъ нѣсколько трагедій, нѣсколько лирическихъ произведеній, нѣсколько изслѣдованій и романовъ. Его трагедіи въ свое время были очень извѣстны и имѣли большой успѣхъ не за художественныя достоинства, а за горячую любовь къ отечеству, которою дышали они. Во всѣхъ его произведеніяхъ, особенно въ лирическихъ, и еще больше въ романѣ видна отчаяніе и полная потеря вѣры въ лучшее будущее. Онъ горячо любитъ Италію, страдающую подъ чуж-

дымъ игомъ; онъ оплакиваетъ, обвиняетъ и упрекаетъ ее. Романъ его „Послѣднія письма Джакопо Ортиса" —одно изъ лучшихъ его произведеній, и въ немъ отразилась вся жизнь несчастнаго поэта. Устами героя говоритъ самъ Фосколо: „Судьба нашей родины свершилась: все потеряно; и самая жизнь, если только намъ ее даруютъ, пройдетъ на оплакиваніе нашихъ несчастій и нашего позора". „Развѣ стоитъ хлопотать изъ-за жизни, среди порабощенія и изгнанія?" говоритъ герой романа, послѣ того, какъ Венеція отошла въ руки Франціи. о, сколько нашихъ согражданъ будутъ съ раскаяніемъ стонать вдали отъ своихъ очаговъ! И отчего? Чего мы можемъ ждать, кромѣ бѣдности, презрѣнія и, самое большее, того ничтожнаго и безплоднаго состраданія, которое варвары выказываютъ бѣглецамъ? Но гдѣ мнѣ искать пріюта? Въ Италіи? землѣ развратной, всегда готовой выносить иго побѣдителей! Да развѣ я смогу вѣчно имѣть передъ глазами этихъ людей, меня ограбившихъ, осмѣявшихъ, предавшихъ, и не плакать отъ гнѣва?" Онъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, похороненнымъ по ошибкѣ живымъ и очнувшимся среди мрака и костей, безъ всякой надежды увидѣть свѣтъ, и принужденнымъ умирать среди проклятій и голода; онъ караетъ словами презрѣнія Наполеона, итальянца по рожденію и обѣщавшаго Италіи свободу и обманувшаго всѣ ожиданія. Онъ оплакиваетъ участь Венеціи и ея жителей, тѣснимыхъ, изгоняемыхъ по малѣйшему подозрѣнію и не находящихъ пріюта въ изгнаніи... „О, моя родина! долженъ ли я всегда обвинять тебя и скорбѣть о тебѣ безъ надежды исправить тебя или пособить тебѣ?" восклицаетъ онъ, вспомнивъ о прежнихъ войнахъ итальянцевъ, убивавшихъ братъ брата въ распряхъ императоровъ и папъ. „Вотъ твои границы, о, Италія! говоритъ онъ, глядя на Альпы. Но какія преграды со всѣхъ сторонъ не преодолѣваются алчностью народовъ? Гдѣ твои сыны? Чего не хватаетъ, кромѣ единства и согласія? Гдѣ прежній страхъ передъ твоимъ именемъ?" „Бросая съ вершинъ Альпъ взоры на мою несчастную родину, я плачу, трепещу и призываю мщеніе на ея опустошителей... но голосъ мой теряется въ еще живыхъ жалобахъ умершихъ народовъ. Когда римляне грабили міръ, они искали за морями и пустынями новыхъ странъ для опустошенія, они заковывали народы, князей и боговъ, и, когда уже не знали, въ чемъ обагрить свои мечи, направляли ихъ противъ своихъ же внутренностей... Такъ древніе итальянцы раздирали другъ друга, пока римляне не подчинили ихъ; такъ Римъ, владыка міра, въ немного вѣковъ послѣдовательно сдѣлался добычей Цезарей, Нероновъ, Константиновъ, вандаловъ и папъ... Всѣ народы имѣютъ свой возрастъ, всѣ народы тираны сегодня, чтобъ готовить свое завтрашнее рабство, и платившіе дань потребуютъ ея отъ другихъ огнемъ и желѣзомъ". И мрачная, полная, страшнаго отчаянія мысль приходитъ ему въ голову: „Міръ—это адъ

населенный дикими звѣрями: голодъ, потопы, война и чума вотъ слѣдствія системы природы, и какъ безплодіе одного года готовитъ изобиліе слѣдующаго, такъ, кто знаетъ, бѣдствія земли содѣйствуютъ, быть-можетъ, счастію другого шара." Онъ плачетъ о господствѣ силы и произвола, объ отсутствіи счастья и справедливости.

И вся жизнь и сочиненія этого вѣрнаго сына Италіи были упрекомъ итальянцамъ, ничего почти не дѣлавшимъ для своего освобожденія.

Поэтъ Леопарди въ звучныхъ, полныхъ сердечности и печали стихахъ оплакивалъ свою несчастную родину, мечталъ объ ея освобожденіи. Онъ родился въ 1798 году въ знатной семьѣ. Невесело жилось мальчику въ мрачномъ, старинномъ домѣ, у суровой, холодной матери, у суроваго же, хотя и добраго отца. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ уже отличался богатой фантазіей и очаровывалъ своими разсказами брата и сестру. Онъ рано началъ учиться, восьми лѣтъ уже зналъ латинскій и греческій языки, четырнадцати — изучилъ нѣсколько новыхъ языковъ, а шестнадцати лѣтъ уже написалъ ученое сочиненіе. Дни и почти проводилъ онъ за книгами. Не видя ласки и привѣта, безъ игръ и забавъ, безъ смѣха и веселья, росъ бѣдный мальчикъ. Онъ положительно убивалъ свое и безъ того слабое здоровье, то надъ книгами, то одиноко гуляя по саду, то выливая свое грустное настроеніе въ стихи, надъ книгами. Скоро онъ познакомился съ грустнымъ настоящимъ своей родины, и въ стихахъ его появилась новая тема. Его тянуло изъ деревни въ большой городъ, гдѣ бы ему можно было продолжать учиться и развиваться, но семья не хотѣла этого; да и мысли сына о страданіяхъ родины, о необходимости освобожденія ея не нравились Леопарди-отцу. И молодой сынъ разошелся съ семьею, отправился въ Римъ, жилъ во Флоренціи, въ Пизѣ, въ Болоньѣ, страдалъ отъ бѣдности, страдалъ здоровьемъ, изрѣдка посѣщая родную деревню. Только къ концу жизни удалось Леопарди пожить лучше, больше увидѣть участія и ласки, но въ 1837 г. его уже не стало. Послѣ него осталось много чудныхъ стихотвореній, полныхъ грусти, и теперь онъ считается однимъ изъ любимѣйшихъ поэтовъ Италіи.

У всѣхъ этихъ писателей были читатели, были подражатели и продолжатели, и множество писателей во всевозможнаго рода произведеніяхъ, въ романахъ, трагедіяхъ, стихотвореніяхъ и т. д., распространяли мысль о свободѣ и подъемѣ Италіи и будили національное чувство.

Между тѣмъ гнетъ надъ Италіей не ослабѣвалъ, а напротивъ, принималъ все большіе размѣры. Но теперь его сознавали менѣе, больше говорили о немъ, а отъ словъ уже недалеко было до дѣла — до возстанія. Но прежде, чѣмъ говорить о возстаніяхъ, надо сказать о карбонаріяхъ.

Карбонаріи — это тайное общество, неизвѣстно когда возникшее

въ Италіи, но въ началѣ нашего вѣка получившее тамъ большое распространеніе и значеніе. Свое названіе оно заимствовало отъ угольщиковъ (carbo –уголь), быть-можетъ, потому, что члены его, скрываясь въ лѣсахъ, собирались въ хижинахъ угольщиковъ. Какова была первоначальная цѣль этого общества, мы не знаемъ, но въ XIX вѣкѣ цѣлью итальянскихъ карбонаріевъ было сверженіе чужеземнаго ига. Всѣ крайнія мѣры, къ которымъ прибѣгали въ Италіи возстановленныя правительства, только увеличивали число карбонаріевъ. Въ это общество поступали люди изъ всевозможныхъ сословій, тутъ были и офицеры и священники. Въ его устройствѣ было много таинственнаго; у нихъ были особые обряды, особый языкъ, съ выраженіями, заимствованными изъ быта угольщиковъ и изъ священнаго писанія. При вступленіи въ общество давалась клятва хранить въ тайнѣ существованіе общества, не выдавать его дѣлъ, слѣпо и безусловно повиноваться приказаніямъ. Измѣнники наказывались смертью. Вся Италія была раздѣлена на части между членами общества, съ особымъ управленіемъ въ каждой части и однимъ общимъ для всѣхъ. Дѣйствія карбонаріевъ были окружены тайной, они были почти неуловимы, такъ что даже правительства боялись ихъ, чѣмъ вызывали созданіе легендъ объ этихъ тайныхъ и могущественныхъ врагахъ своихъ, еще болѣе увеличивали ихъ значеніе и роняли свое собственное въ глазахъ народа.

Мы не будемъ подробно говорить о возстаніяхъ въ Италіи, возникавшихъ при участіи карбонаріевъ. Такое возстаніе было въ Неаполѣ въ 1820 г., съ цѣлью заставить короля измѣнить устройство государства и дать народу большія права и участіе въ дѣлахъ правленія. Возставшіе добились было своей цѣли, но не надолго: въ 1821 году австрійскія войска вступили въ Неаполь, и прежніе порядки были возстановлены. Такъ же неудачно было и возстаніе въ Сициліи, въ Пьемонтѣ, а въ Ломбардіи оно было подавлено раньше, чѣмъ началось. Привело это только къ тому, что вездѣ начались аресты, изгнанія, заточенія, вездѣ поставлены были австрійскіе солдаты, чтобы водворить спокойствіе. Одного неосторожнаго слова было достаточно для обвиненія въ заговорѣ, и малѣйшее подозрѣніе вызывало долголѣтнее, часто пожизненное, заточеніе въ какую-нибудь итальянскую крѣпость, а иногда — въ богемскую или моравскую.

Каково жилось въ такихъ крѣпостяхъ, лучше всего видно изъ знаменитаго произведенія итальянскаго писателя Сильвіо Пеллико „Мои темницы" („Le mie prigioni"). Его первыя произведенія, трагедіи, появились въ 1810 г., но въ 1820 г., обвиненный въ сношеніяхъ съ карбонаріями, онъ былъ арестованъ въ Миланѣ. Все, что перенесъ Пеллико въ своей первой тюрьмѣ и на допросахъ, затѣмъ въ венеціанскихъ piombi (чердачныя помѣщенія въ знаменитой еще со временъ республики тюрьмѣ въ Венеціи; тюрьма покрыта свинцовою кровлею, откуда и названіе piombi), и затѣмъ въ крѣпости Шпиль-

бергѣ, составляетъ содержаніе этой переведенной на всѣ языки книги.

Въ piombi свинцовая крыша его камеры, выходившей на югъ, страшно раскалялась подъ лучами итальянскаго солнца, свинцовая же крыша собора св. Марка отражала жаръ въ окно камеры -духота, жара и вдобавокъ москиты, все покрывавшіе сплошь и наполнявшіе воздухъ несмѣтными роями; чтобы спастись отъ нихъ хоть сколько-нибудь, Пеллико въ страшную жару обматывалъ голову и ноги тряпками, на руки надѣвалъ перчатки и завязывалъ рукава, чтобъ насѣкомыя не заползали въ нихъ. Развлеченіемъ являлись муравьи, которые заползали на окошко, — узникъ прикармливалъ ихъ, и они цѣлыми полчищами покрывали подоконникъ; другимъ развлеченіемъ былъ паукъ, поселившійся въ углу, —узникъ и его прикормилъ и такъ приручилъ, что тотъ заползалъ къ нему на постель и изъ пальцевъ бралъ ѣду. А когда лѣто кончилось, Пеллико перевели въ тюрьму на островъ св. Михаила, объявили ему здѣсь смертный приговоръ, но затѣмъ уже на эшафотѣ замѣнили смерть пятнадцатилѣтнимъ заточеніемъ. Больной уже Пеллико былъ привезенъ въ Шпильбергъ, близъ Брюнна, въ Моравіи, и здѣсь, страдая отъ болѣзней, отъ плохой ѣды, въ цѣпяхъ, провелъ много лѣтъ. О душевныхъ мукахъ и говорить нечего. Только въ 1830 г. Пеллико былъ выпущенъ изъ Шпильберга и вернулся къ своимъ роднымъ. Здѣсь онъ написалъ свое сочиненіе „Мои темницы“, разсужденіе „Объ обязанностяхъ человѣка“ и нѣсколько другихъ произведеній.

Такихъ мѣстъ, какъ Шпильбергъ, было въ Австріи не одно, и они были наполнены заключенными. Въ Шпильбергѣ, во время Пеллико содержалось до 300 заключенныхъ, изъ которыхъ довольно значительное число было заключено по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Многіе изъ нихъ терпѣли еще больше, чѣмъ Пеллико. Вотъ разсказъ объ одномъ изъ такихъ страдальцевъ Конфалоньери, пострадавшемъ изъ-за несостоявшагося возстанія въ Ломбардіи.

„Заключенный сюда (въ Шпильбергъ) въ 1823 г., въ цвѣтѣ силъ и здоровья, Конфалоньери вышелъ изъ тюрьмы черезъ тринадцать лѣтъ, съ роковой болѣзнью, которая чрезъ десять лѣтъ свела его въ могилу. Его желѣзное здоровье сломилось въ carcere duro (подвергавшіеся carcere duro были обречены на обязательную работу — щипали корпію, кололи дрова, вязали чулки; они носили оковы на ногахъ, спали на голыхъ доскахъ и получали самый скверный паекъ, какой только можно себѣ представить); неволя и цѣпи такъ измѣнили его, что одинъ изъ его друзей, встрѣтившись съ нимъ въ 1837 г., не могъ не заплакать, увидѣвъ полужиной остовъ человѣка, нѣкогда кипѣвшаго всею силою юности. Одно качество осталось въ немъ неизмѣннымъ—та крѣпость характера, которую не побѣдили ни угрозы судей, ни пытки... И не стану разсказывать тысячи несправедливостей этого ломбард-

скаго процесса, который продолжался два года и покрылъ трауромъ столько семействъ: я не стану говорить и о томъ, какъ Конфалоньери былъ осужденъ на смерть (измѣненную на медленное умираніе въ Шпильбергѣ). Но я упомяну о томъ несокрушимомъ мужествѣ, съ которымъ славный арестантъ вынесъ долговременное заточеніе. Нѣтъ надобности говорить о жестокости тюрьмы, столь извѣстной всякому. Къ Конфалоньери примѣнили самое утонченное варварство.

„Я разскажу по этому случаю одинъ фактъ. Конфалоньери имѣлъ жену-героиню, Лоцію, которая, исторгнувъ мужа изъ рукъ смерти, постоянно думала о томъ, чтобы освободить его изъ Шпильберга. Трудно это было, но, несмотря на то, подкупивъ одного изъ тюремщиковъ, она почти достигла цѣли, и вдругъ полиція предупредила ее, и планъ Лоціи не удался. Это произвело на нее такое потрясающее впечатлѣніе, что она умерла. И императоръ, до того запрещавшій передавать какое-либо внѣшнее извѣстіе Конфалоньери, теперь нарочно приказалъ сообщить ему о ея кончинѣ, въ то же время запретивъ говорить о ней подробно. Это приказаніе было исполнено буквально: директоръ тюрьмы призвалъ къ себѣ Конфалоньери и обратился къ нему такъ: „Нумеръ четырнадцатый, его величество, государь, приказалъ объявить вамъ, что жена ваша умерла“. Едва онъ докончилъ эту фразу, какъ часовые, подхвативъ узника, потащили его назадъ. Послѣ подобнаго факта не удивительно, что онъ изможженный вышелъ изъ Шпильберга; удивительно то, что онъ до послѣдней минуты сохранилъ энергію души. Имя Фридерика Конфалоньери не умретъ въ исторіи нашихъ несчастій“, добавляетъ разсказчикъ-итальянецъ.

Волненія въ Италіи прекратились на время. Австрійская полиція и австрійскія войска все задавили. Они запрещали собранія, стѣсняли путешествія, слѣдили даже за правительствами. Послѣ это о дѣлахъ государственныхъ никто не рѣшался говорить, всякій боялся высказаться неодобрительно о какихъ бы ни было правительственныхъ распоряженіяхъ. И такъ было по всей Италіи: въ Ломбардіи, Венеціи и Тосканѣ, гдѣ менѣе сурово, гдѣ болѣе. Чѣмъ слабѣе были правители какой-либо области, тѣмъ болѣе они были жестоки: доходило до того, что самой Австріи приходилось сдерживать ихъ.

Теперь, прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшей исторіи Италіи, мы познакомимся съ человѣкомъ, вся жизнь котораго была посвящена борьбѣ за единство Италіи, благодаря которому и создалась единая Италія. Человѣкъ этотъ Джузеппе Гарибальди.

ГЛАВА V.

Гарибальди.—Мадзини.

Джузеппе Гарибальди родился 22 іюля 1807 г. въ Ниццѣ. Отецъ его былъ морякъ и сынъ моряка и по наслѣдству передалъ своему ребенку и любовь къ морю и любовь къ приключеніямъ, безъ которой нельзя себѣ представить жизнь моряка. Образованіе Джузеппе получилъ небольшое. Онъ охотно занимался только съ однимъ учителемъ, читавшимъ съ нимъ римскую исторію. Этотъ учитель заставилъ его полюбить родной языкъ, познакомилъ его съ блестящимъ прошлымъ Италіи и Рима и, быть-можетъ, положилъ начало мечтамъ о лучшемъ будущемъ для родины, тѣмъ мечтамъ, которымъ предавался Гарибальди всю жизнь свою и исполненію которыхъ посвятилъ онъ такъ много силъ. „Римъ, о, когда я думалъ о бѣдствіяхъ, его постигшихъ, говорилъ Гарибальди,—о его паденіи, о его несчастіяхъ, онъ дѣлался для меня дороже и священнѣе всего на свѣтѣ. Я любилъ его всѣми силами моей души"... „Римъ, который представлялся моему воображенію въ періодѣ моей юности, былъ не только Римъ въ прошедшемъ, но Римъ въ будущемъ, которому завидуютъ"...

Но не учителя, не книги были главными воспитателями маленькаго Гарибальди. Море, морской берегъ, палуба отцовскаго судна,—вотъ гдѣ больше всего любилъ проводить онъ время. Учебныя занятія не такъ привлекали его, какъ игры и разныя смѣлыя предпріятія. Разъ онъ даже задумалъ убѣжать отъ наскучившаго ученья и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами своими уплылъ на рыбачьей лодкѣ въ Геную. Они уже успѣли довольно далеко отъѣхать отъ Ниццы, когда судно, посланное отцомъ, догнало ихъ и вернуло.

А дома этотъ смѣлый, сильный, предпріимчивый мальчикъ видѣлъ передъ собою мать, любящую, добрую, готовую всегда прійти на помощь страдающимъ и обиженнымъ. „Ея прекрасный характеръ, говоритъ Гарибальди, ея удивительная доброта не могли не отразиться на мнѣ. И чему я долженъ приписать эту сильную любовь мою къ отечеству, эту непреклонную преданность ему, какъ не соболѣзнованію моей матери о несчастныхъ, какъ не состраданію ея къ страдальцамъ!" Матери же своей онъ приписываетъ и ту отвагу, которая всѣхъ удивляла въ Гарибальди. „Въ случаяхъ наиболѣе страшныхъ и ужасныхъ въ моей жизни, когда волны океана ревѣли и съ яростью бились о бока моего корабля, подымая его какъ легкую соломинку, когда пули со свистомъ пролетали мимо моихъ ушей, подобно бурному вѣтру, когда, наконецъ, кругомъ меня сыпался градъ пуль и ядеръ, мнѣ всегда представлялась мать моя, стоящая съ теплыми молитвами на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя... и она обо мнѣ взывала къ Господу, обо мнѣ, ея сынѣ! Если что придавало мнѣ всегда храбрость и мужество,

которымъ иногда удивлялись, то это твердая увѣренность, что со мною не можетъ случиться никакого несчастья, если столь прекрасная, добродѣтельная женщина молится за меня!"

Воспитанное такою матерью доброе сердце рано стало сказываться въ сынѣ, сказывалось и потомъ, всю жизнь. Все, что страдало, погибало, находило въ немъ своего горячаго самоотверженнаго заступника и спасителя, будь то люди, будь то даже животныя. Ему не было еще восьми лѣтъ, когда онъ спасъ женщину - прачку, полоскавшую бѣлье на берегу глубокой канавы и упавшей въ воду (Гарибальди еще ребенкомъ былъ замѣчательный пловецъ: „какъ и когда именно я выучился плавать, говоритъ онъ, - я не помню; мнѣ кажется, что я всегда зналъ это и родился амфибіей"). Другой разъ, нечаянно оторвавъ лапку у сверчка, онъ нѣсколько часовъ просидѣлъ запершись въ своей комнатѣ и горько плакалъ.

Подросъ Гарибальди. Пришло время выбрать ему поприще. Отецъ думалъ, что сынъ его будетъ священникомъ, или докторомъ, или адвокатомъ. Но не къ этимъ занятіямъ влекло мальчика: море, жизнь, богатая приключеніями, тянули его къ себѣ. Всѣ старанія употребилъ отецъ, чтобы направить своего сына на безопасную, спокойную дорогу, но мальчикъ былъ упоренъ. И онъ добился своего: отецъ уступилъ. Мать со слезами укладывала пожитки своего сына, а онъ, сіяя радостью, смотрѣлъ на „Костанцу", корабль, готовый поплыть и унести его съ собою. „Ты, прекрасная „Костанца", первый корабль, на которомъ я поплылъ въ море, явилась мнѣ освѣщенная солнцемъ весны, солнцемъ юности. Твои крѣпкіе бока, твои высокія мачты, твоя обширная палуба, все, не исключая и бюста женщины, красовавшагося на твоемъ носу, все остается навсегда запечатлѣннымъ въ моей памяти. Какъ твои матросы, прекрасная моя „Костанца", отвязавъ отъ тебя лодку, граціозно гребли широкими веслами! Съ какою радостью я, пренебрегая опасностью, выходилъ на корабельный балконъ и слушалъ ихъ пѣніе!"

Онъ съѣздилъ въ Одессу, а во второй разъ поѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Римъ, на отцовской шкунѣ. „Въ Римъ! какая радость ѣхать въ Римъ!" восклицаетъ Гарибальди. Римъ былъ для него столицею міра, „колыбелью святой религіи, которая разорвала узы рабства, облагородила чувство человѣколюбія, бывшее до тѣхъ поръ въ крайнемъ пренебреженіи"...

Послѣ этой поѣздки, пославъ нѣкоторое время съ отцомъ, онъ много разъ ѣздилъ къ Азіатскимъ берегамъ, при чемъ ему приходилось и выносить бури, и быть свидѣтелемъ кораблекрушенія, и не разъ отбиваться отъ пиратовъ, и вытерпѣть болѣзни, и перенести большую нужду въ чужомъ городѣ, быть и домашнимъ наставникомъ и капитаномъ...

Во время этихъ скитаній Гарибальди приходилось встрѣчаться

со всякаго рода людьми, между прочимъ и съ людьми, мечтавшими объ освобожденіи Италіи. „Въ эти очаровательныя восточныя ночи, въ которыхъ замѣтна не темнота, по только отсутствіе дня, подъ этимъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, на этомъ морѣ, колеблемомъ легкимъ, прохладнымъ вѣтеркомъ, мы разсуждали о патріотизмѣ, о человѣколюбіи"... Не все ясно понималось въ этихъ разговорахъ, но они дѣйствовали сильно: „Я возвращался полный энергіи, полный новыхъ мыслей, страстно желавшій новыхъ дней, полныхъ событій"...

Въ это время онъ познакомился съ Мадзини.

Люди, мечтавшіе объ освобожденіи Италіи, находили себѣ поддержку и въ самой Италіи и за границей, у своихъ же изгнанниковъ и у французовъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Италіи начались опять волненія и послѣ 1830 г. охватили Болонью, Модену, Парму, Римскую область.

Много людей, недовольныхъ порядками или замѣшанныхъ въ возстаніяхъ, или только подозрѣваемыхъ въ нихъ, изгонялись изъ Италіи или сами покидали ее, чтобы въ другихъ, болѣе свободныхъ странахъ ожидать лучшаго времени, ожидать той минуты, когда понадобится ихъ помощь родинѣ, и всякими способами ускорить приближеніе этой минуты.

Изъ такихъ покинувшихъ Италію патріотовъ замѣчателенъ Мадзини, бѣжавшій въ 1831 изъ тюрьмы и жившій затѣмъ въ Швейцаріи, Франціи, Англіи. Онъ происходилъ изъ хорошей, образованной, но небогатой семьи, сначала учился дома, затѣмъ въ Генуэзскомъ университетѣ и уже въ это время пользовался неотразимымъ вліяніемъ среди товарищей, благодаря своимъ знаніямъ, умѣнью говорить, умѣнью владѣть собою. Онъ сталъ заниматься литературою, мечтая съ ея помощью познакомить молодежь съ прошлымъ Италіи, съ ея прежними героями и доблестями, побудить ее прійти на помощь родинѣ и создать ей лучшее будущее. Онъ еще юношею имѣлъ сношенія съ карбонаріями, поступилъ въ это общество, даже получилъ тамъ одну изъ высшихъ степеней. Очутившись въ изгнаніи, онъ весь отдался дѣлу освобожденія родины и задумалъ основать новое общество „Молодая Италія", цѣлью котораго было сверженіе чужеземнаго ига Италіи и объединеніе ее силами самихъ итальянцевъ, безъ чужеземной помощи. „Единая и независимая итальянская республика"— вотъ какую задачу должны были имѣть передъ собою члены „Молодой Италіи". Любовь къ родинѣ возродилась Мадзини на степень религіи, и члены общества должны были стремиться не только къ государственному преобразованію Италіи, но и къ нравственному и духовному перерожденію общества. Средствами были слово и литература. Онъ основалъ журналъ „La giovine Italia" для распространенія его взглядовъ, и журналъ этотъ во множествѣ экземпляровъ проникалъ въ Италію, несмотря на всякія преслѣдованія. Число членовъ обще-

ства быстро росло и среди изгнанниковъ и среди итальянской молодежи почти во всѣхъ государствахъ Италіи. Мадзини твердо вѣрилъ въ истину и успѣхъ своего дѣла и своею убѣжденностью производилъ такое впечатлѣніе, что послѣдователи его готовы были итти на смерть по указанію учителя. Вся почти Италія покрылась сѣтью комитетовъ „Молодой Италіи", несмотря на преслѣдованія правительства. Самъ Мадзини былъ приговоренъ заочно къ смерти, какъ глава заговора.

Съ этимъ-то человѣкомъ и познакомился въ 1833 г. Гарибальди и всею душою отдался ему и общему дѣлу. Въ это время Мадзини рѣшилъ попытаться перейти отъ слова къ дѣлу и устроить возстаніе въ Италіи. Началомъ должно было послужить нападеніе двухъ колоннъ заговорщиковъ на Пьемонтъ Но походъ былъ неудаченъ, и республиканцы были частью разсѣяны, частью взяты въ плѣнъ. Гарибальди тоже участвовалъ въ этой экспедиціи: ему было поручено постучить въ качествѣ матроса на правительственный корабль и подговорить матросовъ перейти на сторону заговорщиковъ и такимъ образомъ овладѣть кораблемъ. Но, услышавъ, что подготовляется мятежъ въ Генуѣ, Гарибальди оставилъ корабль и на челнокѣ переправился на берегъ, къ казармамъ, которыми предполагалось овладѣть во время мятежа. Долго онъ бродилъ у казармъ, но никакихъ мятежниковъ не появлялось: напротивъ, онъ узналъ, что сдѣлано нѣсколько арестовъ, и увидѣлъ, что къ казармамъ начинаютъ собираться войска. Гарибальди, видя, что дѣло плохо, спрятался у одной торговки фруктами, и затѣмъ, переодѣтый крестьяниномъ, вышелъ изъ Генуи. Безъ дороги, перелѣзая черезъ стѣны садовъ, онъ удалялся отъ Генуи и, пройдя десять ночей, пришелъ въ Ниццу, свой родной городъ, гдѣ и пріютился у своей тетки, а затѣмъ на слѣдующую ночь опять пустился въ дорогу. Тутъ онъ попалъ въ руки таможеннымъ солдатамъ, задержавшимъ ночного путешественника: но Гарибальди ушелъ отъ нихъ, выпрыгнувъ для этого изъ окна въ садъ, съ высоты двухъ саженъ. Онъ сталъ пробираться къ Марселю, держа путь по звѣздамъ. По дорогѣ, остановившись въ одной гостинницѣ, онъ проговорился хозяину, кто онъ, и тотъ объявилъ, что его надо арестовать. Гарибальди погибъ бы, если бы не нашелся. Онъ расхохотался и сказалъ:

Арестовать! Вы еще успѣете сдѣлать это! Дайте мнѣ только кончить ужинъ! А въ гостинницу набралось много народу: всѣ пили, играли въ карты, разговаривали, пѣли. Трактирщикъ посматривалъ на Гарибальди, но объ арестѣ пока не говорилъ. И вотъ Гарибальди подошелъ со стаканомъ въ рукѣ къ веселой компаніи и, предложилъ спѣть имъ что-нибудь и запѣлъ французскую пѣсенку. За одной пѣснею пропѣлась другая, раздались крики: „Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Италія!" Трактирщикъ не посмѣлъ опять заговаривать объ арестѣ, и Гарибальди, провеселившись всю ночь, со своими

новыми друзьями благополучно убрался изъ гостиницы и наконецъ дошелъ до Марселя.

А въ Италіи въ это время и Мадзини и Гарибальди были приговорены къ повѣшенію. Гарибальди подъ другимъ именемъ поступилъ матросомъ на одинъ корабль. Подъ этимъ же чужимъ именемъ онъ совершилъ подвигъ: спасъ мальчика, упавшаго въ воду. На этомъ кораблѣ онъ съѣздилъ въ Одессу, потомъ прослужилъ нѣкоторое время во флотѣ Тунисскаго бея и вернулся затѣмъ въ Марсель, какъ разъ въ разгаръ сильной эпидеміи. Онъ поступилъ добровольцемъ-сидѣлкой въ холерный госпиталь и пятнадцать дней прожилъ тамъ, ухаживая за больными. Когда эпидемія немного ослабѣла, онъ задумалъ пуститься въ новое путешествіе, повидать новыя страны.

ГЛАВА VI.

Гарибальди въ Америкѣ.

Жизнь Гарибальди въ Америкѣ такъ интересна, такъ необычайна, что мы разскажемъ о ней, хотя она и не имѣетъ прямого отношенія къ исторіи Италіи. Это, къ тому же, ближе познакомитъ насъ съ героемъ Италіи.

Гарибальди поступилъ матросомъ на корабль, отправлявшійся въ Америку, и прибылъ въ Ріо-Жанейро, столицу Бразиліи. Здѣсь онъ встрѣтился со своими земляками, покинувшими негостепріимную родину или изгнанными изъ нея. Нѣкоторое время онъ занимался торговлею, пользуясь купленными маленькимъ судномъ, но скоро эта однообразная и скучная дѣятельность надоѣла ему. „Боже, пишетъ онъ, какъ утомленъ я моимъ существованіемъ, такъ безполезнымъ для моей родины"... Скоро онъ принялся за новое дѣло. Въ Ріо-Жанейро привезли, какъ плѣнниковъ, нѣсколькихъ участниковъ народнаго возстанія въ Ріо-Гранде, отложившейся отъ Бразиліи; Гарибальди задумалъ помочь менѣе сильнымъ, но болѣе правымъ, по его мнѣнію; собрать маленькій отрядъ, вооружилъ небольшое судно, назвавъ его „Мадзини", и отправился въ море, какъ врагъ Бразиліи. Скоро они захватили большое судно, плывшее подъ бразильскимъ флагомъ. Разъ онъ прибылъ въ одинъ городъ и продалъ одному купцу нѣсколько мѣшковъ кофе и еще какія-то вещи, чтобы, получивъ деньги, запастись провизіей; но денегъ не получилъ сразу. Въ то же время узналъ онъ, что его хотятъ арестовать въ этомъ городѣ. Узналъ объ этомъ и купецъ и думалъ какъ-нибудь избавиться отъ уплаты. Тогда Гарибальди, вечеромъ, накинувъ плащъ, съ двумя пистолетами за поясомъ, отправился въ городъ, несмотря на угрожавшій ему плѣнъ, и явился къ неце-

правному должнику. Тотъ началъ дѣлать ему знаки, что опасность грозитъ ему; но Гарибальди подошелъ къ купцу и, приставивъ къ горлу пистолеты, потребовалъ уплаты. Купецъ уплатилъ, а Гарибальди спокойно вернулся на судно и въ 11 час. вечера отплылъ дальше. Оружіе, перенесенное изъ трюма на палубу судна, заставило отклониться компасную стрѣлку, и потому судно сбилось съ настоящей дороги и, попало въ опасный бурунъ и чуть не погибло въ рифахъ среди почной темноты, но кое-какъ спаслось. Плывя дальше, Гарибальди однажды замѣтилъ на берегу ферму: на плотѣ, устроенномъ изъ стола и бочекъ съ помощью багра, рискуя каждую минуту опрокинуться, переправился онъ съ однимъ матросомъ на берегъ, чтобы запастись провизіей. На фермѣ онъ нашелъ радушный пріемъ и купилъ здѣсь быка; быка разрѣзали на части, перетащили на плотъ, подвѣсили мясо на колъ, вбитый по серединѣ стола, и два храбреца пустились въ путь. Плотъ погружался все глубже, управлять багромъ было невозможно, и наконецъ плотъ понесло. Съ судна замѣтили, въ какой опасности плотъ, пустились догонять ихъ, догнали, бросили имъ веревку, по которой втащили наверхъ провизію, затѣмъ храбрецовъ и, наконецъ, и плотъ, опять затѣмъ превратившійся въ столъ.

Скоро они встрѣтились съ двумя непріятельскими кораблями. Первыми же выстрѣлами былъ убитъ рулевой у Гарибальди; Гарибальди сталъ на его мѣсто, но пуля ранила его въ голову. Сраженіе все-таки продолжалось, и непріятель бѣжалъ. Гарибальди много дней пришлось обходиться безъ врачебной помощи, руководя въ то же время плаваніемъ, не имѣя возможности пристать къ берегу. Наконецъ въ одномъ городѣ Гарибальди вынули пулю, и онъ полгода пробылъ тамъ сначала какъ больной, а потомъ какъ плѣнникъ. Поправившись, онъ задумалъ бѣжать. Нашлись добрые люди, согласившіеся помочь ему и доставившіе лошадей, чтобъ добраться до рѣки. Въ бурную ночь отправился Гарибальди чрезъ поля и къ утру былъ уже недалеко отъ берега; онъ слѣзъ съ лошади и легъ подъ дерево отдохнуть, какъ вдругъ показался отрядъ всадниковъ, и Гарибальди былъ схваченъ. Въ городѣ стали требовать отъ Гарибальди, чтобъ онъ назвалъ людей, помогавшихъ ему бѣжать, Гарибальди не согласился, и тогда его подвергли пыткѣ: къ связаннымъ сзади рукамъ привязали веревку и подтянули его, такъ что тѣло висѣло футовъ на пять отъ земли. Въ отвѣтъ на новый вопросъ онъ плюнулъ въ лицо допрашивавшему. Два часа провисѣлъ такъ Гарибальди съ вывихнутыми плечами, съ окровавленными руками, и только считая его мертвымъ, опустили его на землю. Потомъ, со скованными руками и ногами, по болотистымъ мѣстамъ, терзаемый тучами москитовъ, несчастный долженъ былъ пройти пятьдесятъ миль, до другого города. Здѣсь онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ одной тюрьмѣ, затѣмъ въ другой, и наконецъ былъ освобожденъ. Добравшись до Монтевидео, онъ встрѣтился съ нѣкоторыми

друзьями своими и отправился вмѣстѣ съ ними въ республику Ріо-Гранде, за которую онъ такъ пострадалъ. Тутъ его встрѣтили съ всеобщимъ восторгомъ и скоро поручили ему начальство надъ двумя небольшими береговыми судами. Суда эти разъѣзжали по озеру Лосъ-Патосъ, безпокоя и нанося вредъ флоту Бразильской имперіи, который состоялъ изъ тридцати слишкомъ большихъ судовъ, но ничего не могъ подѣлать съ легкими, мелко сидящими суденышками Гарибальди.

Разъ онъ высадился у одной дружественной фермы, велѣлъ вытащить суда на берегъ и, увѣренный въ полной безопасности, велѣлъ своимъ людямъ сложить ружья въ сараѣ и затѣмъ отправиться на работу, кому въ кузницу, кому въ лѣсъ, и т. д.; а самъ остался у сарая только вдвоемъ съ поваромъ. И вдругъ раздались выстрѣлы и показался непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ 130 наемныхъ нѣмцевъ и австрійцевъ. Гарибальди съ поваромъ однимъ прыжкомъ очутились въ сараѣ. Враги едва не захватили его: плащъ Гарибальди былъ проткнутъ пикою. И вотъ Гарибальди хватаетъ одно заряженное ружье, стрѣляетъ въ маленькое окошечко сарая, беретъ другое ружье, третье; непріятели валятся одинъ за однимъ, а Гарибальди съ поваромъ ведутъ такую убійственную стрѣльбу, что непріятель отступилъ немного отъ сарая. На выстрѣлы прибѣжали друзья Гарибальди и присоединились къ нему. Враги заняли всѣ сосѣднія постройки и осыпали сарай выстрѣлами; нѣкоторые даже забрались на сарай и сквозь разобранную крышу посылали на храбрецовъ пули и зажженныя плетенки. Кончилось однако тѣмъ, что начальникъ непріятельскаго отряда былъ раненъ, и враги удалились.

Черезъ нѣкоторое время рѣшено было судамъ выйти изъ озера. Но выходъ изъ озера находился въ рукахъ враговъ. Тогда Гарибальди поставилъ суда на телѣги съ большими прочными колесами и по небольшому ручью, соединявшему это озеро съ другимъ, суда были перевезены. Двѣ сотни быковъ тащили эти телѣги пятьдесятъ четыре мили и привезли ихъ къ другому озеру, откуда суда, во время прилива, вышли въ океанъ. Море въ этомъ мѣстѣ очень неспокойное, и судно, на которомъ находился Гарибальди, на другой же день потерпѣло крушеніе, при чемъ изъ 30 человѣкъ экипажа уцѣлѣло только 14. Гарибальди, сброшенный съ вершины мачты, потративъ свои силы въ стараніяхъ спасти товарищей, едва выбрался на берегъ. Здѣсь онъ ободрилъ спасшихся, заставилъ ихъ согрѣться гимнастикою, а затѣмъ черезъ нѣкоторое время соединился съ войсками республики. Однажды съ палубы своего судна Гарибальди увидалъ на берегу у фермы много красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, занимавшихся разными работами, и одна изъ нихъ особенно понравилась ему. Сойдя на берегъ, Гарибальди отправился къ фермѣ, вошелъ въ домъ, и увидя тамъ понравившуюся ему дѣвушку, предложилъ ей стать женою его. Это

была смуглая красавица, съ черными какъ смоль волосами, по имени Анита.

Гарибальди было поручено отправиться съ тремя судами и напасть на суда имперіи. Анита поѣхала вмѣстѣ съ мужемъ. Они выдержали на морѣ не одно сраженіе, при чемъ Анита не только не покинула судно въ опасную минуту, но сама, съ карабиномъ въ рукахъ, участвовала въ дѣлѣ; ядро повалило ее вмѣстѣ съ двумя матросами,—они были убиты, но она осталась жива и согласилась уйти въ люкъ только затѣмъ, чтобъ выгнать оттуда спрятавшихся тамъ двухъ-трехъ трусливыхъ матросовъ. Разъ, когда суда очутились въ особенно опасномъ положеніи, Гарибальди, чтобы удалить Аниту отъ опасности, поручилъ ей съѣздить на берегъ и попросить у стоявшаго на берегу генерала подкрѣпленія; но она вернулась назадъ и привезла мужу приказаніе перевезти на берегъ оружіе и снаряды, чтобъ хоть ихъ спасти, по крайней мѣрѣ, а суда сжечь. И въ то время, какъ Гарибальди переходилъ съ судна на судно, поджигая ихъ, Анита распоряжалась перевозкой снарядовъ; разъ двадцать съѣздила она на берегъ на небольшой лодочкѣ, и въ то время, какъ гребцы погибались ежеминутно подъ свистѣвшими пулями и ядрами, она гордо, прямо и спокойно стояла на кормѣ.

Непріятель преслѣдовалъ ихъ и на берегу. Гарибальди ѣхалъ верхомъ, а рядомъ съ нимъ ѣхала Анита.

Во время отступленія происходили схватки и мелкія и крупныя, приходилось биться, страдать отъ голода, отъ ранъ, отъ жажды, гибнуть и во время сраженія и во время пути... Анита, дѣлившая съ мужемъ всѣ труды и лишенія, перевязывала раненыхъ, помогала больнымъ, разъ попала въ плѣнъ: пуля убила лошадь подъ нею. Она думая, что мужъ ея убитъ, выпросила позволеніе отыскать тѣло его на полѣ сраженія, долго ходила между трупами, искала, поворачивала мертвыхъ, но тѣла мужа не нашла, и вздумала бѣжать. И вотъ, добывъ себѣ лошадь, пользуясь тѣмъ, что побѣдители пировали въ деревнѣ, она помчалась въ бурную ночь по лѣсамъ и скаламъ; двадцать лье пришлось ей сдѣлать по непроходимому лѣсу вѣковыхъ сосенъ и гигантскихъ кустарниковъ, населенному хищными звѣрями и ядовитыми насѣкомыми, среди ударовъ грома и блеска молніи. Она переправилась вплавь, уцѣпившись за гриву лошади, черезъ переполнившійся водою отъ вѣтровъ и дождей горный потокъ, и наконецъ явилась къ Гарибальди послѣ восьмидневной разлуки.

16 сентября 1840 г. у Гарибальди, въ хижинѣ индѣйца, родился сынъ Менотти. Гарибальди отправился въ ближайшій городъ, чтобы купить кое-что необходимое для жены. Но полямъ, залитымъ водою, онъ съѣздилъ туда, купилъ, что было нужно, но когда вернулся, то не нашелъ ни индѣйскаго семейства, пріютившаго Аниту, ни самой Аниты съ ребенкомъ: во время его отсутствія непріятельскій отрядъ

подошелъ къ этому мѣсту, и Анита, больная, полураздѣтая, сѣла на лошадь, захватила съ собой ребенка и скрылась въ лѣсу, гдѣ и нашелъ ее потомъ мужъ.

Положеніе республиканскихъ войскъ становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Силъ становилось меньше, солдаты бѣжали, народъ начиналъ тяготиться войною. Отступленіе продолжалось подъ постоянными дождями по гористой странѣ, по непроходимымъ лѣсамъ съ разлившимися рѣками. Три мѣсяца длилось отступленіе, три мѣсяца Анита переносила всѣ трудности, боясь только за Менотти.

Гарибальди, наконецъ, усталъ, измучился и за жену свою и сына, и соскучился по родинѣ, по вѣстямъ отъ родной Италіи, и попросилъ, чтобъ его отпустили хоть на время въ Монтевидео. Онъ собралъ около 900 штукъ рогатаго скота, расчитывая дорогою продавать понемногу скотъ и такимъ образомъ существовать. Но въ этомъ дѣлѣ онъ самъ понималъ мало, работники обманывали его, дорога была трудная, и потому уцѣлѣло только немного больше половины всего скота. Но и этотъ уцѣлѣвшій скотъ былъ такъ измученъ и тощенъ, что Гарибальди рѣшилъ перебить его, а шкуры продать. Такъ онъ и сдѣлалъ и затѣмъ добрался до Монтевидео. Здѣсь онъ сначала занялся торговлею, продавая всякіе товары, отъ итальянскаго тѣста до русскихъ матерій, а затѣмъ сдѣлался домашнимъ учителемъ математики.

Но это скоро надоѣло ему, и онъ, по предложенію республики Монтевидео, защищавшей свою самостоятельность отъ Росаса, захватившаго въ свои руки власть въ Аргентинской республикѣ, опять занялся военнымъ дѣломъ и принялъ начальство надъ эскадрою Монтевидео. Много сраженій выдержалъ Гарибальди, иногда только благодаря своей находчивости и храбрости, счастливо выбираясь изъ безвыходныхъ, повидимому, положеній. Разъ ему два дня пришлось бороться съ сильнѣйшимъ непріятелемъ; онъ потратилъ всѣ свои снаряды, потерялъ половину людей. Тогда онъ сталъ употреблять вмѣсто пуль и картечей цѣпи, гвозди, молотки и т. п., продержался еще сутки, наконецъ велѣлъ зажечь свои суда и въ дыму, подъ выстрѣлами перебрался на берегъ.

Изъ итальянцевъ, жившихъ въ Монтевидео, Гарибальди собралъ легіонъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Жалованья они не получали, а хлѣбъ, соль, масло, водку и т. п. имъ давали натурою. Легіонъ этотъ оказалъ чудеса храбрости, и ему предложенъ былъ въ даръ большой участокъ земли; но Гарибальди отъ имени легіона отказался, говоря, что они дрались не изъ-за награды, а по сочувствію къ пріютившей ихъ странѣ. Разъ онъ съ 190 итальянцами столкнулся съ 1500 непріятелей и двѣнадцать часовъ сряду дрался съ ними. Онъ потерялъ половину своихъ людей и ускользнулъ, захвативъ съ собою

раненыхъ, отъ врага, потерявшаго около 500 человѣкъ. За этотъ подвигъ легіонъ былъ осыпанъ всякими почестями и отличіями.

Одинъ генералъ, приведенный въ восторгъ подвигами Гарибальди, написалъ ему письмо, а затѣмъ и самъ посѣтилъ его въ Монтевидео. Гарибальди жилъ въ плохенькой квартирѣ, двери которой никогда не запирались. Было темно. Адмиралъ толкнулъ дверь и оказался въ темной комнатѣ. Здѣсь онъ споткнулся на стулъ.

— О-го, сказалъ онъ, — неужели необходимо сломать себѣ шею, чтобъ видѣться съ Гарибальди?

Жена, послышался голосъ Гарибальди, у насъ кто-то ходитъ въ передней. Посвѣти!

— Чѣмъ же посвѣтить? отвѣтила Анита: ты знаешь, что въ домѣ нѣтъ ни копейки! Тогда Гарибальди подошелъ къ двери, отворилъ ее, и генералъ, на голосъ хозяина, перебрался въ другую комнату. Гарибальди объяснилъ, что республика не включила свѣчей въ составъ провіанта, выдававшагося легіонерамъ:

Но вы вѣдь пришли не для того, чтобы видѣть меня, а чтобъ поговорить со мною! прибавилъ онъ и остался съ гостемъ въ темнотѣ.

Правительство, узнавъ объ этомъ, послало Гарибальди денегъ, но онъ роздалъ ихъ вдовамъ и сиротамъ убитыхъ въ послѣднемъ сраженіи, оставивъ себѣ только на фунтъ свѣчей, на случай второго прихода генерала. Разсказовъ о великодушіи и добротѣ Гарибальди столько же, сколько и о храбрости его. Такъ, разъ, встрѣтивъ легіонера, не имѣвшаго даже рубашки, онъ отвелъ его въ уголъ, снялъ съ себя рубашку и отдалъ ее бѣдняку. Но когда онъ, возвратившись домой, спросилъ себѣ у Аниты другую, жена отвѣтила ему:

— У тебя была всего одна рубашка...

Дѣля добычу между солдатами, онъ давалъ больше тѣмъ, у кого были дѣти: а себѣ не оставлялъ ничего. Если же ему попадалась большая сумма денегъ, онъ отсылалъ ее въ казначейство Монтевидео. Разъ въ домѣ Гарибальди осталась всего одна мелкая монета. Дочка Гарибальди упала съ лѣстницы, ушиблась и расплакалась. Чтобы утѣшить ее, отецъ взялъ эту монету и пошелъ купить ребенку игрушку, но по дорогѣ какое-то дѣло задержало его, и онъ, много времени спустя, вернулся домой, забывъ объ игрушкѣ и машинально сжимая въ рукѣ монету. Ребенокъ уже не плакалъ, но Анита была встревожена:

— У насъ пропалъ кошелекъ съ деньгами! сказала она мужу. Тогда только вспомнилъ Гарибальди о трехъ копейкахъ. Онъ-то и былъ воръ.

ГЛАВА VII.

Гарибальди въ Италіи.

Въ 1846 году умеръ папа Григорій XVI. Послѣ десятидневныхъ помпокъ по немъ кардиналы приступили къ избранію новаго папы, и избранъ былъ Мастаи Феррети. Это былъ человѣкъ изъ знатной семьи, способный, хорошо образованный, еще за время своего кардинальства заслужившій любовь народа. Отъ него ожидали перемѣнъ къ лучшему, и перемѣны, дѣйствительно, послѣдовали: онъ ввелъ нѣкоторыя преобразованія въ суды, удалилъ особенно нелюбимыхъ должностныхъ лицъ, простилъ многихъ, посаженныхъ въ тюрьмы прежнимъ папою, разрѣшилъ провести желѣзныя дороги и т. д. Римъ ликовалъ. Три дня по разукрашеннымъ улицамъ ходили процессіи, горѣли факелы, вездѣ слышались пѣсни, крики радости. Радовались и въ провинціяхъ. Папа сталъ любимымъ человѣкомъ въ Римѣ. Его охраняли, дрожали за его безопасность, ссоры на улицѣ прекращались, если кто напоминалъ, что этимъ огорчаютъ папу. Въ слѣдующемъ году папа далъ позволеніе говорить въ печати о дѣлахъ правительства, пригласилъ народъ участвовать въ управленіи черезъ своихъ представителей, преобразовалъ самое управленіе и войско. Народъ радовался. Повсюду раздавались клики въ честь папы: „Viva Pio nono! Evviva!“

Слухи о новомъ папѣ, о дѣлахъ его дошли и до Гарибальди, и онъ послалъ Пію IX письмо, въ которомъ привѣтствовалъ папу за его преобразованія и т. д. и предлагалъ ему въ помощь свой легіонъ, „не разъ отличавшійся въ дѣлѣ противъ непріятеля и заслужившій великія похвалы даже отъ враговъ своихъ“.

На это письмо отвѣта долго не было. Кое-какъ Гарибальди раздобылъ средства на переѣздъ и съ нѣсколькими десятками соратниковъ въ мартѣ 1848 г. выѣхалъ изъ Монтевидео. А въ Европѣ за это время произошли большія перемѣны. Австріи очень не нравились нововведенія Пія IX и волненія, вызванныя ими въ разныхъ городахъ Италіи. Опасаясь, чтобы волненіе не разрослось, она заняла своими войсками одинъ городъ въ Папской области — Феррару. Папа заявилъ свое недовольство этимъ, но безполезно. Король сардинскій, видя, что пришло удобное время ослабить Австрію, присоединился къ требованію папы очистить Феррару отъ австрійскихъ войскъ и по собственному почину ввелъ у себя въ королевствѣ разныя полезныя реформы.

Старанія Австріи поддержать въ Италіи миръ и спокойствіе оставались безуспѣшными. Безпорядки вспыхивали повсюду: въ Неаполѣ, въ Сициліи, въ Тосканѣ, въ Генуѣ: въ Ломбардіи только

большая военная сила предупреждала возстанія. Ненависть противъ Австріи всюду громко высказывалась. Итальянскіе государи, въ томъ числѣ и папа, рѣшили составить противъ нея общій союзъ, и сардинскій король Альбертъ объявилъ ей войну. Въ это время городу Милану удалось прогнать австрійскія войска, подъ начальствомъ генерала Радецкаго, и городъ обратился къ сардинскому королю съ просьбою о союзѣ и помощи.

Карлъ Альбертъ шелъ въ походъ во имя всей Италіи, подъ итальянскимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ съ савойскимъ гербомъ. Въ договорѣ о союзѣ было написано, что по одержаніи побѣды устройство Ломбардіи будетъ предоставлено рѣшенію народа.

Войско Карла Альберта было не велико и не особенно опытно, но зато полно любви къ королю и отечеству. Всего было не больше 70 тыс., въ томъ числѣ тосканцы, ломбардцы, пармцы, моденцы, римляне и неаполитанцы, или присланные своими правительствами или явившіеся добровольно. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ Альберта, ему сдалась, наконецъ, крѣпость Пескіера, а черезъ два дня послѣ этого депутація отъ ломбардскихъ и венеціанскихъ провинцій явилась къ королю съ предложеніемъ присоединить ихъ къ своему королевству, чтобы „навсегда обезпечить національную независимость, основать новое верхне-итальянское государство со столицею Миланомъ"; къ нимъ присоединились Парма, Модена и Венеція, а Сицилія предложила корону сыну Альберта.

Имя Карла Альберта звучало по всей Италіи.

„Возстаньте, итальянцы,
Къ новой жизни.
Звѣзда Альберта
Заблистала на небѣ.
Соединимтесь, .
Всѣ мы братья!"

пѣлось въ одной распространенной пѣсенкѣ.

Но раньше надо было избавиться отъ Австріи, а это оказалось нелегкой задачей. Союзники Карла Альберта начали покидать его. Первымъ отозвать свои войска папа, и раньше не особенно хотѣвшій вести войну съ Австріей. За нимъ вышелъ изъ союза Фердинандъ II Неаполитанскій. Карлъ Альбертъ остался одинъ. Войско его было въ неважномъ положеніи, содержалось дурно, терпѣло лишенія, военачальники особенными талантами не отличались, и король терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ. Несмотря на всю свою выносливость, на самое упорное сопротивленіе, армія его отступила передъ Радецкимъ, и сократившись до 25 тыс., подошла къ Милану. У самаго города завязался бой. Карлъ Альбертъ показывался въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, ободряя солдатъ своимъ примѣромъ. Съ пяти часовъ утра до вечера держались пьемонтцы, подъ грозою и проливнымъ до-

ждемъ, передъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, постоянно получавшимъ новыя подкрѣпленія. Обошелъ король стѣны города, и унынie овладѣло имъ при видѣ, какъ плохи укрѣпленія и малы запасы,—и рѣшилъ онъ вступить въ переговоры съ Радецкимъ о сдачѣ города. Много оскорбленій и обвиненій въ измѣнѣ, въ предательствѣ услышалъ бѣдный король отъ миланцевъ, когда они узнали о предстоящей сдачѣ. Ночью уѣхалъ король изъ города, за нимъ ушла въ Пьемонтъ армія, а за нею больше 100 тыс. миланцевъ кто переселился въ Пьемонтъ, кто въ другія области Италіи, кто впослѣдствіи вернулся въ Миланъ.

Когда кончилось перемиріе, Карлъ-Альбертъ опять вступилъ въ борьбу, думая не о побѣдѣ, а объ оправданіи себя въ глазахъ Италіи: онъ даже сдѣлалъ траурное платье королевѣ предъ своимъ отправленіемъ въ походъ. Молодые солдаты его, неопытные, не довѣрявшіе начальникамъ, не сочувствовавшіе войнѣ, представляли силу небольшую; союзниковъ не было. Опять начались пораженія, и наконецъ при Новарѣ войско Альберта было разбито и побѣжало. Король напрасно останавливалъ бѣгущихъ. Вечеромъ онъ сказалъ своимъ генераламъ:

— Въ теченіе восемнадцати лѣтъ я сдѣлалъ все, что могъ, для блага моего народа: прискорбно мнѣ видѣть, что надежды мои не сбылись. Я не могъ найти смерти въ сраженіи, какъ желалъ. Теперь я, можетъ-быть, единственное препятствіе къ заключенію честнаго мира, а такъ какъ средствъ для продолженія войны не предвится, то я отказываюсь отъ короны въ пользу сына моего Виктора-Эммануила. Въ ту же ночь онъ одинъ со своимъ слугою выѣхалъ за границу, а черезъ четыре мѣсяца умеръ въ Опорто.

Покончивъ съ Пьемонтомъ, Радецкій обложилъ Венецію, предложилъ сдаться и получилъ отказъ. Началась осада. Городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, разобщенъ ото всего міра, страдалъ отъ бомбъ, отъ гранатъ, падавшихъ съ пускаемыхъ Радецкимъ воздушныхъ шаровъ, страдалъ отъ голода, отъ холеры, и тѣмъ не менѣе держался противъ сильнѣйшаго врага три мѣсяца. Въ концѣ концовъ онъ сдался, и австрійцы вступили въ городъ.

Гарибальди, пріѣхавъ въ Европу и узнавъ, что происходитъ въ Италіи, высадился въ Генуѣ и пріѣхалъ въ свою родную Ниццу, четырнадцать лѣтъ не видавшую бѣднаго изгнанника. Отсюда онъ поторопился къ Карлу-Альберту, въ то время уже объявившему войну Австріи, и предложилъ ему свои услуги. Но король принялъ его сухо и послалъ къ своему министру, а тотъ рекомендовалъ ему отправиться въ Венецію: —Тамъ вы примете начальство надъ нѣсколькими малыми судами и, какъ корсаръ, будете полезны венеціанцамъ, сказалъ онъ ему. Гарибальди поѣхалъ не въ Венецію, а въ Миланъ, правительство котораго поручило ему образовать отряды добровольцевъ. Волонтеровъ собрали, кое-какъ обмундировали въ холстинное платье австрій

скихъ солдатъ, такъ что отрядъ былъ скорѣе похожъ на отрядъ поваровъ, достали ружья и снаряды. Въ этотъ отрядъ вступилъ и Мадзини Но раньше, чѣмъ онъ дошелъ до Милана, городъ сдался австрійцамъ, которые грозили уже и самому отряду. Во время отступленія большая часть добровольцевъ разошлась. Послѣ многихъ схватокъ съ австрійцами Гарибальди распустилъ свой отрядъ, а самъ поѣхалъ въ Геную. Сюда къ нему явились депутаты отъ Сициліи, съ просьбою поддержать тамъ возставшихъ, и онъ уже поѣхалъ было туда, но, узнавъ по дорогѣ о событіяхъ въ Римѣ, повернулъ въ Римъ.

Тамъ за послѣдніе мѣсяцы все сильно перемѣнилось. Хвалы и привѣты Піо IX замѣнились ропотомъ, особенно послѣ того, какъ папа отступился отъ общаго дѣла. Стали говорить объ уничтоженіи свѣтской власти папы, и въ столицѣ и въ другихъ городахъ начались безпорядки. Министръ, недавно поставленный папою, былъ убитъ кѣмъто. Народъ требовалъ у папы обѣщанныхъ нововведеній. Тогда папа, переодѣтый простымъ священникомъ, бѣжалъ изъ Рима въ Гаэту и отдался подъ покровительство Фердинанда II. Въ Римѣ устроилось временное правительство, которое призвало горожанъ къ выбору депутатовъ, а депутаты постановили упразднить свѣтскую власть папы и Папскую область обратить въ республику. Во главѣ республики сталъ тріумвиратъ, въ который входилъ и Мадзини.

Итальянцы, братья, говорилъ онъ, — Ньемонтъ палъ, Генуя пала... Жизнь въ одномъ Римѣ! Пусть Римъ станетъ сердцемъ Италіи! Пусть онъ совершитъ подвиги, достойные его предковъ!..

Между тѣмъ, Австрія и Неаполь готовились напасть на новую республику. Франція, опасаясь возвышенія Австріи и не желая уступить ей честь возстановленія власти папы, двинула къ Риму свои войска, которыя и высадились въ гавани Чивита-Веккіа. Римляне рѣшили защищаться. Въ это время явился въ Римъ Гарибальди.

Вотъ онъ! кричала толпа при видѣ его, бросая въ воздухъ шляпы и платки: Вотъ онъ! Гарибальди! Гарибальди!

Вотъ какъ одинъ изъ очевидцевъ описываетъ Гарибальди и его отрядъ. „Гарибальди средняго роста, высокогрудый, широкоплечій, какъ будто выкованъ изъ желѣза; онъ соединяетъ въ себѣ и необыкновенную ловкость и чрезвычайную силу". У него рѣзкія черты лица, длинные волосы и густая борода золотистаго цвѣта. Глаза задумчивые и проницательные и благородство движеній внушаютъ съ перваго раза уваженіе и довѣріе. „Войско, которое поручено было Гарибальди, было чрезвычайно разнообразно и по возрасту, и по національности, — тутъ были легіонеры, входившіе въ составъ собраннаго Гарибальди легіона, въ красныхъ курткахъ, съ зеленой отдѣлкой, волонтеры изъ Венеціи, эмигранты, были и пріѣхавшіе изъ Америки „гарибальдійцы". Эти послѣдніе ѣздили на американскихъ сѣдлахъ, въ красныхъ плащахъ, въ высокихъ шляпахъ, безъ всякихъ украшеній

или знаковъ отличія. Всѣ они превосходные наѣздники, удивительно выносливые и неутомимые. На стоянкахъ и офицеры и генералъ сами ухаживали за своими лошадьми, снимали съ нихъ сѣдла и сами устраивали изъ этихъ сѣделъ палатку. Гарибальди, то сидя на конѣ, даетъ приказанія, то, переодѣтый крестьяниномъ, отправляется на розыски, то въ зрительную тоубу разсматриваетъ окрестности".

Утромъ 30 апрѣля французскія войска показались у города. Колокола Капитолія зазвонили, раздались выстрѣлы, улицы и площади наполнились вооруженнымъ народомъ, который затѣмъ кинулся къ воротамъ и оттѣснилъ изумленныхъ натискомъ французовъ. Оправившись, они въ числѣ 12 т. челов. направились къ другимъ воротамъ, но встрѣтили здѣсь Гарибальди. Онъ самъ дрался какъ простой солдатъ. Пуля ударила его въ грудь и съ кускомъ сукна впилась въ тѣло; Гарибальди вытащилъ самъ и пулю и сукно и, не обращая вниманія на сильно текущую кровь, продолжалъ сражаться. Солдаты Гарибальди оказывали чудеса храбрости и принудили отступить французовъ, потерявшихъ 800 человѣкъ ранеными и убитыми и 500 взятыми въ плѣнъ. Гарибальди хотѣлъ отрѣзать путь отступающимъ французамъ. „Пришлите мнѣ свѣжихъ войскъ, требовалъ онъ: ни одинъ французъ не возвратится на суда". Но Мадзини, бывшій въ тріумвиратѣ, не исполнилъ этой просьбы и допустилъ французовъ безпрепятственно удалиться на суда.

Римъ вечеромъ былъ иллюминованъ. Вездѣ слышались пѣсни, музыка... А въ это время неаполитанская армія уже приближалась къ Тибру. Гарибальди рѣшилъ помѣшать Фердинанду попасть въ городъ.

„Ровно въ шесть часовъ, разсказываетъ очевидецъ, прибылъ генералъ со своимъ штабомъ и былъ встрѣченъ громкими привѣтствіями. Онъ средняго роста; лицо у него загорѣлое отъ солнца, но съ античными чертами; сидитъ на лошади такъ спокойно и твердо, какъ будто съ нею родился; изъ-подъ шляпы съ узенькою ленточкой, украшенной чернымъ страусовымъ перомъ, разсыпаются густые волосы; борода покрываетъ всю нижнюю часть лица; на немъ, поверхъ красной рубашки, накинутъ бѣлый плащъ, подбитый красной матеріей. Штабъ его въ красныхъ блузахъ.

„Сзади него скакалъ верхомъ конюхъ, негръ, въ черномъ плащѣ: въ рукахъ у него пика съ краснымъ значкомъ. У всѣхъ прибывшихъ съ нимъ изъ Америки пистолеты, кинжалы и плети изъ буйволовой кожи".

Вечеромъ войско выступило. Ночь была ясная и прохладная. Шли быстро и молча, время отъ времени останавливаясь для развѣдокъ. На третій день они прибыли на дорогу въ Палестрину. Отсюда Гарибальди разослалъ отряды по сосѣднимъ деревнямъ, занятымъ врагами; они выгнали оттуда неаполитанцевъ и забирали въ плѣнъ.

Вотъ показались два полка неаполитанцевъ. Гарибальди вступилъ съ ними въ бой и черезъ два часа заставилъ отступить. Взятые въ плѣнъ разсказали, что король съ большимъ войскомъ недалеко ожидаетъ подкрѣпленій, а они были посланы впередъ, чтобъ овладѣть Палестриной и взять Гарибальди. Гарибальди остановился было лагеремъ, но боязнь, что безъ него неаполитанцы и французы нападутъ на городъ, заставила его повернуть обратно. Отрядъ сдѣлалъ въ ночь безъ отдыха 28 миль и прибылъ въ Римъ.

Черезъ нѣсколько дней Фердинандъ занялъ своими войсками городокъ Веллетри. Римляне послали туда войско, поручивъ главное начальство генералу Росселли. Гарибальди получилъ званіе дивизіоннаго генерала. Съ 2000 человѣкъ онъ встрѣтилъ сильный отрядъ неаполитанцевъ подъ предводительствомъ короля, и послѣ упорной битвы обратилъ непріятеля въ бѣгство, чуть не захвативъ самого Фердинанда. Фердинандъ ночью поспѣшно уѣхалъ изъ города, армія его отступила и перешла неаполитанскую границу. Гарибальди преслѣдовалъ ее, готовъ уже былъ перенести войну въ неаполитанскія владѣнія, но изъ Рима потребовали его возвращенія. О Гарибальди и его войскахъ были распущены такіе ужасные слухи, ихъ изображали такими разбойниками, что въ попутныхъ деревняхъ жители разбѣгались при ихъ приближеніи, оставляли свои дома и скрывались въ лѣсахъ и горахъ; но зато потомъ, когда они видѣли на самомъ дѣлѣ Гарибальди и его сподвижниковъ, видѣли, что тѣ ведутъ себя мирно, не грабятъ, не безчинствуютъ, они скоро дѣлались друзьями гарибальдійцевъ.

Главнокомандующій французскою арміею Удино между тѣмъ оправился, получилъ подкрѣпленія, неожиданно для Рима, оказался опять у самаго города и началъ бомбардировку. Гарибальди кинулся со своими волонтерами къ воротамъ. Народъ наполнилъ укрѣпленія. Бой былъ упоренъ. Нѣкоторые бастіоны переходили четыре раза изъ рукъ въ руки. Но къ Удино все прибывали новыя силы, а римляне слабѣли. Самъ Гарибальди показывался вездѣ, плащъ его былъ весь пробитъ пулями. Удино рѣшилъ повести настоящую осаду. Сотни бомбъ летѣли на городъ, разрушая дома, разрушая дивныя постройки, уродуя картины... Бастіоны переходили постепенно въ руки французовъ. 30-го іюля ночью французы пошли на окончательный приступъ, сдѣлали проломы въ стѣнахъ. Нѣсколько часовъ шелъ безъ перерыва горячій бой... Гарибальди и на этотъ разъ удалось отбить врага... Но Римъ больше не могъ держаться. Покрытый кровью и пылью явился Гарибальди къ тріумвирамъ.

— Можемъ ли мы еще держаться? спросили его.

— Можемъ, если сожжемъ одинъ кварталъ и взорвемъ мосты, т.-е. если уничтожимъ половину города.

Сколько же времени продержимся мы тогда?

— Еще нѣсколько дней!

Тогда рѣшено было сдать городъ. Гарибальди собралъ войска и волонтеровъ на площади св. Петра и сказалъ имъ:

Друзья! я предлагаю вамъ голодъ, жажду, холодъ и зной: вамъ не будетъ ни жалованья, ни пристанища, постоянныя тревоги, изнурительный походъ и работа штыками ожидаютъ васъ. Кто любитъ отечество и славу, тотъ можетъ слѣдовать за мной!

Многіе согласились. Гарибальди простился со слезами на глазахъ съ остальными и, отбиваясь отъ преслѣдовавшихъ его французовъ, вышелъ изъ города.

Вечеромъ 3-го іюня знамя папы развивалось на замкѣ св. Ангела. Папская власть была возстановлена; возвратились старые порядки, была даже возстановлена инквизиція.

Гарибальди съ остатками своихъ войскъ и съ женою, которая пріѣхала въ Римъ изъ Ниццы и участвовала въ послѣднихъ сраженіяхъ, отправился на сѣверъ, думая добраться до Венеціи. Французы и австрійцы преслѣдовали его, и онъ съ великимъ трудомъ спасался отъ нихъ. Пробираясь по узкимъ горнымъ тропинкамъ, переплывая рѣки, пользуясь ночной темнотой, довелъ онъ свой отрядъ до Санъ-Марино. Но австрійцы требовали сдачи Гарибальди, грозя въ противномъ случаѣ нападеніемъ на Санъ-Марино. Тогда Гарибальди распустилъ свой отрядъ и съ сотнею наиболѣе преданныхъ сотоварищей своихъ и съ Анитой пробрался сквозь непріятельскій лагерь и достигъ морского берега. На парусныхъ лодкахъ поѣхали они вдоль берега. Анита, измученная дорогой, больная, едва дышала, склонившись на грудь Гарибальди. Вѣтеръ былъ попутный, но ночью поднялась буря, а когда разсвѣло, лодки Гарибальди оказались почти у самыхъ кораблей австрійскихъ. Послышался окликъ, затѣмъ выстрѣлы. Одинъ лодки пошли ко дну, другія были захвачены, но лодка, гдѣ былъ Гарибальди, доплыла до берега. Здѣсь простился Гарибальди со своими спутниками, а самъ, съ больною женою на рукахъ, спрятался въ лѣсу. Два дня бродилъ онъ здѣсь среди болотъ и наконецъ положилъ дорогую ношу на землю. Въ отчаяніи, ломая руки, опустивъ голову, стоялъ онъ надъ умирающей Анитой, не зная, что дѣлать, чѣмъ помочь. Анита угасала. Вечеромъ подошли поселяне. Они согласились сбѣгать въ Равенну за докторомъ.

Анита умерла. А между тѣмъ преслѣдователи уже заняли эту мѣстность, уже готовы были схватить несчастнаго. И вотъ Гарибальди взялъ на руки дорогое холодное тѣло, отнесъ его подальше, поцѣловалъ послѣдній разъ и зарылъ въ песокъ, а самъ бѣжалъ.

Его голова была оцѣнена. Давать кровъ и пищу ему было запрещено подъ страхомъ смертной казни.

Скрываясь отъ отрядовъ, разыскивавшихъ его, по цѣлымъ днямъ прячась въ лѣсахъ и пещерахъ или находя кровъ въ хижинѣ посе-

ляшка, рисковавшаго при этомъ головою своею, онъ добрался до Сардинскаго королевства и прибылъ въ Ниццу, гдѣ жили мать его и дѣти. Но здѣсь правительство дало ему понять, что онъ очень хорошо сдѣлалъ бы, убравшись куда-нибудь подальше. Онъ простился съ родными своими, простился съ дорогою Италіей и отправился въ Тунисъ, а оттуда въ Танжеръ, и наконецъ, въ половинѣ 1850 г. отплылъ въ Америку, „чтобы въ качествѣ капитана на купеческомъ кораблѣ странствовать по міру, сколько Богу будетъ угодно".

А въ Италіи все устроилось почти по старому. Въ Тоскапѣ Моденѣ, Пармѣ возстановлены прежнія правительства. На сѣверѣ полуострова опять господствовали австрійцы. Въ неаполитанскомъ королевствѣ строгость усилилась. Немного измѣнилось только положеніе Сардинскаго королевства.

ГЛАВА VIII.

Викторъ-Эммануилъ.—Кавуръ.—Гарибальди и его волонтеры.

Послѣ отреченія отъ престола Карла-Альберта сардинскимъ королемъ сдѣлался сынъ его Викторъ-Эммануилъ.

Въ тяжелую минуту принялъ корону молодой государь. Царствованіе его началось съ того, что онъ отправился въ лагерь своего побѣдителя—Радецкаго.

Передъ вами, сказалъ онъ, сынъ безъ отца, главнокомандующій безъ войска, король безъ королевства!

Его встрѣтили любезно. Ему предлагали сравнительно не тяжелый миръ при томъ условіи, что онъ уничтожитъ всѣ права, какія были даны народу въ его королевствѣ отцомъ его: тогда Австрія обѣщала ему свое расположеніе и дружбу. Но онъ отказался и предпочелъ болѣе тяжелыя условія (долговременное пребываніе австрійскихъ войскъ въ королевствѣ, уплату большой контрибуціи и т. п.) легкимъ, но приносившимъ вредъ королевству, связывая его съ Австріей и заставляя уничтожить всѣ реформы отца.

И въ этомъ большая заслуга его передъ Италіей, вполнѣ оцѣненная итальянцами и создавшая такія отношенія населенія къ Виктору-Эммануилу, при которыхъ онъ и только онъ одинъ изъ ряда итальянскихъ государей могъ взять на себя и довести до конца дѣло объединенія Италіи.

Отличаясь горячею любовью къ родинѣ и упорствомъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, Викторъ-Эммануилъ, кромѣ того, понималъ, что, если въ Пьемонтѣ не уничтожить, а, напротивъ, расширить права народа, ввести еще большія реформы, то Пьемонтъ отъ

этого выиграетъ, займетъ первое мѣсто въ ряду государствъ полуострова и сумѣетъ выполнить великую задачу объединенія.

Съ 1852 года главнымъ министромъ его сталъ Кавуръ, и все, что съ этихъ поръ дѣлаетъ Викторъ-Эммануилъ, дѣлается по его мысли. Кавуръ происходилъ изъ знатной семьи, получилъ хорошее образованіе и рано началъ интересоваться судьбою своей страны. Вызвавъ недовольство правительства и нѣкоторое время просидѣвъ въ одной альпійской крѣпости, онъ удалился въ имѣніе своего отца и занялся тамъ сельскимъ хозяйствомъ. Затѣмъ онъ побывалъ въ Швейцаріи, Франціи и Англіи и основательно ознакомился съ жизнью и устройствомъ этихъ государствъ. Онъ любилъ свою родину, понималъ причину ея бѣдствій, и составилъ себѣ планъ, слѣдуя которому, какъ онъ думалъ, Италія могла измѣнить свое положеніе. Его планъ совсѣмъ не походилъ на планы Мадзини и Гарибальди, и отношенія этихъ двухъ великихъ итальянцевъ къ Кавуру и обратно были далеко не дружескія. Онъ рѣшилъ, что объединить Италію должно одно изъ итальянскихъ государствъ и именно Пьемонтъ, и потому первою задачею поставилъ онъ возможно большее усиленіе Пьемонта полезными преобразованіями внутри государства и измѣненіями внѣшнихъ отношеній его. Онъ заботился о развитіи торговли и промышленности въ Пьемонтѣ, о преобразованіи арміи и флота; онъ оказываетъ поддержку людямъ, пострадавшимъ впѣ Пьемонта, отъ австрійцевъ, за

мысли и дѣла на пользу „единой Италіи".

Возстанія въ Италіи не прекратились послѣ страшнаго 1849 г. Но всѣ они были неудачны. Возстаніе въ Ломбардіи въ 1853 г. было подавлено, и Австрія, чтобы наказать однихъ и отбить навсегда охоту участвовать въ безпорядкахъ у другихъ, задумала лишить имущества тѣхъ людей, которые были изгнаны или сами уѣхали изъ австрійскихъ владѣній и поселились въ дававшемъ имъ пріютъ Сардинскомъ королевствѣ. Кавуръ энергично вступился за людей, лишаемыхъ своихъ земель, обратился за справедливостью къ другимъ европейскимъ государствамъ, не отступилъ передъ открытымъ разрывомъ съ Австріей, и оказалъ помощь переселившимся. Это еще больше поднимало значеніе Сардиніи въ глазахъ всѣхъ, мечтавшихъ о сверженіи австрійскаго ига.

Затѣмъ, понимая, что Италіи одной, одними только своими средствами трудно бороться съ Австріей, Кавуръ постарался найти союзниковъ въ европейскихъ государяхъ. Съ этою цѣлью онъ вмѣшался въ Крымскую войну, и 15 тысячъ войскъ сардинскихъ, рядомъ съ французскими и англійскими, сражались противъ русскихъ. А когда кончилась война, то на Парижской конференціи Кавуръ, представитель маленькой Сардиніи, сидѣлъ рядомъ съ представителями сильнѣйшихъ европейскихъ государствъ и въ присутствіи австрійскаго министра говорилъ, какъ плохо управляется средняя и южная Италія, благодаря вліянію Австріи и ав-

стрійскимъ войскамъ, занимающимъ эти страны. Въ концѣ концовъ онъ заручился обѣщаніемъ поддержки и отъ Франціи и отъ Англіи.

Потомъ Кавуръ сблизился съ Наполеономъ III, императоромъ Франціи: тотъ расчитывалъ прославиться въ случаѣ войны съ Австріей и увеличить владѣнія Франціи, а потому охотно обѣщалъ свою поддержку Сардиніи. Изгнать австрійцевъ изъ сѣверной Италіи и присоединить ее къ королевству Виктора-Эммануила, въ средней Италіи образовать новое королевство, которое вмѣстѣ съ Неаполемъ и Римомъ составило бы союзъ подъ главенствомъ папы. вотъ что было предположено въ половинѣ 1858 г. на свиданіи Кавура съ Викторомъ-Эммануломъ.

Послѣ этого Кавуръ началъ еще сильнѣе готовиться къ войнѣ. Онъ вступилъ въ сношенія съ принимавшими участіе въ прежнихъ возстаніяхъ, поддерживалъ „Національное итальянское общество" и вызвалъ къ себѣ на свиданіе Гарибальди.

Гарибальди давно уже ожидалъ этого момента. Онъ не надолго покинулъ дорогую Италію. Въ Нью-Іоркѣ онъ полтора года занимался на одной фабрикѣ сальныхъ свѣчей, зачисляясь въ то же время въ пожарную команду. Затѣмъ ему это наскучило, и онъ поступилъ капитаномъ на купеческій корабль, отправлявшійся въ Калифорнію, гдѣ перешелъ на другой корабль, побывалъ у береговъ Африки и въ Китаѣ. На обратномъ пути онъ посѣтилъ Монтевидео, а затѣмъ короткое время командовалъ арміей въ Перу и въ 1854 г. уже былъ въ Европѣ.

Онъ пріѣхалъ въ Геную, затѣмъ въ Ниццу, гдѣ побывалъ на могилѣ матери, затѣмъ поступилъ на купеческое судно. Онъ велъ самую простую жизнь, то плавалъ на пароходѣ, то хлопоталъ на пристани среди тюковъ. Одинъ писатель такъ разсказываетъ о немъ въ это время.

„Гарибальди въ своей мирной жизни пользуется всеобщимъ уваженіемъ, какъ у своихъ земляковъ, такъ и у французовъ. Онъ вполнѣ заслуживаетъ это уваженіе своею правдивостью, своимъ прилежаніемъ и своимъ образомъ жизни въ домашнемъ быту, какъ отецъ семейства.

„Въ первый разъ я съ нимъ встрѣтился на свадьбѣ у одного ремесленника, куда мы были приглашены оба. Бесѣда его была серьезна, увлекательна и дышала искренностью. Всѣ гости оказывали ему чрезвычайный почетъ. Я часто встрѣчался съ нимъ въ гавани, гдѣ онъ по воскресеньямъ игралъ съ матросами въ разныя существующія у нихъ игры".

Въ 1855 г. онъ былъ въ Средиземномъ морѣ, и тутъ буря прибила его къ острову Маддаленѣ, въ проливѣ Бонифачіо. Здѣсь изъ нѣсколькихъ маленькихъ островковъ вниманіе Гарибальди обратилъ на себя островъ Капрера, одинъ берегъ котораго высокою стѣною поднимается надъ водою, а другой - загроможденъ гранитными глыбами и террасами спускается къ морю.

Вотъ этотъ-то дикій островокъ и выбралъ Гарибальди для себя. Здѣсь онъ задумалъ поселиться, рядомъ съ Италіей, точно вѣрный сторожъ, всегда готовый кинуться на помощь при первомъ зовѣ.

Сначала онъ купилъ часть острова, а затѣмъ весь. Первымъ его жильемъ былъ деревянный баракъ съ двумя маленькими окнами и плитою. Тутъ и жилъ Гарибальди съ дѣтьми первое время. Потомъ былъ выстроенъ домъ изъ гранита, мельница, разведенъ огородъ, затѣмъ садъ, огороженный стѣною изъ камней.

Живя здѣсь, Гарибальди не разъ получалъ предложенія принять участіе или главенство въ возстаніяхъ, но четыре года отъ него слышался только отрицательный отвѣтъ: „Погодите, еще не время". И вотъ это время пришло. Кавуръ въ Туринѣ сказалъ ему, что готовится война съ Австріей, и предложилъ ему собрать корпусъ волонтеровъ, который могъ бы дѣйствовать независимо отъ сардинской арміи: Гарибальди былъ предложенъ чинъ генерала. Но отъ него скрыли, что въ случаѣ побѣды Наполеону обѣщана Савойя и Ницца, родной городъ Гарибальди. Точно такъ же отъ Наполеона скрыли, что приглашенъ Гарибальди. Но Наполеонъ III еще колебался, и только въ 1859 г. союзный договоръ былъ подписанъ. Тогда Наполеонъ далъ понять Австріи, что война неизбѣжна. Викторъ-Эммануилъ въ Туринѣ, въ парламентѣ, сказалъ, что не можетъ болѣе оставаться равнодушнымъ къ воплямъ, раздающимся по всей Италіи. Это былъ уже вызовъ. 29-го апрѣля австрійскія войска перешли Тичино, Наполеонъ III явился съ своими войсками въ Пьемонтъ, и война началась.

Гарибальди немедленно собралъ 4000 волонтеровъ, „альпійскихъ стрѣлковъ", какъ ихъ называли, и опять вступилъ въ борьбу.

И эта готовность объясняется не жаждою приключеній. Онъ такъ охотно воевалъ не потому, что любилъ войну, видѣлъ въ ней наслажденіе, цѣль жизни. Онъ глубже всѣхъ чувствовалъ всѣ ужасы войны, отнявшей у него друзей, Аниту; его сердце обливалось кровью, когда тысячи молодыхъ людей гибли на его глазахъ; онъ не былъ солдатомъ въ душѣ. Только любовь къ родинѣ, ненависть къ ея угнетателямъ заставляла его браться за оружіе; а лишь кончалась война, онъ спѣшилъ на Капреру, къ своей семьѣ, къ своему хозяйству, охотѣ, книгамъ.

Волонтеры отовсюду стекались къ Гарибальди. Онъ окидывалъ каждаго изъ нихъ проницательнымъ взглядомъ и, если былъ доволенъ, говорилъ:

— Я не могу вамъ предложить ничего, кромѣ жажды и зноя днемъ, холода и голода ночью, и множества опасностей во всякое время. Но концомъ этихъ лишеній будетъ свобода Италіи. Я не прощаю только воровство и за это разстрѣливаю безъ состраданія, а за ослушаніе наказываю строго. Слѣдуйте примѣру своихъ товарищей и

никогда не сдавайтесь въ плѣнъ, потому что тамъ вамъ не будетъ пощады. Отъ васъ зависитъ—быть разстрѣленнымъ кроатами или умереть съ оружіемъ въ рукѣ и съ кликами: „Да здравствуетъ Италія"!

Изъ кого же состояло войско Гарибальди?

Тутъ были и наслѣдники громадныхъ богатствъ и знатныхъ фамилій, были люди, пользовавшіеся общимъ почетомъ; очень много было участниковъ войнъ 1848 и 1849 гг., уже на дѣлѣ показавшихъ свою храбрость и украшенныхъ ранами и славою. Очень много было итальянскихъ дворянъ, небогатыхъ землевладѣльцевъ, фермеровъ, купцовъ и ихъ дѣтей, и еще больше ремесленниковъ, городскихъ и сельскихъ работниковъ, все людей честныхъ и трудящихся: были, конечно, и разудалыя головы, которымъ, можетъ-быть, не разъ попадало отъ отцовъ и отъ которыхъ не разъ плакали матери; но во всякомъ случаѣ они не были негодяями. Много было въ отрядѣ и женщинъ, женъ, сестеръ и дочерей волонтеровъ. Онѣ были одѣты какъ мужчины и всюду слѣдовали за своими мужьями, братьями и отцами: были въ числѣ ихъ и изъ богатыхъ и знатныхъ фамилій.

Первое время въ качествѣ волонтеровъ являлись и неподходящіе люди, не сознававшіе всѣхъ тяжестей предстоящей жизни, мечтавшіе лишь объ интересныхъ приключеніяхъ и развлеченіяхъ, или же трусливые люди, увлеченные общимъ порывомъ; но и тѣ и другіе скоро отстали, увидя всѣ трудности, лишенія и опасности. Но зато тѣ, которые остались въ отрядѣ, были готовы на все, безгранично преданы дѣлу. У одного, напр., стрѣлка, убитаго въ сраженіи, нашли въ карманѣ завѣщаніе, въ которомъ онъ отказывалъ 800,000 лиръ ежегоднаго дохода въ распоряженіе Гарибальди на пользу дѣла родины. Какъ много было желающихъ итти къ нему, видно изъ того, что изъ одного городка въ 5000 жителей явилось 150 чел. волонтеровъ.

Производство въ чины зависѣло отъ одного Гарибальди. Форма альпійскихъ стрѣлковъ была простая: полотняныя брюки и полукафтаны, суконные плащи, шапочки съ клеенчатыми козырьками. Запаснаго платья для перемѣны они съ собой не брали; вся ноша состояла изъ мѣшочка съ съѣстными припасами и щеткой для чистки оружія. Проходя черезъ деревни, они отдавали стирать бѣлье, оставаясь сами на время безъ рубашекъ.

А вотъ и самъ Гарибальди, по разсказу очевидца:

„Онъ высокаго роста, широкоплечъ; съ широкою грудью, съ сильно развитыми мускулами, но не толстъ и не тяжелъ. Его здоровое лицо играетъ свѣжимъ румянцемъ, а волосы и борода, мѣстами серебрящіеся сѣдиною, коротко острижены. Лобъ обнаруживаетъ высокое умственное развитіе, а лицо отличается пріятнымъ выраженіемъ. Когда онъ заговорилъ о страданіяхъ, объ угнетеніи своего отечества, губы и глаза его выразили глубокое, давно затаенное чувство мести, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неодолимую твердость. Ребенокъ, ка-

жется, могъ бы безбоязненно остановить его на улицѣ и спросить, который часъ; но человѣкъ, приговоренный имъ къ разстрѣлянію, не сталъ бы послѣ этого рѣшительнаго, спокойнаго взгляда терять даромъ время, прося помилованія у Гарибальди. Я думалъ прежде, что всѣ его военныя дѣйствія были слѣдствіями однихъ только воинственныхъ порывовъ, а не глубокихъ расчетовъ; но теперь мнѣ стало очевидно, что, какъ ни сильны эти порывы, онъ вполнѣ умѣетъ владѣть ими. Нѣтъ сомнѣнія, что Гарибальди воспріимчивъ и смѣлъ до дерзости, но несомнѣнно также и то, что онъ вмѣстѣ съ этимъ и хладнокровенъ и расчетливъ".

Однимъ изъ безчисленныхъ примѣровъ его расчетливости и находчивости при затруднительномъ положеніи можетъ служить такой случай. Разъ, переходя Апеннины, Гарибальди попалъ съ своимъ отрядомъ между двумя непріятельскими корпусами, одинъ изъ которыхъ былъ впереди, другой сзади. Гарибальди велѣлъ своимъ солдатамъ соблюдать мертвую тишину. Такъ наступила и прошла ночь. Все было тихо. Утромъ при первыхъ лучахъ солнца туманы стали подниматься по горнымъ склонамъ, а въ клубахъ этого тумана поднимался вверхъ и отрядъ Гарибальди, невидимый непріятелю, а непріятельскіе корпуса стали перестрѣливаться между собою, приявъ другъ друга за врага.

А чтобы дать понятіе о сердцѣ этого великаго человѣка, приведемъ разсказъ самого Гарибальди объ одномъ событіи изъ его жизни въ Южной Америкѣ.

Разъ большая парусная лодка, въ которой плылъ Гарибальди по морю, близъ берега, опрокинулась страшною волною, и самъ Гарибальди, бывшій въ это время на вершинѣ мачты, и многіе изъ экипажа упали въ воду. „Хотя я находился въ опасномъ положеніи, разсказываетъ Гарибальди,—но полагаясь на свои силы, какъ искусный пловецъ, не думалъ въ это время о смерти; я зналъ, что мои товарищи не были моряками; я видѣлъ за минуту предъ тѣмъ, какъ они лежали на палубѣ и страдали отъ морской болѣзни, и потому я не поплылъ къ берегу, а вмѣсто того, собиралъ предметы, которые по легкости своей могли оставаться на поверхности воды, и гналъ ихъ къ лодкѣ, крича своимъ людямъ, чтобы они ухватились за какой-нибудь предметъ и старались плыть къ берегу, бывшему отъ насъ на разстояніи морской мили. Первымъ, кого я увидалъ, былъ уцѣпившійся за ванты Эдуардъ Мутру, одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей. Я толкнулъ къ нему отломокъ люка и совѣтовалъ не оставлять его... Обративъ глаза на судно, я увидѣлъ тамъ Людовика Корнильи. Къ несчастью, онъ былъ одѣтъ въ куртку изъ весьма толстаго сукна, которая сжимала ему руки такъ, что не позволяла ему плавать. Онъ кричалъ мнѣ объ этомъ. „Держись крѣпче! кричалъ я ему: — сейчасъ помогу! И взобравшись на судно, какъ кошка, я добрался до него. Уцѣпившись одною рукою за выдающуюся часть судна, я другою вынулъ изъ кармана ножъ, ко-

торый, на бѣду, былъ довольно тупъ, и принялся разрѣзывать воротникъ и спину куртки и успѣлъ уже освободить бѣднаго Корнильи отъ этого препятствія, какъ вдругъ страшный ударъ волны ошеломилъ насъ, разбилъ въ щепы наше судно и бросилъ въ море всѣхъ людей, остававшихся еще на бортѣ. Корнильи былъ сброшенъ вмѣстѣ съ другими и не являлся болѣе!

„Я же, брошенный въ глубину моря какъ камень, всплылъ на поверхность воды совсѣмъ безъ памяти; но и среди моего безпамятства меня занимала одна мысль оказать помощь моему дорогому Люиджи Корнильи, и я плавалъ вокругъ обломковъ нашего судна и громкими криками звалъ моего друга среди свиста бури и раскатовъ громовъ. Но отвѣта не было". Гарибальди догналъ другихъ своихъ товарищей плывшихъ къ берегу, ободрилъ ихъ словами, перегналъ и достигъ берега. Съ берега онъ увидалъ Эдуарда Мутру, выпустившаго изъ рукъ обломокъ руля и еще плававшаго, но уже лишившагося силъ. „Я толкнулъ въ море обломокъ корабля, который мнѣ помогъ достигнуть берега, и бросился въ волны, совершенно забывъ объ опасности, отъ которой только что избавился. Чрезъ минуту я уже былъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Эдуарда и закричалъ ему: — Держись крѣпко! Смѣлѣе! Я здѣсь!.. Безполезныя усилія! Въ то мгновеніе, когда я толкнулъ къ нему спасительный обломокъ дерева, Мутру погрузился въ воду и исчезъ.

„Я вскрикнулъ, выпустилъ изъ рукъ свою опору, погрузился въ воду, но, не найдя тамъ своего друга, подумалъ, что онъ, можетъ-быть, снова всплылъ на поверхность. Я вынырнулъ,—ничего не было! Я опять погрузился въ воду и опять вынырнулъ. Я испускалъ тѣ же вопли отчаянія, что и о Корнильи; такъ же, какъ и для Корнильи, все было безполезно: Эдуардъ Мутру былъ поглощенъ волнами".

ГЛАВА IX.

Гарибальди въ Ломбардіи. Битва при Маджентѣ и Сольферино. Анри Дюнанъ и „Красный Крестъ".—Миръ въ Виллафранкѣ. Гарибальди въ средней Италіи и легенды о немъ.—Уступка Ниццы и Савойи.

Австрійскія войска явились въ сѣверную Италію, но были слишкомъ нерѣшительны и медлительны, почему французская армія успѣла прійти на помощь Виктору-Эммануилу. Французы съ самимъ императоромъ во главѣ прошли частью черезъ Монъ-Сенисъ, а частью высадились въ Генуѣ. Въ это же время Гарибальди со своимъ все увеличивавшимся отрядомъ вступилъ въ Ломбардію. „Ломбардцы! обращался онъ къ населенію въ своемъ воззваніи, васъ призываютъ

къ новой жизни, и вы должны спѣшить на этотъ зовъ, какъ дѣлали отцы ваши.... Врагъ вашъ все тотъ же, онъ такъ же неумолимъ и безпощаденъ. Всѣ собратья ваши въ другихъ провинціяхъ поклялись или побѣдить или умереть вмѣстѣ съ вами. Намъ предстоитъ возможность отомстить позоръ и рабство двадцати поколѣній: мы должны оставить дѣтямъ нашимъ наслѣдіе, которое было бы свободно отъ гнета чужеземнаго ига! Викторъ-Эммануилъ, котораго избрала верховнымъ вождемъ воля націи, посылаетъ меня къ вамъ, чтобы начать бой за вашу родину.... Итакъ, къ оружію!.."

И толпы волонтеровъ стекались къ Гарибальди. Стоило ему со своимъ отрядомъ появиться въ какой-нибудь мѣстности, населеніе, вооруженное косами, граблями, палками, слѣдовало за нимъ. Мужчины и женщины выбѣгали встрѣчать его съ криками: „Guerra! Guerra! Viva la libertà!" Все, что было цѣннаго въ домѣ, хранившіяся въ землѣ цѣнности, все отдавалось Гарибальди на пользу великому дѣлу.

Онъ засѣлъ въ городкѣ Варезѣ, окопался, 14 дней отбивалъ атаки австрійскаго генерала Урбана и наконецъ заставилъ отступить его съ большими потерями. Вскорѣ затѣмъ онъ занялъ Комо, вытѣснивъ оттуда австрійцевъ. Въ это же время пьемонтцы разбили австрійцевъ, потомъ французы, подъ начальствомъ Макъ-Магона, одержали побѣду надъ ними при Маджентѣ и заставили непріятеля отступить за р. Минчіо, т.-е. уйти изъ Ломбардіи.

Эти побѣды отразились на всей средней Италіи. Повсюду начались возстанія, тѣмъ болѣе, что австрійскія войска были отозваны на сѣверъ. Герцоги Тосканскій и Моденскій, герцогиня Пармская покинули свои владѣнія, въ Римской области папская власть была низвергнута, и населеніе требовало присоединенія къ Пьемонту. Викторъ-Эммануилъ временно принималъ власть надъ этими областями и посылалъ своихъ комиссаровъ для управленія ими.

Недалеко отъ Минчіо, при Сольферино, 24-го іюня 1859 г., произошла вторая крупная битва австрійцевъ съ пьемонтцами и французами. Это была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ всего XIX вѣка. Тутъ сошлось на борьбу болѣе 300000 войска, и только съ одной австрійской стороны было убито и ранено 14000 человѣкъ. Наполеонъ пришелъ въ ужасъ, увидя картину битвы. И было отчего ужасаться. Подъ жаркими лучами солнца лежали безчисленные изуродованные трупы и еще не умершіе, но умирающіе люди. Это ужасное зрѣлище было одною изъ причинъ, заставившихъ Наполеона склониться къ миру. Это же зрѣлище было одною изъ причинъ возникновенія великаго, славнаго общества „Краснаго Креста". Основателемъ этого общества былъ швейцарецъ Анри Дюнанъ, самъ видѣвшій своими глазами Сольферинское поле. Этотъ полный любви ко всему страдающему человѣкъ, еще въ молодые годы старавшійся умень-

шить людскія страданія, такъ или иначе помочь бѣднымъ и больнымъ, затѣмъ только и пробрался въ тѣ мѣста, гдѣ шла война, чтобы помогать своимъ несчастнымъ ближнимъ. Что долженъ былъ онъ почувствовать, глядя на поле,покрытое трупами, покрытое ранеными, мучившимися, страдавшими и совершенно безпомощными? Пересохшее горло ихъ требовало воды, воспаленныя раны—перевязки, требовался уходъ, покой, лѣченіе,—и имъ приходилось умирать болѣе или менѣе медленною смертью среди труповъ товарищей, а часто даже и подъ трупами... И Дюнанъ набралъ себѣ изъ сосѣднихъ крестьянъ и крестьянокъ помощниковъ, и не разбирая ни австрійцевъ, ни французовъ, ни итальянцевъ, сталъ спасать всѣхъ, кого было можно спасти, перевязывалъ раны, промывалъ ихъ и т. д. и т. д.... Послѣ онъ описалъ ужасы Сольферинскаго сраженія и взывалъ о необходимости особаго договора между государствами, договора о неприкосновенности на войнѣ раненыхъ и людей, помогающихъ имъ. Книга Дюнана распространялась, число сочувствующихъ его мысли становилось все больше и больше, и, наконецъ, въ 1864 году представители европейскихъ государствъ, съѣхавшіеся въ Женевѣ, порѣшили, что раненые, врачи, фельдшера, сестры и братья милосердія и вообще лица, помогающія раненымъ, а также и зданія и помѣщенія, занятыя ранеными,—не могутъ обстрѣливаться. Знакомъ такихъ неприкосновенныхъ лицъ и помѣщеній служитъ красный крестъ на бѣломъ полѣ. Красный крестъ спасаетъ раненыхъ и даетъ возможность помогать имъ.

Наполеонъ III, опасаясь непріязненныхъ дѣйствій со стороны Пруссіи, началъ думать о прекращеніи войны и устроилъ въ Виллафранкѣ свиданіе съ австрійскимъ императоромъ для переговоровъ о мирѣ. 10 ноября условія мира были подписаны: Ломбардія перешла къ Пьемонту, но Венеція осталась у Австріи. Савойя и Ницца присоединены къ Франціи, въ герцогствахъ народу предоставлено право вернуть прежнихъ правителей или избрать новыхъ, и всѣ государства Италіи должны составить союзъ подъ предсѣдательствомъ папы.

Такъ было рѣшено императоромъ и королемъ. Но Италія не могла отказаться отъ своего стремленія къ объединенію, и выполнить условія мира оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ выработать ихъ и подписать.

Виллафранкскій миръ, прекративъ сраженіе арміи, не прекратилъ народной борьбы. Модена, Парма, Романья и Тоскана отказались принять къ себѣ обратно своихъ прежнихъ властителей; вездѣ въ средней Италіи происходили голосованія, возстанія, показывавшія, что всѣ стремятся соединиться съ Пьемонтомъ. Не былъ доволенъ народъ новыми условіями, не были довольны и Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ: не только вся Италія, но даже сѣверъ Италіи не объединился, а Венеція оставалась въ рукахъ Австріи, и Австрія опять могла принимать участіе въ дѣлахъ полуострова, опять вліять на нихъ.

Гарибальди послѣ своихъ побѣдъ въ Ломбардіи побывалъ въ разныхъ частяхъ средней Италіи. Былъ онъ и въ Равеннѣ, около которой когда-то скончалась его жена Анита. Онъ тогда зарылъ ее въ песокъ, торопясь самъ спастись отъ преслѣдователей. Черезъ нѣкоторое время одинъ изъ мѣстныхъ жителей замѣтилъ собаку, что-то искавшую въ полѣ; онъ подошелъ и увидѣлъ торчащую изъ песка, уже изъѣденную наполовину руку, такъ было найдено тѣло Аниты. Сюда-то, на дорогую могилу и заѣхалъ Гарибальди во время своей поѣздки по средней Италіи (Потомъ тѣло Аниты было перевезено въ Ниццу, и наконецъ—на Капреру).

Народъ всюду съ восторгомъ встрѣчалъ своего героя. Въ одномъ мѣстѣ засыпали цвѣтами его экипажъ, выпрягали лошадей и на себѣ везли Гарибальди, въ другомъ привѣтствовали и провожали его неистовыми криками. Разсказы о Гарибальди, о его подвигахъ и храбрости переродились въ какія-то сказки, и на Гарибальди смотрѣли, какъ на сверхъестественное существо. На картинкахъ его изображали то въ видѣ Моисея, простирающаго руки надъ моремъ, волны котораго поглощаютъ австрійцевъ, то въ видѣ архистратига Михаила, въ красной рубашкѣ, но съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ. И не только поклонники, но и враги Гарибальди готовы были видѣть въ немъ необыкновеннаго человѣка: еще въ Америкѣ негры сочиняли фантастическіе разсказы объ этомъ „бѣломъ дьяволѣ“, какъ они называли Гарибальди; а многіе австрійцы были увѣрены, что онъ заговоренъ, что пуля не беретъ его (а все чудо было въ томъ, что Гарибальди мало думалъ о себѣ и, получивъ рану, не уходилъ съ поля сраженія, если пуля не валила его съ ногъ). Одно слово „Гарибальди“ наганяло на нихъ паническій страхъ, и это обаяніе его имени не разъ давало ему побѣду при самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ. Такъ, разъ Гарибальди узналъ, что Урбанъ отдѣлилъ отрядъ въ 3000 человѣкъ, чтобы опередить его и пересѣчь ему дорогу. У Гарибальди силъ было мало. И вотъ онъ отправляетъ къ врагамъ только 24 солдата и офицера. И эта ничтожная горсть храбрецовъ тихо и скрытно шла все время сбоку австрійцевъ, прячась въ высокой ржи; а когда австрійцы, утомленные долгимъ переходомъ, остановились на привалъ, составили ружья въ козлы, зажгли костры и расположились отдохнуть на травкѣ, гарибальдійцы выскочили изъ ржи, сдѣлали залпъ изъ ружей и съ громкимъ крикомъ „Гарибальди!“ бросились на нихъ. Австрійцамъ и въ голову не пришло, что у двадцати пяти человѣкъ хватитъ безумія кинуться на 3000; они вообразили, что весь отрядъ „краснаго дьявола“ вмѣстѣ съ нимъ самимъ передъ ними, и они, захвативъ кое-какъ ружья и амуницію, бросились бѣжать и три часа бѣжали безъ отдыха.

Когда до Гарибальди дошли вѣсти, на чемъ думаютъ окончить войну, горю его не было предѣловъ: Ниццу, его родимую дорогую

Ниццу уступаютъ Франціи! Италія не объединена, вліяніе Австріи не изгнано съ полуострова, а часть Италіи оторвана!

Мадзини обратился къ Виктору-Эммануилу съ горячею мольбою взять на себя объединеніе Италіи. Онъ предлагалъ при помощи Гарибальди низвергнуть короля Неаполя и Сициліи и присоединить ихъ къ Пьемонту, если только Викторъ-Эммануилъ согласится не допустить никакого внѣшняго вмѣшательства въ дѣла Италіи и занять Римъ. Но король боялся, что тогда Наполеонъ III оставитъ его, и отказалъ Мадзини. Тогда Мадзини обратился къ Гарибальди, и они рѣшили самостоятельно напасть на Римъ, возбудить возстаніе и въ Папской области и въ Сициліи. Викторъ-Эммануилъ, боясь, что изъ-за этого спова разгорится война съ Австріей, а Франція откажетъ въ своей помощи, всякими способами старался помѣшать этой экспедиціи. И Гарибальди послушалъ короля и распустилъ свой отрядъ, но прощаясь со своими соратниками, просилъ ихъ быть наготовѣ, не разоружаться: они скоро опять понадобятся,—онъ былъ увѣренъ въ этомъ.

Къ чему же привела вся война 1859 года? Къ очень немногому и неопредѣленному: вся Италія была въ броженіи, правительства во многихъ итальянскихъ государствахъ не возстановлены, благодаря сопротивленію населенія, папская власть въ сѣверной части Папской области уничтожена, никакого предполагавшагося союза итальянскихъ государствъ не образовалось...

То, что думалъ сдѣлать Наполеонъ III этою войною для Италіи и Франціи, сдѣлано не было. И вотъ, чтобы окончить это положеніе, Наполеонъ III дѣлаетъ уступку желанію Италіи: онъ согласился на образованіе Итальянскаго королевства, въ составъ котораго войдутъ и сѣверная часть Папской области, и Тоскана, и Парма, и Модена, подъ властью Виктора-Эммануила; а за это Франція получаетъ Ниццу и Савойю. Кавуръ, послѣ долгихъ колебаній, согласился на эти условія, если только населеніе всѣхъ названныхъ областей согласится на нихъ. Были устроены голосованія. Въ городахъ для подачи голосовъ повсюду на стѣнахъ видѣлись афиши съ призывомъ о присоединеніи къ монархіи Виктора-Эммануила, процессіи съ трехцвѣтными флагами шли съ криками: „Viva Italia! Viva Vittorio Emmanuele!“ Вездѣ развѣвались трехцвѣтныя знамена съ савойскимъ крестомъ...

Оказалось, что населеніе Пармы, Модены, Тосканы и части Папской области высказалось за союзъ съ Пьемонтомъ; нѣсколько позже и населеніе Ниццы и Савойи, хотя менѣе искренно, за присоединеніе къ Франціи. 2 апрѣля 1860 г. парламентъ новаго соединеннаго королевства собрался въ Туринѣ.

Въ числѣ членовъ его былъ и Гарибальди, выбранный представителемъ отъ Ниццы (голосованіе о присоединеніи Ниццы и Савойи къ Франціи было позднѣе). Онъ сидѣлъ на одной изъ верхнихъ скамеекъ, неподвижный, терпѣливый и холодный. Лишь только вошелъ

въ залу засѣданія Кавуръ, Гарибальди попросилъ слова; но Кавуръ, зная, о чемъ будетъ рѣчь Гарибальди, постарался не дать ему говорить на этотъ разъ, и Гарибальди вышелъ изъ залы со словами: „Пусть же видятъ, какой у насъ парламентъ!“ Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ онъ упрекалъ Кавура въ несправедливости по отношенію къ Ниццѣ и Савойѣ, въ продажѣ народа... Но Кавуръ сумѣлъ оправдать эту уступку, и обиженный Гарибальди покинулъ залъ и уѣхалъ въ Ниццу. Кавуръ понималъ чувства Гарибальди и не забылъ горькихъ жалобъ и упрековъ его. Умирая онъ вспомнилъ объ этомъ прискорбномъ дѣлѣ:

- Поступокъ мой, прорывшій между нами такую глубокую пропасть, былъ самымъ тяжелымъ событіемъ моей жизни, говорилъ онъ. –Но тому, что я чувствовалъ самъ, я знаю, что долженъ былъ чувствовать Гарибальди. Если онъ отказываетъ мнѣ въ прощеніи, я не могу упрекать его за это.

Въ оправданіе Кавуру приводили то, что пожертвовать Ниццею и Савойею было необходимо, чтобъ не лишиться единственнаго и могущественнаго союзника, чтобъ опять не вернуться къ возстановленной власти австрійцевъ. Кромѣ того, Савойя, по своему положенію, языку, торговлѣ, больше была связана съ Франціей, чѣмъ съ Сардиніей, и тамъ всегда было много людей, желавшихъ присоединиться къ Франціи.

ГЛАВА X.

Гарибальди въ Сициліи. Битва при Каталафими. Взятіе Палермо. Битва при Милаццо и сдача Мессины.

Обиженный Гарибальди хотѣлъ было совсѣмъ покинуть Италію и даже Европу, но остался и, поселившись около Генуи, сталъ опять созывать волонтеровъ и готовить новый походъ –на Сицилію. Тамъ народъ былъ вполнѣ готовъ къ возстанію и теперь уже не изъ-за независимости острова, а изъ-за присоединенія къ Италіи. Мадзини всѣми средствами способствовалъ этому, а король неаполитанскій Францискъ II своимъ образомъ дѣйствій только увеличивалъ число недовольныхъ. Человѣкъ слабый и нерѣшительный, онъ то дѣлалъ нѣкоторыя уступки, то, напротивъ, прибѣгалъ къ разнымъ жестокимъ мѣрамъ. Къ Пьемонту онъ относился враждебно и даже думалъ съ помощью Австріи и Испаніи вернуть Италію къ прежнему положенію, возстановить прежнія правительства. Но это не удалось ему. Напрасно и Великобританія и Викторъ-Эммануилъ давали ему совѣты ввести хотя нѣкоторыя реформы въ своемъ государствѣ, чтобы хоть ненадолго сохранить

свою власть отъ паденія, король не слушалъ никакихъ совѣтовъ. А волненія въ Сициліи продолжались: были возстанія въ Палермо и др. городахъ, хотя ихъ и удавалось подавить.

Гарибальди написалъ Виктору-Эммануилу письмо, въ которомъ говорилъ:

„Государь! Вопль „помогите!", раздавшійся въ Сициліи, тронулъ мое сердце и сердца пѣсколькихъ сотъ моихъ прежнихъ солдатъ. Я не совѣтовалъ моимъ братьямъ въ Сициліи поднимать возстаніе; но съ тѣхъ поръ, какъ они возстали во имя представляемаго вами итальянскаго единства, я не задумался стать во главѣ экспедиціи. Если мы будемъ побѣждены, я надѣюсь, что Италія и Европа не забудутъ, что это предпріятіе было внушено самымъ великодушнымъ порывомъ патріотизма. Если мы будемъ побѣдителями, мнѣ достанется слава украсить вашу корону новою и, можетъ-быть, наиболѣе цѣнною изъ ея жемчужинъ, съ тѣмъ единственнымъ, однако, условіемъ, что Вы никогда не позволите своимъ совѣтникамъ передать ее чужестранцамъ, какъ было поступлено съ моимъ роднымъ городомъ".

Вечеромъ 5-го мая 1860 года на берегу Генуэзской гавани замѣчалось особое оживленіе. Масса молодого, здороваго народа, среди котораго не мало виднѣлось красныхъ рубашекъ, собралась на набережной. Судя по сумкамъ, висѣвшимъ у нихъ черезъ плечо, они собрались въ далекій путь, а въ нихъ самихъ, несмотря на ихъ разнообразныя одѣянія, легко можно было угадать солдатъ. Рыбаки и моряки со своими женами и дѣтьми бродили между ними. И всѣ эти люди то посматривали на два парохода „Ломбардію" и „Пьемонтъ", стоявшіе недалеко отъ берега и уже разводившіе пары, то глядѣли въ ту сторону, откуда долженъ былъ пріѣхать Гарибальди.

Вотъ онъ! Вотъ онъ! Да здравствуетъ Гарибальди! раздались крики и, повторяясь и разрастаясь, слились въ одинъ громовый ревъ. Шапки летѣли вверхъ, женщины поднимали на рукахъ дѣтей, чтобы показать имъ великаго человѣка.

Гарибальди, съ обнаженной головой, окруженный своими офицерами, приблизился къ набережной, и многое множество лодокъ двинулось отъ берега къ пароходамъ съ солдатами и оружіемъ. Самъ Гарибальди, стоя въ лодкѣ между сподвижниками своими—Туромъ и Сиртори, махалъ шляпой народу. Вотъ раздались свистки, пароходы тронулись и скоро скрылись въ вечерней темнотѣ.

Воиновъ было немного, всего тысяча съ небольшимъ, потомъ прозванная „марсальской тысячею", у нихъ мало было запасовъ, на морѣ ихъ могли встрѣтить неаполитанскіе корабли... Но судьба была за Гарибальди. Онъ только разъ остановился у Тосканскаго берега, захватилъ тамъ нѣсколько пороху и пушекъ и счастливо избѣгнулъ встрѣчъ съ кораблями: благодаря случайной задержкѣ въ пути, онъ

подошелъ къ Марсалѣ, въ Сициліи, въ такое время, когда неаполитанскіе корабли только что покинули этотъ городъ. „Пьемонтъ“ вошелъ въ гавань, и войско съ него свободно высадилось на берегъ, а немного погодя, подошла и „Ломбардія“, счастливо снявшаяся съ подводнаго камня, на который было насѣла. Неаполитанскіе корабли вернулись, открыли стрѣльбу по пароходамъ, но это не помѣшало Гарибальди справиться съ маленькимъ гарнизономъ и овладѣть городомъ. На улицахъ были расклеены воззванія Гарибальди:

„Сицилійцы! Я привелъ къ вамъ горсть храбрецовъ, уцѣлѣвшихъ отъ ломбардскихъ битвъ. Мы услышали геройскій крикъ Сициліи, и вотъ мы средп васъ. Мы желаемъ только одного—освобожденія отечества. Будемъ единодушны,—и дѣло окажется не труднымъ! Къ оружію! Кто не возьмется за него, тотъ либо трусъ, либо измѣнникъ!“ и т. д.

И къ нему стали присоединяться волонтеры, и отрядъ дошелъ до $1^1/_2$ тысячъ.

Времени терять было нельзя. Гарибальди двинулся въ глубь острова, и скоро показалась Каталафими, расположенная на вершинѣ горы, склонъ которой занимали неаполитанцы. Надо было спуститься въ долину подъ выстрѣлами засѣвшаго наверху врага, потомъ подняться къ нему по крутой, неровной дорогѣ и отбросить его. И, несмотря на неравенство силъ, на плохое оружіе, гарибальдійцы, осыпаемые пулями, ринулись на врага и гнали его все выше и выше. Вотъ послѣдній оплотъ. Гарибальди, измученный зноемъ и труднымъ подъемомъ, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ врага, приказалъ отдохнуть немного, и всѣ, кромѣ самого Гарибальди, прилегли къ землѣ на нѣсколько минутъ.—Впередъ! крикнулъ Гарибальди, кинулся на врага, за нимъ его войско, и непріятель отступилъ. Значеніе этой побѣды было очень велико: неаполитанцы отошли къ Палермо, оставивъ Гарибальди всю западную часть острова, и возстаніе распространилось въ глубь страны.

„Каталафими! писалъ Гарибальди, много лѣтъ спустя,—если въ послѣднія минуты моей жизни друзья увидятъ на губахъ моихъ послѣднюю торжествующую улыбку, она будетъ вызвана воспоминаніемъ о тебѣ: ты была самою славною побѣдой народа“.

Въ Палермо уже знали о высадкѣ Гарибальди. Правительственныя газеты разсказывали о гибели парохода „Ломбардія“ и прочили скорую гибель Гарибальди, желая ободрить своихъ и запугать враговъ. Но очень многіе не вѣрили этому и ожидали Гарибальди, готовые примкнуть къ нему при первой возможности. И вотъ пришло извѣстіе о пораженіи и бѣгствѣ королевскихъ войскъ и о движеніи Гарибальди къ Палермо. Въ то время, какъ растерявшійся королевскій намѣстникъ готовился дать отпоръ „гнусному флибустьеру“ съ его „шайкой нищихъ“, въ городѣ шли совѣщанія сторонниковъ освобожденія, собира-

лись свѣдѣнія о числѣ и расположеніи королевскихъ войскъ, готовились потихоньку отряды, чтобы напасть на врага съ тылу, изъ города. Силы были неравны, хотя войско Гарибальди разрослось теперь уже до 10 тысячъ. Но за Гарибальди было населеніе и въ городѣ и внѣ его, нѣсколько отрядовъ по нѣскольку сотъ человѣкъ готовы были присоединиться къ нему, вездѣ только и разговоровъ было о Гарибальди и его сподвижникахъ, казавшихся какими-то необыкновенными, чудными людьми, находящимися подъ особымъ чудеснымъ покровительствомъ Бога; разсказывали, что шпага Гарибальди ослѣпляетъ враговъ и насылаетъ на нихъ паническій ужасъ, что красная рубашка его защищаетъ лучше латъ. И вездѣ готовилось оружіе, множество людей отовсюду уходили въ горы, повсюду появлялись мелкіе, безчисленные отряды партизановъ...

Гарибальди рѣшилъ во что бы то ни стало овладѣть столицею Сициліи. Планъ дѣйствія выработанъ былъ геніальный. Онъ разузналъ, въ какомъ мѣстѣ сосредоточены главныя силы врага, и оставилъ тамъ болѣе слабую часть своего войска, а самъ съ главными своими силами задумалъ ночью сдѣлать боковой обходъ и явиться къ самому городу. Такъ и сдѣлали. Орсини, одинъ изъ самыхъ мужественныхъ борцовъ за дѣло объединенія, велъ ту часть войска, которая должна была отступать и этимъ отвлекать вниманіе врага отъ обходныхъ движеній. Онъ съ обозомъ и пушками сталъ отодвигаться по направленію къ одной деревнѣ, нисколько не скрывая своего движенія, ночью разводя костры и оставляя на дорогѣ обозныя повозки. И восьми-тысячный отрядъ неаполитанцевъ кинулся преслѣдовать отступающихъ, въ полной увѣренности, что передъ нимъ все войско врага, догналъ ихъ и вступилъ въ битву. Гарибальдійцы отступили оставивъ обрадованному побѣдителю всѣ орудія.

А въ это время главныя силы Гарибальди, избѣгая большихъ дорогъ, подходили уже къ Палермо. По дурнымъ проселкамъ, а то и прямо по горнымъ трещинамъ и промоинамъ, спотыкаясь и падая на камни, карабкаясь на крутизны, перебираясь черезъ ручьи, темною ночью крались они къ городу и къ утру были уже у заставы. Въ городѣ все было тихо, и спокойно дремала стража. Гарибальди безъ выстрѣла вошелъ бы въ него, если бы его солдаты сдержали свою радость. Измученные, истомленные, они теперь, видя передъ собой желанную цѣль, забыли всякую осмотрительность и разразились восторженными криками: „Да здравствуетъ Гарибальди! Да здравствуетъ Гарибальди!“ Напрасно офицеры унимали ихъ. Крики неслись по сонному городу и будили враговъ. Вскакиваютъ ошеломленныя неаполитанскія войска, бѣгутъ къ заставѣ, занимаютъ ближайшіе дома, загораживаютъ улицы. Дождь пуль сыплется на гарибальдійцевъ, пушки громятъ ихъ сбоку, улицы загорожены.

— Берите баррикаду! кричитъ Сиртори, или все погибло! И ки-

пулись прямо на врага гарибальдійцы; одни падаютъ, другіе заступаютъ ихъ мѣсто. Баррикада взята, улица свободна, но не надолго: опять оправились неаполитанцы, подкрѣпились новыми силами и опять загородили дорогу въ городъ. Но вдругъ въ городѣ раздается колокольный звонъ, слышны крики, выстрѣлы: то горожане, сторонники Гарибальди, бѣгутъ къ нему на помощь и нападаютъ на врага сзади. Войска отступили, разсыпались, и Гарибальди дошелъ до рыночной площади, гдѣ его встрѣтили тысячи горожанъ всѣхъ сословій. Старики и дѣвушки, монахи и дѣти не спускали глазъ со своего героя. А онъ, съ загорѣлымъ лицомъ, стоитъ подъ безумными криками, окруженный своими сподвижниками. Вотъ красавецъ Орсини, съ роскошными кудрями, съ черною, какъ смоль, бородою, съ черными глазами, радостно сверкающими на блѣдномъ лицѣ. Вотъ Сиртори, начальникъ штаба Гарибальди, бывшій монахъ, изъ любви къ свободѣ и родинѣ сбросившій рясу и долголѣтнимъ упорнымъ изученіемъ книгъ по военному дѣлу превратившійся въ свѣдущаго, ученаго военачальника...

И смотрятъ горожане на своихъ избавителей, обнимаютъ и цѣлуютъ солдатъ, благословляютъ Гарибальди.

Еще не кончено дѣло, еще въ городѣ есть войска, еще идутъ кое-гдѣ схватки, но побѣда несомнѣнна. Озлобленный непріятель, отступивъ къ одному форту, громитъ освобожденный городъ пушечными выстрѣлами. Кое-гдѣ вспыхиваютъ пожары, падаютъ мирные граждане, но мало толку изъ этого: гарибальдійцы подвигаются впередъ, очищаютъ шагъ за шагомъ городъ отъ непріятеля, и къ вечеру только фортъ да королевскій дворецъ остались у него.

Сыплются ядра на городъ и съ форта и съ неаполитанскихъ кораблей, а въ городѣ—иллюминація: цвѣтнымъ заревомъ горятъ бенгальскіе огни, тонкими огненными линіями чертятъ небо ракеты, чуть не сталкиваясь въ воздухѣ съ бомбами.

Вскорѣ начальникъ неаполитанскихъ войскъ сдалъ Гарибальди укрѣпленія и городскую казну и уѣхалъ со своими войсками на кораблихъ изъ города. Въ городѣ остался Гарибальди, принявъ званіе „диктатора Сициліи во имя Виктора-Эммануила", и трехцвѣтное знамя стало развѣваться на стѣнахъ.

Вѣсть о взятіи Палермо разнеслась по Италіи и ободрила тѣхъ людей, которые до сихъ поръ только въ душѣ сочувствовали дѣлу освобожденія. И новые волонтеры не только изъ Италіи, но и изъ другихъ странъ волной потекли къ Гарибальди, и военныя и денежныя средства его росли съ каждымъ днемъ.

Но еще много войска неаполитанскаго оставалось на островѣ. Гарибальди отправился моремъ къ Милацо на помощь своимъ войскамъ, уже бившимся съ непріятелемъ. Началась атака. Замѣтивъ, что враги начинаютъ одерживать верхъ, онъ возвращается на свой

корабль и выстрѣлами оттуда отвлекаетъ выстрѣлы неаполитанскихъ орудій отъ своего центра, затѣмъ опять возвращается на берегъ и сражается пѣшкомъ въ рядахъ своихъ волонтеровъ. Крѣпость сдалась, а скоро сдалась безъ боя и Мессина, послѣ Палермо второй по значенію городъ Сициліи. Сицилія освобождена и очищена отъ неаполитанскихъ войскъ. Гарибальди задумалъ немедленно переправиться на самый полуостровъ и овладѣть материковыми владѣніями Франциска II.

Сицилія ждала немедленнаго присоединенія своего къ Сардиніи. Того же желали и Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ. Но Гарибальди былъ противъ этого: „Я всегда считалъ короля Виктора-Эммануила, говоритъ онъ,—единственнымъ государемъ, способнымъ объединить подъ своимъ скипетромъ всю Италію. Я началъ войну при крикахъ: „Италія и Викторъ-Эммануилъ!“ Я пришелъ сражаться за Италію, а не за одну Сицилію! Цѣль моего похода—собрать въ одно всѣ разрозненныя, истерзанныя части Италіи, и пока это не сдѣлано, дѣло одной провинціи не можетъ быть отдѣлено отъ дѣла всей Италіи. Пока не сдѣлано это, я не могу одну Сицилію передать въ другія руки!“ Но скоро самъ Гарибальди убѣдился, что необходимо передать управленіе дѣлами въ руки Турина, и призналъ назначеннаго Кавуромъ вице-диктатора, а самъ сталъ готовиться къ переправѣ черезъ Мессинскій проливъ. Кавуръ, раньше показывавшій видъ, что недоволенъ экспедиціей въ Сицилію, теперь началъ подготовлять паденіе Франциска въ Неаполѣ и сталъ явно помогать Гарибальди: переправа Гарибальди на материкъ совершилась подъ прикрытіемъ сардинскаго флота.

ГЛАВА XI.

Гарибальди въ Неаполѣ.—Битва при Вальтурно.—Изгнаніе Бурбоновъ. Викторъ-Эммануилъ I, король Италіи.

19 августа Гарибальди переправился на материкъ и на другой же день взялъ фортъ Реджіо и двинулся по направленію къ столицѣ. Волненія во всей южной Италіи разгорались все сильнѣе. Горы покрылись мелкими отрядами партизановъ, города одинъ за другимъ переходили въ руки Гарибальди; непріятельское войско, постоянно среди враждебнаго населенія, постоянно тревожимое партизанами, разстраивалось съ каждымъ днемъ все больше и больше. Волновался и Неаполь. Король Францискъ, безхарактерный и не самостоятельный, то поддаваясь однимъ совѣтамъ, то другимъ, то готовый уже пойти на уступки и дать права и льготы народу, то подчиняясь своей

властолюбивой мачехѣ и опять готовый начать жестокости, не зналъ теперь, что дѣлать, въ чемъ искать выхода. Окруженный и сторонниками освобожденія, Виктора-Эммануила и Гарибальди, и врагами ихъ, онъ не зналъ, кому вѣрить, кого слушать, и совсѣмъ упалъ духомъ.

А народъ волновался. Льготы, даваемыя королемъ, теперь никого не прельщали; народъ больше полагался на Гарибальди, чѣмъ на милости короля, и повсюду шли разговоры о Гарибальди, мечтали объ единой Италіи подъ властью Виктора-Эммануила. Неополитанскіе нищіе на улицахъ кричали, что Гарибальди въ Палермо сразу понижаетъ цѣну на хлѣбъ и макароны, что пора ему прійти и въ Неаполь. Гарибальди двигался впередъ съ постояннымъ успѣхомъ. Его войско увеличивалось; его имя внушало паническій страхъ непріятелю, не увѣренному въ безопасности тыла и въ путяхъ сообщенія, опасавшемуся постоянно измѣны, — и онъ шелъ впередъ... И на улицахъ Неаполя появлялись сообщенія объ этихъ успѣхахъ, о побѣдоносномъ шествіи Гарибальди. Жители читали расклеенныя невѣдомою рукою воззванія:

„Гарибальди, говорилось въ одномъ,— приближается съ 14-ти-тысячной арміей. Королевскія войска присоединяются къ нему или бѣгутъ, лишь только сверкнетъ его шпага..." „Неаполитанцы, говорилось въ другомъ,- доколѣ вы будете терпѣть? Вся Италія взялась за оружіе, вы одни глухи и нѣмы! Другіе города открыто принимаютъ участіе въ движеніи, вы же смотрите на это равнодушно, какъ будто дѣло васъ не касается! Неаполитанцы, берегитесь прійти слишкомъ поздно! Берегитесь, чтобы, когда вы явитесь наконецъ, не крикнули вамъ громовымъ голосомъ: „Прочь, выродки Италіи! Вы не братья намъ вы рабы!" Сардинскій адмиралъ и посолъ, имѣвшіе много сторонниковъ при королѣ, совѣтовали королю бѣжать, надѣясь такимъ образомъ овладѣть Неаполемъ помимо Гарибальди. И король то готовъ былъ сдѣлать это, то думалъ пойти навстрѣчу Гарибальди и сразиться съ нимъ, то дождаться его и у Неаполя дать ему сраженіе. Но когда Гарибальди дошелъ до Салерно, то всѣ неаполитанскіе генералы отказались взять на себя начальство надъ войскомъ, и король рѣшилъ уѣхать. Сардинскіе адмиралъ и посолъ, боясь, чтобы король не захватилъ съ собою флотъ и не передалъ его Австріи, задумали помѣшать флоту слѣдовать за королемъ. Ночью на 5 сентября, переодѣвшись въ платье матросовъ, они проникли на суда, и тутъ то уговорами, то подкупами, заставили матросовъ вылить воду изъ котловъ и испортить машины. 6-го сентября король со всѣмъ своимъ семействомъ сѣлъ на пароходъ и уѣхалъ изъ Неаполя, сопровождаемый только однимъ кораблемъ; тѣмъ войскамъ своимъ, которыя остались въ Неаполѣ, онъ приказалъ сдаться. Городъ послалъ Гарибальди приглашеніе вступить въ городъ, и 7-го сентября народъ, ожидавшій съ музыкой и пѣніемъ, процессіями и знаменами своего героя, увидѣлъ, наконецъ, Гарибальди.

Въ открытой коляскѣ, съ тремя своими офицерами, съ обнаженной головой, ѣхалъ Гарибальди по городу, окруженный восторженною толпою. А въ городѣ еще много было непріятельскихъ войскъ, во многихъ мѣстахъ стояли еще заряженныя орудія и фитили горѣли въ рукахъ солдатъ. Вотъ большая площадь съ проѣздомъ по краю, у стѣны одной дворцовой постройки съ арками, прикрытыми рѣшетками. Сквозь рѣшетки видны солдаты, стоящіе съ фитилями у пушекъ. Необходимо было проѣхать какъ разъ у этихъ рѣшетокъ. Народъ встревожился и отхлынулъ на другую сторону площади. Кучеръ Гарибальди колебался, ѣхать ли. „Впередъ!“ приказалъ Гарибальди и, поравнявшись съ дуломъ первой пушки, всталъ въ коляскѣ и, приложивъ руку къ шляпѣ, отдалъ честь по-военному. Въ отвѣтъ послышался шумъ оружія: то королевскіе солдаты отдавали честь генералу въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

Народъ окружалъ Гарибальди: вскакивали въ экипажъ, цѣловали герою руки, плакали отъ радости. Вечеромъ зажгли иллюминацію, и долго не смолкали радостные крики и пѣсни освобожденнаго города. Одна толпа смѣняла другую, и крики „Evviva! Evviva!“ не прекращались. Гарибальди, утомленный за день, выслалъ на балконъ своего приближеннаго съ просьбою не шумѣть нѣкоторое время, дать отдохнуть ему. И все сразу смолкло. Народъ на цыпочкахъ разошелся; просьба Гарибальди передалась и на другія улицы, и скоро весь городъ точно замеръ. Всѣ даже въ отдаленныхъ кварталахъ говорили между собою шопотомъ и останавливали крикуновъ словомъ: „Duorme!“ („Спитъ!“).

Кому же было не въ мочь сдержать свои чувства, тотъ поднималъ вверхъ указательный палецъ и говорилъ „Una“, т. е. „единая“, „единая Италія“—вотъ что было у всѣхъ на душѣ.

По поводу этого жеста разскажемъ одинъ случай, который къ тому же характеризуетъ Гарибальди, какъ оратора. У него былъ глубокій и сильный голосъ, ласкающій и властный, да и зналъ онъ всегда, что надо сказать и какъ сказать, чтобы потрясти слушателей. Однажды, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, Гарибальди, пріѣхавъ какъ-то въ Неаполь къ своимъ друзьямъ, зашелъ обѣдать въ гостиницу. Народъ узналъ объ этомъ и съ музыкой и знаменами явился къ гостиницѣ и такъ долго кричалъ: „Vivat Garibaldi“, что онъ принужденъ былъ, наконецъ, выйти на балконъ. Сейчасъ же все смолкло, площадь замерла. Гарибальди подумалъ нѣсколько секундъ и началъ такъ:

Che ti devo dire, o pôpolo mio? Что я тебѣ долженъ сказать, о, народъ мой? И важнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягкимъ голосомъ, далеко раздававшимся среди площади, продолжалъ: – Что долженъ я сказать народу, который умѣетъ однимъ движеніемъ руки научить Италію ея правамъ и обязанностямъ? И поднявъ указательный палецъ,

закричалъ: „Una!“ и не прибавилъ больше ни слова. Въ ту же минуту толпа разразилась криками и слезами. Жали другъ другу руки, цѣловались, обнимались... Гарибальди проникъ въ самую душу народа и сумѣлъ дать выраженіе ей.

Неаполь ликовалъ. И безъ того всегда шумливые и любящіе музыку и пѣсни, неаполитанцы не знали, что и дѣлать отъ восторга, и праздники, иллюминаціи и фейерверки шли сплошною полосою. Но дѣло еще не было кончено. Къ сѣверу отъ Неаполя, на берегу рѣки Вольтурно, стояло большое войско Франциска II, готовившаго Гарибальди рѣшительный бой. „Отечество не создается пѣснями, гимнами, стихами, праздниками, иллюминаціями, говорилъ ликующимъ неаполитанцамъ Гавацци, хотя и монахъ, но вѣрный сподвижникъ Гарибальди: -оно основывается самоотверженіемъ, совокупностью самоотверженій всѣхъ!“

Гарибальди, восхищенный своимъ успѣхомъ и взятіемъ Неаполя, хотѣлъ довести до конца освобожденіе Италіи и уже готовъ былъ итти на Римъ. На этомъ настаивалъ и Мадзини, по мнѣнію котораго, безъ Рима единство Италіи было немыслимо. Онъ торопитъ Гарибальди, говоря, что если черезъ три недѣли онъ не двинется къ Риму, всѣ его начинанія будутъ безполезны! Но Кавуру и Виктору-Эммануилу совсѣмъ не хотѣлось этого. Они не хотѣли вызвать недовольство Наполеона III завоеваніемъ Рима, не хотѣли и Гарибальди дать новый случай для побѣды, опасаясь, можетъ-быть, что Гарибальди, завладѣвъ слишкомъ многими землями, раздумаетъ передать ихъ въ руки Виктора-Эммануила. И вотъ въ то время, какъ Гарибальди еще былъ въ Неаполѣ, войска Сардиніи вошли въ Папскую область, въ Умбрію и Мархію, и овладѣли ими. Гарибальди уже готовъ былъ двинуться на Римъ самостоятельно, но Викторъ-Эммануилъ заявилъ ему, что находитъ такой походъ опаснымъ для дѣла Италіи, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ усиливалъ свои войска въ Римѣ. Парламентъ въ Туринѣ тоже высказался противъ похода. Все это, а также уваженіе Гарибальди къ Виктору-Эммануилу—не позволило ему совсѣмъ разорвать съ королемъ, и онъ отказался на этотъ разъ отъ своихъ плановъ.

Между тѣмъ войска Франциска собрались на рѣкѣ Вольтурно. Туда пошелъ и Гарибальди.

Послѣ многихъ небольшихъ стычекъ войска вступили въ сраженіе, продолжавшееся четырнадцать часовъ и кончившееся побѣдою Гарибальди и отступленіемъ неаполитанской арміи къ Капуѣ. Много подвиговъ было совершено въ этотъ день, и каждая минута этой много-часовой битвы служила яркимъ примѣромъ, во сколько разъ сильнѣе дѣлается войско, если только всѣ, и воины и вождь, одушевлены одною и тою же великою любовью къ родинѣ, если воины понимаютъ цѣли своего вождя и вѣрятъ въ него и въ его дѣло.

„О, Италія! Среди стольких героевъ, кровью своею запечатлѣвшихъ свою преданность тебѣ, не забывай имени братьевъ Бронцети! Одинъ изъ нихъ погибъ въ битвѣ съ австрійцами, другой—покрылъ себя неувядаемой славой героя-мученика въ битвѣ на Вольтурно. Во главѣ трехсотъ человѣкъ онъ встрѣтилъ напоръ четырехъ тысячъ непріятелей и нѣсколько разъ отбрасывалъ ихъ назадъ! Напрасно вражескій предводитель, пораженный доблестью этихъ юношей, предлагалъ имъ сдаться, обѣщая, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ ихъ головы.

„ - Сдаться! Подойдите, попробуйте! отвѣчали они и смыкались для отраженія новаго нападенія.

„Послѣ десятка приступовъ мало ихъ осталось. Большая часть лежала на полѣ битвы мертвыми или смертельно ранеными. Однако и послѣдняя горсть ихъ, укрѣпившись въ полуразрушенномъ замкѣ, не хотѣла слышать о сдачѣ.

„ - Сдавайтесь, ребята! кричатъ имъ офицеры непріятеля, тропутые ихъ безстрашіемъ.

„Тѣ отвѣчаютъ имъ залпомъ.

„Потративъ всѣ патроны до послѣдняго, они встрѣчаютъ послѣднюю атаку холоднымъ оружіемъ и гибнутъ всѣ, всѣ до послѣдняго! Только нѣсколько человѣкъ раненыхъ было перенесено потомъ въ Капуанскій госпиталь".

Такъ разсказываетъ Гарибальди объ одномъ изъ эпизодовъ этой битвы. „И это не романическая выдумка, добавляетъ онъ, -это чистая дѣйствительность; это совершалось на моихъ глазахъ, и я горжусь, что предводительствовалъ такими доблестными воинами!"

Да, Гарибальди могъ гордиться своими воинами, но и воины могли гордиться своимъ вождемъ. Беззавѣтно смѣлый, забывъ о жизни и не думая о смерти, онъ поспѣвалъ всюду, появлялся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, въ самую опасную минуту, сохраняя хладнокровіе и находчивость и счастливо выводя своихъ воиновъ изъ самыхъ рискованныхъ положеній.

Между тѣмъ войска Виктора-Эммануила уже перешли Апеннины и оказались въ тылу неаполитанской арміи. Послѣ бомбардировки Капуа сдалась, Франциск удалился въ Гаэту, 14-го февраля сдалась и Гаэта, и Франциск съ семьею былъ отправленъ въ Папскую область. Теперь въ Италіи ничего не осталось во власти Бурбоновъ. Населеніе всего Неаполитанскаго королевства голосованіемъ высказалось за немедленное присоединеніе къ Пьемонту. 6-го ноября Викторъ-Эммануилъ въѣхалъ въ Неаполь въ одномъ экипажѣ съ „диктаторомъ" Гарибальди, подъ крики: „Да здравствуетъ Гарибальди!" Новаго короля народъ не замѣчалъ, когда передъ нимъ былъ любимый герой его. 8-го ноября въ тронной залѣ Гарибальди поднесъ Виктору-Эммануилу постановленіе населенія и сложилъ съ

себя диктаторство. Онъ отказался отъ всякихъ наградъ, какія предлагалъ ему Викторъ Эммануилъ, и скоро покинулъ Неаполь съ 50 лирами въ карманѣ и мѣшкомъ бобовъ подъ мышкой и уѣхалъ на Капреру. Волонтерамъ и офицерамъ Гарибальди предложено было разойтись по домамъ. Но Гарибальди въ написанномъ на прощанье воззваніи къ волонтерамъ говорилъ, что онъ не совсѣмъ прощается съ ними:

„Мы вскорѣ сойдемся, писалъ онъ, - и пойдемъ вмѣстѣ освобождать нашихъ братьевъ, находящихся еще подъ иноземнымъ владычествомъ. Мы вскорѣ сойдемся и пойдемъ вмѣстѣ къ новымъ торжествамъ".

Такимъ образомъ Италія, кромѣ Савойи и Ниццы, отошедшихъ къ Франціи, Венеціи въ рукахъ австрійцевъ, и Рима, находившагося подъ властью папы и занятаго съ 1849 г. французскими войсками, — была объединена подъ властью Виктора-Эммануила. Въ февралѣ собрался въ Туринѣ парламентъ уже объединенной Италіи, а 14 марта Викторъ-Эммануилъ принялъ титулъ короля Италіи Виктора-Эммануила I.

ГЛАВА XII.

Смерть Кавура. Гарибальди при Аспромонте.—Поѣздка Гарибальди въ Англію. Флоренція—столица Италіи.—Война съ Австріей.

Италія была объединена, но въ Римѣ былъ свой государь. А безъ Рима нѣтъ Италіи: онъ необходимъ ей, онъ долженъ быть столицею Италіи. Но получить его было не легко. Онъ находился подъ защитою всѣхъ ревностныхъ католиковъ, подъ защитою Наполеона III, единственнаго союзника Виктора-Эммануила. Овладѣть имъ силою Кавуръ и не помышлялъ. Онъ расчитывалъ постепенно, не прибѣгая къ насилію, добиться того, что свѣтская власть папы уничтожится, что враждебныя отношенія папы къ королю постепенно улучшатся, что папа, сохранивъ всю свою духовную власть, останется главою независимой отъ государства церкви. „Свободная церковь въ свободномъ государствѣ" — вотъ мечта Кавура, вотъ послѣднія сказанныя имъ слова передъ смертью его, 6 іюня 1861 года.

Такъ думали и преемники Кавура и Викторъ-Эммануилъ. О такомъ же положеніи папской власти думалъ и Гарибальди, но онъ расчитывалъ добиться этого болѣе простымъ и краткимъ путемъ: прямымъ захватомъ Рима. Объ этомъ всегда мечталъ и Мадзини и Гарибальди: одинъ для того, чтобъ объединить Италію временно, хотя бы и подъ королевскою властью, а затѣмъ превратить ее въ

республику; другой готовъ былъ остановиться на монархіи, но монархіи, охватывающей всю Италію, съ Римомъ во главѣ.

Гарибальди, являвшійся на первыя засѣданія Итальянскаго парламента, какъ депутатъ отъ Неаполя, заставилъ Кавура своими упреками пережить не мало горькихъ, оскорбительныхъ минутъ. Онъ упрекалъ его и за уступку Ниццы и Савойи, и въ несправедливомъ отношеніи къ себѣ и къ волонтерамъ, и только потомъ Кавуръ сумѣлъ разубѣдить его.

Послѣ смерти Кавура дѣла стали складываться такъ, какъ онъ и предполагалъ: среди духовенства стала чаще проявляться мысль объ уничтоженіи свѣтской власти папы; отношенія съ Франціей были таковы, что можно было ожидать уступокъ съ ея стороны, хотя и не въ ближайшемъ будущемъ. Но Гарибальди думалъ иначе. И вотъ 1-го іюля 1862 г. онъ появляется въ Палермо, зоветъ къ себѣ волонтеровъ, возбуждаетъ къ возстанію народъ и собираетъ значительный отрядъ. Викторъ-Эммануилъ, видя, что Гарибальди можетъ разрушить всѣ его планы, можетъ втянуть его въ новую войну, опять взволновать всю Италію, и понуждаемый Наполеономъ, послалъ въ южную Италію войско, чтобы силою заставить Гарибальди отказаться отъ его намѣренія. Гарибальди могъ бы однимъ словомъ своимъ поднять на Виктора-Эммануила массы народныя, отнять у него Сицилію, но изъ любви къ Италіи онъ не сдѣлалъ этого. Близъ Катаніи его встрѣтили двѣ колонны итальянскихъ же, но теперь посланныхъ противъ него войскъ. Но Гарибальди не вступаетъ въ битву. Онъ приказываетъ своимъ волонтерамъ разрядить ружья, и одинъ идетъ къ враждебнымъ ему войскамъ и обращается къ солдатамъ съ сильною, отъ сердца идущею рѣчью: онъ говоритъ, что они тоже итальянцы, что всѣ итальянцы братья, что они не должны убивать другъ друга, не должны слушаться начальниковъ, если тѣ посылаютъ брата на брата. Сказалъ онъ это и спокойно вернулся къ своимъ волонтерамъ, и солдаты не мѣшали ему, а генералы не посмѣли остановить его. Онъ вошелъ въ Катанію, и восторгъ охватилъ городъ; префектъ бѣжалъ. Затѣмъ Гарибальди переправился въ южную Италію. Здѣсь около горы Аспромонте онъ расположился со своимъ войскомъ, и здѣсь же подошли къ нему королевскія войска подъ начальствомъ Чіальдини, личнаго врага Гарибальди. И здѣсь не захотѣлъ убивать своихъ братьевъ Гарибальди. Отрядъ стрѣлковъ приблизился къ Гарибальди и его волонтерамъ и открылъ стрѣльбу. Гарибальди приказалъ своимъ: „Не отвѣчать!“ затѣмъ съ крикомъ: „Да здравствуетъ Италія!“ онъ вышелъ впередъ и сталъ передъ непріятелями, обводя ихъ взглядомъ. Тѣ немного смутились, но изрѣдка стрѣляли. Волонтеры, дрожа отъ негодованія, тоже неподвижно стояли подъ пулями, не желая поступить не по желанію своего генерала. И вдругъ Гарибальди зашатался и упалъ, онъ былъ раненъ въ лѣвое бедро и въ

щиколотку правой, упалъ съ крикомъ: „Viva Italia“. Королевскій офицеръ, приведшій стрѣлковъ, подбѣжалъ къ нему и безъ шляпы, на колѣняхъ, умолялъ его сдаться. Сдались и волонтеры. Гарибальди былъ перевезенъ въ крѣпость, гдѣ доктора (между прочимъ и знаменитый русскій врачъ Н. И. Пироговъ) стали лѣчить рану. Гарибальди сильно страдалъ, пулю долго не могли извлечь, и послѣдствія раны были очень печальны: Гарибальди не могъ съ этихъ поръ двигаться свободно.

Его скоро выпустили, и онъ отправился на Капреру, гдѣ и прожилъ до весны 1864 года, затѣмъ поѣхалъ въ Англію. Мы не будемъ описывать, какой хорошій пріемъ былъ сдѣланъ ему въ Англіи, — въ Соутгамптонѣ и въ Лондонѣ. Аристократія и простой народъ, — всѣ слились въ одномъ чувствѣ уваженія и удивленія передъ этимъ человѣкомъ, отдавшимъ всѣ свои силы, всю свою жизнь своей родинѣ и столько сдѣлавшимъ для нея. На улицахъ толпы народа ожидали его, чтобы увидѣть и осыпать привѣтствіями этого человѣка, боровшагося за права народа; они понимали, что война была не ремесломъ для него, что знаменитый герой, пролившій столько крови, только и мечтаетъ о такомъ будущемъ, когда люди всѣ силы свои будутъ посвящать мирному труду.

Въ Лондонѣ въ это время жилъ Мадзини: Гарибальди увидѣлся съ нимъ, и на одномъ обѣдѣ они обмѣнялись рѣчами. Началъ Мадзини: „Мой тостъ будетъ заключать въ себѣ все то, что такъ дорого, за что мы боремся. Пью за свободу народовъ, пью за дружескій союзъ народовъ, пью за того человѣка, который своей дѣятельностью служитъ живымъ воплощеніемъ этихъ великихъ идей, за Гарибальди!“

Гарибальди отвѣтилъ:

„Я намѣренъ сдѣлать заявленіе, которое должно было сдѣлать давно: здѣсь есть человѣкъ, который оказалъ огромныя услуги моей родинѣ и дѣлу свободы. Когда я былъ молодъ, когда мною руководили лишь смутныя, неопредѣленныя стремленія, я искалъ человѣка, который могъ бы помогать мнѣ совѣтомъ и руководить мною въ молодые годы. Я искалъ его, какъ жаждущій ищетъ воды. И я нашелъ такого человѣка. Въ немъ одномъ сохранился священный огонь; онъ одинъ бодрствовалъ, когда всѣ спали. Онъ сдѣлался и всегда оставался моимъ другомъ. Никогда не потухалъ въ немъ священный огонь любви къ родинѣ и свободѣ. Этотъ человѣкъ — Мадзини. Пью за него, за моего учителя!“

Въ Италіи между тѣмъ дѣла измѣнились. Правительство итальянское, не могущее никакъ завладѣть Римомъ, попробовало сначала хоть освободить Римъ отъ французскихъ войскъ. И ему удалось это. Наполеонъ III согласился вывести свои войска изъ Рима, не сразу, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ у папы будетъ устраиваться своя соб-

ственная армія; черезъ два года въ Римѣ уже совсѣмъ не будетъ французскихъ войскъ; но король Италіи не только долженъ не нападать на владѣнія папы, а напротивъ, защищать ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, если бы такіе явились. Столица изъ Турина переносится, но не въ Римъ, а во Флоренцію; отъ мысли же сдѣлать Римъ столицею Италіи король долженъ отказаться. Такой договоръ былъ заключенъ между Италіей и Франціей въ 1864 году. Огорчились переносомъ столицы жители Турина, въ немъ начались было волненія, но они были подавлены, и въ 1865 году король и парламентъ переѣхали въ новую столицу. Этимъ король какъ бы показывалъ, что намѣренія завладѣть Римомъ оставлены. Но отъ этого отношенія правительства и папы другъ къ другу не стали лучше.

Скоро Пруссія, вступая въ борьбу съ Австріей, пригласила Италію вступить въ союзъ съ нею, при чемъ Италія, въ случаѣ удачнаго для союзниковъ исхода войны, должна была получить Венецію. Италія согласилась. Австрійскій императоръ, узнавъ о такомъ союзѣ, предлагалъ уступить добровольно Венецію Италіи, лишь бы она не вмѣшивалась въ борьбу, не вступала въ союзъ съ Пруссіей. Но итальянскій министръ Ла-Мармора не захотѣлъ измѣнить данному Пруссіи слову. Гарибальди, по предложенію Виктора-Эммануила, принялъ участіе въ этой войнѣ и, во главѣ 20 отрядовъ волонтеровъ, одерживалъ надъ австрійцами побѣду за побѣдой въ Тиролѣ; но другіе итальянскіе генералы терпѣли пораженіе за пораженіемъ: такъ, 24-го іюня они были разбиты при Кустоццѣ. Вообще же дѣла австрійцевъ были плохи. 3-го іюля они потерпѣли пораженіе при Кёниггрэцѣ, потерявъ при этомъ 18 тысячъ ранеными и убитыми и 24 тысячи плѣнными. Слишкомъ долго было бы описывать всѣ ужасы этого сраженія. Но мы позволимъ себѣ дать маленькую картинку поля „послѣ“ сраженія, воспользовавшись для этого книгою Берты Зуттнеръ „Долой оружіе!“ Въ этой книгѣ докторъ-австріецъ разсказываетъ женѣ раненаго при Кёниггрэцѣ офицера. „Не слышно грохота артиллеріи, не слышно трубныхъ сигналовъ; не слышно барабаннаго боя; слышны только глухіе стоны и предсмертное хрипѣніе. На истоптанной землѣ лужи и цѣлые потоки крови. Весь посѣвъ уничтоженъ, только мѣстами тамъ и сямъ уцѣлѣли нетронутые клочки, пока еще покрытые растительностью; веселыя вчера деревни превратились сегодня въ развалины и щебень. Деревья въ лѣсахъ обуглены или порублены, заборы разрушены картечью. И на этомъ полѣ тысячи и тысячи людей умершихъ и умирающихъ,—умирающихъ безъ помощи. Не цвѣты по окраинамъ дорогъ и на лугахъ, а сабли, пики, ранцы, опрокинутыя телѣги, пушки на сломанныхъ лафетахъ. Но больше всего земля покрыта кровью около пушекъ съ почернѣвшими отъ копоти жерлами. Здѣсь больше всего труповъ, искалѣченныхъ, полумертвыхъ, буквально, изорванныхъ въ куски. Здѣсь кучи мёртвыхъ лошадей; вотъ одна полуживая старается

подняться на ноги и падаетъ: еще разъ дѣлаетъ попытку и падаетъ снова, и, наконецъ, подымая голову, издаетъ страшный, предсмертный крикъ.... Вотъ узкая лощина, совершенно заваленная тѣлами, затоптанными въ грязь. Безъ всякаго сомнѣнія, несчастные искали здѣсь убѣжища, а батарея проѣхала по нимъ и раздавила ихъ копытами лошадей и колесами. Многіе изъ нихъ еще живы, они представляютъ собою мягкую кровавую массу, но „еще живы". „А иногда можно наткнуться на картинку еще болѣе адскую, чѣмъ эта: появленіе самой гнусной накипи человѣчества, которая бываетъ только во время веденія войны, появленіе и дѣятельность мародеровъ, этихъ гіэнъ поля сраженія... Вотъ ползетъ одно изъ этихъ чудовищъ, прокрадываясь за добычею смерти, наклоняется надъ трупами и надъ живыми, безжалостно снимая одежду съ труповъ: сапоги стаскиваются съ окровавленныхъ труповъ, кольца съ пальцевъ; а если кольцо не снимается, то просто отрубается палецъ; когда же человѣкъ начинаетъ защищаться, то эти гіэны его убиваютъ или выкалываютъ ему глаза, чтобъ не быть узнанными потомъ".—Таково поле битвы ночью, при свѣтѣ факеловъ патрулей и красныхъ фонарей походнаго госпиталя.

Утромъ картина еще ужаснѣе... „Только теперь вы можете увидѣть массу труповъ, валяющихся всюду по дорогамъ, по полю, въ канавахъ, за разрушенными валами. Всюду... всюду мертвецы. Иные изъ нихъ и даже раненые ограблены и даже раздѣты донага. Несмотря на ночную работу санитарнаго отряда, раненыхъ на полѣ осталось много, блѣдные, изможденные, съ позеленѣвшими или потемнѣвшими лицами, съ безсмысленнымъ, тупымъ взглядомъ, корчась въ агоніи страданій, они умоляютъ каждаго, кто подходитъ къ нимъ, прикончить ихъ. Стаи воронокъ садятся на вершины деревьевъ и громкимъ карканьемъ выражаютъ радость о предстоящемъ пирѣ. Голодныя собаки изъ сосѣднихъ деревень сбѣгаются туда же и лижутъ кровь ранъ. Нѣсколько „гіэнъ" продолжаютъ свою работу. Затѣмъ общее погребеніе... Этимъ занимается насильно согнанная толпа крестьянъ, или добровольцевъ, бродягъ, состоящихъ при обозѣ, служителей маркитантовъ и т. п. Военное начальство сгонитъ всѣхъ ихъ силою на поле и заставитъ рыть могилы, очень большія, конечно, широкія, но не глубокія, потому что на это не достало бы времени. Въ эти могилы сваливаются трупы безъ всякаго порядка и рядомъ другъ съ другомъ и одинъ надъ другимъ. Или дѣлается еще такъ: трупы сваливаются въ кучу, и надъ нею насыпается одинъ-два фута земли, такъ что получается курганъ. Спустя нѣсколько дней, пройдетъ дождь и смоетъ землю, покрывающую трупы...

„На полѣ битвы при второмъ закатѣ солнца все еще продолжаетъ разыгрываться трагедія. Кромѣ тѣхъ, которые убраны въ госпиталь или въ могилы, остаются еще „неотысканные". Лежа за хворостомъ, въ хлѣбахъ, среди развалинъ, они ускользнули отъ глазъ

санитаровъ или могильщиковъ, и для нихъ начинаются теперь муки агоніи, которая продолжается иногда нѣсколько дней и ночей, и на припекѣ полуденнаго солнца и во мракѣ ночи, лежа на камняхъ и на терновникахъ, въ зловонной атмосферѣ разлагающихся труповъ и своихъ собственныхъ гніющихъ ранъ, служа еще заживо добычей коршуновъ....“ Но довольно....

ГЛАВА XIV.

Попытка Гарибальди овладѣть Римомъ. Франко-прусская война. Завершеніе объединенія Италіи.

Война кончилась. Венеція вошла въ составъ королевства Италіи. Теперь Италіи не доставало одного только Рима.

Французскія войска, какъ и было раньше обѣщано, къ концу 1866 года совсѣмъ удалились изъ Рима, и правительство флорентійское, съ помощью разныхъ уступокъ и соглашеній, улучшило немного отношенія папы къ себѣ и ожидало, что современемъ Римъ тихо и мирно сольется съ Италіей. Но эти уступки папѣ не нравились многимъ, въ томъ числѣ и Гарибальди. Они между прочимъ боялись, что эти уступки и постепенно устанавливающіяся хорошія отношенія къ папѣ увеличатъ значеніе католическаго духовенства въ королевствѣ. И вотъ повсюду начинается движеніе противъ такого поведенія правительства, повсюду образуются комитеты для немедленнаго освобожденія Рима. Гарибальди принимаетъ горячее участіе во всемъ этомъ. Правительство, чтобы не дать разрастись этимъ комитетамъ, чтобы не испортить своихъ отношеній съ Наполеономъ III, арестуетъ Гарибальди и отправляетъ въ одну крѣпость, а затѣмъ на Капреру. Но Гарибальди не отступилъ отъ своего дѣла. Онъ рѣшилъ сдѣлать еще попытку.

„Мы вышли изъ дому, когда совсѣмъ стемнѣло, разсказывалъ потомъ объ этой отправкѣ другъ и сподвижникъ Гарибальди, Барберини. По небу блуждали густыя облака, между которыми нѣтъ-нѣтъ появлялась луна. „Барберини, сказалъ Гарибальди, какъ бы я хотѣлъ въ эту минуту сдѣлаться Іисусомъ Навиномъ, чтобы задержать за облаками луну!“ Когда я усаживалъ его въ маленькій челночокъ, я очень боялся за него. Больной, со сведенными ревматизмомъ пальцами, онъ еле держалъ единственное весло. Но сила воли у этого человѣка страшная. Если онъ когда-нибудь боялся, то боялся за дѣло, но за себя никогда. Когда онъ оставилъ Капреру, гарибальдійцы подвигались уже къ папскимъ провинціямъ. Едва я успѣлъ оттолкнуть его отъ берега и самъ вскочить въ другую лодку, подулъ рѣзкій си-

рокко и началъ съ силою качать вѣтки кустарника. Благодаря густымъ, черпымъ облакамъ, мы успѣли скрыться изъ глазъ военной эскадры, бдительно стерегшей Капреру. Когда Гарибальди со своей орѣховой скорлупой скрылся изъ виду, я сталъ направляться обратно къ Капреръ. Съ кораблей было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Хотя почью выстрѣлы не достигаютъ своей цѣли, все-таки они не были особенно пріятны. Но когда на судахъ увидѣли, что я не стараюсь ускользнуть, то, вѣроятно, подумали, что я рыбакъ и закидываю сѣти, и тотчасъ же прекратили пальбу. Два часа спустя, я вернулся домой, а Гарибальди, доплывъ до открытаго моря, пересѣлъ на неаполитанскій корабль и поѣхалъ далѣе". Онъ пробирается на сосѣдній островъ, а отсюда переправляется на материкъ, соединяется съ своими сторонниками и волонтерами и вступаетъ въ Папскую область съ криками: „Римъ или смерть! Италія и Викторъ-Эммануилъ!" Сначала счастье улыбнулось ему, и онъ разбилъ высланныя противъ него папскія войска. Но затѣмъ въ Чивита-Веккіи высадился сильный французскій отрядъ и вновь занялъ Римъ, а 3-го ноября Гарибальди потерпѣлъ пораженіе при Ментанѣ, отрядъ его разбѣжался, а черезъ нѣкоторое время и самъ Гарибальди былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость Варшьяно. По всей Италіи сказалось недовольство этимъ арестомъ, и 25 ноября онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости и отправленъ опять на Капреру, гдѣ онъ занялся литературнымъ трудомъ, написалъ нѣсколько историческихъ романовъ, въ которыхъ ясно сказалось, до какой степени ненавидѣлъ онъ папство и католическое духовенство.

Италія была объединена, но безъ Рима. А Римъ былъ необходимъ ей. Безъ него она не могла существовать, и въ этомъ былъ увѣренъ не одинъ Гарибальди, въ немъ вмѣщалась древняя слава, сила, красота, вѣчность; онъ былъ сердце Италіи не по одному только центральному положенію своему. И сердца сыновъ Италіи томились нетерпѣніемъ и всею душою рвались къ Риму, къ обладанію Римомъ.

И эта мечта, наконецъ, осуществилась, благодаря войнѣ, начавшейся между Франціей и Пруссіей. Гарибальди тоже принялъ участіе въ этой войнѣ. Когда французы потерпѣли сильныя пораженія и Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ, Франція провозгласила себя республикою. Пруссаки осадили Парижъ. Тогда Гарибальди предложилъ свою помощь погибающей Франціи и явился въ Туръ. Ему была поручена вогезская армія, начальствуя которой, онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ. Но побѣды эти мало поправили дѣло Франціи. Народъ высоко оцѣнилъ подвигъ этого стараго героя, явившагося безкорыстно помочь побѣждаемой Франціи, встрѣчалъ его рукоплесканіями и восторженными криками, и въ четырехъ департаментахъ онъ былъ выбранъ депутатомъ въ національное собраніе, управлявшее теперь дѣлами республики. Но правительство французское не такъ отнеслось къ Гарибальди: оно не только не поблагодарило, но еще и

обидѣло его, и Гарибальди отказался отъ своихъ депутатскихъ правъ и уѣхалъ въ Италію.

Тамъ въ это время завершилось великое дѣло объединенія. При началѣ войны войска французскія были отозваны изъ Рима, а послѣ пораженія французской арміи войска Виктора-Эммануила подошли къ границѣ Папской области. Сначала Викторъ-Эммануилъ уговаривалъ папу добровольно отказаться отъ свѣтской власти; папа не соглашался, и вотъ 20-го сентября началась бомбардировка города. Папскія войска и присоединившіеся къ нимъ добровольцы не могли долго противиться и сдались. Было сдѣлано народное голосованіе о дальнѣйшей судьбѣ Папской области, и громадное большинство высказалось за присоединеніе ея къ Итальянскому королевству.

26 января 1871 г. парламентъ постановилъ перенести столицу въ Римъ. Такъ было закончено объединеніе Италіи. Папа лишился свѣтской власти, но ему оставлены всѣ почести и права государя, даны во владѣніе Латеранскій и Ватиканскій дворцы, дано громадное содержаніе. Въ дѣлахъ церковныхъ, въ назначеніяхъ епископовъ и т. п. ему предоставлена полная свобода. Но ничто не примирило папу съ потерею свѣтской власти. Онъ объявилъ, что Римъ находится во власти разбойниковъ, отказался отъ денегъ, называя ихъ „іудиными“, и не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ правительствомъ Италіи.

Теперь Италія —единое королевство (только Савойя и Ницца такъ и остались за Франціей), занимающее вмѣстѣ съ островами болѣе 280000 кв. миль и населенное больше, чѣмъ 30 милліонами народа. Во главѣ государства стоитъ король, власть котораго ограничена парламентомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь остается только сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ длинной и упорной борьбы за освобожденіе.

Гарибальди не разъ посѣщалъ Римъ столицу королевства Италіи, каждый разъ вызывая бурю народныхъ восторговъ и съ каждымъ разомъ все болѣе слабый и больной. Постоянно же онъ жилъ на своей Капрерѣ, со своимъ другомъ и сподвижникомъ Басео, женою и маленькой дочкой.

Одна русская писательница, посѣтившая его въ 1872 г., разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Капреры и о жизни Гарибальди на этомъ островѣ.

Гарибальди жилъ очень просто, въ небольшомъ одноэтажномъ домикѣ, съ очень простой и даже бѣдной обстановкой. Въ кабинетѣ его, очень маленькомъ, въ одно окно, стояла желѣзная узкая кровать, съ жесткимъ тюфякомъ и жиденькими подушками, со старымъ пончо вмѣсто одѣяла. Три простыхъ жесткихъ стула, старое рваное кресло, столъ у окна, комодъ и швейная машина да этажерка съ книгами и желѣзной сундучокъ съ рукописями,- вотъ и вся обстановка кабинета: а на стѣнахъ висѣли портреты матери, дѣтей и нѣсколькихъ друзей Гарибальди да медальонъ съ волосами Аниты и засушенными цвѣточками подъ выпуклымъ стекломъ. Та же простота и бѣдность и въ другихъ комнатахъ. Въ столовой, надъ каминомъ висѣла фотографія съ парохода „Пьемонтъ", а надъ шкапомъ два знамени съ надписями: „Viva l'indipendênza" и „Viva pôpolo!": на каминѣ стояла небольшая статуэтка и часы. Простъ былъ и обѣдъ, поданный на столъ, покрытый ради гостя, клеенкой, а не газетнымъ листомъ, какъ обыкновенно.

Гарибальди, когда сидѣлъ, казался бодрымъ и сильнымъ, ходилъ же на костыляхъ или съ палкой и очень тихо. Цвѣтъ лица его былъ свѣжій, а голубовато-сѣрые глаза смотрѣли всегда въ упоръ и были полны доброты, какъ и улыбка, показывавшая изъ-подъ красиво очерченныхъ губъ рядъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ. Изъ-подъ красной кашемировой шапочки, вышитой разноцвѣтными шелками, видѣлись пряди золотистыхъ волосъ съ порядочной сѣдиной. Борода, коротко подстриженная, была тоже на половину сѣдая. Гарибальди одѣтъ былъ въ полинялую желтоватую ситцевую рубашку съ черными мушками, запрятанную въ сѣрыя брюки съ большой черной заплатой на одномъ колѣнѣ; на шеѣ всегда была черная шелковая косынка.

Жена его (третья)—совсѣмъ простая женщина, раньше бывшая кормилицей внучки Гарибальди, уже не молодая и не красивая, но располагавшая къ себѣ.

Въ это время Капрера совсѣмъ не походила на тотъ дикій островокъ, на который переселился Гарибальди въ 1855 г. Теперь тутъ были виноградники, каштановыя и оливковыя деревья, превосходныя овощи: тутъ дѣлали свое вино, оливковое масло, сыръ... Писательница отмѣчаетъ крайнюю умѣренность въ потребностяхъ Гарибальди, отказывавшаго себѣ чуть ли не въ необходимомъ. Ему рѣдко кто прислуживалъ. Онъ вставалъ очень рано, пилъ пить козье парное молоко, затѣмъ гулялъ, затѣмъ пилъ кофе, который часто самъ подогрѣвалъ. До обѣда онъ писалъ, а послѣ отдыхалъ, гулялъ или сидѣлъ въ садикѣ, читалъ газеты, которыхъ ему присылали массу, чуть не со всего свѣта, или шелъ на пчельникъ, или работалъ въ садикѣ. Вечеромъ, попивъ молока, онъ, когда закатывалось солнце, закрывалъ въ комнатѣ окно и выходилъ въ своемъ пончо въ садикъ посмотрѣть на закатъ. Любилъ онъ также ходить въ одно чудесное мѣстечко не-

далеко отъ дома, засаженное акаціями, кипарисами и плакучими ивами. Тутъ видѣлись двѣ могилки дѣтей Гарибальди и между ними любимая имъ лавочка. Тутъ онъ и похороненъ былъ потомъ.

Писательница отмѣчаетъ одну трогательную черту Гарибальди—его дружбу съ животными. Во время обѣда куры влетали въ отворенное окно, не стѣсняясь садились на столъ и выклевывали изъ тарелокъ рисъ и горохъ, а немного спустя, въ окно же пожаловали двѣ собаки и усѣлись по сторонамъ хозяина, ожидая подачки; въ концѣ обѣда къ окну подошли двѣ боевыя лошадки Гарибальди—Ментана и Марсала, и положили головы на подоконникъ: Гарибальди взялъ два куска хлѣба и угостилъ просительницъ. Пчелы тоже любили его и садились ему на плечо, на руки, не жаля его.

2-го іюня 1882 года не стало этого великаго борца за единство и свободу родины, самоотверженнаго и безкорыстнаго. Къ Капреѣ съѣхалось множество кораблей и пароходовъ, явились представители отъ всѣхъ городовъ Италіи, цѣлыя тысячи посѣтителей, хотѣвшихъ поклониться гробу необыкновеннаго человѣка, лежавшаго въ своей обычной красной рубашкѣ, въ бархатной шапочкѣ. Вся Италія одѣлась въ трауръ. И народъ и правительство приняли участіе въ печальныхъ торжествахъ и церемоніяхъ. Гарибальди просилъ въ завѣщаніи тѣло его сжечь на кострѣ, но эта воля его не была исполнена, и онъ похороненъ въ своемъ излюбленномъ уголкѣ на Капреѣ. Въ 1891 г. въ Ниццѣ, родномъ городѣ Гарибальди, поставленъ ему памятникъ.

Мадзини умеръ задолго до Гарибальди, въ 1872 г. Онъ такъ и не помирился съ итальянскимъ правительствомъ. Онъ все время старался всякими средствами заставить Италію возстать, объединить себя и превратиться въ республику. И правительство преслѣдовало его. Въ 1870 году его арестовали въ Сициліи и продержали въ заключеніи два мѣсяца. Ему пришлось покинуть Италію. Онъ добрался подъ чужимъ именемъ до Рима, затѣмъ до Генуи, посѣтилъ почью могилу матери своей и уѣхалъ изъ Италіи. Только въ 1872 г. онъ вернулся на свою родину, но простудился и 10 марта умеръ въ Пизѣ. И только что умеръ онъ,—все измѣнилось. Къ гробу явилась масса депутацій, адресовъ, многотысячная толпа провожала тѣло на желѣзную дорогу, въ попутныхъ городахъ устраивались торжественныя встрѣчи и проводы, въ Генуѣ всѣ одѣлись въ трауръ; однихъ пріѣзжихъ было 50 тысячъ, а въ исполненіи похороннаго марша участвовали 22 оркестра. Въ 1882 г. ему открытъ памятникъ въ Генуѣ, а въ 1891 г. рѣшено поставить памятникъ и въ Римѣ. Памятникъ въ Генуѣ—высокая бѣлаго мрамора колонна, на верху которой стоитъ статуя Мадзини, на ступеняхъ внизу сидитъ плачущая Италія, а возлѣ нея юноша держитъ знамя

съ надписью: „Dio e pópolo" (Богъ и народъ). Такъ умерли оба великіе патріота Италіи—Гарибальди и Мадзини.

Они иногда расходились другъ съ другомъ, иногда не раздѣляли мнѣній одинъ другого, иногда не одобряли дѣйствія одинъ другого, но всегда любили и уважали другъ друга. Они дѣйствовали на одномъ поприщѣ, жили одною мыслью—объ Италіи. Мы познакомились съ жизнью и того и другого. Гарибальди много пришлось перенести горя и испытать разочарованій, но ему выпадали и счастливыя минуты, выкупавшія съ избыткомъ всѣ огорченія. Имя его извѣстно всему міру, передъ нимъ преклонялись, какъ передъ неизмѣннымъ поборникомъ блага родины и свободы, и онъ могъ умереть съ сознаніемъ, что его дѣла оцѣнены человѣчествомъ, что память о немъ безсмертна. Не то Мадзини: онъ также любилъ родину, тоже страдалъ за нее, и ему Италія обязана многимъ. Но жизнь его сложилась несчастнѣе: вѣчно скрываясь и скитаясь, порою безъ крова и пріюта, часто одними не понятый, другими оклеветанный, онъ перенесъ столько несправедливости и неблагодарности, что надо удивляться, какъ только не потухла въ немъ любовь къ человѣчеству.

Въ 1878 г. скончался Викторъ-Эммануилъ и на престолъ вступилъ его сынъ Гумбертъ I, теперь тоже уже умершій; а вслѣдъ за Викторомъ-Эммануиломъ скончался и Пій IX, преемникомъ которому былъ избранъ Левъ XIII.

И. Калужскій.

ВОЙНА ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ НЕГРОВЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Расширяя свои владѣнія за предѣлы Европы, въ другія части свѣта, и приходя въ столкновенія съ туземцами, европейскіе народы имѣли въ виду просвѣщать ихъ. Но, къ сожалѣнію, просвѣщеніе это покупалось слишкомъ дорогою цѣною, и появленіе европейцевъ по большей части несло съ собой всевозможныя бѣдствія. Они въ концѣ уничтожили цвѣтущія, богатыя государства, какъ Мексика и Перу, они почти истребили краснокожихъ индѣйцевъ и австралійскихъ папуасовъ, они научили пьянству жителей крайняго сѣвера. Рабство съ давнихъ поръ существовало въ Африкѣ, но только съ появленіемъ европейскихъ промышленниковъ достигло оно полнаго расцвѣта и приняло особенно безобразныя формы.

Въ XVI и XVII вѣкахъ всѣ западно-европейскія государства наперерывъ старались заводить колоніи въ другихъ частяхъ свѣта. Въ этихъ колоніяхъ была ихъ сила, ихъ богатство. Сначала одна только жажда золота влекла въ дальнія страны предпріимчивыхъ искателей приключеній, заставляла государей снаряжать дорого стоящія экспедиціи. Но они скоро поняли, что плодородная почва тропическихъ странъ заключаетъ въ себѣ богатства, не уступающія по доходности золотымъ розсыпямъ и алмазнымъ копямъ.

Только, чтобы добыть эти богатства, нужно приложить къ землѣ трудъ, нужно имѣть руки для обработки почвы. Откуда взять эти руки? Европейскіе рабочіе очень неохотно ѣхали въ дальніе, невѣдомые края и во всякомъ случаѣ безъ достаточнаго вознагражденія не соглашались оставлять родину. Туземцевъ часто было слишкомъ трудно, почти невозможно принудить къ насильственному труду. Первые поселенцы Америки думали было приспособить индѣйцевъ работать на себя, но тѣ оказались слишкомъ непокорными и свободолюбивыми; они пользовались всякимъ случаемъ бросить работу, бѣжать отъ господъ и отомстить имъ за дурное обращеніе. Если же путемъ насилія удавалось сломить ихъ волю, они впадали въ тоску, въ упорное уныніе, быстро теряли силы, болѣли и умирали. Негры Африки оказались гораздо болѣе податливыми работниками. Они

привыкли ходить безъ одежды и довольствоваться очень малымъ количествомъ пищи, такъ что содержаніе ихъ не дорого стоило хозяевамъ. Вслѣдствіе жаркаго климата своей родины, легкости, съ какой они могли удовлетворять свои небольшія потребности, они были лѣнивы, безпечны, не любили работать и заботиться о будущемъ. Но, съ другой стороны, они были трусливы, покорны и добродушны. Разъ признавъ силу побѣдителя, они безропотно подчинялись ему. Въ характерѣ ихъ не было злопамятства и мстительности, они никогда не задавались цѣлью платить зломъ за зло, изъ жертвъ становиться палачами. Быстро переходя отъ одного ощущенія къ другому, они послѣ припадка сильнаго горя могли скоро утѣшиться и развлечься какимъ-нибудь пустякомъ: нѣсколько ласково сказанныхъ словъ, маленькій подарокъ въ видѣ яркой ленты или блестящей нитки бусъ, веселая пѣсенка.—и негръ доволенъ и уже довѣрчиво глядитъ на недавняго врага. Подчинить своей волѣ людей съ такимъ характеромъ было не трудно, да и пріобрѣтать ихъ въ собственность оказалось удобно. Мелкія африканскія племена безпрестанно воевали другъ съ другомъ, и, когда они узнали, что европейцы вымѣниваютъ на людей пестрыя ткани и красивыя стеклянныя побрякушки, охотно стали продавать имъ своихъ военноплѣнныхъ. Разные начальники и предводители нашли, что вмѣсто казни преступниковъ и ослушниковъ выгоднѣе сбывать ихъ европейцамъ; кредиторы вели на продажу своихъ разорившихся должниковъ, бѣдняки—своихъ сыновей и дочерей, которымъ не хватало пропитанія дома, мужья—нелюбимыхъ женъ. Явились промышленники, которые предпринимали экспедиціи внутрь страны, чтобы добывать тамъ „черный товаръ“, иногда устраивали нарочно набѣги на мирныя селенія, чтобы захватить враспохъ побольше плѣнныхъ. Право покупать рабовъ и распредѣлять ихъ по колоніямъ принадлежало государямъ, но они очень скоро стали уступать его частнымъ лицамъ, которыя обязаны были доставлять въ колоніи опредѣленное число рабовъ къ назначенному сроку. Въ разныхъ пунктахъ африканскаго берега устраивались рынки невольниковъ, куда несчастныхъ пригоняли точно скотъ на продажу. Иногда цѣлые караваны приходили съ ними изъ внутреннихъ областей Африки. По палящему зною африканскихъ пустынь ихъ гнали связанными по рукамъ, съ наложенными на шею деревянными развилками. Истомленные длиннымъ путемъ, оторванные отъ родной семьи и родной обстановки, несчастные съ трепетомъ ждали новыхъ бѣдствій, какія готовила имъ судьба въ будущемъ. И эта судьба являлась въ образѣ промышленника, привыкшаго смотрѣть на нихъ, какъ на товаръ, видѣть въ нихъ только средства наживы. Не смущаясь стонами несчастныхъ, онъ твердымъ шагомъ входилъ подъ легкій навѣсъ, гдѣ стояли, сидѣли и лежали сотни черныхъ, отбиралъ столько мужчинъ и женщинъ, сколько ему требовалось,

ударомъ бича заставлялъ ихъ выходить на свѣтъ, подробно осматривалъ, и, если находилъ пригодными, немедленно отправлялъ подъ стражею на корабль, ожидавшій у берега. „Товаръ" силился что-то объяснить ему, умолить его не разлучать мужа и жену, дѣтей и родителей: онъ не понималъ языка, на которомъ говорили эти „прекрѣпные черные", да если бы и понималъ, развѣ сталъ бы онъ обращать вниманіе на ихъ просьбы! Морское путешествіе представляло цѣлый рядъ новыхъ мученій для негровъ. Въ то время, когда о пароходахъ никто и не мечталъ, оно совершалось на парусныхъ судахъ, слѣдовательно, вполнѣ зависѣло отъ попутнаго вѣтра, и нерѣдко требовалось больше мѣсяца, чтобы изъ Африки добраться до Америки. Многіе черные, жившіе внутри страны, никогда не видали моря, видъ грозныхъ волнъ безпредѣльнаго океана наводилъ на нихъ ужасъ, качка вызывала сильнѣйшіе припадки морской болѣзни, духота и скученность помѣщенія развивали разныя страданія. Впрочемъ, надобно сказать, что радѣющіе о своей выгодѣ промышленники старались все-таки довести свой „товаръ" живымъ и не слишкомъ заморенымъ: нѣсколько разъ въ день они выгоняли его на палубу освѣжиться, обливали водою, давали больнымъ кое-какія лѣкарства, заставляли здоровыхъ пѣть и плясать для поддержанія бодрости духа.

И вотъ, наконецъ, корабль прибылъ въ одинъ изъ портовъ Вест-Индіи, Бразиліи или Сѣверной Америки. Тутъ „черному товару" не придется залеживаться: его съ нетерпѣніемъ ждутъ землевладѣльцы-плантаторы и нарасхватъ покупаютъ не только сильныхъ, здоровыхъ мужчинъ, но и женщинъ, и дѣтей, и даже стариковъ. *Слабосильныхъ торговецъ уступаетъ по дешевой цѣнѣ, —ихъ во всякомъ случаѣ можно заставить отработать больше, чѣмъ сколько за* нихъ заплачено, а затѣмъ предоставить имъ умереть безпрепятственно. И вотъ негръ становится собственностью человѣка, который не связанъ съ нимъ ни народностью, ни религіей, ни языкомъ, который смотритъ на него, какъ на существо низшее, мало чѣмъ отличающееся отъ животнаго. Можно себѣ представить, что ждетъ его у такого господина!

Въ Европу португальцы стали ввозить негровъ-рабовъ еще въ XV вѣкѣ: богатые господа покупали ихъ и дѣлали изъ нихъ своихъ слугъ: имѣть чернаго кучера или лакея было въ то время въ модѣ на югѣ; но вообще владѣніе черными рабами не прививалось въ Европѣ: въ то время во всѣхъ государствахъ еще существовало крѣпостное право и землевладѣльцы имѣли достаточное количество своихъ бѣлыхъ рабочихъ. Зато для колоній негры-рабы были незамѣнимы. Испанія, Франція, Голландія и Англія наперерывъ старались снабжать ими свои внѣ-европейскія владѣнія. Въ англійскія американскія владѣнія негры были ввезены впервые въ 1620 году. Отно-

шеніе къ рабовладѣнію оказалось съ самаго начала не одинаковымъ въ разныхъ англійскихъ колоніяхъ: сѣверныя колоніи (Новая Англія, населенныя квакерами, пуританами, людьми, искавшими въ Новомъ Свѣтѣ свободы религіи и убѣжденій, привыкшими къ труду на родинѣ, не нуждались въ рабахъ. Только свободный трудъ на собственной землѣ могъ побѣдить тѣ препятствія, какія ставила поселенію природа: только свободные люди, защищающіе собственные дома и семьи, могли довести до конца упорную борьбу съ воинственными туземцами, краснокожими индѣйцами, неохотно уступавшими свои земли блѣдноликимъ пришельцамъ.

Въ южныхъ колоніяхъ (Виргиніи) дѣло сложилось иначе. Тамъ англійскіе короли раздавали большіе участки земли разнымъ придворнымъ и дворянамъ, и этимъ владѣльцамъ прежде всего нужны были рабочіе для воздѣлыванья земли. Англійское правительство распорядилось сначала отправлять въ Новый Свѣтъ своихъ военноплѣнныхъ, захваченныхъ во время войнъ съ Шотландіей и Ирландіей, и раздавать этихъ плѣнныхъ землевладѣльцамъ, какъ рабочихъ. Но такой порядокъ скоро оказался неудобнымъ: Шотландія и Ирландія возмущались такимъ отношеніямъ къ ихъ сынамъ, да и сами военноплѣнные вовсе не считали себя обязанными повиноваться колонистамъ и работать на нихъ. Они пользовались всякимъ случаемъ заявить свою самостоятельность и надѣлать убытковъ своимъ хозяевамъ, а когда узнали, что въ Америкѣ масса пустыхъ, никому не принадлежащихъ земель, которыя могутъ вполнѣ обезпечить существованіе сильнаго и трудолюбиваго человѣка, начали прямо убѣгать отъ плантаторовъ и становиться свободными земледѣльцами. Тогда Англія послѣдовала примѣру Испаніи и Португаліи, уже перевозившихъ негровъ въ Бразилію и Вестъ-Индію. Вскорѣ на табачныхъ и хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ Виргиніи появились сотни и тысячи черныхъ рабовъ. Уроженцы тропической Африки не страдали отъ злого климата Виргиніи, но та постоянная усиленная работа, какая отъ нихъ требовалась, казалась имъ невыносимой. Чтобы побѣдить ихъ „лѣность“, чтобы уничтожить послѣднюю искру свободолюбія, какая могла сохраниться у нихъ, владѣльцы не останавливались передъ самыми жестокими мѣрами. Надсмотрщики надъ рабочими иначе не являлись на поля, какъ вооруженные толстыми бичами, и малѣйшее промедленіе, малѣйшая остановка въ работѣ наказывалась полновѣсными ударами. Всякій ропотъ, всякое выраженіе недовольства вызывали строгія наказанія. Негръ составлялъ полную собственность плантатора, который могъ дѣлать съ нимъ все, что хотѣлъ, даже убить его, не отдавая въ этомъ никому отчета. Никакой судъ не принималъ жалобъ черныхъ противъ бѣлыхъ. Рабы занимали на плантаціяхъ совершенно такое же положеніе, какое въ нашихъ хозяйствахъ занимаетъ домашній скотъ. Имъ давали содержанія настолько, чтобы

поддерживать ихъ жизнь и силы; отъ нихъ старались получить какъ можно больше выгодъ. Такъ какъ ихъ, особенно первое время, ввозили въ колоніи большими партіями и продавали за дешевую плату, то плантаторы вмѣсто того, чтобы лѣчить своихъ рабовъ, часто находили болѣе расчетливымъ предоставлять больнымъ и слабосильнымъ умирать и взамѣнъ ихъ покупали новыхъ рабочихъ. О вкусахъ, чувствахъ и наклонностяхъ рабовъ никто, понятно, не справлялся. Многіе плантаторы самымъ искреннимъ образомъ возмущались, когда имъ доказывали, что вѣдь и негры люди, способные чувствовать и разсуждать такъ же, какъ они сами; большинство всячески старалось подавить эти способности въ своихъ рабахъ. Обученіе рабовъ чему бы то ни было, кромѣ самыхъ простыхъ ремеслъ, считалось чуть не преступленіемъ; ихъ иногда крестили, обращали въ христіанство, но пользовались Библіей для того, чтобы доказывать, что рабство установлено самимъ Богомъ, что единственная добродѣтель раба - это безпрекословное повиновеніе господину. Рабу не запрещали жениться, жить семьей, но ему постоянно напоминали, что его жена и дѣти собственность господина, который можетъ по произволу распоряжаться ими: замучить на работѣ, переселить на какую-нибудь другую плантацію, продать первому встрѣчному.

Тяжелое положеніе негровъ-рабовъ обращало на себя вниманіе друзей человѣчества еще въ концѣ XVIII вѣка. Въ Филадельфіи основалось „Пенсильванское общество аболиціонистовъ", во главѣ котораго стоялъ знаменитый Веньяминъ Франклинъ и которое поставило себѣ цѣлью всѣми силами стараться объ уничтоженіи торговли людьми. Въ 1798 году въ Англіи возникло подобное же общество подъ названіемъ „Африканская ассоціація." По настояніямъ этого общества, англійскій парламентъ назначилъ комиссію, которая должна была изслѣдовать, какъ условія торговли неграми, такъ и положеніе негровъ въ англійскихъ колоніяхъ. Эта комиссія добросовѣстно исполнила свое порученіе и представила въ своемъ докладѣ яркую картину тѣхъ страданій и униженій, какимъ подвергаются несчастные невольники. Въ 1808 году парламентъ издалъ законъ, которымъ запрещалось англичанамъ покупать и продавать негровъ, а позже, въ 1834 году, Англія объявила отмѣну рабства во всѣхъ своихъ колоніяхъ и предписала колонистамъ въ теченіе четырехъ лѣтъ отпустить рабовъ на волю. Другія Европейскія государства тоже высказывались не разъ за отмѣну торговли людьми; по этому поводу писали книги, говорили рѣчи; но рабство продолжало существовать въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Вестъ-Индіи, въ южной Америкѣ. Въ эти страны требовался подвозъ свѣжихъ работниковъ, и торговцы живымъ товаромъ продолжали свою гнусную промышленность, не смущаясь мнѣніемъ порядочныхъ людей. Вслѣдствіе препятствій, какія ставились ихъ дѣятельности, они стали только поступать осторожнѣе: при перевозкѣ

негровъ они прятали ихъ въ трюмѣ корабля, а на палубу грузили другой товаръ, чтобы не подвергаться нападенію судовъ, которыя преслѣдовали торговлю людьми. Покупали они черныхъ мелкими партіями, не на прежнихъ всѣмъ извѣстныхъ рынкахъ; а чтобы вознаградить себя за рискъ и за трудности предпріятія, продавали ихъ плантаторамъ за болѣе высокую плату. И число рабовъ возрастало съ каждымъ годомъ, а рабовладѣльцы съ каждымъ поколѣніемъ все больше и больше убѣждались въ прочности и необходимости этого старинаго учрежденія.

ГЛАВА I.

Взглядъ на рабство отцовъ республики. Сѣверные и Южные штаты. Борьба противоположныхъ интересовъ. Уступки и соглашенія. Южане не останавливаются передъ насиліемъ.

Въ 1786 г. сѣверо-американскія колоніи отдѣлились отъ Англіи и послѣ долгой, упорной борьбы отвоевали, наконецъ, свою самостоятельность. Въ это время лучшіе люди вновь образовавшагося государства были противниками рабства. Веньяминъ Франклинъ считалъ его позоромъ для человѣчества, Георгъ Вашингтонъ завѣщалъ послѣ своей смерти отпустить на волю всѣхъ своихъ рабовъ. Джефферсонъ, одинъ изъ основателей республики Соединенныхъ Штатовъ, самъ рабовладѣлецъ, пишетъ:

„Отношенія между господами и рабами даютъ широкій просторъ для самыхъ необузданныхъ страстей. Съ одной стороны, безграничный деспотизмъ, съ другой,—унизительное подчиненіе. Дѣти видятъ это и идутъ тѣмъ же путемъ, какъ родители, потому что человѣкъ есть существо подражающее. Какихъ проклятій достойны тѣ государственные люди, которые допустятъ, чтобы одна половина гражданъ съ презрѣніемъ попирала права другой и уничтожала въ ней всякую нравственность, всякую любовь къ отечеству! А вмѣстѣ съ нравственностью погибнетъ и торговля и промышленность. Кто станетъ трудиться, особенно въ жаркомъ климатѣ, когда можетъ во всякое время заставить другого работать на себя? Поэтому мы почти никогда не видимъ, чтобы рабовладѣльцы сами работали. Они не работаютъ и этимъ нарушаютъ естественные законы, по которымъ всѣ люди равноправны; а кто нарушаетъ эти законы, того неминуемо ждетъ наказаніе. Когда же я подумаю о справедливости Божіей, трепетъ овладѣваетъ мною... Придетъ время, и Онъ пошлетъ на нашу страну всѣ бѣдствія гражданской войны, быть-можетъ, даже полную гибель!“

И, несмотря на такія рѣшительныя мнѣнія, въ конституціи, — томъ актѣ, которымъ опредѣлялось государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ,—не только ни слова не говорится объ уничтоженіи рабства, а, напротивъ, заключается такая статья: „Если кто-нибудь, поступивши на службу или обязавшись работать въ одномъ какомъ-либо штатѣ, убѣжитъ въ другой, онъ не можетъ быть освобожденъ закономъ или постановленіемъ послѣдняго штата отъ своей прежней службы, а долженъ быть выданъ по требованію того, кому онъ обязался служить или работать".

Слѣдовательно, невольникъ, которому удалось бы бѣжать отъ своего господина, не могъ разсчитывать найти защиту и убѣжище даже въ тѣхъ штатахъ, гдѣ рабство не существовало. Число представителей, которыхъ каждый штатъ имѣлъ права посылать въ конгрессъ *), опредѣлялось соразмѣрно съ количествомъ населенія штата, при чемъ въ конституціи говорится такъ: „при опредѣленіи количества населенія слѣдуетъ къ числу всѣхъ свободныхъ лицъ штата (исключая индѣйцевъ, не платящихъ налоговъ), прибавлять три пятыхъ остальнаго населенія". Подъ этимъ „остальнымъ населеніемъ" подразумѣвались именно негры-рабы; слово это нигдѣ въ конституціи не упоминается.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, какъ это „отцы республики" обошли молчаніемъ такой важный вопросъ, но въ то время лучшіе люди Америки считали существенно необходимымъ одно: освобожденіе отъ Англіи, созданіе самостоятельнаго, независимаго государства. Для достиженія этой цѣли слѣдовало, по ихъ мнѣнію, итти на всякія уступки, не останавливаться ни передъ какими жертвами. Между тѣмъ изъ 13 штатовъ, составившихъ первоначальный союзъ, въ шести процвѣтало невольничество. Богатые собственники Виргиніи, Каролины и Георгіи прямо заявляли, что отмѣна рабскаго труда разоритъ ихъ, что безъ негровъ ихъ поля риса и кукурузы, ихъ плантаціи табаку, хлопчатника и сахарнаго тростника останутся невоздѣланными, что для нихъ лучше остаться въ подчиненіи у Англіи, чѣмъ войти въ составъ союза, который не хочетъ заботиться объ ихъ благосостояніи. Приходилось уступать, чтобы не лишиться половины, и при томъ наиболѣе богатой и вліятельной половины гражданъ.

Въ 1790 г. квакеры Пенсильваніи и Нью-Іорка, изъ чувства христіанскаго человѣколюбія возмущавшіеся торговлею людьми, обратились въ конгрессъ съ просьбой издать законъ объ уничтоженіи невольн-

*) Конгрессъ, или парламентъ Соединенныхъ Штатовъ, состоитъ изъ палаты представителей и изъ сената. Въ палату представителей штаты избираютъ по одному члену на 30,000 жителей, а въ сенатъ каждый штатъ выбираетъ двухъ членовъ. Конгрессъ предлагаетъ и обсуждаетъ законы, касающіеся интересовъ всѣхъ штатовъ вообще; по своимъ мѣстнымъ дѣламъ каждый штатъ ведетъ самостоятельно въ своемъ собственномъ законодательномъ собраніи.

ничества. Когда эта просьба была доложена собранію, тамъ поднялась настоящая буря. Представители южанъ произносили громовыя рѣчи, грозили немедленнымъ распаденіемъ и гибелью союзу и въ концѣ концовъ не допустили конгрессъ даже обсуждать прошеніе квакеровъ. Они самымъ рѣшительнымъ и высокомѣрнымъ тономъ объявили, что каждый штатъ можетъ удерживать или отмѣнять у себя рабство по собственному произволу, а общее правительство союза не имѣетъ права касаться этого учрежденія.

Между тѣмъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія республики конгрессу пришлось рѣшать вопросъ о невольничествѣ для отдѣльныхъ мѣстностей. Чтобы не дать ни одному штату перевѣса надъ другимъ, рѣшено было устроить столицу союза въ округѣ Колумбіи, составившимся изъ земель, уступленныхъ отчасти Мэрилэндомъ, отчасти Виргиніей. На этихъ земляхъ существовало невольничество, но такъ какъ давать законы Колумбіи могъ исключительно конгрессъ, то въ средѣ его поднялось много голосовъ, требовавшихъ отмѣны рабства въ округѣ. Противъ этого энергично возстали представители южныхъ штатовъ, и послѣ долгихъ, горячихъ преній рѣшено было принять среднюю мѣру: не отмѣнять рабства въ Колумбіи, но запретить тамъ торговлю невольниками.

Вообще въ первое время существованія союза преобладающее вліяніе на дѣла его имѣли южные штаты. Первыми президентами были южане, они же отличались какъ лучшіе ораторы въ конгрессѣ. Это объясняется тѣмъ, что, благодаря своимъ громаднымъ помѣстьямъ и даровому труду негровъ, южане были богаче сѣверянъ. Они жили въ роскоши, имѣли достаточно времени для занятій искусствами и литературой, давали своимъ дѣтямъ хорошее образованіе. Своимъ свѣтскимъ обращеніемъ и изящными манерами они рѣзко отличались отъ грубоватыхъ и неуклюжихъ сѣверянъ. Болѣе предпріимчивые и энергичные, сѣверяне легче могли справиться со всякимъ дѣломъ, но тамъ, гдѣ приходилось пускать въ ходъ краснорѣчіе, громкія фразы и остроумныя доказательства, перевѣсъ былъ на сторонѣ юга. Столкновенія между двумя партіями происходили очень часто, такъ какъ ихъ интересы были прямо противоположны. Такъ, напримѣръ, южные штаты посылали въ Европу произведенія своихъ полей и взамѣнъ получали всевозможные предметы роскоши; для нихъ было очень важно, чтобы торговля велась безъ пошлинъ и чтобы доставлялись имъ европейскіе товары какъ можно дешевле. На сѣверѣ, напротивъ, возникали разныя фабрики и заводы. Сѣверянамъ было выгодно стѣснить привозъ европейскихъ товаровъ въ Америку, чтобы имѣть больше сбыта для своихъ производствъ. Но главнымъ предметомъ всѣхъ споровъ и распрей оставался вопросъ о невольничествѣ. Въ 1803 г. Франція продала Соединеннымъ Штатамъ большую область къ западу отъ Миссисипи. Въ этой области образо-

валось впослѣдствіи нѣсколько штатовъ. Первый изъ нихъ, Луизіана, былъ рабовладѣльческимъ. Когда образовался второй—Миссури, въ конгрессѣ возникъ вопросъ, какимъ онъ долженъ быть, свободнымъ или рабовладѣльческимъ? Тотчасъ начались горячія преніи, возбужденіе охватило всю страну. Южане прямо говорили, что конгрессъ не имѣетъ права собственною властью уничтожать невольничество въ томъ или другомъ штатѣ. -въ Миссури рабство существуетъ и должно существовать; они скорѣй готовы взяться за оружіе, чѣмъ уступить въ такомъ важномъ дѣлѣ. Сѣверяне боялись междоусобной войны и, чтобы не допустить ее, готовы были итти на уступки. Борьба продолжалась два года и окончилась соглашеніемъ, такъ называемымъ „Миссурійскимъ компромиссомъ". Рѣшено было, что Миссури будетъ рабовладѣльческимъ штатомъ, но зато во всей области, пріобрѣтенной отъ Франціи на сѣверъ отъ 36° 30′, рабство должно быть навсегда воспрещено.

Всѣ подобныя соглашенія не смягчали, а только усиливали разногласіе между обѣими партіями. При всякой политической мѣрѣ онѣ прежде всего имѣли въ виду, какое она можетъ имѣть вліяніе на рабовладѣніе. Въ 1825 г. президентъ Адамсъ предложилъ заключить братскій союзъ между всѣми государствами Сѣверной и Южной Америки и съ этою цѣлью созвать конгрессъ въ Панамѣ, около перешейка, соединяющаго обѣ Америки. Эта мысль многимъ понравилась, но представители рабовладѣльческихъ штатовъ воспротивились осуществленію ея: они боялись, что такой союзъ усилитъ въ Средней и Южной Америкѣ замѣчавшееся тамъ стремленіе къ освобожденію невольниковъ. Точно такъ же, когда островъ Гаити сталъ просить о принятіи его въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, южные штаты энергично настаивали на отказѣ ему. Въ Гаити свободные негры устроили свою маленькую республику и управлялись безъ помощи бѣлыхъ; и южане боялись, что примѣръ ихъ заразительно подѣйствуетъ на негровъ-рабовъ и возбудитъ въ нихъ вольнолюбивыя мечты.

Новой причиной раздоровъ явился Техасъ. Эта область принадлежала Мексикѣ, но въ ней поселилось очень много англо-американцевъ. Они пожелали отдѣлиться отъ Мексики, много лѣтъ вели съ ней войну и въ концѣ концовъ достигли своей цѣли. Въ 1835 г. Техасъ завоевалъ самостоятельность и пожелалъ присоединиться къ Соединеннымъ Штатамъ. Такъ какъ въ немъ существовало рабовладѣніе, то южане радостно привѣтствовали это присоединеніе, а сѣверяне отнеслись къ нему весьма подозрительно. Послѣ долгой борьбы южанамъ удалось побѣдить и на этотъ разъ. Рабовладѣніе утверждено было не только въ Техасѣ, но и въ тѣхъ областяхъ сѣверной Мексики, которыя онъ отвоевалъ силою оружія и въ которыхъ оно давно уже не существовало.

Такимъ образомъ, южане пріобрѣли безспорное большинство и въ

конгрессѣ, и въ сенатѣ, гдѣ всѣ штаты имѣли по равному числу представителей. Президенты по большей части выбирались тоже изъ южанъ и, конечно, назначали министровъ и разныхъ должностныхъ лицъ изъ своей же партіи, такъ что все дѣло управленія страной было въ рукахъ южанъ.

Между тѣмъ силы и значеніе сѣверныхъ штатовъ росли съ каждымъ годомъ. Изъ Европы постоянно являлись въ Америку большія партіи переселенцевъ, людей энергичныхъ, трудолюбивыхъ, которые рады были приложить руки къ какой угодно работѣ, только бы найти средства къ существованію. Поселенцы высаживались обыкновенно въ портахъ сѣверныхъ городовъ: они знали, что южане смотрятъ презрительно на трудящагося человѣка и что при существованіи рабства тамъ мало дѣла для свободнаго работника. Они поступали на фабрики и заводы сѣверянъ, или пробирались дальше на западъ, въ мало населенныя, пустынныя мѣстности, гдѣ можно было за дешевую плату пріобрѣсти хорошій участокъ земли и составить себѣ состояніе обработкой его. И въ томъ и въ другомъ случаѣ переселенцы являлись противниками рабства: нравственныя чувства и религіозныя убѣжденія ихъ возмущались противъ порабощенія одного человѣка другимъ, да и собственныя выгоды заставляли ихъ стоять за свободный трудъ, за свободное владѣніе мелкими земельными участками.

Чѣмъ болѣе развивалось богатство Америки, тѣмъ чаще молодые американцы стали ѣздить въ Европу, слушать курсы въ европейскихъ университетахъ, знакомиться съ европейскою жизнью, съ воззрѣніями образованныхъ европейцевъ. А воззрѣнія эти были, конечно, враждебны рабству. Въ американскихъ книгахъ и газетахъ все чаще и чаще появлялись статьи, осуждавшія это учрежденіе; въ церквахъ, на публичныхъ собраніяхъ произносились рѣчи, въ которыхъ оно называлось позорнымъ пятномъ американской жизни. Образовалось общество такъ называемыхъ „аболюціонистовъ", поставившее на своемъ знамени „уничтоженіе невольничества во всей Америкѣ". Это общество давало пріютъ и оказывало поддержку неграмъ, которымъ удавалось бѣжать отъ господъ, защищало свободныхъ негровъ, которыхъ очень часто ловили и отправляли на югъ подъ видомъ бѣглыхъ, постоянно обличало жестокіе или несправедливые поступки рабовладѣльцевъ. Число членовъ этого общества увеличивалось съ каждымъ годомъ, вліяніе его росло и проникало даже въ южные штаты, гдѣ многіе молодые люди, сыновья плантаторовъ, начинали стыдиться своего званія рабовладѣльцевъ.

ГЛАВА II.

„Хижина дяди Тома". Впечатлѣніе, произведенное романомъ. Отмѣна Миссурійскаго соглашенія.—Кавзасскія дѣла.—Джонъ Броунъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ появился въ свѣтъ знаменитый романъ американской писательницы г-жи Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома", представляющій необыкновенно яркую и живую картину положенія рабовъ и отношенія къ нимъ хозяевъ. Г-жа Бичеръ-Стоу ничего не сочинила: она долго жила въ штатѣ Огіо; въ домѣ ея мужа нерѣдко скрывались бѣглые рабы, которые разсказывали ей ужасающія исторіи своихъ страданій, показывали на своемъ тѣлѣ страшные знаки вынесенныхъ истязаній: она знала многихъ рабовладѣльцевъ, людей вовсе не злыхъ и не жестокихъ, но твердо вѣрившихъ, что рабство явленіе необходимое, что оно никогда не можетъ быть уничтожено, что безъ работы рабовъ южные штаты разорятся и что только страхъ наказаній заставляетъ работать лѣнивыхъ негровъ. Очень немногія книги имѣли столько читателей, какъ „Хижина дяди Тома", и производили такое сильное, такое потрясающее впечатлѣніе. И въ Европѣ и въ Америкѣ немало людей признавало, что рабство - явленіе несправедливое и жестокое, но они относились къ нему равнодушно, какъ къ чему-то привычному, при томъ нисколько не касающемуся ихъ. Но вотъ, благодаря таланту Бичеръ-Стоу, передъ ними встали, какъ живые, и честный, многострадальный Томъ, и красавица Элиза, которая, чтобы спасти отъ продажи своего маленькаго сына, въ бурную ночь переправляется черезъ широкую рѣку, перескакивая со льдины на льдину, и другая мать, несчастная Люси, безъ крика, безъ стона бросающаяся съ парохода въ воду, когда у нея отняли ея ребенка, и бѣдная, маленькая Топси, которая заявляетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, выстраданнымъ ею въ ея короткую жизнь: „Никто не можетъ любить негра, и ничего съ этимъ не подѣлаешь!" Всѣ эти тетки Хлои, Джорджи, Кассн, Маммы, Сусанны, страдали и радовались, любили и ненавидѣли такъ же, какъ бѣлые, всѣ они люди, наши ближніе, но только глубоко несчастные, угнетенные, лишенные всего, что краситъ жизнь! Чувствительныя сердца обливали слезами страницы „Хижины дяди Тома", брань и проклятія сыпались на головы безсердечныхъ работорговцевъ и жестокихъ рабовладѣльцевъ, разныхъ Гели и Легри. Г-жа Бичеръ-Стоу дала между прочимъ и изображенія добродушныхъ плантаторовъ, въ родѣ мистера и миссисъ Шельби и мистера Сентъ-Клера: они въ сущности никому не хотятъ дѣлать зла и, несмотря на это, причиняютъ страшныя страданія своимъ неграмъ. Этимъ она показала, что недостатки коренятся въ самомъ учрежденіи рабства, а не въ личныхъ порокахъ того или другого владѣльца.

Въ нѣсколько дней романъ Бичеръ-Стоу разошелся въ 10000 экземпляровъ, а въ первый годъ болѣе, чѣмъ въ 300,000. Его перевели на всѣ европейскіе языки, имъ зачитывались всѣ и вездѣ, даже въ Турціи, Арменіи и Индіи. Въ южныхъ штатахъ онъ вызвалъ сильное негодованіе, и оттуда на автора посыпался цѣлый градъ упрековъ, брани, угрозъ. Зато изъ сѣверныхъ штатовъ и изъ Европы г-жа Бичеръ-Стоу получала массу писемъ, выражавшихъ ей сочувствіе, говорившихъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое производитъ ея романъ. Англійскія женщины прислали ей адресъ, отпечатанный красками на зеленевой бумагѣ, съ 562.448 подписями. Подписи эти принадлежали женщинамъ самаго различнаго состоянія и общественнаго положенія, начиная отъ принцессъ, близкихъ родственницъ королевы, до женъ простыхъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Этотъ адресъ до сихъ поръ хранится въ Бостонѣ, въ крѣпкомъ дубовомъ ящикѣ. Онъ состоитъ изъ 26 толстыхъ книгъ in folio (въ цѣлый листъ величины), въ крѣпкомъ сафьянномъ переплетѣ, съ американскимъ орломъ на корешкѣ. На первой страницѣ перваго тома помѣщенъ адресъ, далѣе идутъ подписи.

Нѣсколько городовъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи тоже прислали г-жѣ Бичеръ-Стоу адресы, въ которыхъ они высказываютъ ей сочувствіе и горячее пожеланіе, чтобы ненавистное учрежденіе рабства скорѣе пало.

Читатели „Хижины дяди Тома" плакали надъ страданіями рабовъ и негодовали на рабство, а негры продолжали стонать подъ ударами бичей надсмотрщиковъ, промышленники продолжали наживать деньгѣ на живомъ товарѣ, плантаторы продолжали вести роскошную жизнь, пользуясь трудомъ черныхъ „дѣтяевъ". Значитъ, книга не принесла никакой пользы, не оставила послѣ себя никакого слѣда? Нѣтъ, это не вѣрно! Книга не могла поколебать вѣкового учрежденія, но она пробудила дремавшія чувства, заставила громко высказаться робко притаившіяся мысли, она подготовила умы и сердца людей къ великой борьбѣ, уничтожившей это учрежденіе.

По мѣрѣ того, какъ росло число враговъ рабовладѣнія и нападки становились запальчивѣе, южане все съ большимъ ожесточеніемъ и упорствомъ отстаивали то, что считали своимъ правомъ и своею собственностью.

Въ 1854 г. имъ удалось провести законъ, уничтожавшій такъ называемое „Миссурійское соглашеніе". Въ то время, когда оно было заключено, земли, купленныя Соединенными Штатами у Франціи, представляли обширныя пустыни, весьма мало населенныя, и южане соглашались, что тамъ не должно быть вводимо невольничество. Но наплывъ европейскихъ переселенцевъ въ эти страны увеличивался съ каждымъ годомъ, и можно было въ близкомъ будущемъ предвидѣть то время, когда изъ нихъ образуется нѣсколько новыхъ штатовъ.

Опасаясь, какъ бы эти штаты не усилили вліянія сѣверянъ, представители юга внесли въ конгрессъ проектъ закона, по которому всѣмъ новымъ территоріямъ предоставлялось право теперь же рѣшать, желаютъ ли они быть свободными или рабскими. Въ конгрессѣ и въ сенатѣ представители юга составляли большинство, и потому, несмотря на пылкія рѣчи сѣверянъ, законъ былъ принятъ, а президентъ республики, тоже южанинъ, поспѣшилъ утвердить его.

Этого мало. Такъ какъ населеніе Канзаса,- той территоріи, которая по числу населенія уже имѣла права сдѣлаться *штатомъ*, состояло главнымъ образомъ изъ европейскихъ поселенцевъ, противниковъ рабства, то южане рѣшили вытѣснить ихъ. Рядомъ съ Канзасомъ находился рабовладѣльческій штатъ Миссури. Изъ него стали переходить въ Канзасъ цѣлыя шайки разбойниковъ и бузиновъ, дѣйствовавшихъ по наущенію рабовладѣльцевъ и получавшихъ отъ нихъ поддержку. Они нападали на фермы поселенцевъ, грабили ихъ, производили всякія безчинства и часто заставляли мирныхъ землевладѣльцевъ покидать свои жилища и переселяться въ другія мѣста. Южане надѣялись такимъ путемъ удалить изъ Канзаса приверженцевъ сѣверянъ и замѣнить ихъ своими сторонниками, которые стали бы подавать голоса за введеніе невольничества. Сначала сѣверяне молча смотрѣли на продѣлки своихъ противниковъ, но, наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло. Изъ разныхъ штатовъ двинулись вооруженныя толпы на защиту канзасскихъ поселенцевъ; между ними и миссурійскими разбойниками происходили горячія стычки, въ которыхъ было не мало убитыхъ и раненыхъ. Предводителемъ аболиціонистовъ въ Канзасѣ былъ Джонъ Броунъ, одинъ изъ первыхъ борцовъ противъ невольничества, одна изъ первыхъ жертвъ великой борьбы за освобожденіе.

Джонъ Броунъ родился въ 1800 г. въ штатѣ Конектикутъ. Дѣдъ его, капитанъ въ арміи Вашингтона, погибъ во время войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ. Дѣтство и юность его прошли въ пустынныхъ равнинахъ Огейо, населенныхъ индѣйцами и кишѣвшихъ стадами бизоновъ. Отецъ его, переселившійся туда, когда Джону было пять лѣтъ, занимался скотоводствомъ и выдѣлкою кожъ. Мальчикъ съ раннихъ лѣтъ привыкъ бродить съ дикими стадами по безконечнымъ степямъ. Эта жизнь среди вольной природы закалила его, развила въ немъ энергію и самостоятельность. Двѣнадцати лѣтъ онъ, по порученію отца, гонялъ гурты скота чуть не за сто миль отъ дома. Иногда, урывками онъ посѣщалъ школу, но образованіе его ограничилось одною грамотою. Когда ему было 10 лѣтъ, онъ случайно прочелъ нѣсколько историческихъ сочиненій и съ этихъ поръ пристрастился къ чтенію. Главнымъ же учителемъ его была не книга, а жизнь. Странствуя по дѣламъ то съ отцомъ, то одинъ, онъ невольно знакомился съ массою людей, наблюдалъ ихъ взаимныя отношенія,

приглядывался къ самымъ разнообразнымъ обычаямъ и понятіямъ. Отецъ его дружилъ съ индѣйцами, и мальчикъ, научившись ихъ языку, часто проводилъ время въ ихъ семьяхъ. По своимъ торговымъ дѣламъ мистеръ Броунъ, а съ нимъ и маленькій Джонъ бывали какъ въ жилищахъ мелкихъ фермеровъ, такъ и въ роскошныхъ домахъ богатыхъ плантаторовъ. Въ одномъ изъ этихъ домовъ Джону пришлось прожить нѣсколько дней. Хозяева очень ласково отнеслись къ нему, удивлялись его находчивости и смышлености, хвалили его, угощали разными лакомствами. Въ числѣ многочисленной дворни плантатора былъ маленькій негръ-сирота, немного моложе Джона. Его держали, какъ какую-то собачонку, помыкали имъ, били, чѣмъ попало. Несчастная судьба этого ребенка произвела сильное впечатлѣніе на Джона, и онъ тогда же далъ себѣ клятву бороться всѣми способами съ невольничествомъ.

Послѣ смерти отца Джонъ Броунъ сталъ заниматься ремесломъ кожевника и жилъ въ разныхъ городахъ Огайо и Пенсильваніи. Онъ завелъ знакомство съ многими аболиціонистами и создалъ цѣлый планъ борьбы съ невольничествомъ. Для осуществленія этого плана онъ тщательно изучалъ военное дѣло и знакомился съ устройствомъ европейскихъ армій. Сущность плана состояла въ томъ, чтобы набрать отряды хорошо вооруженныхъ волонтеровъ и съ ними дѣлать внезапныя нападенія на плантаціи богатыхъ рабовладѣльцевъ. Онъ разсчитывалъ, что негры примкнутъ къ отрядамъ, а аболиціонисты окажутъ имъ поддержку. Отряды должны были скрываться въ неприступныхъ горахъ и производить свои нападенія врасплохъ такъ, чтобы паника охватила плантаторовъ и они стали бы добровольно отпускать своихъ рабовъ. Джонъ Броунъ, никому не сообщая своего плана, долго разрабатывалъ его со всѣми подробностями, принимая въ расчетъ всѣ неблагопріятныя обстоятельства, всѣ возможныя неудачи.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Броунъ познакомился съ Гериттомъ Смитомъ, богатымъ аболиціонистомъ, владѣльцемъ громадныхъ земель на западѣ. Смитъ отдавалъ неграмъ безплатно участки земли, на которыхъ они могли устраивать фермы. Броунъ обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ:

— Дайте мнѣ участокъ среди поселеній, которыя вы устраиваете. Я знакомъ съ жизнью въ лѣсахъ и пустыняхъ. Я заведу ферму и научу негровъ расчищать и воздѣлывать новую землю. Я постараюсь доставлять имъ заработокъ и вообще буду заботиться о нихъ, какъ отецъ.

Смитъ принялъ это предложеніе, и Джонъ, оставивъ ремесло, дававшее ему хорошій заработокъ, переселился со всей семьей въ пустынный край, гдѣ только что начали появляться хижины негровъ, совершенно не успѣвшихъ устроиться въ новой обстановкѣ. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе и, дѣйствительно, сталъ учителемъ, руководите-

немъ и защитникомъ бѣдныхъ поселенцевъ. При этомъ онъ не терялъ изъ виду своей главной цѣли и, помогая неграмъ устраивать фермы, въ то же время формировалъ изъ нихъ втихомолку отряды волонтеровъ, которые могли бы участвовать въ задуманной имъ экспедиціи.

Между тѣмъ сыновья Броуна выросли, переженились и рѣшили устроиться самостоятельно. Они переселились въ Канзасъ, гдѣ въ это время было много свободныхъ земель. Вскорѣ начались въ Канзасѣ волненія, вслѣдствіе происковъ рабовладѣльцевъ. Джонъ Броунъ не вытерпѣлъ: онъ бросилъ свою ферму, жену, дочерей, и поспѣшилъ туда, гдѣ можно было вести борьбу съ ненавистнымъ ему рабовладѣніемъ. Онъ сталъ во главѣ отряда изъ мѣстныхъ поселенцевъ и, не щадя жизни ни своей, ни своихъ сыновей, бился съ „миссурійскими разбойниками". Въ одной схваткѣ на его отрядъ изъ 30 человѣкъ напали болѣе трехсотъ миссурійцевъ, но онъ разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ сыновей его былъ убитъ, другой взятъ въ плѣнъ и сошелъ съ ума.

Семейныя несчастія не заставили Броуна отступить. Все время, пока продолжалась борьба (1856—1858), онъ былъ въ первыхъ рядахъ бойцовъ, и имя его стало извѣстно по всему союзу. Когда, благодаря его энергіи, одержана была полная побѣда и миссурійцы усмирены, онъ рѣшилъ, что необходимо перенести театръ военныхъ дѣйствій въ невольничьи штаты.

- Освобожденіе мирнымъ путемъ невозможно, писалъ и говорилъ онъ: —дѣло зашло слишкомъ далеко.

Будущее показало, что онъ былъ вполнѣ правъ; но въ то время еще никто не раздѣлялъ его мнѣнія. Канзасскіе поселенцы хотѣли только обезопасить свои фермы отъ набѣговъ рабовладѣльцевъ и боялись наступательной войны; аболиціонисты тоже считали ее преждевременной и не нужной. Оставленный безъ помощи, Броунъ съ небольшимъ отрядомъ своихъ приверженцевъ перешелъ въ Миссури и освободилъ негровъ на нѣсколькихъ плантаціяхъ. Это возбудило противъ него населеніе и власти Канзаса: они боялись, что онъ своими дѣйствіями нарушитъ миръ, который только что начиналъ устанавливаться, и навлечетъ на ихъ штатъ бѣдствія войны. Въ концѣ концовъ онъ принужденъ былъ съ своимъ отрядомъ скрываться въ горахъ, точно атаманъ какой-нибудь разбойничьей шайки. Но и это не сломило его энергіи. Онъ рѣшилъ, что теперь или никогда слѣдуетъ привести въ исполненіе давно задуманный имъ планъ партизанской войны для уничтоженія рабства.

Въ горномъ ущельѣ, на границѣ штатовъ Мэриленда и Виргиніи находился небольшой городокъ Гарперъ-Ферри, съ арсеналомъ, гдѣ хранилась масса разнаго оружія. Съ этого пункта Броунъ задумалъ начать свои военныя дѣйствія.

Онъ нанялъ въ окрестностяхъ его небольшую ферму, въ которой

устроилъ складъ оружія. Тамъ онъ поселился съ нѣсколькими товарищами, подъ видомъ мирнаго фермера, и подробно изучалъ всѣ условія мѣстности. Остальные товарищи его скрывались въ горахъ и по ночамъ появлялись въ домѣ. Весь отрядъ состоялъ изъ 23 человѣкъ, среди которыхъ были три сына, два зятя Броуна и 6 человѣкъ негровъ.

Въ дождливый, темный вечеръ, 16 октября 1859 г., Броунъ собралъ на фермѣ своихъ товарищей и сказалъ имъ:

— Готовьте оружіе, идемъ на Ферри.

Онъ сѣлъ въ приготовленную для него телѣжку, въ которую положенъ былъ тяжелый молотъ, ломъ и другіе инструменты, и маленькій отрядъ двинулся въ путь, раздѣлившись на партіи, чтобы не обратить на себя вниманія. Около моста, уже на виргинской сторонѣ, имъ попался сторожъ, котораго они заарестовали. Арсеналъ находился на набережной. Они остановились около него; при помощи привезенныхъ съ собой инструментовъ взломали запоры воротъ, безъ всякаго шума захватили двухъ сторожей и вошли во дворъ. Джонъ Броунъ съ двумя товарищами остался на часахъ у воротъ: сынъ его Оливеръ съ другимъ товарищемъ запялъ мостъ, захватилъ тамъ нѣсколько человѣкъ и отправилъ къ отцу въ арсеналъ; остальные овладѣли въ это время складомъ оружія. Все произошло тихо, безъ выстрѣла, и къ полуночи весь городокъ Гарперсъ-Ферри съ арсеналомъ и оружейными мастерскими былъ въ рукахъ отряда. Броунъ послалъ часть своихъ людей въ окрестныя плантаціи, чтобы освободить тамошнихъ невольниковъ и взять владѣльцевъ подъ арестъ въ видѣ заложниковъ. Къ утру такихъ плѣнниковъ въ арсеналѣ оказалось больше 30 человѣкъ. До десяти часовъ утра никто изъ отряда Броуна не былъ убитъ. Своимъ дерзкимъ нападеніемъ они навели паническій ужасъ на жителей, такъ что тѣ не осмѣливались сопротивляться. Друзья совѣтовали Броуну быстро отступить и скрыться въ горахъ, но онъ медлилъ: ему все казалось, что негры окрестныхъ плантацій должны взбунтоваться и присоединиться къ нему, что изъ сосѣдняго свободнаго штата можетъ явиться поддержка. Надежда обманула его, а между тѣмъ жители Гарперсъ-Ферри очнулись отъ своего оцѣпенѣнія и стали толпами собираться къ арсеналу. Между ними и отрядомъ Броуна завязалась отчаянная борьба. Вскорѣ большая часть отряда была перебита или захвачена въ плѣнъ. Къ вечеру изъ Вашингтона прибылъ полковникъ Ли съ ротою солдатъ, и сопротивленіе стало невозможно. Два сына Джона Броуна были убиты, самъ онъ тяжело раненъ, изъ его товарищей уцѣлѣло всего четыре человѣка. Полуживого Броуна немедленно перевезли въ Чарльстоунъ (главный городъ Виргиніи) и засадили въ тюрьму вмѣстѣ съ немногими сподвижниками его, оставшимися въ живыхъ. Надъ ними назначено было слѣдствіе, а затѣмъ судъ. Дѣло тянулось шесть недѣль, и все это время Броунъ не переставалъ

и устно и письменно возставать противъ ненавистнаго ему рабства. Судьба этого героя, въ истинномъ значеніи слова, вызывала общее сочувствіе сѣверныхъ штатовъ. Въ газетахъ появились статьи, въ которыхъ старались смягчить сердца его судей; къ нимъ летѣли со всѣхъ концовъ прошенія, покрытыя сотнями подписей,—все напрасно; виргинскіе судьи, рабовладѣльцы, остались непреклонны и приговорили Джона Броуна къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Спокойно и твердо выслушалъ Броунъ этотъ приговоръ. Онъ отдалъ за то дѣло, которое считалъ правымъ, свое состояніе, своихъ любимыхъ дѣтей и теперь отдавалъ самую жизнь! Отправляясь на казнь, онъ передалъ одному изъ тюремщиковъ клочокъ бумаги, на которомъ было написано:

„Я, Джонъ Броунъ, теперь вполнѣ увѣренъ, что только кровь можетъ смыть великое преступленіе этой грѣшной страны..."

И онъ былъ правъ. Дѣйствительно, должна была пролиться кровь и много крови для того, чтобы свершилось великое дѣло, начатое имъ.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ той кровавой, братоубійственной борьбѣ, которая въ теченіе четырехъ лѣтъ раздирала Соединенные Штаты, мы должны познакомить читателя съ исторіей человѣка игравшаго самую выдающуюся роль въ этой борьбѣ и павшаго жертвою ея.

ГЛАВА III.

Жизнь западныхъ поселенцевъ. Трудолюбивый маленькій Абе. Первое письмо. Мачеха Нэнси за книгу. Новыя впечатлѣнія и новыя знакомства. Еще переселеніе.—На военной службѣ.

Осенью 1816 года по узкой проселочной дорогѣ подвигался къ берегамъ Огейо большой фургонъ. Въ этомъ фургонѣ, нагруженномъ всевозможнымъ домашнимъ скарбомъ, помѣщалась женщина, закутанная въ шубу изъ плохо выдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, и дѣвочка лѣтъ девяти. Сильный молодой мужчина съ загорѣлымъ, энергичнымъ лицомъ и семилѣтній мальчикъ, высокій, крѣпкій и подвижной, почти все время шли пѣшкомъ, подгоняя устали хъ лошадокъ. Это былъ Томасъ Линкольнъ, пробиравшійся съ семьей въ пустынныя части Индіаны, гдѣ было еще много свободныхъ земель. Онъ принужденъ былъ бросить свою ферму въ Кентуки, такъ какъ тамъ плохо жилось бѣднымъ поселенцамъ среди богатыхъ плантаторовъ, обрабатывавшихъ свои поля помощью черныхъ рабовъ. Маленькій караванъ медленно подвигался впередъ, останавливаясь по нѣсколько разъ въ день подъ открытымъ небомъ, чтобы дать отдыхъ и себѣ и лошадямъ. Наконецъ они достигли рѣки Огейо и тутъ переѣхали на плоскодон-

ное судно, на которомъ помѣстили и свою повозку съ лошадьми. Путешествіе водой по широкой, красивой рѣкѣ было настоящимъ отдыхомъ для усталыхъ путниковъ. Маленькій Абе (Абраамъ) и сестра его любовались живописными холмистыми берегами, бѣлыми домиками фермеровъ, громадными стадами лошадей и коровъ. Судно довезло ихъ до города Луисвилля, а оттуда опять пришлось пробираться по еле проложеннымъ дорогамъ внутрь страны, къ городку Джентривиллю, недалеко отъ котораго находился участокъ земли, намѣченный Томасомъ Линкольномъ для своего поселенія. Тяжела была жизнь первыхъ поселенцевъ въ пустынныхъ дебряхъ Америки! Но Томасъ Линкольнъ не боялся труда и тотчасъ по пріѣздѣ энергично принялся за дѣло. Для жилья семьи онъ построилъ шалашъ изъ вбитыхъ въ землю кольевъ, закрытый съ трехъ сторонъ. Подъ этимъ навѣсомъ семья прожила цѣлый годъ, пока отецъ расчищалъ землю для пашни и рубилъ деревья для постройки такъ называемаго логъ-гауза. Этотъ логъ-гаузъ была простая избушка изъ неотесанныхъ бревенъ, безъ пола, но съ печкой и съ маленькимъ окошечкомъ. Она состояла всего изъ одной комнаты и чердака. Мебели въ ней было мало: столъ, нѣсколько грубо сколоченныхъ табуретовъ да деревянная кровать съ подстилкой изъ листьевъ. Родители спали на кровати, дѣти завертывались въ шерстяныя одѣяла и ютились зимой поближе къ печкѣ, лѣтомъ поближе къ открытому окну. Маленькій Абе былъ усерднымъ помощникомъ отца во всѣхъ его работахъ. Приходилось рубить большія деревья и отвозить ихъ въ городъ на продажу, выкорчевывать корни и затѣмъ распахивать землю подъ посѣвъ. Абе скоро научился владѣть топоромъ, а управлять лошадьми и волами, на которыхъ производились полевыя работы, онъ умѣлъ еще въ Кентуки. Сильный, дѣятельный мальчикъ цѣлые дни проводилъ то въ лѣсу, то въ полѣ, а длинными, зимними вечерами, когда вся семья собиралась въ единственной комнатѣ своего логъ-гауза, онъ вытаскивалъ одну изъ книгъ, привезенныхъ изъ Кентуки, гдѣ онъ нѣсколько мѣсяцевъ посѣщалъ школу, и перечитывалъ въ сотый разъ страницы своей азбуки, катехизиса и библіи. Письменныхъ принадлежностей ему было неоткуда достать, и, чтобы не разучиться писать, онъ выводилъ буквы на грубо отесанной доскѣ концомъ обугленной палочки.

Участокъ для поселенія выбранъ былъ Томасомъ не удачно. Оказалось, что онъ лежалъ въ болотистой, лихорадочной мѣстности. Вся семья по очереди переболѣла тяжелой, злокачественной лихорадкой, и миссисъ Линкольнъ, никогда не отличавшаяся крѣпкимъ здоровьемъ, не вынесла ея и умерла. Вблизи не было ни кладбища, ни священника. Томасъ своими руками сколотилъ простой гробъ и своими руками вырылъ въ лѣсу могилу поглубже, чтобы сохранить тѣло покойницы отъ дикихъ звѣрей. Очень огорчала его мысль, что жена его была погребена безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ, безъ

установленныхъ молитвъ. Но пасторъ жилъ верстъ за сто отъ поселка, ѣхать за нимъ Томасъ не могъ, а написать ему письмо не умѣлъ. Тогда за это дѣло взялся маленькій Авраамъ. Въ сосѣднемъ городкѣ достали листъ бумаги, перо, чернила, и мальчикъ принялся крупными неуклюжими буквами выводить слова, которыя диктовалъ ему отецъ. Когда все письмо было окончено, Авраамъ съ гордостью прочелъ свое произведеніе отцу и сестрѣ. Томасъ смотрѣлъ на сына, какъ на какое-то чудо: вѣдь это былъ первый изъ Линкольновъ, умѣвшій написать письмо.

Смерть матери, необыкновенно доброй, любящей женщины, была тяжелымъ ударомъ для дѣтей. Абе и сестра его сильно тосковали по ней. Отцу приходилось нерѣдко отлучаться изъ дому по дѣламъ, и они чувствовали себя совсѣмъ несчастными, заброшенными сиротами. Томасъ вполнѣ понималъ чувства дѣтей, онъ былъ самъ словно потерянный безъ хозяйки въ домѣ, безъ вѣрной помощницы, съ которой привыкъ дѣлить всѣ горести и радости своей бѣдной жизни. И вотъ, черезъ годъ послѣ смерти миссисъ Линкольнъ, отправившись по дѣламъ въ Кентуки, онъ вернулся оттуда не одинъ, а со второй женой и ея тремя дѣтьми отъ перваго мужа. Уединенный логъ-гаузъ оживился. Новая миссисъ Линкольнъ была женщина дѣятельная, энергичная и въ то же время очень добродушная. Она сразу отнеслась къ сиротамъ съ самою нѣжною заботливостью. Такъ какъ она принесла мужу небольшое приданое, то могла произвести въ домѣ нѣкоторыя улучшенія. Къ логъ-гаузу сдѣлана была пристройка, въ комнатахъ настлали полъ, къ великому удивленію дѣтей, въ нихъ появилась настоящая мебель: хорошіе столы, стулья, кровати, шкапы. Въ домикѣ стало уютно и удобно. Дѣтямъ сдѣлали новыя платья и бѣлье; мачеха заботилась, чтобы они были сыты, чтобы вокругъ нихъ все было чисто. Авраамъ скоро сталъ ея любимцемъ. Она замѣтила, какой онъ способный и любознательный мальчикъ, какъ ему хочется учиться, и стала всѣми силами помогать ему. Она была сравнительно образованная женщина и охотно дѣлилась всѣми своими знаніями съ мальчикомъ, который никогда не уставалъ задавать ей вопросы и выслушивать ея объясненія. Ей удалось добыть еще двѣ-три книги для чтенія, а когда въ околоткѣ появилось нѣсколько новыхъ поселенцевъ и открыта была школа, она стала посылать туда Авраама. Въ прибавку къ его азбукѣ отецъ купилъ ему на базарѣ трепаную ариѳметику, и съ этими двумя книгами мальчикъ сталъ каждый день ходить въ школу и усердно заниматься счетомъ и письмомъ. Къ сожалѣнію, школа просуществовала нѣсколько недѣль, и многаго пріобрѣсти въ ней мальчикъ не успѣлъ. Ему опять пришлось заниматься одному или съ помощью мачехи. Только черезъ четыре года въ поселкѣ открылась новая школа, учитель которой былъ очень свѣдущій человѣкъ, но нѣсколько странный: кромѣ обычныхъ предметовъ преподаванія, онъ

вздумалъ обучать своихъ учениковъ, сыновей грубыхъ поселенцевъ, хорошимъ манерамъ и искусству держать себя въ обществѣ; онъ заставлялъ ихъ ходить, садиться, раскланиваться по всѣмъ правиламъ хорошаго тона. И длинный неуклюжій Авраамъ покорно продѣлывалъ все, что приказывалъ учитель, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда онъ отъ поклоновъ перейдетъ къ рѣшенію ариѳметическихъ задачъ или къ объясненію правилъ правописанія.

Аврааму было лѣтъ 12, когда онъ узналъ, что у одного изъ ихъ сосѣдей поселенцевъ есть книга: „Жизнь Джорджа Вашингтона". Онъ тотчасъ отправился къ счастливому обладателю этой книги и выпросилъ ее себѣ почитать. Съ захватывающимъ интересомъ читалъ онъ исторію знаменитаго основателя Американской республики. Какъ только выдавалась свободная минута, онъ съ жадностью хватался за книгу. Но не успѣлъ онъ прочесть и половины ея, какъ случилась неожиданная бѣда: драгоцѣнная книга какъ-то случайно попала подъ сильный дождь и вся смокла. Авраамъ былъ въ отчаяніи, но не колебался, что дѣлать. Высушивъ и разгладивъ несчастные листы, онъ немедленно отправился къ владѣльцу книги и чистосердечно разсказалъ ему, что случилось. „Я радъ бы заплатить вамъ за книгу, прибавилъ онъ, но у меня нѣтъ денегъ: если вы позволите, я могу что-нибудь поработать для васъ.

– Хорошо, согласился собственникъ книги, – вонъ у меня жнутъ кукурузу! Поработай три дня въ полѣ, и я совсѣмъ отдамъ тебѣ книгу.

Авраамъ съ радостью согласился. Три дня усердно работалъ онъ съ зари до зари и по окончаніи этихъ трехъ дней съ гордою радостью взялъ въ руки свою первую собственность, пріобрѣтенную тяжелымъ трудомъ.

Въ 18 лѣтъ Авраамъ Линкольнъ былъ юноша высокаго роста, съ неуклюжей, нескладной фигурой, съ необыкновенно длинными руками и ногами, съ маленькой головой, покрытой волосами, не повиновавшимися ни щеткѣ, ни гребенкѣ, здоровый, сильный, мускулистый, не брезгавшій никакой работой.

Благодаря его помощи, Томасу Линкольну удалось расчистить и распахать довольно большой участокъ земли и вообще завести порядочное хозяйство. Не довольствуясь работой дома, онъ еще нанимался поденщикомъ къ сосѣдямъ, нарасхватъ приглашавшимъ сильнаго, добродушнаго парня, который однимъ ударомъ топора валилъ толстыя деревья, не отступалъ ни передъ какимъ трудомъ, ни передъ какой опасностью и при этомъ постоянно сохранялъ бодрое, веселое расположеніе духа, простодушно смѣялся чужой шуткѣ и всѣхъ смѣшилъ своими разсказами и прибаутками.

Однако, исключительно физическая работа стала все менѣе и менѣе удовлетворять молодого человѣка. Его неудержимо тянуло къ

книгѣ и къ обществу людей болѣе образованныхъ, чѣмъ грубые, безграмотные поселенцы. Поэтому онъ съ удовольствіемъ занимался то помощникомъ къ столяру, то приказчикомъ къ одному купцу въ сосѣднемъ городкѣ Джентривиллѣ. Тамъ ему удалось добыть себѣ нѣсколько книгъ, между прочимъ „Жизнеописанія Плутарха“ и „Исторію Соединенныхъ Штатовъ“, которыми онъ зачитывался по ночамъ послѣ цѣлаго дня работы. Кромѣ того, въ городкѣ нерѣдко происходили собранія (митинги), на которыхъ обсуждались разные общественные вопросы. Авраамъ не пропускалъ ни одного изъ такихъ собраній. Онъ внимательно вслушивался во все, что говорили ораторы, и, обладая громадною памятью, почти дословно повторялъ ихъ рѣчи своимъ товарищамъ, съ которыми затѣмъ горячо обсуждалъ вопросы, поднятые на митингѣ.

Въ городѣ молодой Линкольнъ скоро пріобрѣлъ себѣ столько же друзей, какъ и на фермахъ. Его трудолюбіе, честность и смышленость были всѣмъ извѣстны, и когда богатый домовладѣлецъ городка, мистеръ Джентри вздумалъ спарядить большой плотъ и отправить на немъ въ Орлеанъ грузъ свинины и другихъ мѣстныхъ произведеній, онъ не задумываясь предложилъ Аврааму гнать этотъ плотъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Предпріятіе это представляло такія трудности и опасности, которыхъ при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія почти невозможно представить себѣ. Большой плотъ приходилось гнать внизъ по Миссисипи 2400 верстъ при помощи одного бортоваго весла. Рѣка была завалена громадными деревьями, свалившимися въ нее съ подмытыхъ водою береговъ, и длинными бревнами, кружившимися по поверхности. На берегахъ скрывались шайки разбойниковъ, поселенцевъ, которымъ не удалось устроиться въ Новомъ Свѣтѣ, и бѣглыхъ рабовъ-негровъ. Каюты на плоту не полагалось, огня нельзя было разводить, толстыя одѣяла являлись единственною защитою отъ холода и непогоды. Несмотря на это, и Авраамъ и его молодой спутникъ вполнѣ наслаждались путешествіемъ, которое давало имъ возможность увидать новую, неизвѣстную имъ мѣстность. Новый Орлеанъ былъ первый большой городъ, съ которымъ познакомился Линкольнъ, и въ этомъ городѣ ему пришлось натолкнуться на такія сцены, которыя глубоко запали ему въ душу и оставили въ ней неизгладимые слѣды. Онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ изувѣченныхъ негровъ, одного безъ руки (въ Новомъ Орлеанѣ отрубали рабу руку, если онъ осмѣливался поднять ее на своего господина), другого на костыляхъ (вслѣдствіе долгаго сидѣнья на цѣпи у него образовались раны, которыя приняли такой злокачественный характеръ, что пришлось отнять объ ноги), наконецъ онъ натолкнулся на цѣлую партію рабовъ, выведенныхъ на продажу.

Долго заживаться въ столицѣ юга молодымъ людямъ не приходилось; они сдали свой грузъ и отправились въ обратный путь, при

чемъ имъ приходилось вести свой плотъ, нагруженный новоорлеанскими товарами, уже противъ теченія.

Хотя Томасу Линкольну удалось значительно расширить хозяйство, но онъ не былъ вполнѣ доволенъ своимъ мѣстомъ жительства среди угрюмыхъ лѣсовъ Индіаны. Его давно тянуло еще дальше на западъ, въ штатъ Иллинойсъ, гдѣ у него были родные и гдѣ, по слухамъ, было много незанятой, плодородной земли. Въ началѣ 1830 г. онъ продалъ свою ферму и со всей семьей, состоявшей уже изъ 12 человѣкъ, такъ какъ замужнія дочери миссисъ Линкольнъ присоединились къ нимъ со своими мужьями и дѣтьми, въ огромномъ фургонѣ, запряженномъ четырьмя волами, двинулся въ путь. Проѣхать имъ пришлось около 300 верстъ, и только черезъ двѣ недѣли достигли они цѣли пути. Земли въ Иллинойсѣ были, дѣйствительно, лучше, чѣмъ въ Индіанѣ. Участокъ Линкольна состоялъ изъ роскошныхъ луговъ, и для превращенія ихъ въ поля и табачныя плантаціи не нужно было выкорчевывать вѣковыя деревья. Но во всякомъ случаѣ, первое устройство на новомъ мѣстѣ требовало усиленныхъ трудовъ, и Авраамъ опять явился дѣятельнымъ помощникомъ отца. Въ сущности жизнь поселенца въ пустынной странѣ порядкомъ надоѣла ему, и онъ велъ ее только ради семьи. Главнымъ образомъ его руками выстроена была просторная бревенчатая изба и новыя владѣнія обнесены крѣпкимъ заборомъ. Продовольствіе семьи дичью тоже лежало на его обязанности. Безъ этого первое время, пока переселенцы не обзавелись ни скотомъ, ни собственнымъ хлѣбомъ, имъ часто приходилось бы голодать.

Авраамъ пробылъ со своими, пока они устроились окончательно на новосельѣ, а затѣмъ ушелъ искать заработковъ на сторонѣ. Опять пришлось ему побывать въ Новомъ Орлеанѣ. Одинъ купецъ изъ города Нью-Салема поручилъ ему сплавить туда грузъ кукурузы и свинины, и онъ такъ хорошо исполнилъ это порученіе, что мистеръ Оффетъ, какъ звали купца, предложилъ ему мѣсто приказчика въ своемъ товарномъ складѣ. Въ этомъ складѣ продавались разнообразные предметы, необходимые для переселенцевъ, и въ покупателяхъ никогда не было недостатка. Число ихъ еще болѣе увеличилось, когда за прилавкомъ появился расторопный, услужливый, веселый Авраамъ Линкольнъ. Поселенцамъ, пріѣзжавшимъ изъ глухихъ мѣстъ, мало было купить нужную вещь, имъ хотѣлось еще перемолвиться словцомъ-другимъ съ добрымъ человѣкомъ, а Линкольнъ былъ для нихъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ зналъ ихъ жизнь, входилъ въ ихъ интересы, а съ другой стороны, онъ читалъ газеты, онъ могъ разсказать имъ и городскія новости и все, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Мало-по-малу лавка Оффета превратилась въ настоящій клубъ, и на много миль въ окружности Линкольнъ пріобрѣлъ извѣстность, не только какъ честный, аккуратный торговецъ, но и какъ знающій,

дѣловитый человѣкъ. Занятія въ лавкѣ оставляли ему сравнительно много свободнаго времени, и онъ посвящалъ его самообразованію. Небольшого жалованья, какое онъ получалъ, не хватало на покупку порядочнаго платья и книгъ, но онъ не стѣсняясь ходилъ съ дырками на локтяхъ и заплатами на колѣняхъ, но всякую лишнюю копѣйку употреблялъ на пріобрѣтеніе книгъ.

Въ общемъ онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ и сильно огорчился, когда въ немъ произошла неожиданная перемѣна. Офретъ запутался въ дѣлахъ, оказался банкротомъ, принужденъ былъ закрыть свой складъ, и Линкольнъ остался безъ мѣста.

Пока онъ искалъ себѣ какой-нибудь работы, случилось событіе, которое, по его собственнымъ словамъ, повернуло жизнь его „въ совершенно новую колею“.

Въ то время краснокожіе индѣйцы были еще довольно многочисленны, раздѣлялись на многія воинственныя племена и кочевали по обширнымъ равнинамъ запада Америки. Бѣлые поселенцы мало-по-малу вытѣснили ихъ сначала за Аллеганы, затѣмъ за Огейо и, наконецъ, по послѣднему договору, рѣка Миссисипи должна была составлять границу между владѣніями „блѣднолицыхъ“ и краснокожихъ. Этотъ договоръ одинаково плохо соблюдался обѣими сторонами. Часто случалось, что индѣйцы въ своихъ маленькихъ лодочкахъ переправлялись на восточный берегъ Миссисипи, грабили и жгли отдѣльно стоявшія фермы; но еще чаще бѣлые охотники отправлялись въ индѣйскія владѣнія и возвращались оттуда съ богатой добычей или даже оставались тамъ, устраивая среди лѣсной глуши маленькіе укрѣпленные поселки. Индѣйцы много разъ обращались къ правительству Соединенныхъ Штатовъ съ жалобой на такія вторженія бѣлыхъ, но такъ какъ эти жалобы оставались безъ послѣдствій, то они рѣшили сами расправиться съ обидчиками. Одинъ изъ ихъ предводителей, по прозванію „Черный Соколъ“, соединилъ подъ свою властью нѣсколько племенъ и двинулся съ ними на бѣлыхъ. Они перешли Миссисипи и напали врасплохъ на поселенія бѣлыхъ, всюду распространяя ужасъ и разореніе: они поджигали дома, убивали поселенцевъ, угоняли ихъ скотъ.

Губернаторъ Иллинойса выслалъ противъ нихъ небольшіе отряды регулярной милиціи, имѣвшіеся въ штатѣ, и призывалъ волонтеровъ принять участіе въ защитѣ своихъ собратій. Линкольнъ однимъ изъ первыхъ откликнулся на этотъ призывъ, при чемъ, къ своему удивленію, былъ избранъ капитаномъ роты. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что никакое отличіе не доставило ему такого удовольствія, какъ этотъ знакъ довѣрія и уваженія товарищей. Война съ „Чернымъ Соколомъ“ не принесла большой славы американскому оружію. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ генералъ Кассъ, человѣкъ мало способный и плохо знакомый съ индѣйскими обычаями. Онъ готовился раз-

бить врага въ генеральномъ сраженіи, а Черный Соколъ избѣгалъ рѣшительныхъ битвъ: послѣ всякой мелкой стычки войска его разбѣгались во всѣ стороны, исчезали неизвѣстно куда, а черезъ нѣсколько дней появлялись гдѣ-нибудь за десятки миль, производя новыя убійства и опустошенія. Весь походъ состоялъ въ безплодныхъ поискахъ непріятеля. Отряду Линкольна такъ и не удалось ни разу встрѣтиться съ нимъ. Тѣмъ не менѣе войску приходилось испытывать не мало лишеній и дѣлать трудные переходы по дикой странѣ, гдѣ не было никакихъ путей сообщенія. Линкольнъ впослѣдствіи съ насмѣшкой отзывался о своей военной службѣ. „Генералъ Кассъ, правда, превзошелъ меня въ собираніи черники, но зато я положительно превзошелъ его въ смѣлыхъ нападеніяхъ на дикій лукъ, писалъ онъ. Если ему удалось встрѣтить живого, сражающагося индѣйца, то онъ, несомнѣнно, видѣлъ больше моего; зато я выдержалъ нѣсколько кровопролитныхъ стычекъ съ москитами и, хотя не лишался чувствъ отъ потери крови, зато очень часто умиралъ отъ голода".

Война продолжалась три мѣсяца и кончилась съ наступленіемъ зимнихъ морозовъ. Рѣшено было подтвердить прежній договоръ и попрежнему считать Миссисипи границею между воевавшими сторонами.

ГЛАВА IV.

Землемѣръ, адвокатъ и общественный дѣятель.—Дѣло Армстронга. Борьба въ законодательномъ собраніи и въ конгрессѣ.—Техасъ и Калифорнія.—„Домъ, въ которомъ царитъ раздоръ, не можетъ устоять". Высокомѣріе южанъ. Палка вмѣсто словъ.

Участіе въ походѣ не доставило Линкольну военной славы, но оно въ другомъ отношеніи имѣло для него важное значеніе. До тѣхъ поръ онъ, по собственному признанію, всего больше гордился своею физическою силою и ловкостью.

– Можетъ-быть, ни одинъ богачъ, владѣющій сотнями тысячъ долларовъ, не посматриваетъ на свои сокровища съ большею нѣжностью и съ большимъ самодовольствомъ, чѣмъ я на свои руки. Голова у меня кружилась отъ плановъ, и основаніемъ всѣхъ этихъ плановъ всегда были мои плечи и руки.

Военная служба показала ему, что онъ можетъ работать не только руками. Всѣ служившіе въ его ротѣ,—а среди нихъ были молодые люди, получившіе правильное школьное образованіе, всѣ единогласно признавали недюжинный умъ, находчивость, тактичность своего капитана, успѣвавшаго нѣсколькими словами ободрить унывающихъ, успокоить потерпѣвшихъ, заставить всѣхъ покорно переносить непріятности похода.

— Оказалось, по вѣрному исчисленію, что мой языкъ вѣситъ гораздо больше, чѣмъ мои обѣ длинныя руки! съ своимъ обычнымъ юморомъ замѣчаетъ Линкольнъ. И онъ рѣшилъ не возвращаться болѣе къ топору и сохѣ, а обратить все вниманіе на свое образованіе, чтобы имѣть возможность съ честью занимать какую-нибудь общественную должность. Ради куска хлѣба ему пришлось взять мѣсто приказчика въ лавкѣ одного купца, а затѣмъ мѣсто помощника землемѣра. Для землемѣра нужны были спеціальныя знанія, но это не остановило Линкольна. Онъ засѣлъ за книги и черезъ шесть недѣль зналъ все, что нужно. Землемѣрной работы было въ это время въ Иллинойсѣ очень много, такъ какъ безпрестанно являлись новыя партіи переселенцевъ, для которыхъ нужно было отмѣривать и отмежевывать землю. Нерѣдко приходилось работать въ первобытныхъ лѣсахъ и прежде, чѣмъ браться за инструменты, пробивать себѣ дорогу топоромъ. Часто по нѣскольку ночей проводилъ онъ подъ открытымъ небомъ, нерѣдко заставалъ его въ открытомъ полѣ противный дождь, рѣзкій холодъ, буря и непогода. Несмотря на все это, онъ находилъ время для чтенія и тратилъ на книги значительную часть своего болѣе чѣмъ скромнаго заработка. Чтобы увеличить этотъ заработокъ, онъ взялъ на себя должность почтмейстера въ Нью-Салемѣ. Должность эта была не затруднительна: почта прибывала въ городокъ разъ въ недѣлю и приносила очень немного писемъ и газетъ. Но Линкольнъ не довольствовался простой раздачей писемъ. Онъ прочитывалъ ихъ для неграмотныхъ получателей и читалъ вслухъ газеты обывателямъ, обыкновенно толпой собиравшимся къ его конторѣ.

Извѣстность Линкольна все болѣе росла, и не удивительно, что когда въ 1834 г. въ штатѣ Иллинойсѣ происходили выборы въ законодательное собраніе, одинъ изъ округовъ выставилъ его своимъ кандидатомъ. Для него самого это было такимъ сюрпризомъ, что онъ сначала подумалъ, не смѣются ли надъ нимъ пріятели. Онъ и не подозрѣвалъ, какимъ довѣріемъ и уваженіемъ пользовался среди своихъ согражданъ.

— Линкольнъ самый знающій человѣкъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ! говорилъ про него бывшій хозяинъ, Оффетъ, и многіе готовы были подтвердить это мнѣніе.

Въ то время въ Соединенныхъ Штатахъ уже рѣзко обозначились двѣ партіи: южанъ, называвшихъ себя демократами, и сѣверянъ, или республиканцевъ.

Линкольна выставила кандидатомъ партія сѣверянъ, къ которой принадлежало большинство въ Иллинойсѣ.

Какъ, неужели это нашъ кандидатъ? Неужели наша партія не нашла никого получше? удивился одинъ избиратель, въ первый разъ увидѣвшій Линкольна съ его неуклюжей фигурой и поношеннымъ платьемъ.

– Пойдите на митингъ и послушайте, какъ онъ говоритъ! отвѣчали ему.

Избиратель вернулся съ митинга въ полномъ восторгѣ.

– Помилуйте, говорилъ онъ, да противъ него никто не устоитъ! Онъ знаетъ больше, чѣмъ всѣ остальные кандидаты, взятые вмѣстѣ!

И Линкольнъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ.

Въ первую сессію онъ говорилъ очень мало. Онъ только наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ, старался основательно познакомиться съ дѣлами и слушалъ другихъ ораторовъ.

Онъ близко сошелся со многими членами законодательнаго собранія и между прочимъ съ однимъ адвокатомъ, мистеромъ Джономъ Стюартомъ.

Ему онъ признался, что мечтаетъ тоже приготовиться къ адвокатскому званію, и спрашивалъ у него, возможно ли это. Мистеръ Стюартъ горячо совѣтовалъ ему не бросать этого намѣренія и снабдилъ его книгами, которыя необходимо было изучить, чтобы получить званіе адвоката.

По окончаніи сессіи, Линкольнъ вернулся въ Нью-Салемъ къ своимъ землемѣрнымъ работамъ и въ то же время съ жаромъ принялся за чтеніе книгъ, полученныхъ отъ Стюарта.

Въ три года онъ приготовился къ экзамену и въ 1837 г. получилъ званіе адвоката. Стюартъ пригласилъ его къ себѣ въ компаньоны, и они вмѣстѣ поселились въ городѣ Спрингфильдѣ, въ который была въ это время перенесена столица штата.

Адвокатская дѣятельность Линкольна пошла очень успѣшно. У него была удивительная способность быстро схватывать самую суть дѣла. Въ его рѣчахъ не было пышныхъ, трескучихъ фразъ, но онъ всегда вполнѣ ясно излагалъ свою мысль, дѣлалъ мѣткія сравненія и остроумныя сопоставленія, трогалъ слушателей своею искренностью и задушевностью. Онъ никогда не брался за дѣло, въ правотѣ котораго не былъ увѣренъ, и охотно принималъ на себя защиту слабыхъ и угнетенныхъ противъ сильныхъ. Корыстолюбія въ немъ не было ни малѣйшаго. Онъ не только ничего не бралъ съ бѣдняковъ, но даже самъ помогалъ имъ деньгами и всегда самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывался защищать того, кого считалъ виноватымъ, хотя бы могъ получить за это весьма крупную сумму.

Одно дѣло, выигранное имъ, особенно упрочило его извѣстность, какъ хорошаго адвоката. Въ маленькомъ городкѣ Питербургѣ былъ убитъ на улицѣ одинъ молодой человѣкъ, пользовавшійся общими симпатіями, и свидѣтели показали, что убійцей его былъ нѣкто Армстронгъ. Линкольнъ одно время жилъ въ работникахъ у отца этого Армстронга и хорошо зналъ всю его семью, зналъ и молодого Армстронга, какъ юношу легкомысленнаго, увлекающагося, но не способнаго на такое ужасное преступленіе.

Онъ взялся быть его защитникомъ на судѣ, хотя всѣ утверждали, что это дѣло совершенно безнадежно, что свидѣтельскія показанія вполнѣ достовѣрны и что, отказываясь признать себя виновнымъ, преступникъ только ухудшаетъ свое положеніе. Всѣ газеты возстали противъ несчастнаго. Населеніе города было такъ возбуждено противъ него, что пришлось удвоить стражу около тюрьмы, въ которой онъ содержался.

Линкольнъ, по своему обыкновенію, прежде всего тщательно изучилъ дѣло, а затѣмъ со спокойною увѣренностью явился въ назначенный день въ залу суда. Начались свидѣтельскія показанія: всѣ они были противъ подсудимаго. Главный свидѣтель разсказывалъ, что онъ ясно видѣлъ, какъ Армстронгъ подрался съ убитымъ и вонзилъ ножъ ему въ сердце.

Въ отвѣтъ на вопросы Линкольна онъ показалъ, что дѣло происходило въ половинѣ десятаго вечера и что въ это время луна ярко свѣтила.

Тогда Линкольнъ потребовалъ календарь и показалъ, что въ этотъ вечеръ луна взошла только въ 11 часовъ. Свидѣтель смутился, вся зала пришла въ волненіе. Впечатлѣніе было еще болѣе усилено горячею, прочувствованною рѣчью молодого адвоката, который умолялъ присяжныхъ отрѣшиться отъ всякихъ предубѣжденій противъ подсудимаго, не обвинять его безъ ясныхъ уликъ, по наговору человѣка, который находится во враждѣ съ нимъ и, очевидно, не заслуживаетъ довѣрія.

— Прежде, чѣмъ солнце зайдетъ сегодня, закончилъ онъ, подымая руку къ заходящему свѣтилу, лучи котораго вливались въ залу, — прежде, чѣмъ солнце зайдетъ сегодня, этотъ человѣкъ долженъ быть свободенъ!

Присяжные не долго совѣщались и черезъ четверть часа вынесли приговоръ: „Не виновенъ!“ Въ залѣ многіе плакали отъ волненія, лжесвидѣтель поспѣшилъ уйти, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ со стороны присутствовавшихъ; чувства стариковъ Армстронговъ и ихъ сына не поддаются описанію.

— Спаситель мой! проговорилъ молодой человѣкъ задыхающимся голосомъ и съ рыданьемъ бросился обнимать своего счастливаго адвоката.

Въ то время среди американскихъ адвокатовъ существовалъ обычай разъѣзжать по своему округу, останавливаясь въ тѣхъ городахъ, гдѣ происходили засѣданія суда.

Линкольнъ сначала долженъ былъ для этихъ разъѣздовъ занимать лошадь у знакомыхъ, а потомъ, когда завелъ свою собственную, то самъ и ухаживалъ за нею, исполняя обязанности конюха. Такъ какъ въ то время въ Иллиной̆сѣ было мало порядочныхъ дорогъ, то онъ отправлялся обыкновенно верхомъ подъ старымъ колен-

коровьимъ зонтикомъ для защиты отъ дождя или отъ палящихъ лучей солнца.

Во время этихъ странствій онъ всегда бралъ съ собой нѣсколько книгъ и пользовался каждой свободной минутой для пополненія своихъ знаній.

Иногда, проѣзжая узкой лѣсной дорожкой и встрѣчая дровосѣка, занятаго рубкой деревьевъ, онъ, вспоминая свои юношескіе годы въ родномъ домѣ, слѣзалъ съ лошади, бралъ топоръ и, къ великому удивленію работника, разрубалъ на-двое какое-нибудь толстое бревно.

Несмотря на безкорыстіе Линкольна, адвокатская дѣятельность давала ему средства жить безбѣдно и даже помогать отцу. Аккуратно, каждый годъ посылалъ онъ ему небольшую сумму денегъ, а на имя мачехи купилъ участокъ земли въ 50 десятинъ изъ своихъ первыхъ заработковъ въ Спрингфильдѣ.

Въ то же время продолжалась и его политическая дѣятельность. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ былъ онъ членомъ законодательнаго собранія Иллинойса и успѣлъ заслужить такое уваженіе своихъ сотоварищей, что два года избирался предсѣдателемъ собранія. Главный вопросъ, раздѣлявшій въ то время народныхъ представителей, какъ въ конгрессѣ, такъ и въ законодательныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ, былъ вопросъ о невольничествѣ. Линкольнъ былъ всегда рѣшительнымъ противникомъ рабовладѣнія, но въ то время держался еще очень умѣренныхъ взглядовъ. Когда одинъ изъ представителей рабовладѣльческой партіи, нѣкто Стефанъ Дугласъ, внесъ въ собраніе проектъ закона, по которому всякое дѣйствіе, клонящееся къ уничтоженію невольничества, должно признаваться преступленіемъ, Линкольнъ горячо возсталъ противъ этого проекта; а когда поднялся вопросъ объ уничтоженіи рабства въ округѣ Колумбіи, онъ присоединился къ мнѣнію лицъ, утверждавшихъ, что, на основаніи конституціи Соединенныхъ Штатовъ, конгрессъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ вопросъ о невольничествѣ въ отдѣльныхъ штатахъ и что онъ можетъ отмѣнить рабство въ Колумбіи не иначе, какъ по желанію самихъ жителей округа.

Въ 1842 году Линкольнъ женился на очень умной, образованной дѣвушкѣ, мисъ Мери Тоддъ, и года два прожилъ въ Спрингфильдѣ, занимаясь исключительно адвокатской практикой и наслаждаясь семейнымъ счастьемъ. Но отстраниться надолго отъ общественныхъ дѣлъ онъ не могъ. Настали президентскіе выборы [1]). До тѣхъ поръ почти всѣ президенты принадлежали къ партіи вигами: на этотъ разъ сѣверяне выставили кандидатомъ очень умнаго государственнаго человѣка, Генри Клея. Линкольнъ горячо принялся поддерживать эту кандидатуру. Онъ разъѣзжалъ по всему штату, и всюду произносилъ

[1]) Президентъ Соединенныхъ Штатовъ избирается на 4 года.

рѣчи, въ которыхъ доказывалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ преимущества Клея передъ прочими кандидатами, въ особенности передъ кандидатами демократовъ. Его усилія не увѣнчались успѣхомъ. Партія южанъ была слишкомъ сильна, и кандидатъ сѣверянъ не получилъ большинства. Зато на судьбу самого Линкольна эти разъѣзды и эти хлопоты не остались безъ вліянія. Онъ пріобрѣлъ такую извѣстность, какъ дѣльный, знающій человѣкъ и притомъ отличный ораторъ, что, когда, два года спустя, начались выборы депутатовъ въ конгрессъ, онъ былъ избранъ въ Иллинойсѣ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Линкольнъ отправился въ Вашингтонъ почти одновременно съ своимъ политическимъ противникомъ, Стефаномъ Дугласомъ, который былъ избранъ сенаторомъ того же штата Иллинойса.

Въ столицѣ штатовъ иллинойскій депутатъ имѣлъ случай познакомиться съ самыми крайними представителями тѣхъ партій, на которыя раздѣлялся въ то время союзъ. Съ одной стороны были аболиціонисты, требовавшіе уничтоженія рабства цѣною какихъ бы то ни было жертвъ, и республиканцы, утверждавшіе, что конгрессъ въ своихъ постановленіяхъ долженъ имѣть въ виду благо всего государства, а не отдѣльныхъ штатовъ и что штаты обязаны безусловно повиноваться общей правительственной власти; съ другой—рабовладѣльцы, кричавшіе, что никто не имѣетъ права посягать на учрежденіе, освященное и религіей и многими разумными государственными людьми, и демократы, доказывавшіе, на основаніи конституціи, что Соединенные Штаты есть союзъ свободныхъ государствъ, соединившихся по доброй волѣ, ради опредѣленной цѣли, и имѣющихъ полное право не допускать вмѣшательства конгресса въ свои мѣстныя дѣла. Въ конгрессѣ всѣ эти партіи имѣли своихъ представителей и вели въ то время ожесточенную борьбу по поводу Техаса и сѣверныхъ провинцій Мексики. Первая рѣчь Линкольна касалась именно этого вопроса. Онъ горячо протестовалъ противъ присоединенія Техаса, какъ рабовладѣльческаго штата, и въ особенности противъ распространенія закона о невольничествѣ на сѣверныя области Мексики, завоеванныя американцами. Его рѣчь произвела большое впечатлѣніе; ея достоинства признавали не только друзья, но и враги, хотя ему и не удалось отстоять того дѣла, за которое онъ говорилъ.

Вслѣдъ за Техасскимъ вопросомъ возникъ Калифорнійскій. Калифорнія тоже принадлежала Испаніи и была страной дикой, мало изслѣдованной, населенной кочующими индѣйскими племенами, пока въ ней не появились предпріимчивые американцы. Испанцы и не подозрѣвали о существованіи въ богатыхъ золотыхъ пріисковъ, а цѣлыя тысячи дѣятельныхъ янки уже принялись разрабатывать ихъ. Въ 1848 г. большинство населенія Калифорніи составляли американцы, которые настоятельно желали присоединиться къ Сѣверо-Американ-

скому союзу въ качествѣ новаго штата. Такъ какъ въ Калифорніи рабовладѣнія не существовало, то, очевидно, она должна была бы составить свободный штатъ, и вотъ, вслѣдствіе этого, южане горячо воспротивились присоединенію ея къ союзу. До тѣхъ поръ союзъ состоялъ изъ 15 свободныхъ и 15 рабовладѣльческихъ штатовъ. Присоединеніе Калифорніи дало бы перевѣсъ сѣверянамъ, чего южане ни въ какомъ случаѣ не могли допустить. Въ конгрессѣ, въ сенатѣ, на митингахъ и общественныхъ собраніяхъ велась ожесточенная борьба, которая кончилась только въ 1850 году соглашеніемъ, проектъ котораго предложилъ Генри Клей, и которое показываетъ, насколько сильна была въ то время партія юга. Три главные пункта этого соглашенія были слѣдующіе: 1) Калифорнія принимается въ союзъ въ качествѣ свободнаго штата. 2) Рабство распространяется на области, присоединенныя отъ Мексики. 3) Законъ о поимкѣ убѣжавшихъ рабовъ долженъ съ полною строгостью примѣняться во всѣхъ штатахъ.

Линкольнъ не былъ членомъ конгресса въ то время, когда тамъ было принято это соглашеніе. Пробывъ два года депутатомъ, онъ не имѣлъ права баллотироваться на слѣдующее двухлѣтіе и жилъ въ Спрингфильдѣ, занимаясь адвокатурой и борьбой съ враждебной партіей въ своемъ штатѣ. Какъ только Дугласъ появлялся въ какой-нибудь части Иллинойса и произносилъ рѣчь въ защиту невольничества, такъ Линкольнъ считалъ своею обязанностью спѣшить туда же и возражать ему въ томъ же мѣстѣ. Особенно горячо возставалъ онъ противъ предложеннаго Дугласомъ такъ называемаго Канзасъ-Небраскаго закона, въ силу котораго всѣ вновь образующіеся на западѣ штаты имѣли право сами рѣшать вводить или не вводить у себя невольничество. Линкольнъ понималъ, что этотъ законъ вызоветъ сильныя смуты, и происшествія въ Канзасѣ вполнѣ оправдали его опасенія. Казнь несчастнаго Броуна, высокомѣріе, съ какимъ южане держали себя въ конгрессѣ, ихъ беззаконныя продѣлки въ Канзасѣ и другихъ пограничныхъ штатахъ — все это волновало его до глубины души. Онъ сознавалъ, что умѣренный, миролюбивый образъ дѣйствій, который онъ рекомендовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже не годится, что это только усиливаетъ запальчивость противниковъ.

— Да, мы будемъ бороться за свободу, будемъ бороться съ рабствомъ, пока не добьемся, чтобы по всей этой большой странѣ, подъ лучами солнца и подъ падающимъ на нее дождемъ, выходилъ на свой трудъ только свободный работникъ! говорилъ онъ теперь.

Рѣшительность и энергія, съ какими Линкольнъ высказывалъ свои убѣжденія, пріобрѣтали ему все большую и большую извѣстность. Въ 1858 г. республиканская партія Иллинойса выставила его кандидатомъ въ сенаторы. На другой день послѣ выборовъ онъ произнесъ рѣчь, извѣстную въ Америкѣ подъ названіемъ „Раздоръ въ домѣ".

Всѣ газеты перепечатали ее, всѣ нарасхватъ читали ее, она произвела на всѣхъ впечатлѣніе сигнала, предвѣщающаго бурю:

- Мы не знаемъ, гдѣ мы находимся и куда стремимся, говоритъ онъ, — и потому не можемъ рѣшить, что намъ дѣлать, какъ поступать. Уже пятый годъ, какъ мы держимся политики, которая, по увѣреніямъ ея сторонниковъ, должна положить конецъ волненіямъ, вызваннымъ вопросомъ о невольничествѣ. А между тѣмъ волненія эти не только не успокаиваются, а напротивъ, все возрастаютъ. По моему мнѣнію, они не прекратятся, пока мы не дойдемъ до кризиса и не переживемъ его. *Домъ, въ которомъ царитъ раздоръ, не можетъ устоять.* Государство, какъ оно существуетъ въ настоящее время, съ своими постоянными колебаніями между свободой и рабствомъ, не можетъ быть прочно. Я не ожидаю распаденія нашего союза, я не боюсь, что нашъ домъ рухнетъ, но я увѣренъ, что въ концѣ концовъ раздоръ въ немъ прекратится. Нашъ союзъ долженъ стать однороднымъ. Рабство будетъ или поставлено въ такія условія, что неминуемо исчезнетъ, или распространится и утвердится настолько, что сдѣлается одинаково законнымъ для всѣхъ штатовъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ.

Страсти разгорались все сильнѣе и сильнѣе. Въ отвѣтъ на рѣчи Линкольна и аболиціонистовъ, южане казнили Броуна, а въ штатѣ Теннесси повѣсили 250 негровъ по недоказанному обвиненію въ заговорѣ. Ихъ ораторы утверждали, что усилія сѣвера, направленныя противъ рабства, ничего, кромѣ пользы, не приносили югу.

Каково было раньше общественное настроеніе южанъ? говорили они. Вашингтонъ освободилъ своихъ рабовъ, Джефферсонъ всячески старался объ уничтоженіи невольничества, многіе выдающіеся люди юга хлопотали о выселеніи негровъ изъ Америки. Рабство начали считать зломъ, слабостью, позоромъ и грѣхомъ, боялись даже разсуждать о немъ. Югъ въ то время робко склонялся передъ всякой угрозой; онъ старался оправдаться, извиниться, онъ объяснялъ, что рабство навязала ему Англія, онъ со страхомъ и трепетомъ ждалъ своего смертнаго приговора. Теперь, напротивъ, очень трудно найти южанина, который стыдился бы рабства, который не признавалъ бы его равно полезнымъ и для господина и для раба, такъ какъ оно совершенствуетъ и возвышаетъ ихъ обоихъ, который не считалъ бы его источникомъ богатства, силы и могущества, главнымъ камнемъ современной цивилизаціи, и не былъ бы готовъ всѣми силами поддержать его. И все это - счастливыя послѣдствія аболиціонистскихъ разсужденій!

-- Богъ создалъ негровъ именно для того, чтобы они были дровосѣками и водовозами, т.-е. рабами бѣлой расы, говорилъ одинъ изъ вожаковъ партіи демократовъ. — Жители юга самый добродѣтельный, просвѣщенный и могущественный народъ въ мірѣ; они долго не знали себѣ цѣны, долго были несправедливы къ себѣ. Они должны разсчи-

тывать на свою силу, должны бросить перчатку всѣмъ своимъ врагамъ. Рабство негровъ подтверждается библіей, человѣколюбіемъ и здравымъ разсудкомъ. Если свободные штаты задумаютъ ограничить опредѣленной чертой предѣлы существованія рабства, южные штаты воспротивятся этому всѣми силами, хотя бы даже пришлось расторгнуть союзъ и разрушить вселенную. Въ ихъ власти сдѣлать то и другое, потому что безъ нихъ міръ не можетъ итти по пути прогресса. Если же свирѣпый фанатизмъ и грубая сила соединятся и низпровергнутъ южные штаты, они тѣмъ самымъ опрокинутъ столбы, на которыхъ держится весь храмъ цивилизаціи, и принудятъ весь родъ человѣческій нести общій тяжелый жребій.

Представители юга не отступали и передъ насиліемъ, когда у нихъ не хватало словъ для защиты своихъ мнѣній. Сенаторъ Сомнеръ, представитель штата Массачузета, ученый, литераторъ, одинъ изъ передовыхъ борцовъ за свободу, произнесъ въ сенатѣ рѣчь, въ которой, нападая вообще на рабство, говорилъ о тѣхъ жестокихъ, даже кровавыхъ послѣдствіяхъ, какія оно влечетъ за собой на практикѣ. Сенаторъ Бутлеръ изъ Южной Каролины увидѣлъ въ его рѣчи намеки на порядки, существовавшіе въ его плантаціяхъ, и, когда, во время перерыва засѣданія, Сомнеръ вышелъ въ сосѣднюю комнату и сѣлъ за конторку писать письма, онъ вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Брукомъ напалъ на него, и они исколотили его палками до того, что несчастный потерялъ сознаніе и упалъ, обливаясь кровью. Весь сенатъ былъ возмущенъ такимъ самоуправствомъ и постановилъ исключить изъ своей среды Бутлера и Брукса. Но въ Южной Каролинѣ ихъ встрѣтили съ громкими выраженіями одобренія и чествовали, какъ героевъ, а при новыхъ выборахъ снова избрали представителями штата въ конгрессъ.

ГЛАВА V.

Избраніе Линкольна президентомъ. Распаденіе союза. Рѣчи двухъ президентовъ. Взятіе форта Сомнера. Приготовленія къ войнѣ. Начало непріязненныхъ дѣйствій.—Битва при Буль-Ранъ.

Въ 1861 году истекалъ срокъ президентства демократа Буханана. Выборы новаго президента должны были происходить въ концѣ 1860 г. Ни разу еще съ самаго основанія Соединенныхъ Штатовъ не волновалось населеніе такъ сильно, какъ передъ этими выборами. Всѣ чувствовали, что тотъ „раздоръ въ домѣ", о которомъ говорилъ Линкольнъ, дошелъ до крайнихъ предѣловъ и долженъ быть прекращенъ немедленно. Въ послѣдніе годы притязательность и высокомѣріе южанъ постоянно возрастали: если бы они одержали новую по-

бѣду, которая отдала бы въ ихъ руки правленіе государствомъ еще на цѣлое четырехлѣтіе, ихъ господство въ странѣ утвердилось бы окончательно.

Съ весны 1860 г. во всѣхъ большихъ городахъ собирались громадные митинги, велись споры, говорились жаркія рѣчи. Агенты всѣхъ партій разъѣзжали по союзу, стараясь склонить общественное мнѣніе въ пользу того или другого кандидата, той или другой программы.

Кандидатами со стороны южанъ явились: Соломонъ Чезъ изъ Огейо, Эдуардъ Бэтсъ изъ Миссури, Джонъ Макъ-Линъ изъ Огейо; со стороны сѣверянъ: Вильямъ Сюардъ изъ Нью-Іорка, Авраамъ Линкольнъ изъ Иллинойса, Вильямъ Дантонъ изъ Нью-Джерси. При подсчетѣ голосовъ оказалось, что Линкольнъ получилъ 231, Сюардъ 180, и всѣ остальные вмѣстѣ всего 180 *). Побѣда сѣверянъ, республиканцевъ, была полная, и они съ восторгомъ торжествовали ее. Но восторгъ этотъ вскорѣ смѣнился тревогой. Какъ только вѣсть объ избраніи Линкольна достигла южныхъ штатовъ, вражда противъ сѣвера вспыхнула тамъ яркимъ пламенемъ. Въ избраніи Линкольна который такъ часто и такъ энергично высказывался противъ рабства, южане видѣли разрушеніе всѣхъ своихъ надеждъ; они предчувствовали, что не только распространенію невольничества положенъ предѣлъ, но и самому существованію его грозитъ опасность. Чтобы спасти учрежденіе, въ которомъ они видѣли основу своего благосостоянія, они рѣшили не отступать ни передъ какими средствами. 20 декабря 1860 года законодательное собраніе Южной Каролины постановило, что „союзъ, существовавшій между Южной Каролиной и другими штатами подъ именемъ „Соединенныхъ Штатовъ Америки", отнынѣ расторгается". Затѣмъ они рѣшили назначить особую комиссію, которая должна была вести переговоры съ другими рабовладѣльческими штатами объ отдѣленіи отъ союза и съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ о раздѣлѣ государственныхъ имуществъ. Десять южныхъ штатовъ (Георгія, Флорида, Алабама, Миссисипи, Луизіана, Техасъ, Виргинія, Арканзасъ, Сѣверная Каролина, Теннесси) вскорѣ послѣдовали примѣру Южной Каролины и учредили свое собственное правительство, назвавшись „Конфедеральными Штатами Америки". Конгрессъ конфедератовъ собрался въ городѣ Монтгомери въ штатѣ Алабамѣ и избралъ президентомъ Джефферсона Д-

*) Избраніе президента Соединенныхъ Штатовъ производится слѣдующимъ образомъ: каждый штатъ избираетъ изъ числа своихъ гражданъ столько выборщиковъ, сколько имѣетъ представителей въ конгрессѣ. Выборщики каждаго штата избираютъ по большинству голосовъ двухъ лицъ, записки съ именами этихъ двухъ лицъ препровождаются въ сенатъ. Предсѣдатель сената въ присутствіи всего конгресса вскрываетъ эти записки и производитъ подсчетъ голосовъ. Получившій большинство провозглашается президентомъ.

виса, одного изъ генераловъ, командовавшихъ на войнѣ противъ Мексики, занимавшаго нѣсколько лѣтъ постъ военнаго министра Соединенныхъ Штатовъ и своими горячими рѣчами въ разныхъ городахъ юга способствовавшаго образованію конфедераціи. Вице-президентомъ избранъ былъ Александръ Стефенсъ, который говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей передъ выборами:

– Краеугольнымъ камнемъ нашей конфедераціи служитъ та великая истина, что негръ не можетъ быть равноправенъ съ бѣлымъ человѣкомъ: рабство есть господство высшей расы надъ низшею. Наше настоящее правительство,—первое во всей всемірной исторіи,—основано на этой великой физической и нравственной истинѣ. Отдѣленіе сдѣлалось необходимымъ, такъ какъ сѣверъ отказался признать ту великую нравственную, политическую и религіозную истину, что для правительства нѣтъ другого прочнаго основанія, кромѣ рабства негровъ.

Объявивъ себя самостоятельнымъ государствомъ, южные штаты принялись самымъ энергичнымъ образомъ готовиться къ войнѣ, но пока Бухананъ оставался президентомъ, не предпринимали никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ сѣвера. Они знали, что Бухананъ ихъ сторонникъ, что, пока онъ у власти, всѣ дѣйствія союзнаго правительства будутъ направлены къ ихъ пользѣ. И, дѣйствительно, Бухананъ въ своемъ посланіи конгрессу прямо заявилъ, что считаетъ себя не въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла южанъ, что, на основаніи конституціи, нельзя силою оружія удержать штатъ, который пожелалъ бы выдѣлиться изъ союза. Мало того, онъ отказывался посылать усиленные гарнизоны въ южныя крѣпости и нарочно держалъ большую часть военныхъ припасовъ въ арсеналахъ юга.

Въ концѣ февраля Линкольнъ пріѣхалъ въ Вашингтонъ и 5 марта 1861 г. принесъ свою присягу въ Капитоліи (зданіи конгресса) передъ толпою народа, съ восторгомъ привѣтствовавшаго его. Новый президентъ нашелъ дѣла въ самомъ печальномъ положеніи. Въ казначействѣ совсѣмъ не было денегъ, сѣверные арсеналы были опустошены, боевые и всякіе другіе припасы въ огромномъ количествѣ перевезены на югъ. Министры его всѣ были южане, въ конгрессѣ тоже продолжали засѣдать южане, готовые противодѣйствовать всякой мѣрѣ, клонившейся къ ущербу юга. Сѣверяне съ тревогой глядѣли на будущее. Раздѣленіе союза казалось имъ величайшимъ бѣдствіемъ, и многіе изъ нихъ готовы были итти на всевозможныя уступки, чтобы предотвратить его. Самъ Линкольнъ первое время не прочь былъ держаться миролюбивой политики.

Южане, кажется, боятся, что ихъ собственности, миру и личному спокойствію грозитъ опасность со стороны республиканскаго правительства. Подобнаго рода страхъ не имѣетъ никакого разумнаго основанія! заявилъ онъ въ своей первой президентской рѣчи. Я

всегда говорилъ и теперь повторяю, что вовсе не намѣренъ ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ уничтожать рабство тамъ, гдѣ оно установилось. Да если бы у меня и было такое намѣреніе, то я не имѣю ни малѣйшей возможности осуществить его. Согласно съ конституціей и законами, я смотрю на союзъ, какъ на недѣлимое цѣлое, и буду стараться по мѣрѣ силъ твердо и добросовѣстно слѣдить за исполненіемъ во всѣхъ штатахъ законовъ союза.

Этотъ примирительный тонъ находился въ полномъ противорѣчіи съ воинственными возгласами, которые раздавались на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ Юга, и съ тѣми поистинѣ дикими словами, какія произнесъ, вступая въ должность, президентъ конфедератовъ:

Съ оружіемъ въ рукахъ, все сокрушая огнемъ и мечомъ, мы двинемся туда, гдѣ насъ ожидаетъ вѣрная побѣда, -въ густо-населенные города Сѣвера.

Вскорѣ южане показали не словами только, но и самымъ дѣломъ, что о примиреніи съ ними не можетъ быть рѣчи.

Недалеко отъ Чарльстоуна, главнаго города Южной Каролины, находился фортъ Семтеръ, въ которомъ стоялъ небольшой союзный гарнизонъ. Генералъ Борегаръ предложилъ ему сдаться конфедератамъ; маіоръ Андерсенъ, командовавшій фортомъ, отвѣчалъ отказомъ. Тогда Борегаръ бомбардировалъ фортъ въ продолженіе 36 часовъ и, наконецъ, взялъ его приступомъ.

Пушечные выстрѣлы, разрушившіе стѣны форта, отозвались грознымъ эхо во всѣхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Для всѣхъ стало ясно, что никакія колебанія болѣе невозможны, что тотъ кризисъ, о которомъ говоритъ Линкольнъ, наступилъ, что страшная, братоубійственная война—„великое горе", по выраженію Линкольна, началась и ее надо довести до конца. Регулярная армія Соединенныхъ Штатовъ состояла въ то время всего изъ 10,000 человѣкъ, расположенныхъ большею частью на западѣ, для охраны страны отъ индѣйцевъ, и въ разныхъ фортахъ. Большинство ея осталось вѣрно знамени союза, но этого количества было, конечно, недостаточно для усмиренія Юга. Линкольнъ объявилъ сначала, что армію слѣдуетъ увеличить до 75,000, а черезъ три мѣсяца поднялъ эту цифру до 300,000, и всѣ штаты Сѣвера стали наперерывъ вербовать волонтеровъ. Негодованіе, охватившее республиканцевъ, было такъ велико, что полки формировались точно по знаку волшебнаго жезла.

Джефферсонъ Дэвисъ, съ своей стороны, объявилъ объ образованіи регулярной арміи въ 25,000 человѣкъ и о призывѣ 150,000 волонтеровъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій армія южанъ значительно превосходила армію сѣверянъ количествомъ; кромѣ того, Югъ обладалъ болѣе образованными офицерами, чѣмъ Сѣверъ, такъ какъ сыновья южныхъ плантаторовъ всегда охотно поступали въ военную школу и служили въ арміи; наконецъ, южане

были гораздо лучше вооружены, такъ какъ давно готовились къ войнѣ. Значительные запасы союзной артиллеріи и оружія помѣщались въ оружейномъ депо южныхъ штатовъ и всѣ попали въ руки демократовъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ Госпортѣ, въ Виргиніи, находилось 2,000 совершенно новыхъ пушекъ и 300,000 зарядовъ разнаго калибра, въ Ричмондѣ былъ богатый литейный заводъ, много хорошихъ арсеналовъ въ другихъ мѣстахъ.

Сѣверу приходилось не только набирать войска и создавать флотъ, но и изготовлять для нихъ вооруженіе, и вотъ на фабрикахъ, на заводахъ, въ докахъ закипѣла работа.

Особенность той жестокой, междоусобной войны, которая началась взятіемъ форта Сёмпера, заключалась въ томъ, что она велась не только между двумя великими союзами, но и между жителями отдѣльныхъ штатовъ, отдѣльныхъ городовъ. Въ пограничныхъ штатахъ, въ Виргиніи, Теннесси, Кентуки и Миссури было много небогатыхъ поселенцевъ, которые искренне ненавидѣли рабство и всей душой желали побѣды Сѣверу, и, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, мѣстныя власти не отступали передъ самыми возмутительными насиліями. Въ штатѣ Мэрилэндѣ большинство населенія было республиканское, но въ Балтиморѣ, главномъ городѣ штата, демократы взяли верхъ, и генералу Бутлеру пришлось силою возстановлять власть союза.

Главной квартирой сѣверной арміи былъ Вашингтонъ, южной—сначала Монтгомери, а затѣмъ Ричмондъ въ Виргиніи. Главнокомандующимъ сѣверною арміей былъ назначенъ генералъ Скоттъ. Командующій центромъ, генералъ Макъ-Довелль прикрывалъ Вашингтонъ: правое крыло, подъ начальствомъ Петерсона, стояло у рѣки Потомака въ Пенсильваніи, лѣвое, подъ начальствомъ генерала Бутлера, у Чизапикской губы, около крѣпости Монроэ. Противъ нихъ стоялъ генералъ Борегаръ съ 60,000 арміей и генералъ Джонстонъ въ Шенандоасской долинѣ при Гарперсъ Ферри. Кромѣ того, съ той и съ другой стороны было нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ. Однимъ изъ сѣверныхъ отрядовъ командовалъ генералъ Макъ-Клеллань, который первый началъ непріязненныя дѣйствія, вступивъ въ Западную Виргинію съ тѣмъ, чтобы собрать подъ знамена Сѣвера всѣхъ, кто оставался вѣренъ союзу, и оттѣснить отъ границы войска непріятеля. Ему удалось выиграть два небольшихъ сраженія и взять городокъ Филиппинъ. Эти первые успѣхи очень обрадовали сѣверянъ.

Но зато они сильно возмущались бездѣятельностью своей главной арміи. Дѣлая громадныя приготовленія къ войнѣ, они были убѣждены, что имъ очень скоро удастся нанести врагамъ рѣшительный ударъ, который сразу прекратитъ смуту; а между тѣмъ недѣли шли за недѣлей, содержаніе арміи поглощало громадныя средства, а смута не только не прекращалась, а напротивъ, все возрастала. Генералъ Скоттъ и Макъ-Довелль объясняли, что ихъ солдаты-новобранцы

слишкомъ мало подготовлены, что съ ними невозможно начинать наступательныя дѣйствія; но этимъ объясненіямъ никто не вѣрилъ.

Если ваши солдаты зелены, то вѣдь и непріятельскіе не менѣе зелены, возражали генераламъ и съ неудовольствіемъ смотрѣли на ученья и маневры, которыми они занимали людей.

Наконецъ, въ половинѣ іюля генералъ Скоттъ рѣшилъ начать дѣйствія.

Армія конфедератовъ занимала очень выгодную позицію на Манассескомъ плато, верстъ за 30 отъ Вашингтона, около рѣчки Булль-Ронъ. Она имѣла за собой двѣ желѣзныя дороги, шедшія на югъ, и могла по нимъ получать подкрѣпленія и продовольствіе, она прикрывала собой Виргинію и грозила Вашингтону. Макъ-Довелль выступилъ противъ нея съ 30,000 войскомъ. Онъ послалъ передовой отрядъ подъ начальствомъ Тайлера къ желѣзно-дорожной станціи Фэрфаксъ съ тѣмъ, чтобы напасть врасплохъ на стоявшую тамъ бригаду Бонгена, и занять городъ Сентривилль. Но солдаты, не привыкшіе переносить жару и усталость, тянулись слишкомъ медленно, и Бонгенъ успѣлъ спокойно очистить свою позицію и соединиться съ Борегаромъ. Тайлеръ, найдя, что Сентривилль очищенъ непріятелемъ, двинулся дальше къ Булль-Рону. На берегу этой рѣки онъ наткнулся на главныя силы Борегара. Артиллерія конфедератовъ, спрятанная въ лѣсу, навела такую панику на союзныя войска, что отъ первыхъ выстрѣловъ ея нью-іоркскій полкъ смѣшался и въ безпорядкѣ бѣжалъ. Тайлеръ, замѣтивъ свою оплошность, поспѣшилъ отступить къ окрестностямъ Сентривилля. Эта небольшая стычка сильно подняла духъ въ арміи конфедератовъ. Кромѣ того, Борегаръ понялъ, что затѣвается серьезное дѣло, и потребовалъ помощи отъ Джонстона, стоявшаго въ долинѣ Шенандоа.

Макъ-Довелль принужденъ былъ ждать два дня, чтобы дать собраться и отдохнуть своимъ войскамъ: а затѣмъ онъ рѣшилъ обойти лѣвый флангъ непріятеля, прикрываемый Булль-Рономъ и защищенный меньше центра и праваго фланга. Съ этою цѣлью онъ отправилъ дивизію Тайлера къ каменному мосту черезъ рѣку, съ тѣмъ, чтобы занять вниманіе непріятеля, пока другія двѣ дивизіи Гэптера и Гейнтцельмана станутъ переходить рѣку въ бродъ и производить обходное движеніе. Опять-таки, вслѣдствіе неопытности и отсутствія дисциплины у солдатъ, оба перехода слишкомъ замедлились, и Борегаръ успѣлъ послать подкрѣпленія своему флангу. Когда дивизія Гейнтцельмана, перейдя бродъ, появилась на правомъ берегу Булль-Рона, ее встрѣтилъ частый ружейный огонь. Завязалось серьезное сраженіе; съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ: Гэптеръ палъ изъ первыхъ. Тѣмъ не менѣе дивизія Гейнтцельмана, къ которой присоединялись все новые и новые полки, переправившіеся черезъ рѣку, подвигалась впередъ. Ей удалось овладѣть высотами,

которыя занимали конфедераты, и даже обратить двѣ бригады ихъ въ безпорядочное бѣгство. Борегаръ получилъ извѣстіе о грозящей опасности и двинулъ подкрѣпленіе на лѣвый флангъ. Но его предупредилъ энергичный генералъ Джексонъ; съ своей бригадой изъ 2,600 виргинцевъ онъ открылъ сильнѣйшій огонь по союзнымъ войскамъ и тѣмъ остановилъ ихъ поступательное движеніе. Солдаты Макъ-Довелля уже нѣсколько часовъ находились въ бою и были страшно утомлены. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать непріятеля, не давая ему опомниться, пришлось позволить имъ отдохнуть. Эта потеря времени оказалась гибельной. Офицеры конфедератовъ успѣли собрать своихъ бѣглецовъ, самъ Борегаръ во главѣ значительныхъ подкрѣпленій прискакалъ на свой лѣвый флангъ, и дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ. Большая часть артиллеріи конфедератовъ утвердилась на гребнѣ, командовавшемъ надъ окрестными высотами, и всѣ попытки союзныхъ войскъ овладѣть этимъ гребнемъ оказывались напрасными. Бой на всѣхъ пунктахъ происходилъ ожесточенный. И та и другая сторона понесли жестокія потери, всѣ войска были страшно утомлены, успѣхъ колебался, и конфедератамъ и союзнымъ войскамъ не хватало энергіи, чтобы сдѣлать послѣднее усиліе, которое должно было рѣшить побѣду. Вдругъ явился на поле битвы отрядъ свѣжихъ войскъ, вытребованныхъ Борегаромъ изъ Шенандоаской равнины. Они набросились на сѣверянъ съ тыла и съ фланга и произвели среди нихъ полное смятеніе. Дорога и скаты холмовъ, на которыхъ за четверть часа передъ тѣмъ упорно билась цѣлая армія, мгновенно покрылась бѣглецами, побросавшими пушки, ружья и въ безпорядкѣ переходившими рѣку. Къ счастью для нихъ, конфедераты сами были до того истомлены битвой и такъ радовались внезапной побѣдѣ, что не думали о преслѣдованіи.

Отправляя въ походъ свою армію, сѣверяне были до того увѣрены въ побѣдѣ, что за Макъ-Довеллемъ послѣдовала изъ Александріи масса любопытныхъ, которымъ интересно было видѣть настоящее сраженіе; среди нихъ были члены конгресса, журналисты, фотографы съ своими аппаратами. Всѣ они остановились на дорогѣ, ведущей въ Сентривилль, и изъ безопаснаго мѣста наблюдали за передвиженіями войскъ. Вдругъ раздалась вѣсть, что битва проиграна. Вслѣдъ за тѣмъ на дорогѣ появились бѣглецы, засвистѣли снаряды, и паника овладѣла любопытными. Они пустились бѣжать, опережая солдатъ и усиливая смятеніе и безъ того разстроенныхъ полковъ. Бѣглецы наводнили Вашингтонъ и встревожили весь городъ своими разсказами о скрытыхъ батареяхъ, которыя ихъ разстрѣливали, о страшныхъ трудностяхъ, перенесенныхъ ими, о неумѣлыхъ распоряженіяхъ начальниковъ.

ГЛАВА VI.

Новый главнокомандующій.—Взятіе форта Дапельсона и города Нашвиля.—Желѣзныя чудовища.—Неудачныя дѣйствія Потомакской арміи.—Побѣды южанъ.

Ужасное пораженіе при Буль-Ранѣ нанесло тяжелый ударъ гордымъ надеждамъ сѣверянъ и заставило ихъ понять, что съ противниками не такъ легко справиться, какъ они воображали. Немедленно назначенъ былъ новый наборъ, который довелъ численность арміи до 500.000; укрѣпленія Вашингтона были усилены, и Макъ-Клеллану поручено организовать разстроенныя военныя силы.

Макъ-Клелланъ составилъ слѣдующій планъ кампаніи: блокировать всѣ гавани южныхъ штатовъ, занять рѣку Миссисипи и овладѣть Ричмондомъ. Первая изъ этихъ задачъ была исполнена въ теченіе зимы, другія двѣ требовали сосредоточенія большихъ силъ, и Макъ-Клелланъ не могъ сразу приступить къ ихъ исполненію.

Между тѣмъ генералы Бюэлль и Грантъ, командовавшіе отдѣльнымъ корпусомъ, двинулись изъ Кентукки на югъ съ 60.000 человѣкъ, одержали блестящую побѣду при Милль-Спрингѣ и прогнали южанъ за рѣку Кумберландъ, послѣ того, какъ генералъ Грантъ взялъ фортъ Дапельсонъ и овладѣлъ городомъ Нашвилемъ. Взятіе Дапельсона представляетъ одинъ изъ самыхъ геройскихъ подвиговъ сѣверной арміи.

Три иллинойскіе полка, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, проникли до начальныхъ укрѣпленій, но тутъ увидѣли, что брустверы неприступны. Они нѣсколько отступили и расположились на голой землѣ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ непріятеля. Пошелъ дождь, который скоро превратился въ снѣгъ; холодный, порывистый вѣтеръ насквозь пронизывалъ несчастныхъ. На слѣдующій день на помощь имъ явился генералъ Фотъ съ четырьмя панцырными и двумя деревянными канонерскими лодками, спустившимся по Миссисипи. Укрѣпленія Дапельсона состояли изъ двухъ батарей у берега рѣки и лежащаго за ними форта, построеннаго на обрывистомъ холмѣ. Спускъ былъ перекопанъ ямами и заваленъ срубленными деревьями.

Канонерскія лодки подвигались впередъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, который нанесъ имъ значительныя поврежденія. Два дня войска, коченѣя отъ холода, должны были отражать вылазки гарнизона, но вотъ къ нимъ подоспѣли подкрѣпленія, и Грантъ отдалъ приказъ итти на штурмъ. Передняя сторона холма была усѣяна грудами скалистыхъ обломковъ, мѣшавшихъ движенію, и первая колонна пошла въ обходъ, кустарникомъ. Солдаты прыгали отъ одного дерева къ другому, точно пилѣйцы; выстрѣлы градомъ сыпались на нихъ. По другой сторонѣ холма двигалась вторая колонна, не дѣлая ни одного выстрѣла, тихо, молча, пока не достигла вершины. Ура! Непріятель

отступаетъ! раздался громовой крикъ ея и, пораженный неожиданностью, гарнизонъ дѣйствительно поспѣшно отступилъ! На взятомъ укрѣпленіи поднялось обрызганное кровью звѣздное знамя союза. Послѣ короткаго ночного отдыха пришлось съ разсвѣтомъ начинать новый штурмъ послѣдняго укрѣпленія, и только послѣ полудня на фортъ появился бѣлый флагъ, крѣпость сдалась.

Морскія экспедиціи сѣверянъ были тоже успѣшны. Ихъ флотъ овладѣлъ нѣсколькими прибрежными фортами и пріобрѣлъ безопасные пункты стоянки около береговъ Сѣверной и Южной Каролины, Георгіи и Флориды, при чемъ уничтожилъ цѣлую флотилію южанъ, стоявшую въ Альбертопѣ. Чарльстоунъ и другіе южные порты были блокированы. Пять крупныхъ и нѣсколько мелкихъ военныхъ судовъ стояли на рейдѣ Гемптопъ-Роада для защиты крѣпости Монроэ. Вдругъ съ вахты одного изъ этихъ судовъ раздалась тревога: приближалась флотилія южанъ и среди нея какое-то необыкновенное судно, покрытое желѣзной бронею и снабженное длиннымъ стальнымъ тараномъ. „Кумберландъ", главный фрегатъ сѣверной эскадры, далъ залпъ, но темная, желѣзная масса не дрогнула: ядра отскакивали отъ нея, не причиняя ей вреда. Съ нея раздался громовой ударъ, и „шесть человѣкъ на палубѣ „Кумберланда," пали мертвыми. Затѣмъ „Мерриманъ", — такъ звали броненосецъ,— направился къ фрегату и нанесъ ему ударъ, отъ котораго у него появилась страшная пробоина. Второй, третій ударъ, и несчастный „Кумберландъ" пошелъ ко дну. Пароходъ „Конгрессъ" принужденъ былъ сдаться, фрегатъ „Миннезота" также получилъ смертельный ударъ. Ночная темнота заставила желѣзное чудовище на время пріостановить свою ужасную работу. Гибель угрожала всѣмъ судамъ, стоявшимъ на рейдѣ. Но среди ночи къ нимъ приблизился спаситель. Оказалось, что у сѣверянъ тоже былъ свой броненосецъ „Мониторъ" *). Онъ имѣлъ видъ колоссальной пилюли съ огромными полями. Надъ поверхностью воды возвышалась только дымовая труба да подвижная башня съ орудіями. „Мониторъ" сталъ на якорь при заревѣ горящаго „Конгресса". „Мерриманъ" не замѣтилъ новаго врага и готовился нанести послѣдній ударъ прибитой къ берегу „Миннезотѣ", какъ вдругъ тяжелое ядро, упавшее на его палубу, заставило его вздрогнуть. „Мониторъ" загородилъ ему дорогу къ „Миннезотѣ", и желѣзныя чудовища стали одинъ противъ другого. „Мерриманъ" направилъ свои удары на новаго достойнаго себя противника, но тарань безвредно скользилъ по гладкимъ бокамъ „Монитора". Тогда „Мерриманъ" попытался взять его на абордажъ, но не могъ сдѣлать и этого, а самъ въ то же время получилъ такое сильное поврежденіе въ подводной части, что принужденъ былъ обратиться въ бѣгство.

Укрѣпленія Вашингтопа были закончены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и

*) Броненосцы впервые появились на свѣтъ во время этой войны.

позволили уменьшить количество войскъ, необходимыхъ для защиты столицы. Вслѣдствіе этого армія, предназначенная дѣйствовать на Миссисипи, была усилена и рѣшено было овладѣть Новымъ Орлеаномъ. Новый Орлеанъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ, торговыхъ городовъ Юга, лежитъ при устьѣ Миссисипи, впадающей въ Мексиканскій заливъ. Городъ этотъ былъ со всѣхъ сторонъ защищенъ сильными фортами. Генералъ Борегаръ, завѣдывавшій работами при устройствѣ форта Джаксонъ, на берегу Миссисипи, за 70 миль отъ Новаго Орлеана, утверждалъ, что одинъ этотъ фортъ можетъ преградить путь вверхъ по рѣкѣ соединенному флоту цѣлаго міра.

Экспедиція противъ Новаго Орлеана должна была вестись одновременно съ моря и съ суши. Флотъ находился подъ командою адмирала Фэррагота и состоялъ изъ 48 большихъ судовъ и нѣсколькихъ десятковъ канонерскихъ лодокъ; на нихъ находилось 310 орудій и 15000 человѣкъ. Чтобы преградить путь по Миссисипи, южане протянули съ одного берега на другой огромныя цѣпи, которыя поддерживались на поверхности воды маленькими судами и были защищены батареями. Ночью двѣ канонерскія лодки сѣверянъ подкрались незамѣтно къ этимъ цѣпямъ и перерѣзали ихъ. Увидѣвъ ихъ продѣлку, береговыя батареи открыли по нимъ огонь, но слишкомъ поздно: дѣло было сдѣлано, и путь для флота открытъ. Какъ только онъ появился, крѣпостныя пушки и мортиры съ судовъ, защищавшихъ Новый Орлеанъ, открыли страшную канонаду. Въ воздухѣ словно висѣла огненная сѣть отъ перекрещивавшихся во всѣхъ направленіяхъ бомбъ. Флотъ сѣверянъ отвѣчалъ громомъ своей артиллеріи, и подъ ея ударами гибли небольшіе военные пароходы южанъ. Одна только плавучая батарея „Манасса", гордость луизіанцевъ, наносила сильныя поврежденія противникамъ и едва не потопила адмиральскій корабль. Медленно подвигался впередъ флотъ сѣверянъ, и вдругъ передъ нимъ вспыхнуло зарево пожара. То горѣлъ неприступный фортъ Джаксонъ... Битва продолжалась цѣлую ночь, и только утомленіе противниковъ заставило прекратить ее на нѣсколько часовъ. Затѣмъ она возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ: одиннадцать судовъ южанъ было уничтожено, всѣ форты разрушены. 28 апрѣля Новый Орлеанъ сдался. Послѣ этого низовья Миссисипи, вплоть до города Виксбурга, оказались во власти сѣверянъ.

Третья задача Макъ-Клеллана — взятіе Ричмонда—кончилась неудачей. Его главныя силы, такъ называемая Потомакская армія, двинулась къ Ричмонду 10 марта. Первая колонна ея, подъ предводительствомъ самого Макъ-Клеллана, состояла изъ 80,000; вторая, подъ начальствомъ Макъ-Довелля, изъ 40000, и третья, которой командовалъ генералъ Бэнкъ, изъ 20,000. Надежда Макъ-Клеллана быстро подойти къ Ричмонду не осуществилась: онъ нашелъ въ Чарльстоунѣ и въ Вильямсбургѣ сильныя укрѣпленія, которыя были взяты только послѣ двухмѣ-

сячной осады. Начало операцій противъ самаго Ричмонда было тоже несчастливо. Макъ-Клелланъ занялъ позицію недалеко отъ болотистой рѣки Чикагомини. Какъ только двѣ дивизіи его перешли эту рѣку, генералъ Ли, защищавшій съ своимъ отрядомъ Ричмондъ, напалъ на нихъ и нанесъ имъ пораженіе. Только переходъ всего корпуса заставилъ южанъ отступить. Макъ-Клелланъ укрѣпилъ свою позицію и рѣшилъ не двигаться, пока къ нему не подойдутъ двѣ другія колонны. Но онъ напрасно ждалъ. Джексонъ, командовавшій южными войсками на рѣкѣ Раппаганнокѣ, напалъ на Бэнкса при Фронтъ-Роіялѣ и прогналъ его за Потомакъ, затѣмъ разбилъ авангардъ Макъ-Довелля и остановился въ Шарлотевиллѣ.

Узнавъ, что ему нечего разсчитывать на поддержку другихъ двухъ колоннъ, Макъ-Клелланъ рѣшилъ оставить свою слишкомъ растянутую позицію и направиться къ рѣкѣ Джемсу. Перемѣна фронта въ виду непріятеля была страшно опаснымъ маневромъ, и генералъ Ли воспользовался имъ, чтобы атаковать сѣверную армію. Три дня пришлось войскамъ Макъ-Клеллана выносить жестокія атаки врага, и только цѣною тяжелыхъ потерь удалось ему достигнуть Джемса. Только что онъ успѣлъ расположить армію въ такой мѣстности, гдѣ болото защищало его отъ генерала Ли, какъ изъ Ричмонда вышли восемь бригадъ и со свѣжими силами бросились на его изнуренныхъ солдатъ. Макъ-Клеллану грозило полное пораженіе. Къ счастью, въ минуту самой большой опасности на рѣкѣ явились три канонерскія лодки и своимъ огнемъ поддержали его. Семь дней, съ 26 іюня до 3 іюля, происходили кровопролитнѣйшія битвы въ окрестностяхъ и подъ стѣнами Ричмонда. Эти битвы до того истощили силы обоихъ противниковъ, что они принуждены были на время пріостановить военныя дѣйствія. Побѣда, несомнѣнно, осталась за южанами, такъ какъ Макъ-Клелланъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія овладѣть Ричмондомъ и вернуться обратно къ Потомаку.

Съ первыхъ чиселъ августа конфедераты перешли въ наступленіе. Джексонъ напалъ на генерала Поне, спѣшившаго на соединеніе съ Макъ-Клелланомъ, и далъ ему кровопролитное сраженіе подъ Цедербергомъ. Подкрѣпленіе, подоспѣвшее на помощь Поне, заставило Джексона отступить. Поне со всѣми своими силами бросился преслѣдовать его и переправился за Раппоганнокъ, но неутомимый Джексонъ, зайдя ему въ тылъ, овладѣлъ важнымъ желѣзнодорожнымъ пунктомъ Манасса Джонстонъ, взялъ провіантскіе магазины, разрушилъ желѣзную дорогу и почти подошелъ къ Вашингтону. Поне выслалъ противъ него нѣсколько дивизій, къ нимъ на слѣдующій день присоединился отрядъ Макъ-Довеля, но Джексонъ былъ все-таки сильнѣе, и послѣ упорнаго сопротивленія союзная армія была разбита и принуждена отступить къ Сентрвиллю.

Джексонъ пытался отрѣзать ее отъ Вашингтона, но это не уда-

лось ему: на него напалъ отрядъ Фэрфакса и заставилъ его отступить, а генералъ Попе вернулся къ Вашингтону и укрѣпился на высотахъ Арлингтона, господствующихъ надъ городомъ.

Тогда южане взяли Фридерикъ-Сити, окружили при Гарперъ-Ферри генераловъ Мильса и Вайта, располагавшихъ 10,000 войскомъ, заставили ихъ сдаться и проникли въ Мэрилэндъ и Пенсильванію. Здѣсь ихъ ждали главныя силы сѣверянъ подъ командой Макъ-Клеллана. Столкновеніе между ними произошло 16 сентября. Авангардъ Макъ-Клеллана, подъ начальствомъ генерала Гукера, быстро устремился на непріятеля, но тотъ подавлялъ его численностью, и ему пришлось выдерживать неравномѣрную борьбу, пока резервы не подоспѣли къ нему на помощь. Точно такъ же не имѣла успѣха и атака дивизіи Сумнера. Подоспѣвшіе на помощь корпуса Франклина и Борисайда заставили непріятеля отступить, но это отступленіе было совершено въ полномъ порядкѣ, между тѣмъ какъ армія Макъ-Клеллана потерпѣла страшныя потери и настолько упала духомъ, что допустила южанъ спокойно перейти Потомакъ, не осмѣливаясь преслѣдовать ихъ.

Обѣ арміи стояли другъ противъ друга на берегахъ Потомака: южане все болѣе и болѣе стягивали свои силы, а Макъ-Клелланъ не рѣшался перейти въ наступленіе. Его медлительный образъ дѣйствій, та перазсчетливость, съ какою онъ пускалъ въ бой отдѣльныя дивизіи, вмѣсто того, чтобы всѣми силами двинуться на врага, его неумѣнье или нежеланье во-время поддержать своихъ,—все это возставовляло противъ него общественное мнѣніе, и президентъ счелъ за лучшее дать ему отставку и назначить вмѣсто него главнокомандующимъ генерала Борисайда.

Борисайдъ держался системы совершенно противоположной Макъ-Клеллану. Получивъ главное начальство надъ арміей, онъ рѣшилъ немедленно снова двинуть войско къ Ричмонду тремя колоннами подъ начальствомъ Гукера, Сумнера и Франклина. Переходъ черезъ Раппаганнокъ задержалъ его, такъ какъ приходилось строить мостъ черезъ эту рѣку и подвозить издалека матеріалъ, а между тѣмъ съ Джаксономъ соединился генералъ Ли, и ихъ 85,000 армія заняла выгодную позицію, защитилась укрѣпленіями и прикрывала своими батареями переходъ черезъ рѣку. Съ огромными потерями удалось Борисайду переправить свой отрядъ на противоположный берегъ большею частью на лодкахъ, и 13 декабря онъ атаковалъ укрѣпленія Фридериксбурга. Колонна генерала Сумнера была двинута подъ градомъ непріятельскихъ пуль на штурмъ. Солдаты дрались, пока четвертая часть ихъ не была перебита. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ Франклина, съ такою же беззавѣтною храбростью бросалось въ бой и также было отбито. Понеся страшныя потери, армія отступила въ самомъ жалкомъ видѣ. Всякое довѣріе къ начальникамъ, которые вели ихъ на вѣрную

смерть, нечего среди солдать, и они массами дезертировали. Несмотря на это, Борнсайдъ намѣревался переправиться черезъ Раппаганнокъ на семь миль ниже и сдѣлать вторичное нападеніе на городъ. Генералъ Франклинъ всячески удерживалъ главнокомандующаго отъ такого безразсуднаго дѣйствія и, наконецъ, извѣстилъ о немъ президента. Линкольнъ прислалъ Борнсайду телеграмму такого содержанія:

„Я желаю, чтобы вы не предпринимали никакого движенія, не извѣстивъ меня."

Борнсайдъ рѣшилъ дѣйствовать противъ воли президента и въ холодную зимнюю ночь, въ страшную непогоду отдалъ приказъ сниматься съ лагеря. При этомъ выяснилось, какой безпорядокъ, какое отсутствіе дисциплины господствовали въ арміи. Приказаній главнокомандующаго не слушали или исполняли ихъ крайне плохо. Для возстановленія своей власти онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ просить президента уволить отъ службы и казнить смертью множество офицеровъ. Линкольнъ отказалъ ему въ этомъ. Тогда Борнсайдъ обидѣлся и подалъ въ отставку. Отставка была ему охотно дана, и начальство надъ Потомакской арміей поручено генералу Гокеру.

ГЛАВА VII.

Бѣдствія междоусобной войны. Мѣры противъ рабовладѣнія. Объявленіе объ уничтоженіи невольничества. Новыя неудачи Потомакской арміи. Битва при Геттисбургѣ. Дѣйствія въ Теннесси.—Взятіе Викебурга.—Негры въ арміи.

Бѣдствія войны ложились одинаково тяжелымъ гнетомъ и на сѣверные и на южные штаты. Борьба велась противниками съ одинаковою безпощадностью, съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Всюду, гдѣ останавливался или проходилъ непріятель, селенія были разрушены, поля потоптаны. Число убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было громадно. Рядомъ съ войною регулярныхъ войскъ шла война такъ называемыхъ „гверильясовъ", не то разбойниковъ, не то просто удальцовъ изъ южанъ, которые составляли вооруженныя шайки, нападали на богатыхъ земледѣльцевъ или мелкіе городки пограничныхъ штатовъ Кентукки, Теннесси и Миссури, грабили, жгли и убивали подъ тѣмъ предлогомъ, что уничтожаютъ сторонниковъ Сѣвера. Индѣйцы тоже принимали участіе въ войнѣ. Одни племена держали сторону южанъ, другіе сѣверянъ, но тѣ и другіе одинаково распространяли вокругъ себя смерть и разрушеніе. Особенно ужасающій характеръ приняла война на западѣ отъ Миссисипи: тамъ пылали города и села, дерзкія шайки краснокожихъ и бѣлыхъ мародеровъ бродили по странѣ, мирные поселенцы бѣжали изъ своихъ жилищъ и не находили себѣ пристанища.

Въ сѣверныхъ штатахъ торговля и промышленность пришли въ упадокъ. Число переселенцевъ изъ Европы уменьшилось, а съ этимъ вмѣстѣ уменьшились и доходы отъ продажи казенныхъ земель. Правительству приходилось увеличить налоги, звонкой монеты не хватало для военныхъ расходовъ, выпущены были бумажныя деньги, которыя сильно падали въ цѣнѣ. Линкольнъ воспретилъ всякія торговыя сношенія съ возмутившимися штатами, Джефферсонъ Дэвисъ въ отместку запретилъ вывозъ сухимъ путемъ сахару и рису, чтобы лишить сѣверянъ этихъ необходимыхъ припасовъ. Положеніе южанъ было еще бѣдственнѣе, чѣмъ сѣверянъ: блокада портовъ, прекратившая вывозъ хлопка въ Европу, довела плантаторовъ до крайне стѣснепнаго положенія. Цѣны на всѣ жизненные припасы страшно возросли.

Въ 1862 г. Линкольнъ рѣшилъ принять энергичныя мѣры относительно рабовладѣнія, главной причины междоусобія. По его предложенію, конгрессъ постановилъ, что союзное правительство будетъ оказывать денежную помощь всякому штату, который изъявитъ готовность выкупить негровъ у рабовладѣльцевъ, и мѣра эта была немедленно примѣнена къ округу Колумбіи. Слѣдующимъ постановленіемъ конгресса рабство воспрещено во всѣхъ территоріяхъ, еще не возвысившихся до положенія штатовъ, и, наконецъ, въ сентябрѣ президентъ издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ, что невольничество будетъ считаться уничтоженнымъ въ тѣхъ штатахъ, которые до 1 января 1863 года не положатъ оружія и не прекратятъ непріязненныхъ дѣйствій противъ союза. Эта прокламація не произвела желаемаго дѣйствія на южанъ. Плантаторы твердо разсчитывали на благопріятный исходъ военныхъ дѣйствій, на скорое осуществленіе своей мечты создать самостоятельное рабовладѣльческое государство; негры-рабы, привыкшіе видѣть въ своихъ господахъ могущественныхъ, ни передъ кѣмъ не отступавшихъ властелиновъ, не вѣрили въ возможность пораженія ихъ и своего освобожденія.

И вотъ, 1 января 1863 года, принимая многочисленныхъ посѣтителей, приходившихъ, по обыкновенію сѣвероамериканцевъ, „пожать руку президенту", Линкольнъ объявилъ имъ:—Сегодня я подписалъ прокламацію объ освобожденіи всѣхъ негровъ. Рука моя дрожала, но это просто отъ усталости,– рѣшеніе мое непоколебимо. Въ сентябрѣ я объявилъ южанамъ, что если они не вернутся въ союзъ и не перестанутъ убивать нашихъ солдатъ, я поражу эту главную основу ихъ силы. Теперь я намѣренъ выполнить вполнѣ свое обѣщаніе.

Друзья свободы торжествовали. До тѣхъ поръ признавалось, что война ведется ради усмиренія возмутившагося юга, и многіе думали, что, если южане смирятся, союзъ можетъ существовать на прежнихъ началахъ, т.-е. состоять на половину изъ свободныхъ, на половину изъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Послѣ прокламаціи президента это сдѣлалось невозможнымъ. Невольничество въ Сѣверной Америкѣ могло

продолжать существовать только въ томъ случаѣ, если бы южанамъ удалось окончательно отдѣлиться и образовать самостоятельное государство. Но Линкольнъ не допускалъ и мысли объ этомъ.

Если этой борьбѣ суждено продлиться до тѣхъ поръ, пока не останется въ нашей странѣ ни одного дома, гдѣ бы не было покойника, пока не истощатся всѣ сокровища, собранныя безплатнымъ трудомъ рабовъ, пока каждая капля крови, пролитая бичомъ, не будетъ искуплена кровью, пролитой нашимъ мечомъ, мы можемъ только преклонить головы и сказать: „Истинны и праведны пути Твои, Святый Боже!“ говорилъ онъ въ послѣднемъ засѣданіи сената 1862 г. и затѣмъ въ пространной убѣдительной рѣчи доказывалъ, насколько распаденіе Соединенныхъ Штатовъ на два государства будетъ невыгодно для обѣихъ частей.

Твердая рѣшимость и увѣренность въ успѣхѣ, не покидавшія ни на минуту Линкольна, невольно передавались и другимъ. Новый наборъ пополнилъ ряды арміи; недостатокъ въ кавалеріи былъ устраненъ, и скоро кавалерійскіе полки Сѣвера показали себя равносильными конпымъ отрядамъ южанъ. Со дня принятія команды генераломъ Гокеромъ войско оживилось: ропотъ и недовѣріе исчезли, воинственный духъ арміи воскресъ. Съ наступленіемъ весны начались энергичныя дѣйствія Потомакской арміи. Въ три дня генералъ Гокеръ переправилъ 100.000 корпусъ черезъ Раппаганнокъ и занялъ недалеко отъ Фридериксбурга такую мѣстность, гдѣ ему можно было выжидать нападенія. Генералъ Ли тоже не терялъ времени и, оставивъ свою позицію на берегахъ Раппаганнока, явился передъ непріятелемъ. Авангардъ его подъ начальствомъ Джексона атаковалъ правое крыло сѣверной арміи, и только во время подоспѣвшее подкрѣпленіе спасло это крыло отъ полнаго пораженія. Ночью Гокеръ сдѣлалъ нападеніе, при чемъ большая часть взятой непріятелемъ артиллеріи была возвращена. Загорѣлась отчаянная битва, страшный артиллерійскій огонь свирѣпствовалъ по всей линіи, лѣсъ былъ засыпанъ гранатами. На многихъ пунктахъ происходили рукопашныя схватки, земля покрылась тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Одна бригада 15 разъ ходила въ атаку и взяла 7 знаменъ. Дивизія генерала Френча опрокинула непріятеля, но послѣ трехчасового боя у нея оказался недостатокъ въ снарядахъ, и ей пришлось штыками удерживать свою позицію.

Легкая дивизія Пратта захватила въ плѣнъ цѣлыхъ два полка и взяла приступомъ высоты у Фридериксбурга. Съ этихъ высотъ городъ былъ засыпанъ гранатами. Но, несмотря на такіе видимые успѣхи, сѣверянамъ пришлось отступить. Сильные дожди переполнили рѣку и угрожали разрушить потомакскій мостъ, а такъ какъ позиція на югъ отъ Раппаганнока была не довольно сильна, то Гокеръ ночью возвратился за рѣку. Это дало поводъ Ли приписывать честь побѣды себѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ понесъ въ этомъ дѣлѣ одну незамѣ-

нимую потерю: храбрый генералъ Джексонъ получилъ рану въ руку и черезъ нѣсколько дней умеръ въ больницѣ.

Позиція, занятая сѣверной арміей между Раппаганнокомъ и Потомакомъ, была настолько сильна, что конфедераты не рѣшились атаковать ее. Они двинулись на сѣверо-западъ, въ долину Шенандоа и овладѣли Винчестеромъ; затѣмъ переправились черезъ Потомакъ и вторглись въ Пенсильванію. Это принудило и Потомакскую армію оставить свою крѣпкую позицію у Раппаганнока. Подъ начальствомъ генерала Мида она перешла Потомакъ и двинулась на сѣверъ.

Двѣ невысокія горныя цѣпи, идущія параллельно одна отъ другой, замыкаютъ долину Геттисбурга. Недалеко отъ города возвышается гора съ кладбищемъ: она круто спускается въ долину, окаймленную съ противоположной стороны такъ называемыми Семинарскими холмами. На этихъ-то возвышенностяхъ и въ самой долинѣ произошло одно изъ самыхъ кровопролитныхъ столкновеній между двумя арміями. 1 іюля авангардъ сѣверянъ подошелъ съ юго-востока къ Геттисбургу, прошелъ черезъ городъ и вскорѣ наткнулся на непріятеля, занимавшаго покрытые кустарникомъ Семинарскіе холмы: подъ перекрестнымъ огнемъ трехъ бригадъ авангардъ потерялъ половину своихъ людей и принужденъ былъ отступить. 2 іюля битва началась артиллерійской канонадой, разрушившей городъ. 3-го іюля генералъ Ли перешелъ въ энергичное наступленіе. Подъ прикрытіемъ страшнаго артиллерійскаго огня, войска его спустились съ высотъ и бросились на противниковъ, осыпавшихъ ихъ цѣлымъ градомъ гранатъ и картечи. Послѣ ожесточеннаго боя южане отступили и снова вернулись на холмы: сѣверяне преслѣдовали ихъ: на кладбищѣ и вокругъ него происходила отчаянная рукопашная схватка. Цѣлыя сотни людей падали внизъ съ горы, орудія грохотали, среди общаго шума не слышны были слова команды. Уже стало темнѣть, когда обезсиленные южане отступили. Генералъ Мидъ преслѣдовалъ ихъ, взялъ штурмомъ Семинарскую гору и заставилъ непріятеля отодвинуться еще дальше. Но его собственная армія потерпѣла такія сильныя потери и была такъ утомлена, что ему пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Генералъ Ли безпрепятственно ушелъ за Потомакъ, а потомъ и за Рапиданъ. Послѣ этого до конца года между двумя арміями не было ни одного серьезнаго столкновенія. Обѣ онѣ ослабили себя, отправивъ значительные отряды на другой пунктъ военныхъ дѣйствій, въ Тенесси. Генералъ Ли нѣсколько разъ пытался, но безуспѣшно, проникнуть въ восточную Виргинію черезъ проходы горъ Блю-Риджъ и остановился въ равнинѣ при Чартеръ-Гэнъ; Потомакская армія заняла свое прежнее положеніе около Раппаганнока.

Впослѣдствіи на мѣстѣ Геттисбурга устроено было огромное кладбище для погребенія всѣхъ павшихъ въ бою на этомъ мѣстѣ. 19-го декабря 1863 года происходило торжественное освященіе этого клад-

бища. Въ присутствіи громадной толпы, собравшейся на печальное торжество, Линкольнъ сказалъ глубоко-прочувствованную рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ:

87 лѣтъ тому назадъ, говорилъ онъ, — отцы наши создали въ этой странѣ новое государство, проникнутое духомъ свободы, основанное на принципѣ равноправности всѣхъ гражданъ. Теперь мы ведемъ ожесточенную братоубійственную войну, мы рѣшаемъ вопросъ, можетъ ли прочно существовать государство, основанное на такихъ началахъ. Мы собрались здѣсь на большомъ полѣ сраженія, собрались, чтобы освятить часть этого поля, какъ мѣсто успокоенія для тѣхъ, кто пожертвовалъ своею жизнью ради сохраненія жизни государства. Но въ сущности мы не въ состояніи освятить, сдѣлать священнымъ это мѣсто. Герои, сражавшіеся здѣсь, уже вполнѣ освятили его. Міръ скоро забудетъ то, что мы говоримъ здѣсь, но никогда не забудетъ того, что они совершили на этомъ мѣстѣ. Мы, живущіе, должны прежде сами освятиться для дѣла, которому мертвые послужили собственною кровью; мы должны получить ихъ благословеніе на великую задачу, еще не разрѣшенную нами, мы должны позаимствовать отъ славныхъ мертвецовъ, которые покоятся здѣсь, усиленную энергію для окончанія дѣла, которому они отдали жизнь. Намъ слѣдуетъ торжественно заявить, принести клятву въ томъ, что они пали не напрасно, что нашъ народъ съ Божьей помощью восприметъ отъ нихъ новую эру свободы, что наше государство будетъ всегда существовать для блага народа и управляться самимъ народомъ!

Западный отрядъ сѣверной арміи подъ начальствомъ генерала Розенкранца находился въ это время въ городѣ Нашвиллѣ, въ штатѣ Теннесси. Онъ получилъ приказаніе овладѣть городомъ Чаттонога, очень важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ на границѣ между Теннесси и Георгіей. Розенкранцу удалось вытѣснить непріятеля изъ города; но южане получили подкрѣпленія и заняли позиціи на Локутскихъ горахъ, господствующихъ надъ Чаттонога. Такое положеніе непріятеля угрожало сѣверной арміи, и потому Розенкранцъ рѣшился вытѣснить его оттуда. Утромъ 19 сентября онъ началъ штурмъ. Огромныя массы пѣхоты устремились на лѣвое крыло южанъ. Первая бригада была опрокинута, двѣ другія на короткое время остановили напоръ, но принуждены были уступить превосходной силѣ. Увлекшись нападеніемъ, авангардъ слишкомъ ушелъ впередъ, и южане, воспользовавшись этимъ, окружили двѣ бригады, которымъ съ трудомъ удалось пробиться, и обратили въ бѣгство цѣлую дивизію. Къ вечеру сѣверянамъ удалось нѣсколько оправиться и возвратить себѣ потерянную позицію. На другой день битва возобновилась съ прежнимъ ожесточеніемъ. Сѣверная армія, атакованная съ фланга и съ тыла, смѣшалась, и половина ея обратилась въ безпорядочное бѣгство.

Послѣ этого погрома положеніе сѣверной арміи въ Чаттонога

сдѣлалось крайне плачевнымъ. Непріятель занялъ своими батареями всѣ окрестныя высоты и прервалъ желѣзнодорожное сообщеніе. Ей *грозила окончательная гибель*, если бы не явилось подкрѣпленіе. *Корпусъ Борегайда*, стоявшій на Огайо, двинулся къ Теннесси, съ другой стороны туда же спѣшилъ Гокеръ съ отрядомъ потомакской арміи. Главнокомандующій арміей южанъ откомандировалъ корпусъ навстрѣчу Борегайду; генералъ Томасъ, воспользовавшись этимъ ослабленіемъ непріятельской арміи, повелъ атаку на Локутскую возвышенность. Подоспѣвшій съ своимъ отрядомъ Гокеръ поддержалъ его, и послѣ жестокаго боя Локутскія горы были заняты сѣверянами.

Третій важный пунктъ, на которомъ велись непріязненныя дѣйствія, была Миссисипи. Взятіе Новаго Орлеана еще не отдавало всю рѣку въ руки сѣверянъ. Южане возвели выше, къ сѣверу, два укрѣпленія, портъ Гудзонъ и Викебургъ, которые господствовали не только надъ Миссисипи на протяженіи 300 миль, но и надъ нѣкоторыми ея притоками. Викебургъ, въ особенности, былъ превосходно укрѣпленъ. Со стороны рѣки стояли внушительнаго вида батареи, со стороны суши укрѣпленія тянулись на 8 миль въ окружности. Къ этому присоединялась еще естественная защита, въ видѣ обширныхъ болотъ. Гудзонъ, лежавшій ниже по рѣкѣ, былъ тоже сильно укрѣпленъ; кромѣ того, оба эти форта взаимно защищали другъ друга съ фланга. Экспедиція противъ фортовъ открылась подъ начальствомъ генерала Гранта. Грантъ велъ сухопутныя войска: сверху къ Викебургу шли суда командора Портера, а снизу, къ форту Гудзону, эскадра адмирала Фаррагота. Фарраготъ взялся очистить рѣку между двумя фортами. Исполненіе этого плана было въ высшей степени опасно, такъ какъ подъ водой заложено было множество такъ называемыхъ торпедъ, машинъ, взрывавшихся при малѣйшемъ треніи идущихъ надъ ними судовъ. Высматриванье и вытаскиванье этихъ машинъ производилось обыкновенно почью. Желѣзныя суда были обиты кипами хлопчатой бумаги и сѣна; цѣпи, желѣзныя шины и тяжелыя бревна защищали машины. Тихо, безшумно подвигались они по темной поверхности воды, какъ вдругъ изъ крѣпости взвивалась, точно молнія, зловѣщая ракета: ихъ замѣтили, — началась страшная канонада. Одинъ корабль загорѣлся, потому что бомба зажгла на немъ хлопчатую бумагу, два другіе дали течь, но все-таки проложили себѣ путь. Флотилія, шедшая сверху, тоже благополучно прошла мимо Викебурга и овладѣла фортомъ Гранд-Гольфъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Между тѣмъ генералъ Грантъ велъ правильную осаду Викебурга съ суши. Онъ попытался 19 и 22 мая взять штурмомъ нѣсколько укрѣпленій, но былъ отбитъ съ большими потерями. Точно такъ же неудачнымъ оказался и приступъ генерала Бэнкса къ порту Гудзону.

Однако, чего не могла сдѣлать храбрость осаждающихъ, то сдѣ-

лалъ голодъ: 3 іюля на стѣнахъ Виксбурга взвился парламентерскій флагъ, и командиръ крѣпости прислалъ узнать, на какихъ условіяхъ можетъ быть принята его сдача. Грантъ отвѣчалъ, что требуетъ безусловной сдачи, но что съ храбрыми защитниками крѣпости обойдется съ уваженіемъ. На слѣдующій день его дивизія вступила въ городъ, и звѣздное знамя развернулось на стѣнахъ крѣпости. Кромѣ пріобрѣтенія выгодной позиціи, плодами этой побѣды было 31.000 плѣнныхъ, 30 крѣпостныхъ, 120 полевыхъ орудій, множество ружей, знамена, амуниція, вагоны желѣзной дороги и проч.

Между тѣмъ положеніе Бэнкса около Гудзона было довольно опасно, такъ какъ разбитыя войска южанъ сосредоточились на правомъ берегу Миссисипи, заняли городъ Брэмюръ и грозили ему съ тыла. Грантъ поспѣшилъ къ нему на выручку и принудилъ фортъ Гудзонъ сдаться. Во время передачи крѣпости гарнизонъ ея просилъ поскорѣе выдать ему порціи пищи, такъ какъ онъ страшно изголодался. Всѣ мулы были уже съѣдены, приходилось питаться крысами, мышами и т. п. Южане сами сожгли фортъ Джексонъ, находившійся около устья Миссисипи; корпусъ Гранта разсѣялъ ихъ войска на низовьяхъ, Бэнксъ занялъ городъ Броунсвилль, и послѣ этого вся рѣка очутилась въ рукахъ сѣверянъ.

Это было единственное крупное пріобрѣтеніе сѣверянъ за 1863 годъ, ознаменовавшійся такими ожесточенными битвами, такими страшными потерями съ обѣихъ сторонъ. Кровь лилась рѣкой, страна разорялась, а конца страшной борьбы все еще не предвидѣлось. Чтобы пополнить страшную убыль въ войскахъ, приходилось прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ. На югѣ все бѣлокожее населеніе мужского пола было уже призвано къ оружію, на сѣверѣ правительство издало законъ объ обязательной военной службѣ (конскрипція). Этотъ законъ во многихъ мѣстностяхъ вызвалъ неудовольствіе. Воинственный духъ значительно ослабѣлъ вслѣдствіе понесенныхъ неудачъ, и многіе громко роптали на тѣ жертвы, какія приходится приносить „изъ-за проклятыхъ негровъ“. Въ Нью-Іоркѣ дѣло дошло даже до настоящаго возстанія, которое было усмирено силою оружія.

Тогда Линкольнъ рѣшилъ привести въ исполненіе мѣру, давно задуманную имъ: допустить негровъ служить въ арміи наравнѣ съ бѣлыми. На первыхъ порахъ мѣра эта встрѣчена была съ большимъ сомнѣніемъ. Многіе, даже изъ горячихъ сторонниковъ освобожденія негровъ, все-таки не признавали ихъ вполнѣ равными бѣлымъ; между тѣмъ, разъ негры будутъ призваны исполнять обязанности защитниковъ отечества наравнѣ съ прочими гражданами республики, имъ нельзя будетъ отказать и въ тѣхъ правахъ, какими пользуются эти граждане, они наравнѣ съ прочими станутъ избирать членовъ конгресса и даже президента. Кромѣ того, находились люди, которые отрицали у негровъ способность къ военной службѣ, способность под-

чиняться военной дисциплинѣ, а главное, чувство чести, заставляющее настоящаго солдата скорѣй лишиться жизни, чѣмъ отдать знамя или отступить передъ врагомъ. Рѣшено было сдѣлать опытъ въ небольшихъ размѣрахъ, но онъ превзошелъ всѣ ожиданія сторонниковъ негрскаго племени. Во-первыхъ, негры съ величайшей охотой записывались въ армію. Многіе изъ нихъ, только что освобожденные отъ рабства, оставались безъ работы и не знали, куда пристроиться, другіе считали для себя за честь нести одинаковую службу съ бѣлыми, третьи, наконецъ, радовались, что могутъ участвовать въ борьбѣ за освобожденіе своихъ соплеменниковъ. Подъ руководствомъ опытныхъ офицеровъ чернокожіе полки очень быстро обучались всѣмъ пріемамъ военнаго дѣла и при столкновеніи съ непріятелемъ вели себя превосходно. Число ихъ быстро увеличивалось, и въ 1864 году не менѣе 100,000 негровъ служило въ арміи сѣверянъ. Особенно полезны были они вездѣ, гдѣ приходилось возводить какія-нибудь постройки, проводить каналы, исправлять желѣзныя дороги, наводить мосты, прокладывать пути черезъ лѣса. А такъ какъ всѣ эти работы служили необходимымъ подспорьемъ при военныхъ дѣйствіяхъ, то начальники очень скоро оцѣнили чернокожихъ солдатъ и охотно брали ихъ въ свои отряды.

Несмотря на то, что война начинала тяготить очень многихъ, большинство сѣверянъ не хотѣло ничего слышать о мирѣ подъ условіемъ раздѣленія государства или допущенія рабства въ одной его части. На засѣданіи конгресса въ декабрѣ 1863 года одинъ депутатъ внесъ предложеніе: обратиться къ президенту съ просьбой, чтобы онъ вступилъ съ правительствомъ конфедератовъ въ переговоры о прекращеніи кровопролитной, опустошительной и безчеловѣчной борьбы. Это предложеніе вызвало въ засѣданіи цѣлую бурю негодованія, и въ концѣ концовъ конгрессъ почти единогласно объявилъ, что онъ требуетъ самаго энергичнаго и безпощаднаго продолженія войны, пока власть союзнаго правительства не будетъ возстановлена во всей странѣ, что онъ не желаетъ ни перемирія, ни мира, ни соглашенія, пока хоть одинъ мятежникъ будетъ возставать противъ союзнаго правительства съ оружіемъ въ рукахъ, что на время войны онъ не признаетъ никакихъ партій, кромѣ двухъ патріотовъ и измѣнниковъ!

Послѣ такого рѣшительнаго заявленія всѣ голоса, требовавшіе мира по своимъ личнымъ соображеніямъ, должны были умолкнуть, и приготовленія къ кампаніи 1864 г. пошли съ удвоенной энергіей.

ГЛАВА VIII.

Генералъ Грантъ былъ главнокомандующимъ. Новыя неудачи генер. Ричмондомъ. Вашингтонъ въ опасности. Фортъ Дарлингъ. Поединки Теннессійской арміи. Походъ Генерала Шермана въ Георгію.—„Алабама" поймана.—Взятіе Мобиля.

Для того, чтобы придать военнымъ дѣйствіямъ больше единства, президентъ предложилъ конгрессу возстановить существовавшее въ прежнее время званіе генералъ-лейтенанта, — главнокомандующаго всей арміей, и возвести въ это званіе генерала Гранта, прославившагося на Теннесси и въ Виксбургѣ, пользовавшагося уваженіемъ и симпатіей всего войска. Конгрессъ безпрекословно согласился съ этимъ предложеніемъ, и съ марта мѣсяца Грантъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Сѣверяне располагали арміей въ 450,000 человѣкъ, четверть которой составляли негры; южане могли противопоставить имъ не болѣе 250,000. Флотъ союза, состоявшій изъ семи эскадръ, насчитывалъ 74 панцырныхъ судна и 432 паровыхъ военныхъ судна. Грантъ поручилъ генералу Шерману командованіе Теннессійскою арміей, а самъ принялъ начальство надъ Потомакскою. Онъ поставилъ себѣ задачей разбить главныя силы противниковъ, находившіяся подъ начальствомъ Ли, и овладѣть Ричмондомъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, Грантъ постарался стянуть къ себѣ побольше войскъ изъ другихъ отрядовъ; кромѣ того, три фланговыя нападенія должны были поддержать его атаку съ фронта. Съ востока, изъ порта Монроэ, долженъ былъ подойти Бутлеръ, съ юга, изъ Суффолька, Кауцъ, съ запада Зигель, которому предстояло спуститься въ Шенандоаскую долину и перейти Аллеганскія горы.

5 мая Грантъ съ своими войсками перешелъ рѣку Рапиданъ и тотчасъ же напалъ на правое крыло Ли. Только ночь прекратила отчаянную битву, послѣ которой поле было усѣяно тысячами тѣлъ убитыхъ и раненыхъ. Въ слѣдующіе дни происходили такія же кровопролитныя сраженія, во время которыхъ съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя до 30,000 человѣкъ. Несмотря на крайнее истощеніе своихъ войскъ, Грантъ рѣшилъ окружить лѣвый флангъ противника, чтобы оттѣснить его отъ Ричмонда. Замѣтивъ это намѣреніе, Ли отступилъ на югъ и занялъ позицію при Горкъ-риверѣ, откуда ему легче было дать отпоръ Бутлеру, укрѣпившемуся на Джемсъ-риверѣ.

Бутлеръ съ своимъ отрядомъ, усиленнымъ еще двумя корпусами, сѣлъ на суда въ Монроэ, двинулся къ Горктоуну и послалъ одну бригаду подъ прикрытіемъ канонерской лодки къ Вестъ-пойнту. Это сильно встревожило Ли, который предположилъ, что непріятель намѣренъ зайти ему въ тылъ. Между тѣмъ Бутлеръ ночью 4 мая повернулъ назадъ и со всей своей флотиліей, состоявшей изъ 5

панцырныхъ судовъ и 21 канонерской лодки, поплылъ вверхъ по Сенъ-Джемсу. По условію съ Грантомъ, онъ долженъ былъ соединиться съ нимъ и первымъ появиться у воротъ Ричмонда. Этотъ планъ однако не удался. Отрядъ южанъ подъ начальствомъ Борегара, пользуясь густымъ туманомъ, напалъ на Бутлера врасплохъ и причинилъ ему такія громадныя потери, что онъ не могъ поддерживать главныя силы, а, напротивъ, самъ нуждался въ поддержкѣ.

Между тѣмъ атаки Гранта на Ли и съ фланга и съ фронта оказывались безуспѣшными. Ли, правда, отступилъ, но занялъ сильно укрѣпленную позицію въ болотистой и гористой мѣстности, подъ защитой ричмондскимъ укрѣпленій.

Тогда Грантъ понялъ, что сдѣлалъ большую ошибку, выбравъ для нападенія сѣверную часть Ричмонда, которая была наилучше укрѣплена. Кромѣ того, его войска стояли въ очень сырой, нездоровой мѣстности, и среди нихъ стали развиваться болѣзни. Поэтому онъ рѣшилъ сдѣлать обходное движеніе и, соединившись съ Бутлеромъ, попытаться подойти къ городу съ юга. Чтобы скрыть этотъ маневръ отъ непріятеля, онъ поручилъ корпусу Варрена и кавалеріи отвлечь вниманіе Ли въ другую сторону.

13 іюня войска Гранта достигли Джемсъ-ривера и на другой день переправились черезъ эту рѣку. Фортъ Дарлингъ защищалъ Джемсъ-риверъ на разстояніи двухъ часовъ пути отъ Ричмонда. Кромѣ того это рѣка была заперта потопленными судами, подводными минами и торпедами. Грантъ рѣшилъ пройти еще южнѣе къ Питербургу и овладѣть сначала этимъ городомъ. 15-го числа его авангардъ двинулся черезъ притокъ Джемса Аппаматокъ къ Питербургу; въ это время дивизія Бутлера должна была занимать Борегара, стоявшаго съ 30.000 войскомъ на дорогѣ между Ричмондомъ и Питербургомъ, а 2-му корпусу, подъ начальствомъ Гапкока, приказано было спѣшить къ Питербургу, чтобы поддержать атаку авангарда. Планъ этотъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе: второй корпусъ замѣшался въ пути и пришелъ въ Питербургъ, когда Борегаръ былъ уже тамъ. Бутлеръ, слишкомъ поздно замѣтившій удаленіе Борегара, двинулся къ ричмондско-питербургской желѣзной дорогѣ, но натолкнулся на Ли, который спѣшилъ съ своимъ авангардомъ въ Питербургъ и нанесъ ему сильное пораженіе. Всѣ попытки Гранта взять городъ штурмомъ оказались неудачными, его нападенія на Ли и Борегара были тоже отбиты съ большими потерями. Тогда онъ постарался занять крѣпкую позицію и повелъ правильную осаду города; послѣ нѣсколькихъ жаркихъ схватокъ наступила пріостановка военныхъ дѣйствій.

Въ то время, какъ Грантъ безуспѣшно пытался овладѣть столицею южанъ, Вашингтонъ, столица союза, едва не достался въ руки непріятеля.

28 апрѣля, слѣдуя распоряженію главнокомандующаго, генералъ

Эвель выступилъ изъ Гарперсъ-Ферри, чтобы спѣшить къ Ричмонду, но по дорогѣ наткнулся на корпусъ подъ начальствомъ Брекенриджа, высланный противъ него Ли, и былъ разбитъ на голову. Онъ отступилъ къ Страсбургу, гдѣ остатки его отряда присоединились къ отряду генерала Гунтера. Гунтеръ перешелъ въ первой половинѣ іюня Аллеганскія горы, но тутъ ему загородилъ дорогу сильный корпусъ подъ начальствомъ Ирли. Ирли и Брекенриджъ, воспользовавшись тѣмъ, что конница изъ отряда Гунтера уже двинулась къ Ричмонду подъ начальствомъ Шеридана, вступили въ Мэрилэндъ и подвигались къ Вашингтону.

Страхъ и ужасъ овладѣли населеніемъ Вашингтона. Гарнизонъ города былъ очень невеликъ, укрѣпленія не могли устоять противъ энергичнаго нападенія непріятеля. Брекенриджъ хвасталъ, что возьметъ столицу союза и не пощадитъ въ ней ни одного дома. Онъ уже подошелъ почти къ самому форту Стивена, и если бы далъ немедленный приказъ начать приступъ, городъ, по всей вѣроятности, былъ бы взятъ. Но онъ промедлилъ на одинъ день, и въ это время успѣлъ подойти отрядъ Потомакской арміи, посланный Грантомъ для защиты столицы. Южане принуждены были отступить, и жители Вашингтона съ облегченнымъ сердцемъ слушали, какъ громъ орудій все больше и больше удалялся отъ города.

Корпусъ Ханъ остановился въ Винчестрѣ, а затѣмъ занялъ укрѣпленную позицію въ долинѣ Шенандоа и оттуда продолжалъ угрожать Мэрилэнду, пока въ октябрѣ генералъ Шериданъ не нанесъ ему рѣшительнаго пораженія при Цедаръ-Крикъ и не овладѣлъ всей долиной Шенандоа.

Чтобы отомстить непріятелю за это покушеніе, генералъ Грантъ, продолжая осадныя работы около Питерсбурга, въ то же время сдѣлалъ нападеніе на фортъ Дарлингъ, что заставило Ли такіе раздѣлить свои силы. Пока главнокомандующій распоряжался атакой на Дарлингъ, генералъ Мидъ началъ штурмъ Питерсбурга. Штурмъ открылся взрывомъ мины, въ которую было заложено 60,000 фунтовъ пороха. Эта мина имѣла 500 фут. длины и 20 глубины; надъ ней работали нѣсколько недѣль. Всю ночь на 30 іюля осаждающіе бомбардировали городъ. На разсвѣтѣ раздался глухой грохотъ, земля заколебалась, и вдругъ показалась какая-то неопредѣленная масса, которая начала быстро подниматься изъ земли, летѣла все выше и выше, потомъ стала падать тысячью обломковъ. Это взлетѣлъ на воздухъ нѣмецкій фортъ. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ произошелъ взрывъ, стало густое, бѣловатое облако, которое при безвѣтренной погодѣ долго не разсѣивалось и лежало, точно какое-то гробовое покрывало. Вслѣдъ за взрывомъ загремѣли сотни орудій, и штурмовыя колонны, во главѣ которыхъ стояли полки изъ негровъ, быстрымъ шагомъ двинулись впередъ. Но непріятель направилъ на бреши, открытыя взрывомъ,

убійственный огонь, и эти отверстія, наполненныя землей, балками, досками и трупами, представляли ужасающее зрѣлище. Подходили все новыя колонны, новыя батареи открывали по нимъ огонь, и цѣлые ряды падали на мѣстѣ. Наконецъ Грантъ, подосп'явшій къ мѣсту дѣйствія, убѣдился, что эта страшная гибель людей безполезна, и приказалъ бить отбой.

Послѣ этого каждый день слѣдовали битва за битвой изъ-за обладанія желѣзной дорогой, которая вела къ Ричмонду. Въ концѣ августа Гранту удалось, наконецъ, занять выгодную позицію на этой дорогѣ, и онъ рѣшился въ ожиданіи подкрѣпленій ограничиться защитой ея, не переходя къ наступательнымъ дѣйствіямъ. За одинъ августъ мѣсяцъ обѣ враждебныя арміи потеряли до 10,000 человѣкъ; стычки, которыя происходили между ними въ остальные мѣсяцы года, уносили все новыя и новыя жертвы, не давая положительной побѣды ни той, ни другой сторонѣ.

На западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій событія принимали гораздо болѣе рѣшительный характеръ. Генералъ Шерманъ, назначенный главнокомандующимъ въ Теннесси, съ начала лѣта перешелъ въ наступленіе.

На югъ отъ Чаттанога, въ Георгіи, находится городъ Атланта, лежащій на узлѣ желѣзнодорожнаго сообщенія съ Теннесси, Алабамой и Каролиной. Шерманъ понималъ важное значеніе этого города и задумалъ овладѣть имъ. Оставивъ 5,000-ный корпусъ для охраны Чаттанога, онъ съ остальнымъ войскомъ (70,000 человѣкъ) двинулся на югъ и, встрѣтивъ непріятельскій отрядъ Джонстона, принудилъ его отступить. Мѣстность, по которой приходилось итти войскамъ Шермана, представляла громадныя затрудненія: Сѣверная Георгія вся перерѣзана цѣпями холмовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга не долинами, а ущельями. Всюду отвѣсныя скалы, гранитныя горы, покрытыя грудами валуновъ, по которымъ едва можетъ пройти охотникъ. Приходилось строить дороги черезъ ущелья, горы, болота и лѣса, наводить безчисленные мосты и сооружать огромныя укрѣпленія для каждаго ночлега: нужно было подъ палящимъ солнцемъ проходить, не останавливаясь, большія пространства и при этомъ постоянно остерегаться засады непріятеля, постоянно готовиться къ стычкѣ съ нимъ. Генералъ Худъ, замѣстившій Джонстона, по пятамъ преслѣдовалъ непріятеля и нѣсколько разъ заставлялъ его отклоняться отъ прямого пути. Послѣ цѣлаго ряда безполезныхъ маневровъ, Шерманъ подошелъ къ Атлантѣ и началъ осаду города. Непріятель три раза пытался взять штурмомъ его укрѣпленія, но всякій разъ былъ отброшенъ съ большими потерями. Недѣли три простоялъ онъ въ своей крѣпкой позиціи, но наконецъ убѣдился, что осада Атланты, которую защищалъ сильный отрядъ Худа, потребуетъ слишкомъ много времени и труда. Онъ снялъ ее, оставилъ около города одинъ корпусъ, а самъ съ остальною арміей

двинулся обходомъ на западъ и разрушилъ Маконскую желѣзную дорогу, по которой Атланта получала подвозы продовольственныхъ припасовъ. Гудъ выслалъ противъ него корпусъ Гарди, но Шерманъ уже успѣлъ занять выгодную позицію и нанесъ рѣшительное пораженіе непріятелю. Тогда Гудъ рѣшилъ очистить Атланту и перешелъ со всѣми своими силами въ Теннесси съ тѣмъ, чтобы прервать сообщеніе Атланты съ Чаттанога, зайти въ тылъ Шерману и отрѣзать ему всякое сообщеніе съ Сѣверомъ. Однако Шерманъ угадалъ этотъ планъ и немедленно отправилъ Гакера съ однимъ отрядомъ на помощь находившейся въ опасности Чаттанога, а генерала Томаса съ другимъ, чтобы задерживать Гуда; самъ же онъ съ остальною частью арміи двинулся отъ Атланты, но куда — этого никто не зналъ. Его неожиданное исчезновеніе одинаково безпокоило, какъ друзей, такъ и враговъ. На сѣверѣ трепетали за судьбу арміи, проникшей въ самый центръ непріятельской страны и прервавшей всякія сношенія со своими. На югѣ страшились за свои плохо защищенные города и не знали, на который изъ нихъ будетъ сдѣлано нападеніе. Президентъ конфедератовъ Джефферсонъ Дэвисъ и другіе генералы южанъ настойчиво требовали, чтобы Гудъ слѣдовалъ по пятамъ за Шерманомъ, настигъ его и нанесъ ему смертельный ударъ. Но такой планъ гораздо легче было составить, чѣмъ исполнить. Когда Гудъ съ своимъ 40,000 отрядомъ двинулся въ Теннесси, чтобы прервать линію союзныхъ войскъ, Томасъ пошелъ вслѣдъ за нимъ и настигъ его недалеко отъ города Нашвиля. Произошла битва, окончившаяся побѣдой Томаса, который вступилъ въ Нашвиль и соединился тамъ съ однимъ новообразованнымъ корпусомъ. Послѣ этого его силы не уступали численностью силамъ противника. Между ними произошло новое кровопролитное сраженіе, послѣ котораго Гудъ принужденъ былъ отступить на юго-западъ и укрѣпиться въ городѣ Коринѳѣ, собирая свои разсѣянныя войска.

Противъ Шермана могъ выступить только небольшой конный отрядъ Вилера, который былъ очень скоро отвлеченъ. Борегаръ поспѣшно стягивалъ войска къ Августѣ, думая, что непріятель двинется вдоль желѣзной дороги на востокъ, по направленію къ Чарльстону или къ Ричмонду. Но Шерманъ обманулъ его расчеты. Отъ Атланты онъ пошелъ прямо на югъ къ Макону, затѣмъ повернулъ на востокъ, перешелъ черезъ двѣ рѣки и спустился въ долину Саванны. Прежде, чѣмъ предпринять этотъ походъ, онъ удалилъ изъ своей арміи всѣхъ лишнихъ людей и, держа свои намѣренія въ полной тайнѣ, успѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль обмануть бдительность непріятеля. Съ арміей въ 50,000 человѣкъ онъ безпрепятственно прошелъ 300 англ. миль по населеннѣйшему штату юга и появился около приморскаго города Саванны, защищаемаго 15,000 человѣкъ подъ начальствомъ Гарди. Не медля ни одного дня, онъ взялъ приступомъ передовое укрѣп-

леніе города. Эскадра союза, стоявшая между Чарльстоуномъ и Саванной, поспѣшила съ отрядомъ генерала Фостера поддержать его; генералъ Гарди понялъ, что не въ состояніи защищать плохо укрѣпленный городъ противъ превосходныхъ силъ непріятеля, и отступилъ къ Чарльстоуну. 12 ноября Шерманъ таинственно исчезъ изъ Атланты, а къ Рождеству, онъ въ видѣ праздничнаго подарка, преподнесъ союзу Савапну. Побѣдителю досталось 150 орудій и 30,000 тюковъ хлопка, но главное было то впечатлѣніе, какое произвело его смѣлое предпріятіе. Уныніе распространилось среди южанъ. Они видѣли, что силы ихъ сломлены, что имъ приходится вести борьбу съ мужествомъ отчаянья, но почти безъ надежды на успѣхъ. Послѣ побѣды Томаса надъ Гудомъ, Кентукки и Теннесси оказались подъ властью сѣверянъ: въ Миссури генералъ Плизантонъ разбилъ войска Прайса, взялъ въ плѣнъ тысячу человѣкъ, между прочимъ двухъ генераловъ, и овладѣлъ фортомъ Скотъ. Морскія операціи сѣверянъ тоже шли успѣшно. Въ 1864 году союзъ затратилъ громадныя суммы на усиленіе своего флота и довелъ число своихъ военныхъ судовъ до 671. Ему это было необходимо для того, чтобы блокировать южныя гавани и чтобы ловить въ открытомъ морѣ иностранныхъ, преимущественно англійскихъ каперовъ, которые захватывали торговые суда сѣверныхъ штатовъ и причиняли громадный вредъ ихъ торговлѣ. Однимъ изъ самыхъ дерзкихъ каперовъ былъ „Алабама“, находившійся подъ начальствомъ капитана Рафаэля Симмеса. Въ іюлѣ 1864 г. этотъ корабль, построенный въ одной изъ англійскихъ гаваней и вооруженный англійскими матросами, возвратился въ европейскія воды, чтобы запастись каменнымъ углемъ. Его преслѣдовалъ союзный корветъ „Корсаръ“, который напалъ его недалеко отъ французской гавани Шербурга и вызвалъ на бой. „Алабама“ приняла этотъ вызовъ.

Ожесточенный бой продолжался два часа и кончился полнымъ пораженіемъ капера.

Несмотря на большое количество судовъ, сѣверянамъ все-таки не удавалось вполнѣ блокировать южныя гавани. Сквозь линію сторожевыхъ судовъ безпрестанно проскальзывали такъ называемыя „нарушители блокады“. Послѣ взятія Новаго Орлеана они находили убѣжище въ хорошо защищенныхъ гаваняхъ южныхъ штатовъ, въ Мобилѣ, Чарльстоунѣ и Вильмингтонѣ. Потому-то съ самаго начала войны сѣверяне постоянно дѣлали попытки овладѣть этими гаванями. 5 августа 1864 г. адмиралъ Фарраготь подошелъ съ своей эскадрой къ Мобилю. Небольшая бухта Мобиль въ Мексиканскомъ заливѣ была хорошо защищена сильно укрѣпленными фортами, которые господствовали надъ узкимъ входомъ въ гавань. Въ гавани стояло двѣнадцать большихъ военныхъ судовъ конфедератовъ, изъ нихъ 4 панцырныя. Четырнадцать судовъ Фаррагота были по большей части деревянныя, не „желѣзные котлы“, какъ онъ презрительно называлъ

мониторовъ. Въ семь часовъ союзный флотъ двинулся подъ перекрестный огонь фортовъ. На передовомъ суднѣ „Гартфортъ“ стоялъ адмиралъ, привязанный веревкой къ такелажу, чтобы не упасть въ случаѣ раны. Среди адскаго грохота бомбъ, среди взрыва адскихъ машинъ и треска пылавшаго дерева, онъ спокойно наблюдалъ за ходомъ сраженія и отдавалъ въ рупоръ приказанія на палубу, гдѣ съ каждой минутой увеличивалось число раненыхъ и убитыхъ. Мортиры, гранаты, бомбы, картечь жужжали въ воздухѣ; непріятельскія стѣны были залиты огнемъ. Наконецъ фортъ принужденъ былъ замолчать: въ его стѣнахъ появились сильныя пробоины, орудія были сбиты. Тогда на сцену выступилъ непріятельскій флотъ. Капонерскія лодки подкрадывались незамѣтно и бросали свои стальные крючья на эскадру. Одно изъ панцырныхъ судовъ Фэррагота попало на подводную адскую машину. Его подбросило вверхъ вмѣстѣ съ массою воды; послышался глухой трескъ, и затѣмъ оно пошло ко дну со всѣмъ своимъ экипажемъ. Другое судно, сильно прострѣленное, принуждено было сдаться. Но адмиралъ, нисколько не смущаясь этими случайностями, храбро подвигался впередъ съ своей эскадрой. Скоро ему удалось или разбить или взять въ плѣнъ мелкія непріятельскія суда; но большой желѣзный корабль „Тенесси“, на которомъ находился самъ адмиралъ Бухананъ, продолжалъ наносить страшныя поврежденія его флоту. Тогда онъ отдалъ приказъ своимъ деревяннымъ кораблямъ устремиться на закованнаго въ броню противника и опрокинуть его. Самъ онъ на своемъ адмиральскомъ кораблѣ на всѣхъ парахъ понесся на врага. Подошедши къ нему на 12 шаговъ, онъ приказалъ дать залпъ изъ всѣхъ мортиръ, а затѣмъ ударилъ носомъ своего корабля въ панцырь противника. Едва только онъ повторилъ два раза этотъ маневръ, какъ „Тенесси“, получившій и съ другой стороны сильныя поврежденія, сдался. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ была одержана блистательная побѣда, доказавшая, что панцырныя суда далеко не такъ неуязвимы, какъ считалось до тѣхъ поръ. Послѣ уничтоженія флота форты не могли болѣе держаться; меньшіе изъ нихъ сдались на другой же день, а большій, Морганъ, былъ вскорѣ взятъ приступомъ.

ГЛАВА IX.

Президентскіе выборы.—Взятіе Вашингтона и Чарльстона.—Ричмондъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.—Отчаянная попытка Ли.—Петербургъ и Ричмондъ сдаются.—Положеніе военнопленныхъ.—Линкольнъ въ Ричмондѣ.—Ли принужденъ сдаться.—Бѣгство Дэвиса.—Звѣздное знамя на фортѣ Сёмтеръ.

4 марта 1865 года истекалъ срокъ президентства Линкольна, но выборныя волненія начались еще за нѣсколько мѣсяцевъ до этого. Южные штаты, понятно, не принимали участія въ выборахъ, а въ сѣверныхъ образовались двѣ партіи. Одна хотѣла продолженія войны

до тѣхъ поръ, пока единство союза не будетъ окончательно утверждено и рабство навсегда уничтожено въ немъ; другіе требовали мира съ Югомъ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, такъ какъ война и безъ того унесла слишкомъ много жертвъ, потребовала слишкомъ много расходовъ. Первые желали переизбранія Линкольна, вторые выставляли своимъ кандидатомъ генерала сѣверной арміи Макъ-Клеллана.

Выборы происходили въ ноябрѣ 1864 года, и Линкольнъ получилъ громадное большинство голосовъ. Всѣ сѣверные штаты, за исключеніемъ Делавара, Нью-Джерси и Кентукки, подали голосъ за него. Сѣверо-американскій народъ показалъ, что умѣлъ цѣнить человѣка, который съ такимъ самоотверженіемъ, съ такою неутомимою преданностью служилъ ему, который твердо и рѣшительно шелъ по разъ намѣченному пути, не предаваясь отчаянью въ минуты самыхъ тяжелыхъ испытаній, не увлекаясь ни гордостью, ни честолюбіемъ.

Избраніе Линкольна произвело подавляющее впечатлѣніе на южанъ. Они знали, что съ этимъ президентомъ не можетъ быть никакихъ разговоровъ о мирѣ, о соглашеніи, что онъ станетъ продолжать войну, пока союзъ не будетъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ, пока негры не будутъ признаны людьми равноправными съ бѣлыми. А между тѣмъ силы ихъ истощались, между ихъ предводителями начались ссоры и пререканія. Тянуть еще четыре года кровопролитную, разорительную борьбу было тяжело, безусловно подчиниться побѣдителямъ и лишиться всего, за что они боролись, еще тяжелѣе. Къ новому 1865 году конфедераты могли выставить въ полѣ всего 170.000 человѣкъ, сѣверная армія равнялась 245.000 человѣкъ и бодро смотрѣла на предстоявшую кампанію, одушевленная побѣдами послѣднихъ мѣсяцевъ.

Въ началѣ февраля Линкольнъ устроилъ въ главной квартирѣ Гранта большой военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе начальники отдѣльныхъ частей и на которомъ составленъ былъ общій планъ дѣйствій. Рѣшено было преслѣдовать двѣ задачи: во-первыхъ, овладѣть главными портами, еще оставшимися подъ властью южанъ, во-вторыхъ, окружить со всѣхъ сторонъ главную непріятельскую армію, стоявшую подъ начальствомъ Ли около Ричмонда.

Адмиралъ Портеръ стоялъ съ своей эскадрой панцырныхъ судовъ передъ портомъ Вильмингтонъ. Нѣсколько попытокъ его штурмовать фортъ Фишеръ, защищавшій портъ, кончились неудачей. Утромъ 12 января суда его, не обращая вниманія на градъ непріятельскихъ ядеръ, стали на якорѣ прямо противъ форта и открыли канонаду. Огонь ея былъ такъ хорошо направленъ, что скоро вся прислуга, находившаяся при орудіяхъ въ фортѣ, оказалась перебитой. Въ то же время на берегъ высадился десантъ въ 8000 человѣкъ, который вскорѣ былъ удвоенъ. 312 пушекъ сыпали свои разрушительные сна-

ряды на укрѣпленія форта. Непріятельскія батареи принуждены были замолчать, и потому союзный флотъ потерпѣлъ сравнительно небольшія потери. На слѣдующій день, послѣ новаго бомбардированія форта съ судовъ, сухопутныя войска пошли на приступъ и успѣли утвердиться въ западной части форта. Битва продолжалась все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ, но наконецъ гарнизонъ принужденъ былъ сдаться; побѣдителямъ досталось 72 орудія и 2000 плѣнныхъ. Союзныя войска потеряли болѣе 500 человѣкъ, и начальники всѣхъ трехъ штурмовыхъ бригадъ были ранены. Послѣ этого предстоялъ еще штурмъ укрѣпленій самого Вильмингтона. Защитники его дрались съ отчаяннымъ мужествомъ и отбили нѣсколько атакъ. Но на помощь союзнымъ войскамъ явилась дивизія Шофильда, которая овладѣла фортомъ Андерсонъ, прикрывавшимъ городъ съ суши. Генералъ Гукъ, видя, что городу грозитъ опасность съ двухъ сторонъ и что онъ не въ состояніи болѣе защищаться, очистилъ его. Такимъ образомъ южане потеряли важную гавань на Атлантическомъ океанѣ, черезъ которую получали свои военные матеріалы.

Между тѣмъ генералъ Шерманъ двинулся изъ Саванны къ Чарльстону съ тѣмъ, чтобы отрѣзать сообщеніе этого города съ югомъ, въ то время, какъ корпусъ, осаждавшій Вильмингтонъ, окружитъ его съ сѣвера. Генералъ Гарди избѣжалъ опасности попасть въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ тѣмъ, что очистилъ Чарльстонъ, который такимъ образомъ безъ выстрѣла достался сѣверянамъ. Новая значительная гавань пріобрѣталась ими на Атлантическомъ океанѣ.

Шерманъ соединился съ колоннами, шедшими отъ Вильмингтона, и двинулся въ Сѣверную Каролину, которую защищалъ Джонстонъ и 20000 корпусъ Брэгга, стоявшій въ Гольдсборѣ. Нѣсколькими незначительными схватками сѣверянамъ удалось отбросить непріятеля, который сосредоточилъ свои силы въ Ралей, главномъ городѣ Сѣв. Каролины, между тѣмъ какъ Шерманъ занялъ Гольдсборо, откуда онъ господствовалъ надъ вельдонскою желѣзною дорогою, шедшею прямо къ Питерсбургу кратчайшимъ путемъ къ границамъ Виргиніи.

Чтобы отрѣзать Ричмонду сообщеніе съ западомъ, генералъ Шериданъ овладѣлъ городомъ Линчбургомъ и разрушилъ какъ ричмондо-линчбургскую желѣзную дорогу, такъ и Джемсъ-риверскій каналъ. Генералъ Ли видѣлъ, что если врагамъ не удастся взять городъ штурмомъ, они голодомъ принудятъ его сдаться, и для спасенія его придумалъ отчаянный планъ. Пользуясь тѣмъ, что Портеръ сосредоточилъ всѣ панцырныя суда въ Вильмингтонѣ, онъ рѣшилъ спуститься съ мониторами и панцырными кораблями, стоявшими въ Ричмондѣ, внизъ по рѣкѣ Джемсу, гдѣ вслѣдствіе обильныхъ дождей было половодье, уничтожить транспортный флотъ противника, стоявшій при Сити-пойнтъ, выйти въ Чизапикскую губу и подняться къ самому Вашингтону.

Если бы этотъ планъ удался, Гранту, конечно, пришлось бы отдѣлить часть своихъ силъ на защиту столицы, и Ричмондъ могъ бы быть спасенъ. Флотъ, состоявшій изъ большихъ, сильныхъ судовъ, незамѣтно проплылъ мимо форта Гаррисона, но тутъ случилась бѣда: первый корабль благополучно миновалъ тѣ заграждения на рѣкѣ, какія были сдѣланы Грантомъ, второй и третій сѣли на мель, и первый долженъ былъ вернуться, чтобы помочь имъ. Это погубило все дѣло. Южанамъ пришлось заботиться лишь о томъ, чтобы спасти свои суда, а не о томъ, чтобы итти на Вашингтонъ.

Послѣ этого Ли еще нѣсколько разъ пытался производить атаки на непріятельскія позиціи, но всѣ онѣ были отбиты. Наконецъ 1-го апрѣля, послѣ того, какъ Шериданъ овладѣлъ укрѣпленіями въ Файфъ-Фарксѣ, защищавшими линчбургскую желѣзную дорогу, а Портеръ съ своимъ флотомъ вступилъ въ Джемсъ-риверъ, Грантъ отдалъ приказъ бомбардировать Питерсбургъ. Загрохотали пушки, непріятель слѣлалъ вылазку, которая была отбита: Шериданъ носился словно ураганъ по полю сраженія, воодушевляя войска. Портеръ засыпалъ снарядами съ своихъ судовъ фортъ Дарлингъ. Пятнадцать часовъ продолжалась битва, необыкновенная по своей жестокости и по упорству сражающихся. Укрѣпленія были взяты штурмомъ, но затѣмъ отбиты и вечеромъ снова взяты.

Въ ночь на 3 апрѣля Ли, сознавая, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, очистилъ и Питерсбургъ и Ричмондъ, но предварительно взорвалъ пацырныя суда и пороховые магазины южанъ. Сѣверянамъ досталось 12,000 плѣнныхъ и 50 полевыхъ орудій.

На разсвѣтѣ союзная армія вступила въ городъ. Съ восторгомъ привѣтствовали ее плѣнные сѣверяне, которые содержались за городомъ, на островѣ Джемскаго канала, въ открытыхъ палаткахъ, и сильно страдали отъ нечистоты, отъ непогоды, отъ голода, отъ дурного обращенія своего караула. Вообще отношенія къ военно-плѣннымъ на сѣверѣ и на югѣ были совершенно различны. *Сѣверяне давали своимъ плѣннымъ хорошее помѣщеніе, порядочную пищу, обращались съ ними вполнѣ кротко и дружелюбно: южане, напротивъ, прямо истязали тѣхъ несчастныхъ, которые попадали въ ихъ руки. Они, по большей части, помѣщали ихъ не въ домахъ, а подъ открытымъ небомъ, давали имъ скудную и при томъ несвѣжую пищу, поручали надзоръ за ними грубымъ и жестокимъ людямъ.* Вслѣдствіе этого между плѣнными развивались разныя болѣзни и сильнѣйшая смертность. Малѣйшая попытка ихъ къ бѣгству наказывались немедленною смертью, и многіе изъ нихъ нарочно дѣлали видъ, что собираются бѣжать, чтобы ихъ поскорѣе пристрѣлили и тѣмъ положили конецъ ихъ невыносимымъ мученіямъ. Объ ужасномъ положеніи плѣнныхъ, конечно, было извѣстно на Сѣверѣ. Газеты писали по этому поводу горячія статьи, общественное мнѣніе было сильно возбуждено. Въ

1863 г. кучка депутатовъ внесла въ конгрессъ проектъ закона объ отмщеніи южанамъ и о болѣе суровомъ содержаніи ихъ плѣнныхъ. Но лучшіе люди сѣвера, и прежде всего самъ президентъ Линкольнъ, не допускали и мысли о мести и жестокости. Когда проектъ закона о плѣнныхъ былъ внесенъ въ сенатъ, противъ него особенно сильно возсталъ сенаторъ Сомнеръ, тотъ самый, который пострадалъ отъ насилія южанъ.

— Подавимъ это дикое возмущеніе, но не будемъ подражать ихъ варварскимъ поступкамъ! закончилъ онъ свою горячую, глубоко прочувствованную рѣчь.

На другой день послѣ взятія Ричмонда Линкольнъ, бывшій въ то время въ дѣйствующей арміи, пріѣхалъ въ покоренный городъ. Его пріѣздъ вовсе не походилъ на торжественное шествіе побѣдителя. Съ нимъ былъ только его маленькій сынъ и небольшая свита моряковъ. Зато встрѣча, ожидавшая его, стоила величайшаго тріумфа. Едва онъ показался на городскихъ улицахъ, какъ его съ восторгомъ окружили толпы освобожденныхъ негровъ. Только теперь, увидѣвъ пораженіе своихъ угнетателей, они поняли, что свободны, и выражали свою радость съ необуздannою страстностью южной расы.

— Ура! Гипъ! Гипъ! Ура! Президентъ Линкумъ пришелъ! кричали они, тѣсняясь вокругъ растроганнаго Линкольна.

— Господи! спаси массу Линкума! раздавались благочестивые возгласы, и слезы умиленія текли по чернымъ щекамъ.

Одна старая негритянка, стоя со сложенными благоговѣйно руками на порогѣ своего домишка, воскликнула:

— Благодарю тебя, о Іисусъ, что Ты далъ мнѣ увидѣть массу Линкума!

Съ трудомъ удалось Линкольну добраться до правительственнаго дворца: онъ вышелъ на балконъ и увидѣлъ, что вся площадь покрыта необозримой толпой черныхъ, бѣлыхъ и коричневыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые прыгали, плясали, махали шляпами и платками и неумолкаемо кричали ему восторженныя привѣтствія.

Линкольнъ радушно принялъ мѣстныя власти и почетнѣйшихъ гражданъ города, говорилъ съ ними о необходимости скорѣйшаго мира и забвенія прежнихъ обидъ, о необходимости работать сообща, чтобы загладить бѣдствія, причиненныя братоубійственной войной, и въ тотъ же день, вполнѣ успокоивъ ихъ своею любезностью, своимъ миролюбивымъ тономъ, уѣхалъ обратно въ Вашингтонъ, чтобы не волновать своимъ присутствіемъ городъ, нуждавшійся прежде всего въ успокоеніи.

Южная армія, оттѣсненная отъ Ричмонда и Питербурга, раздѣлялась на два отряда. Одинъ изъ нихъ, составлявшій правое крыло арміи Ли, былъ разбитъ Шериданомъ и отступилъ на югъ. Другой лѣвое крыло и центръ арміи Ли соединился съ гарнизономъ Ричмонда

недалеко отъ Питербурга и составилъ почти 60000-ый корпусъ. Это была довольно внушительная цифра, но съ нею трудно было что-либо предпринять, такъ какъ войска упали духомъ и дисциплина среди нихъ ослабѣла. Ли разсчитывалъ, что сѣверяне, увлеченные торжествомъ побѣды, не станутъ спѣшить возобновлять военныя дѣйствія и дадутъ ему возможность соединиться съ Джонстономъ, стоявшимъ въ Сѣверной Каролинѣ; но онъ жестоко ошибся. Генералъ Грантъ не сталъ терять времени на парадный въѣздъ въ Ричмондъ, и жители Питербурга съ удивленіемъ видѣли, какъ на другой день послѣ сдачи города густыя массы войска быстрыми шагами двигались по ихъ улицамъ и исчезали за городскими укрѣпленіями въ южномъ направленіи. Ли еще не тронулся съ мѣста, а Грантъ уже шелъ вдоль Данвильской желѣзной дороги, чтобы отрѣзать непріятелю путь въ Сѣверную Каролину. Вскорѣ Ли былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ вражескими отрядами. Всѣ его попытки пробиться сквозь нихъ оканчивались неудачей; 9000-ый отрядъ его подъ начальствомъ генерала Эвеля сдался въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ. Линія, по которой ему слѣдовало итти, была завалена всевозможными матеріалами, орудіями, пороховыми ящиками, армія его изнемогала отъ лишеній и усталости, а онъ все-таки упрямо подвигался впередъ. Но вотъ отрядъ сѣверянъ, стоявшій при рѣкѣ Джемсъ, отрѣзалъ ему послѣдній путь къ отступленію. Отрѣзанный отъ Данвильской желѣзной дороги и отъ арміи Джонстона, со всѣхъ сторонъ окруженный врагами, Ли долженъ былъ выбирать одно изъ двухъ: или вступить въ отчаянную битву и неизбѣжно погибнуть, или сдаться. Грантъ, уважая храбрость своего противника и не желая новаго безполезнаго кровопролитія, написалъ Ли убѣдительное письмо, уговаривая его сдаться вмѣстѣ съ его виргинскою арміей. Ли колебался, спрашивалъ объ условіяхъ, но это была только проволочка времени. Окруженный со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ кольцомъ непріятельскихъ отрядовъ, онъ принужденъ былъ покориться. Грантъ оказался великодушнымъ побѣдителемъ. Онъ не только не поставилъ никакихъ тяжелыхъ или унизительныхъ условій сдачи, но даже не объявилъ своими плѣнниками солдатъ Ли. Онъ просто взялъ съ нихъ обѣщаніе, что они не станутъ больше поднимать оружіе противъ союза, и отпустилъ ихъ на всѣ четыре стороны.

Джонстонъ со своимъ отрядомъ былъ тоже окруженъ арміями Гранта и Шермана и принужденъ сдаться. Послѣ этого уничтоженія виргинской арміи можно было считать войну окончennою, тѣмъ болѣе, что и самъ президентъ отложившихся штатовъ бѣжалъ изъ Ричмонда еще до вступленія въ него союзныхъ войскъ. Джеффersонъ Дэвисъ надѣялся тайкомъ пробраться въ Европу съ накопленными имъ деньгами, но въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Макона былъ окруженъ отрядомъ сѣверной кавалеріи. Онъ попытался, нарядившись въ женское платье, пройти незамѣтно кустарникомъ, но его открыли,

арестовали и отправили, какъ государственнаго преступника, въ крѣпость Монроэ.

Произошло еще нѣсколько небольшихъ стычекъ: на городѣ Мобилѣ еще развивалось знамя южанъ, несмотря на то, что форты, защищавшіе его, были взяты. 8 апрѣля генералъ Кэнби два раза бомбардировалъ укрѣпленія города и принудилъ его, наконецъ, сдаться, а 14 апрѣля звѣздное знамя было снова поднято надъ фортомъ Сёмтеромъ, съ котораго было спято за четыре года передъ тѣмъ.

Кончилась страшная междоусобная война, свирѣствовавшая цѣлыхъ четыре года. Обѣ враждующія стороны вели ее съ одинаковымъ ожесточеніемъ, съ одинаковымъ упорствомъ и, можно сказать, съ одинаковымъ геройствомъ. И съ той и съ другой стороны можно привести массу примѣровъ пламенной отваги, стойкаго мужества, беззавѣтной преданности дѣлу своей партіи. Война кончилась... Но прежде, чѣмъ началось великое дѣло замиренья, пала еще одна жертва.

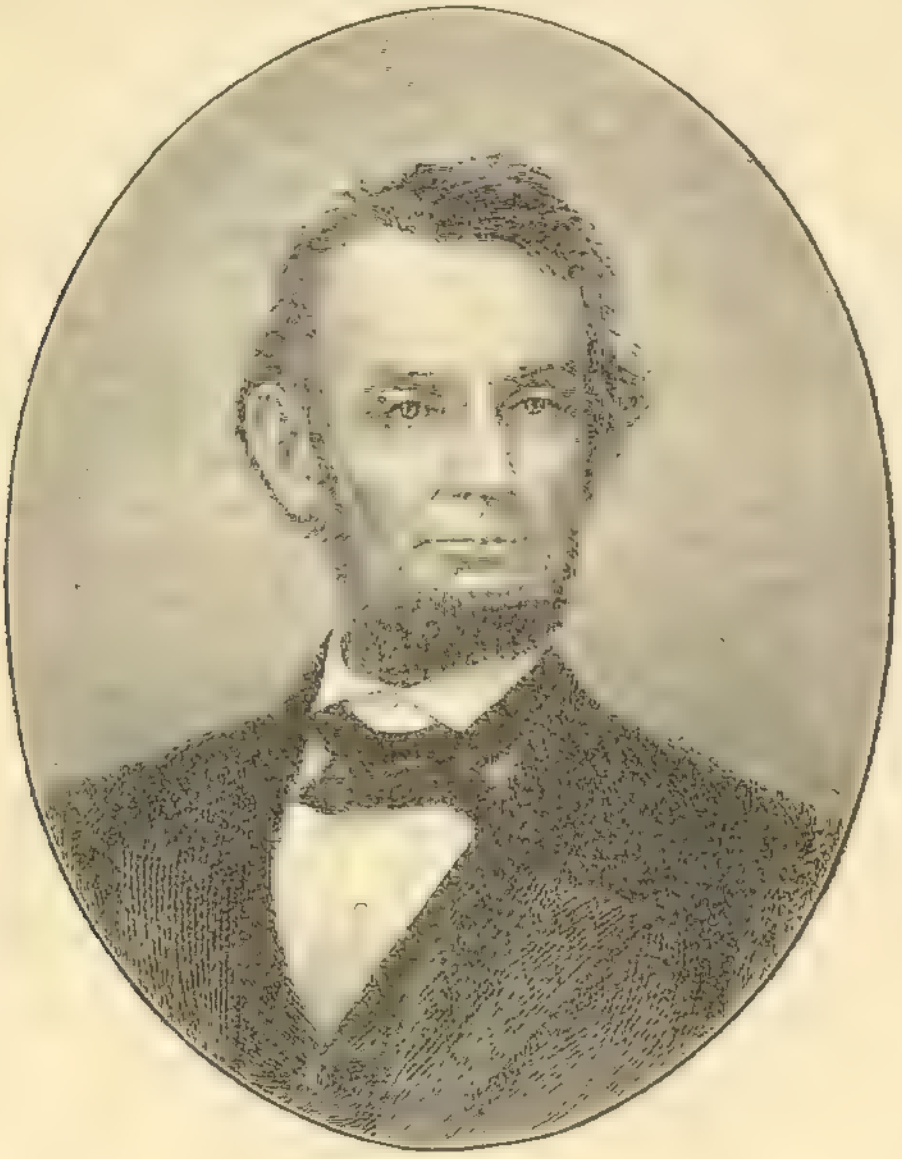
ГЛАВА X.

Президентъ убитъ.—Общее горе и смятеніе.—Преслѣдованіе убійцы.—Погребеніе. Вполнѣ заслуженная слава.—Общее замиреніе. Участіе негровъ въ выборахъ.—Неисправимое предубѣжденіе.

14 апрѣля 1865 получено было въ Вашингтонѣ извѣстіе о томъ, что на фортѣ Сёмтерѣ снова поднято звѣздное знамя союза. По этому поводу въ городѣ устроены были разныя празднества и, между прочимъ, парадный спектакль въ театрѣ. Для президента приготовлена была авансценная ложа бель-этажа, украшенная національнымъ флагомъ. Линкольнъ пріѣхалъ въ театръ съ семьей и нѣсколькими друзьями и былъ, по обыкновенію, встрѣченъ громкими привѣтствіями публики. Онъ сѣлъ въ кресло около оркестра, занавѣсъ поднялся и всѣ глаза устремились на сцену. Вдругъ раздался выстрѣлъ... Испуганная публика сразу не поняла, въ чемъ дѣло, но вотъ изъ ложи президента перескочилъ черезъ барьеръ, прямо на сцену, какой-то человѣкъ, размахивавшій кинжаломъ, и съ крикомъ: „Погибель тиранамъ! Югъ отомщенъ!“ исчезъ за кулисами.

Невозможно описать волненіе, охватившее присутствовавшихъ. Линкольнъ лежалъ въ креслѣ, поддерживаемый женой и маіоромъ Ратбономъ, бывшимъ съ нимъ въ ложѣ. Пуля попала ему въ голову, и онъ былъ безъ сознанія. Тихо, осторожно перенесли больного въ сосѣдній домъ, лучшіе врачи собрались къ его постели, но спасенія не было,—рана оказалась смертельной. Больной провелъ ночь безъ сознанія, окруженный безутѣшной семьей и друзьями, а къ утру его не стало...

Ужасъ и печаль охватили городъ и быстро распространились по всей странѣ. Радость по случаю одержанныхъ побѣдъ и окончанія войны всюду смѣнилась глубокою горестью. Праздничныя украшенія на улицахъ исчезли и замѣнились трауромъ. Во многихъ домахъ ставни были закрыты и затянуты крепомъ, какъ дѣлается въ Америкѣ, когда въ семьѣ случается какое-нибудь несчастіе. Смятеніе въ



Авраамъ Линкольнъ.

Вашингтонѣ еще усилилось, когда распространился слухъ, что въ тотъ же злосчастный вечеръ, 14 апрѣля, сдѣлано было покушеніе на министра иностранныхъ дѣлъ Сьюарда. Министръ лежалъ больной. Какой-то молодой человѣкъ пробрался къ нему въ спальню, свалилъ съ ногъ ухаживавшаго за нимъ слугу и нанесъ министру нѣсколько ранъ ножомъ. Къ счастью, во-время подоспѣли домашніе министра; преступникъ убѣжалъ, и раны, которыя онъ нанесъ, оказались не опасными. А въ городѣ между тѣмъ уже передавали другъ другу, что всѣ члены правительства убиты, что южане возобновляютъ военныя дѣйствія...

Убійство Линкольна не было дѣломъ одного человѣка. Во время войны и президентъ и его министры часто получали угрожающія письма отъ разныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи южанъ, такъ что жизнь ихъ была постоянно въ опасности. Теперь, когда война пришла къ концу, когда Сѣверъ торжествовалъ, въ груди многихъ южанъ кипѣла злоба противъ человѣка, котораго они считали главнымъ виновникомъ своего пораженія, и противъ него составленъ былъ заговоръ. Планъ убійства былъ заранѣе разработанъ во всѣхъ подробностяхъ. Виновникъ его, бывшій актеръ Уилькъ Бутсъ, отлично зналъ расположеніе театра. Вечеромъ 14 апрѣля онъ спрятался въ темномъ коридорѣ около ложи президента и продѣлалъ въ дверяхъ ложи дырочку, черезъ которую могъ наблюдать за всѣмъ, что тамъ происходитъ. Послѣ выстрѣла майоръ Ратбонъ пытался задержать его, но онъ вырвался у него изъ рукъ, скакнулъ на сцену съ высоты двѣнадцати футовъ и исчезъ среди хорошо знакомаго ему лабиринта кулисъ. Около задняго выхода театра его ждала лошадь, на которую онъ сѣлъ и быстро ускакалъ. Его преслѣдовали, искали, но только черезъ нѣсколько дней открыли на одной фермѣ въ южномъ Мэрилэндѣ. Солдаты окружили сарай, въ которомъ онъ прятался, и пригласили его сдаться. Онъ отказался, забаррикадировалъ двери и рѣшилъ сопротивляться до послѣдней крайности. Тогда солдаты подожгли сарай, ворвались въ него и застрѣлили преступника. Нѣсколько товарищей его по заговору были арестованы, преданы суду, и четверо изъ нихъ казнены. Изъ бумагъ, найденныхъ въ чемоданѣ Бутса, обнаружилось, что убійство Линкольна было задумано еще до сдачи Ли и что съ нимъ вмѣстѣ предполагалось убить всѣхъ его министровъ.

Многіе изъ друзей Линкольна требовали, чтобы онъ былъ похороненъ въ Вашингтонѣ. Но штатъ Иллинойсъ предъявилъ свои права: прахъ величайшаго изъ его гражданъ долженъ быть покоиться въ его землѣ. Въ пасмурный апрѣльскій день въ Вашингтонѣ совершено было торжественное заупокойное служеніе, и этотъ день былъ днемъ печали и скорби для всего союза. По всей странѣ гремѣли пушки, звонили колокола, прекратились всѣ занятія, все одѣлось трауромъ. Несмѣтная толпа провожала гробъ, покрытый грудами вѣнковъ, на желѣзно-дорожный поѣздъ, который долженъ былъ везти его въ Иллинойсъ. Въ этой толпѣ слышались громкія рыданья, жалобныя причитанья. Особенно неудержимо выражали свое горе негры. Ихъ вопли и стоны оглашали всѣ улицы. Точно такія же сцены повторялись во всѣхъ городахъ, черезъ которые проѣзжалъ печальный поѣздъ. Всюду огромныя толпы встрѣчали и провожали его съ выраженіями самой искренней печали. Мужчины не стыдились плакать, женщины громко рыдали.

Въ городѣ Спрингфильдѣ, гдѣ прошли лучшіе годы молодости Линкольна, гдѣ онъ началъ свою общественную дѣятельность и гдѣ

у него было много близкихъ друзей и знакомыхъ, предано землѣ его тѣло. Онъ покоится на кладбищѣ у подножія холма, подъ тѣнью чудной дубовой рощи.

Скорбь, вызванная безвременною кончиною Линкольна, ясно показала, какою громадною любовью народа онъ пользовался, съ какимъ довѣріемъ глядѣла на него вся страна. И надобно признаться, что очень немногіе государственные люди заслуживаютъ эту любовь, это довѣріе въ такой мѣрѣ, какъ Авраамъ Линкольнъ. Неподкупная честность и прямота, неутомимое трудолюбіе и удивительная твердость характера соединялись въ немъ съ необыкновенною мягкостью и человѣчностью.

Все время президенства было для него временемъ тяжелой работы и еще болѣе тяжелыхъ заботъ, отъ которыхъ онъ не давалъ себѣ ни одного дня отдыха. Другіе члены правительства во время лѣтнихъ жаровъ обыкновенно уѣзжали изъ Вашингтона,—онъ безсмѣнно оставался на своемъ посту. При этомъ никакія важныя государственныя занятія не могли заставить его отмѣнить обычные пріемы въ „Бѣломъ домѣ", на которые имѣлъ право явиться всякій желающій.

Я чувствую, говорилъ онъ,—что время, затраченное мною на свиданіе съ представителями народной массы, вовсе не потерянное время. Правда, мнѣ приходится иногда выслушивать много вздора, но часто я слышу и полезныя для себя вещи; главное же то, что, благодаря этимъ пріемамъ, я ни на минуту не теряю изъ виду той народной массы, изъ которой я вышелъ и въ которую долженъ буду возвратиться.

И, дѣйствительно, два раза въ недѣлю въ „Бѣлый домъ" шли всѣ и каждый, и богатые, и бѣдные, и ученые, и простые, и старики, и дѣти. Одинъ давалъ президенту совѣтъ, какъ справиться съ врагами, другой предлагалъ какое-нибудь необыкновенное изобрѣтеніе, третій хотѣлъ выслушать его мнѣніе по тому или по другому вопросу, четвертый просилъ у него какой-нибудь милости или подаянья, большинство хотѣло просто посмотрѣть на своего президента и пожать ему руку. 1 января 1864 года множество народа тѣснилось въ залахъ „Бѣлаго дома" для поздравленія президента съ новымъ годомъ. Принявъ визиты разныхъ должностныхъ лицъ и пожавъ руки тысячи поздравителей, Линкольнъ чувствовалъ себя утомленнымъ. Но вотъ за отхлынувшей волной бѣлыхъ посѣтителей явилась новая — черныхъ. Увидя входившихъ негровъ, президентъ сразу оживился, пошелъ навстрѣчу имъ и такъ крѣпко жалъ ихъ руки, такъ радушно разговаривалъ съ ними, что они удалились до слезъ растроганные его любезностью. Да благословитъ васъ Богъ! кричали они ему! Да благословитъ Богъ массу Линкума!

При неудачахъ, сопровождавшихъ первые годы войны, очень многіе республиканцы приходили въ уныніе и отчаянье, многіе колеба-

лись и утверждали, что лучше допустить раздѣленіе союза, чѣмъ выносить бѣдствія войны, результатъ которой покрытъ мракомъ неизвѣстности. Линкольнъ ни разу не усомнился въ конечномъ успѣхѣ праваго дѣла. Но когда побѣда увѣнчала усилія сѣверянъ, когда со всѣхъ сторонъ раздавались голоса, требовавшіе отмщенія мятежникамъ, строгаго наказанія виновныхъ, онъ не переставалъ твердить о необходимости искренняго примиренія и забвенія всѣхъ обидъ.

Послѣ взятія Ричмонда генералъ Шерманъ нѣсколько разъ спрашивалъ министровъ, какъ ему поступить въ случаѣ поимки бывшихъ правителей южанъ, но постоянно получалъ уклончивые отвѣты. Тогда онъ обратился съ своимъ вопросомъ къ президенту.

— Я вотъ что разскажу вамъ по этому поводу, отвѣтилъ Линкольнъ, который очень любилъ уснащать свою рѣчь анекдотами и разными воспоминаніями изъ собственной жизни:—Одинъ проповѣдникъ трезвости, отличавшійся примѣрно строгою жизнью, остановился въ жаркій день, послѣ долгой ѣзды, въ домѣ своего пріятеля. Тотъ сталъ приготовлять ему лимонадъ и при этомъ спросилъ, нельзя ли ради подкрѣпленья его ослабѣвшихъ силъ влить въ этотъ напитокъ капельку водки? „Нѣтъ, отвѣчалъ проповѣдникъ трезвости,— я не пью ни водки, ни вина. Но если вы сдѣлаете такъ, чтобы я не зналъ, какъ въ лимонадъ попадетъ капля водки, это не огорчитъ меня". Мой отвѣтъ вамъ, продолжалъ Линкольнъ, будетъ въ такомъ же родѣ: я обязанъ препятствовать бѣгству Джеффersона Дэвиса, но, если вы устроите, что онъ убѣжитъ безъ моего вѣдома, это нисколько не огорчитъ меня.

Относясь съ такимъ незлобіемъ къ врагамъ, Линкольнъ въ то же время широко пользовался правомъ помилованія, принадлежавшимъ ему, какъ президенту. Во время войны среди молодой, не привыкшей къ дисциплинѣ арміи очень часто случались преступленія противъ воинскаго устава, и многіе изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей старались строгими мѣрами водворить порядокъ среди подчиненныхъ. У одного генерала оказалось въ первую недѣлю его командованья двадцать четыре дезертира, которыхъ военный судъ приговорилъ къ разстрѣлянью. Линкольнъ отказался утвердить приговоръ. Генералъ поѣхалъ въ Вашингтонъ для личныхъ переговоровъ.

— Господинъ президентъ, убѣждалъ онъ, этотъ примѣръ необходимъ, иначе арміи грозитъ полный упадокъ дисциплины. Помилованье нѣсколькихъ человѣкъ вызоветъ гибель многихъ.

— Нѣтъ, генералъ, отвѣчалъ Линкольнъ,—и безъ того слишкомъ много вдовъ проливаютъ слезы въ нашей странѣ; не требуйте, чтобы я увеличивалъ число ихъ: я этого не сдѣлаю.

Въ другой разъ одинъ изъ сенаторовъ конгресса получилъ телеграмму, что его сосѣдъ по имѣнію, котораго онъ самъ уговорилъ поступить въ армію, приговоренъ за важную провинность къ разстрѣ-

лянію на слѣдующій же день. Сенаторъ въ страшномъ волненіи бросился къ военному министру, но не могъ добиться помилованья.

Слишкомъ много такихъ случаевъ осталось безнаказанными, говорилъ ему министръ.

Сенаторъ въ отчаяніи бросился въ „Бѣлый домъ". Было уже поздно, и президентъ легъ спать. Тѣмъ не менѣе сенатору удалось пробраться къ нему въ спальню, и онъ взволнованнымъ голосомъ разсказалъ ему о полученной телеграммѣ: – Этого человѣка нельзя разстрѣлять, господинъ президентъ, говорилъ онъ.—Я его не оправдываю, онъ, конечно, виноватъ, но вѣдь это мой старинный сосѣдъ, – я не могу допустить, чтобы его казнили!

Я и самъ думаю, что разстрѣляніе принесетъ ему мало пользы, спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ Линкольнъ. Дайте-ка мнѣ перо! И онъ написалъ приказъ о помилованіи.

Одинъ только разъ президентъ остался непреклоненъ. Онъ получилъ жалобное письмо съ просьбой о помилованіи отъ одного извѣстнаго торговца неграми, который за свой противозаконный промыселъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію и денежному штрафу.

Нѣтъ, сказалъ Линкольнъ, я могу простить убійцу, но человѣкъ, который въ состояніи поѣхать въ Африку, чтобы ограбить тамъ дѣтей и потомъ продать ихъ въ вѣчную неволю ради нѣсколькихъ сотъ долларовъ наживы, –такой человѣкъ хуже самаго звѣрскаго убійцы! Если бы даже ему пришлось умереть въ тюрьмѣ, я не выпущу его на свободу!

Виновники заговора на жизнь Линкольна имѣли, несомнѣнно, въ виду произвести замѣшательство среди союзнаго правительства и, воспользовавшись имъ, попытаться продолжать борьбу. Но они совершенно ошиблись въ расчетахъ. Послѣ смерти Линкольна президентомъ сдѣлался, на основаніи конституціи, бывшій вице-президентъ Андреа Джонсонъ, всѣ министры остались на своихъ мѣстахъ, и дѣло замиренія быстро пошло впередъ. Многочисленныя арміи были распущены безъ всякаго нарушенія спокойствія, и солдаты съ радостью вернулись къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Впрочемъ, оставлено было подъ ружьемъ 100,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на пять дивизій, подъ начальствомъ генераловъ, особенно отличившихся на войнѣ и пользовавшихся общимъ довѣріемъ. Эти дивизіи были расположены въ различныхъ частяхъ государства и должны были поддерживать спокойствіе въ тѣхъ штатахъ, гдѣ волненіе еще не вполнѣ улеглось, расправляться съ шайками разбойниковъ и заботиться о томъ, чтобы негры, оставшіеся безъ господъ и безъ работы, или записывались въ армію или отправлялись въ колоніи, нарочно устроенныя для черныхъ поселенцевъ.

Удивительно, съ какою быстротою американцы перешли отъ

ожесточенной войны къ полному миру. Какъ люди практическіе, они за эти четыре года распри, вѣроятно, вполнѣ убѣдились, насколько выгодно и для сѣверныхъ и для южныхъ штатовъ составлять одно могущественное государство, взаимно обмѣниваться своими разнообразными произведеніями и отправлять эти произведенія въ Европу изъ общихъ, соединенныхъ портовъ. За время войны торговля, промышленность и народное образованіе въ штатахъ находились въ застоѣ, необходимо было энергично приняться за трудъ, чтобы возмѣстить свои потери. И американцы не теряли времени. Въ годъ-два желѣзныя дороги, испорченныя во время военныхъ дѣйствій, были возстановлены, на Миссисипи появилось больше торговыхъ судовъ, чѣмъ когда-либо прежде, фабрики и заводы работали такъ усердно, что въ продажу поступило вдвое больше товаровъ, чѣмъ до войны.

При избраніи президента въ 1868 году въ первый разъ подавали голоса и негры. Отчасти благодаря имъ, избранъ былъ Улиссъ Грантъ, генералъ, отличившійся во время междоусобной войны. По закону негры получили одинаковыя права съ бѣлыми, но на самомъ дѣлѣ большинство бѣлыхъ не только въ южныхъ, но даже въ сѣверныхъ штатахъ не смотрѣли на нихъ, какъ на вполнѣ равныхъ себѣ. Для черныхъ отдѣлялись особые вагоны на желѣзныхъ дорогахъ, для нихъ строились отдѣльныя школы, даже отдѣльныя церкви. Теперь прошло уже 35 лѣтъ послѣ уничтоженія рабства, негры доказали, что они могутъ успѣшно заниматься не только физическимъ, но и умственнымъ трудомъ, изъ среды ихъ вышло много священниковъ, врачей, адвокатовъ, писателей; но американецъ все-таки не можетъ вполнѣ отдѣлаться отъ полупрезрительнаго отношенія къ „черной крови".

А. Анненская.

Война за освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Р. Хр. славянскіе народы дѣлали набѣги на Восточную, или Византійскую имперію, занимавшую Балканскій полуостровъ. Часть ихъ осѣла на сѣверныхъ окраинахъ полуострова и образовала самостоятельныя государства: болгарское, сербское и боснійское.

Болгарское княжество возникло на берегахъ Дуная въ VII-мъ вѣкѣ по Р. Х. Въ IX-мъ это было уже сильное государство, тревожившее своими набѣгами Византійскую имперію. Населеніе его составилось изъ болгаръ (кочующаго народа финскаго племени) и изъ славянъ, которые очень скоро слились въ одинъ народъ. Въ концѣ IX вѣка болгары приняли христіанство по ученію Православной греческой церкви, а славянскіе святители Кириллъ и Меѳодій составили для нихъ славянскую азбуку и дали имъ первые переводы священныхъ книгъ на славянскій языкъ.

Въ X вѣкѣ, при своемъ первомъ царѣ Симеонѣ, болгарское царство особенно процвѣтало: его владѣнія простирались чуть не до самаго Константинополя, а на сѣверѣ переходили за Дунай. Сербія и Византія платили ему дань.

Въ то же время въ Болгаріи появилось много новыхъ книгъ, по большей части переводовъ разныхъ произведеній религіознаго содержанія. При слабыхъ преемникахъ Симеона болгарское царство раздѣлилось на западное и восточное и пришло въ упадокъ. Восточному царству нанесли сильный ударъ походы русскаго князя Святослава, который овладѣлъ нѣсколькими городами на Дунаѣ и самой столицей царства Прѣславой. Послѣ этого византійскіе императоры безъ труда завоевали всю восточную Болгарію, превратили ее въ провинцію Византіи и дали болгарскимъ городамъ греческія названія.

Западное болгарское царство вело непрерывныя войны съ Византіей. Въ XI вѣкѣ оно было покорено греческимъ императоромъ Василіемъ II, въ XII снова завоевало свою самостоятельность и въ

началѣ XIII-го представляло сильное государство, котораго боялись сосѣди.

Вражда его съ Византіей не прекращалась. Не имѣя силъ сами справиться съ безпокойнымъ сосѣдомъ, греческіе императоры приглашали къ себѣ на помощь татаръ. Ихъ нашествія и внутреннія раздоры снова ослабили царство, такъ что во второй половинѣ XIV вѣка Стефанъ Душанъ, создавшій могущественное Сербское королевство, безъ труда присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ. Вскорѣ послѣ смерти Стефана Душана на Балканскомъ полуостровѣ появились турки. Въ 1389 г. турецкій султанъ Мурадъ I съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ Сербію, въ битвѣ при Косовѣ разбилъ сербскаго короля Лазаря и овладѣлъ Сербіей. Уцѣлѣла только часть Герцеговины, расположенная въ горахъ и сохранившая свою независимость подъ именемъ Черногоріи.

Въ 1393 г. султанъ Баязетъ взялъ приступомъ столицу болгарскаго царства Тырново, увелъ въ плѣнъ послѣдняго болгарскаго царя и болгарскаго патріарха. Болгарія, подобно Сербіи, была обращена въ турецкую провинцію, т.-е. отдана въ жертву грубому произволу турецкихъ чиновниковъ и разнузданной жестокости турецкихъ солдатъ. Боснія и Герцеговина держались нѣсколько дольше, но въ 1483 г. и онѣ были покорены турками.

Для славянъ турецкое иго было еще тяжелѣе, чѣмъ для грековъ. Греки сохранили своего духовнаго главу, патріарха, и свое самостоятельное духовное управленіе. Это давало имъ нѣкоторую опору, объединяло ихъ, служило имъ связью. Славяне лишены были и этого утѣшенія. Послѣ паденія Константинополя (1453 г.) султанъ призналъ главою всѣхъ православныхъ христіанъ Турецкой имперіи греческаго патріарха. Между тѣмъ, несмотря на общее несчастіе, которое должно бы соединить ихъ, греки и славяне не могли забыть своей старой вѣковой вражды. Константинопольскіе патріархи, хоть иногда, да являлись ходатаями за своихъ соплеменниковъ передъ султаномъ, хоть иногда, да защищали ихъ отъ нападокъ мусульманъ; для бѣдствій славянъ они были глухи и нѣмы. Они нисколько не заботились о томъ, чтобы устраивать въ славянскихъ земляхъ школы, чтобы назначать туда такихъ духовныхъ лицъ, которыя служили бы руководителями и учителями народа; они замѣщали греками всѣ высшія духовныя должности и даже иногда назначали въ священники грековъ, незнавшихъ мѣстнаго языка. Вѣроятно, это была одной изъ причинъ, почему многіе славяне отрекались отъ христіанства и принимали магометанство. Бояре и богатые граждане отчасти переселялись за границу со всѣми своими родственниками и слугами, отчасти были перебиты турками, отчасти, принявъ магометанство, совершенно отуречивались. Наиболѣе сильные и энергичные люди изъ народа уходили въ горы и превращались въ разбойниковъ. Оставалась приниженная, забитая рая

(стадо — презрительное названіе, которое турки давали всѣмъ христіанамъ вообще).

Доступъ къ правительственнымъ должностямъ былъ закрытъ для славянъ-христіанъ. Невыгодно было заниматься торговлей въ странѣ, гдѣ не было порядочныхъ дорогъ, гдѣ всякій чиновникъ могъ забрать любой товаръ даромъ или по какой хотѣлъ цѣнѣ. Оставалось земледѣліе и скотоводство. Но и тутъ пахарь не былъ увѣренъ, что засѣянная имъ нива не будетъ вытоптана проходящими солдатами, что его лучшая лошадь, его быкъ не перейдутъ въ стойла къ какому-нибудь пашѣ. И вотъ большія пространства плодороднѣйшей земли оставались необработанными и зарастали сорными травами, богатые сады фруктовыхъ деревьевъ, сливъ, персиковъ, грушъ, абрикосовъ глохли и дичали, виноградники пропадали, на туговыхъ деревьяхъ не было шелковичныхъ червей; земля, надѣленная всѣми дарами природы, еле могла пропитывать жителей.

Вмѣстѣ съ обнищаніемъ народа шло и его нравственное одичаніе, которое особенно сильно сказалось въ Болгаріи. Школъ почти не было, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не было напечатано ни одной книги на болгарскомъ языкѣ; въ Европѣ даже забыли о существованіи когда-то сильнаго болгарскаго государства, да и сами болгары не вспоминали о немъ...

Такъ продолжалось до XVIII вѣка. Сознаніе національности замерло въ народѣ, замерло, но не было окончательно убито: оказалось достаточно небольшого толчка, чтобы воскресить его. Этимъ толчкомъ послужила книга, написанная однимъ болгариномъ, афонскимъ монахомъ Паисіемъ: „О царяхъ и святыхъ болгарскихъ и всѣхъ дѣяніяхъ болгарскихъ". Это было историческое сочиненіе, въ которомъ разсказывалось о прежнихъ славныхъ временахъ болгарскаго народа, о подвигахъ его царей, о житіи его святыхъ отцовъ. Паисій не имѣлъ средствъ напечатать свою книгу; она ходила по рукамъ въ рукописномъ видѣ и производила сильное впечатлѣніе. Въ самой Болгаріи было въ то время мало грамотныхъ, но болгары, жившіе за границей, зачитывались ею: она пробуждала въ нихъ національную гордость, пробуждала желаніе сдѣлать что-нибудь, чтобы вывести свою несчастную родину изъ ея угнетеннаго состоянія. Они стали печатать книги на болгарскомъ языкѣ, стали хлопотать объ устройствѣ школъ въ Болгаріи. Разъ начавшееся движеніе развивалось все больше и больше. Мало-по-малу въ немъ приняло участіе и населеніе самой Болгаріи. Въ половинѣ XIX вѣка въ странѣ былъ уже цѣлый рядъ школъ, въ которыхъ ученіе велось по болгарскимъ учебникамъ, въ Болгаріи появилась даже газета. Молодые люди изъ Болгаріи поѣхали учиться въ Западную Европу и въ Россію, гдѣ основаны были благотворительныя общества, оказывавшія имъ всяческую поддержку. Народъ

проспулся и съ удвоенною болью почувствовалъ весь ужасъ своего униженія.

ГЛАВА I.

Подъ гнетомъ мусульманъ.—Возстаніе Босніи и Герцеговины.—Турецкія звѣрства. Сербы и черногорцы.—Объявленіе войны Россіей.

Безъ малаго пятьсотъ лѣтъ прошло послѣ покоренія славянъ турками. Въ такой длинный періодъ времени побѣдители и побѣжденные могли бы, повидимому, забыть старую вражду, соединиться въ дружной работѣ на пользу общаго государства. Ничего подобнаго не было въ Турецкой имперіи. Правовѣрный мусульманинъ, и по ученію своей религіи, и по всѣмъ своимъ понятіямъ, не могъ смотрѣть на христіанина иначе, какъ съ презрѣніемъ; потомокъ грозныхъ завоевателей не допускалъ возможности признать въ побѣжденномъ равноправнаго себѣ человѣка.

Годы шли, а христіанскіе подданные султана оставались попрежнему безоружной, безгласной „райей", надъ которой могъ безчинствовать и глумиться всякій турецкій чиновникъ, всякій турецкій солдатъ. Годы шли, но для этой „райи" они проходили не безслѣдно. Внѣшнія событія оказывали на нее свое могущественное вліяніе. Она видѣла, какъ разрастается и усиливается соплеменная ей держава—Россія. Она видѣла, какъ русскія войска нѣсколько разъ побѣдоносно вступали во владѣнія ея притѣснителей и вынуждали у Турціи важныя уступки. Книги и бывалые люди разсказывали ей, какъ живется народу въ другихъ странахъ, къ чему стремятся, о чемъ мечтаютъ тамъ, и собственная жалкая участь представлялась ей все болѣе и болѣе невыносимо мучительной...

Первая подняла голову Сербія и подъ предводительствомъ своего князя Михаила Обреновича успѣла достигнуть нѣкоторой самостоятельности: по крайней мѣрѣ сербы получили право носить оружіе, принимать участіе въ судахъ. Впослѣдствіи (1856 г.) Сербія была поставлена подъ покровительство европейскихъ державъ, и это сдѣлало ее независимой отъ произвола турецкихъ чиновниковъ.

Грецію геройской борьбой купила себѣ свободу.

Въ 1875 г. княжества Боснія и Герцеговина тоже подняли знамя возстанія. Въ Болгаріи началось волненіе, особенно въ южныхъ частяхъ ея. Шайки гайдуковъ-разбойниковъ, укрывшіяся въ Балканскихъ горахъ, усилились, и стали смѣлѣе прежняго нападать на турецкихъ пашей и богачей. Порта рѣшила сразу не только подавить это движеніе, но и навсегда отбить у своихъ поддаппыхъ всякое желаніе итти противъ ея власти. Цѣлыя полчища солдатъ наводнили всѣ мѣстности, населеніе которыхъ выказывало хоть малѣйшій духъ

непокорства: начались страшныя убійства, пожары, грабежи. Болѣе 150 селъ и городовъ было выжжено или разграблено, до 50.000 безоружныхъ жителей убито, около 20.000 женщинъ и дѣтей захвачено въ неволю и распродано на базарахъ. На этихъ же базарахъ продавались серьги съ оторванными ушами, кольца съ отрубленными пальцами..

Вся Европа содрогнулась отъ этихъ неистовствъ. Въ Константинополь полетѣли представленія, угрозы, совѣты; уполномоченные державъ совѣщались, какъ положить конецъ всѣмъ этимъ варвареетвамъ. 19 августа 1876 года на турецкій престолъ взошелъ новый султанъ Абдулъ Гамидъ. Его предшественникъ былъ объявленъ помѣшаннымъ. Неожиданная перемѣна въ правленіи вызвала новыя надежды уладить несогласія миромъ, т.-е. понудить новаго правителя облегчить, хотя нѣсколько, участь своихъ подданныхъ христіанъ.

Русскій посолъ гр. Игнатьевъ обратился къ Портѣ съ требованіемъ измѣненія того ужаснаго положенія, въ которомъ находились христіане Балканскаго полуострова.

Уклончивый отвѣтъ, данный Высокой Портой, показалъ, что возлагать особыя надежды на новаго правителя нельзя.

Тогда Россія сдѣлала послѣднюю попытку избѣжать вооруженнаго вмѣшательства, и, по ея настоянію, въ Константинополѣ должна была состояться такъ называемая мирная конференція изъ представителей шести державъ.

Но Турція, продолжая свою двуличную политику, всячески старалась уклониться отъ этой конференціи, и наконецъ заявила, что отказывается отъ всякаго участія въ ней и считаетъ свои внутреннія дѣла неподсудными европейскимъ державамъ.

Снова пришлось Россіи возвысить голосъ, который на этотъ разъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и заставилъ турецкое правительство откликнуться.

Первое засѣданіе конференціи было назначено на 11 декабря. Къ обсужденію были намѣчены слѣдующіе вопросы: 1) на какихъ условіяхъ можетъ быть заключенъ миръ между Турціей, Сербіей и Черногоріей; 2) какія слѣдуетъ сдѣлать преобразованія въ возставшихъ провинціяхъ, и 3) какое можетъ быть обезпеченіе того, что эти преобразованія непремѣнно будутъ выполнены, а не останутся только на бумагѣ.

Многіе вздохнули съ облегченіемъ. Казалось, конференція приведетъ дѣло къ благополучному окончанію, и кровавый призракъ войны исчезнетъ. Но розовыя надежды скоро разлетѣлись, какъ дымъ. Турецкіе уполномоченные открыто заявили, что не допустятъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и отвергаютъ всѣ сдѣланныя имъ предложенія. Конференція закрылась, и принимавшіе въ ней участіе послы великихъ державъ покинули Константинополь.

Пока велись всѣ эти безплодные дипломатическіе переговоры, кровь лилась попрежнему, попрежнему раздавались стоны истязуемыхъ, попрежнему пылали села и города.

Отважные жители Черногоріи рѣшили вмѣстѣ съ сербами протянуть руку помощи своимъ несчастнымъ братьямъ и выступили въ походъ противъ турокъ. Несмотря на отговоры державъ, Сербія и Черногорія объявили войну Турціи.

Два маленькихъ государства, отважно зовущія на бой грознаго противника, не могли не вызвать искреннихъ симпатій въ Россіи.

Печать, зорко слѣдившая за жизнью Балканскаго полуострова, ежедневно знакомила общество съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, и сочувствіе къ героямъ, рѣшившимъ разбить позорныя цѣпи неволи, росло не по днямъ, а по часамъ.

Россія не могла оставаться только зрительницей неравной борьбы. Хотя война еще не была официально объявлена, но русское общество уже бросило вызовъ туркамъ. Во главѣ сербской арміи появился русскій боевой генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. За этимъ первымъ нашимъ добровольцемъ двинулись десятки и сотни другихъ, желавшихъ оказать посильную помощь братьямъ по вѣрѣ. Ближайшими помощниками Черняева явились офицеры русской службы, полковники: В. В. Комаровъ, Кирѣевъ, Раевскій и другіе.

Послѣдніе два сложили головы за славянскую идею. Но кромѣ высшихъ офицеровъ, въ ряды сербской арміи начали вступать и такія лица, которыя никогда раньше не мечтали о боевыхъ подвигахъ. Пошли на помощь сражающимся и русскіе люди всякаго званія, одушевленные великой идеей освобожденія славянъ отъ невыносимаго турецкаго ига.

Много энергіи было у борцовъ за правое дѣло, но несоотвѣтствіе силъ воюющихъ сторонъ не могло не сказаться въ самомъ непродолжительномъ времени. Кромѣ того, сербская армія состояла чуть не поголовно изъ пахарей, только что покинувшихъ свой плугъ и промѣнявшихъ его на неважное ружьецо старой системы. Гдѣ же было этимъ пахарямъ выдерживать натискъ турецкихъ регулярныхъ батальоновъ, вооруженныхъ новѣйшимъ оружіемъ самыхъ усовершенствованныхъ системъ!

Послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ сраженій, въ октябрѣ 1876 г. сербской арміи былъ нанесенъ страшный ударъ. Разбивъ сербовъ подъ Дюнишемъ, турки стремительнымъ натискомъ вторглись въ предѣлы Сербскаго княжества, предавая все встрѣчное огню и мечу. Остатки разбитой арміи, измученной десятидневнымъ сраженіемъ, не могли остановить этотъ бѣшеный потокъ.

Запылали сербскія деревушки, и солнце снова скрылось въ клубахъ чернаго дыма. Ужасъ охватилъ жителей Бѣлграда. Въ паническомъ страхѣ притаилась страна, ожидая конечной гибели...

Въ этотъ глубоко трагическій моментъ раздался голосъ Россіи, которая потребовала шестимѣсячнаго перемирія, необходимаго для обезсилѣвшей Сербіи.

Турки подчинились требованію Царя-Освободителя, но только по внѣшности. Пока длились дипломатическіе переговоры, перемиріе нарушалось самымъ развязнымъ образомъ, и Турція чуть не издѣвалась надъ державами.

Турецкое правительство нарочно затягивало переговоры, чтобы выиграть время. Въ то время, какъ велись переговоры, производились поспѣшныя вооруженія, а изъ Африки и Азіи торопливо доставлялись новыя полчища дикихъ послѣдователей ислама, которые своей кровожадностью и своими звѣрствами старались затмить кровавые подвиги жандармеріи, сельской полиціи и регулярныхъ войскъ.

Наконецъ, терпѣніе державъ истощилось. Убѣдившись въ полной безцѣльности переговоровъ, правительства, принимавшія участіе въ мирной конференціи, приказали своимъ представителямъ выѣхать изъ Константинополя. Дипломатическія сношенія съ Турціей были прерваны.

12 апрѣля 1877 года солнце такъ же взошло надъ Кишиневомъ, какъ и раньше всходило, но этотъ незамѣтный южный городъ, служившій когда-то мѣстомъ ссылки для нашего великаго поэта Пушкина, будто вырось и преобразился. Населеніе его увеличилось въ нѣсколько разъ, благодаря присутствію массы войскъ и съѣзду окружныхъ жителей.

Огромное Сликовое поле представляло величественную картину въ ранній утренній часъ. Всюду правильныя линіи войскъ, а за ними несмѣтныя толпы народа. Вотъ появилось духовенство въ блестящихъ ризахъ, митрополитъ... Сверкнула стальная щетина отточенныхъ штыковъ, и всѣ замерло.. Прибылъ Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и былъ встрѣченъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, принявшимъ на себя главное начальство надъ арміей.

По примѣру Государя, всѣ спѣшились: ударили „на молитву", и присутствующіе обнажили головы.

Митрополитъ приступилъ къ чтенію манифеста, которымъ объявлялась война Турціи.

Тихо на огромномъ полѣ. Всѣ мысли десятковъ тысячъ людей, вчера еще чуждыхъ и разобщенныхъ, слились въ одну общую думу, и дума та несется къ отрогамъ грозныхъ Балканъ, къ берегамъ синяго Дуная, утонувшаго въ дымкѣ палеваго тумана.

Но вотъ чтеніе манифеста окончено. Духовенство приступаетъ къ напутственному молебну.

— Батальоны на колѣни! слышится громкій голосъ Царя-Осво-

бодителя, и черезъ минуту въ утреннемъ прозрачномъ воздухѣ рѣютъ знамена, осѣняя головы колѣнопреклоненныхъ воиновъ.

Послѣ молебна войска двинулись церемоніальнымъ маршемъ. Огромное поле будто проснулось отъ мѣрнаго шага пѣхоты, отъ топота коней, отъ тяжелаго грохота двигающихся орудій....

Продефилировали войска, и снова воздухъ дрогнулъ отъ мощныхъ кликовъ:

– Ура!.. За братій! За вѣру! За святое дѣло!.. За свободу славянъ!.

Послѣ этого армія выступила въ походъ.

Одновременно перешла границу и наша кавказская армія, находившаяся подъ главнымъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича.

Жребій былъ брошенъ. Мечъ обнаженъ.

Оставшіеся дома теперь жили главнымъ образомъ вѣстями, приносимыми телеграфной проволокой съ обоихъ театровъ войны. Будничные интересы какъ-то потускнѣли, отодвинулись, и всѣ жадно прислушивались къ отрывистымъ слухамъ, долетавшимъ съ чужой стороны, гдѣ сражались и умирали за свободу наши отцы, сыновья и братья.

— —

ГЛАВА II.

Переправа черезъ Дунай.—Подвиги моряковъ въ ожиданіи переправы. Взрывъ монитора.—Мины.—„Шутка“ и броненосецъ.—На другомъ берегу.

Европейская Турція со стороны Россіи имѣетъ двухъ надежныхъ защитниковъ: широкій, многоводный Дунай и цѣпь высокихъ Балканскихъ горъ.

Наступившее половодье задержало наши войска два мѣсяца на берегу Дуная. Пока шли приготовленія къ переправѣ, приготовленія нелегкія, исполненныя трудовъ и опасностей,—наши казаки и моряки успѣли обновить свою старую боевую репутацію цѣлымъ рядомъ новыхъ подвиговъ.

Количество совершенныхъ подвиговъ и самая отвага нашихъ солдатъ и офицеровъ, отвага, доходившая подчасъ до безумія, все это указывало, что война пользуется большимъ сочувствіемъ. Каждый рядовой былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что онъ идетъ сражаться за свободу несчастныхъ, обездоленныхъ братьевъ, что его за Дунай гонитъ не корысть, а любовь, та великая, святая любовь, которая повелѣваетъ „положить душу свою за други своя“.

Не успѣла наша армія перейти владѣнія нашей союзницы Румыніи, какъ взоры всей Европы, всего міра обратились къ Дунаю. Трудность предстоящей переправы ни для кого не была неожиданностью.

Во всѣхъ пунктахъ для наводки мостовъ турки успѣли выдвинуть сильныя батареи, цѣлыя крѣпости, готовыя забросать дерзкихъ смѣльчаковъ огненнымъ дождемъ. Но опаснѣе всѣхъ крѣпостныхъ сооруженій для насъ были плавучія крѣпости — обшитые сталью мониторы, уставленные дальнобойными орудіями.

Турки считали ихъ непобѣдимымъ оплотомъ всего дунайскаго побережья. Однако сыны пророка забыли, что истинная отвага не боится стальной брони: забыли они и о быстроходныхъ ловкихъ миноноскахъ, которыми наша армія успѣла запастись.

Пока войска стягивались къ берегу, наши моряки выѣзжали въ темныя, бурныя ночи на своихъ скорлупахъ-суденышкахъ и закладывали на дно рѣки мины, отъ которыхъ шли электрическіе провода на наши батареи. Ставились минныя загражденія и съ такимъ расчетомъ, чтобы мониторъ могъ самъ произвести взрывъ, задѣвъ винтомъ или низко сидящимъ килемъ за проволоку.

Минныя загражденія еще не были закончены, и у турецкихъ моряковъ было сильное желаніе пробраться въ Черное море и похозяйничать у нашихъ береговъ. Мониторы, стоявшіе противъ Браилова, часто пытались проскользнуть мимо нашихъ батарей, но усиленная пальба заставляла ихъ обыкновенно поворачивать назадъ и искать убѣжища за островомъ.

29 апрѣля послѣ полудня изъ-за острова вышло три монитора. Два изъ нихъ открыли энергичный огонь, а третій, по имени „Лютфи-Джелиль", остановился подъ парами, какъ бы выжидая удобнаго момента, чтобъ двинуться внизъ по Дунаю.

Пока мониторъ выжидалъ этого момента, наши батареи не скупились на снаряды. Стрѣлять стрѣляли, а толку выходило мало. Нѣкоторые подумывали уже замолчать, но въ эту минуту поручики Самойло и Романовъ рѣшили попытать счастья еще разокъ. Наводчики Иванъ Помпарь и Романъ Давыдюкъ съ шуточками да прибауточками прицѣлили два орудія. Грохотъ выстрѣловъ слился въ одинъ звукъ, и нарядный великанъ „Джелиль" отвѣтилъ не то ревами, не то стонами. Надъ его палубой поднялся огненный столбъ, и затѣмъ все потонуло въ облакахъ чернаго дыма. Дорогой мониторъ со всѣмъ снаряженіемъ отправился на дно рѣки. Турки такъ растерялись, что не подали помощи даже своимъ утопавшимъ, и спасать тонущій экипажъ выѣхали русскіе матросы. Монитора уже не было, и надъ его „могилой" торчала верхушка мачты, увѣнчанная флагомъ. Флагъ наши сняли.

Загородили минами Дунай между Браиловомъ и Рени, и, очистивъ его такимъ образомъ отъ мониторовъ на протяженіи 150 верстъ, наши миноноски рѣшили атаковать мониторы. Затѣя, съ точки зрѣнія благоразумныхъ людей, совершенно сумасшедшая, но то, что черезчуръ благоразумнымъ людямъ представляется безуміемъ, то и порождаетъ безсмертные подвиги: безумная отвага родитъ героевъ.

13 мая въ полночь отъ нашего берега отчалило четыре паровыхъ шлюпки съ отважными моряками. Впереди шелъ лейтенантъ Дубасовъ на „Цесаревичѣ“ съ 14 матросами, за нимъ Шестаковъ на „Ксеніи“ съ 9 матросами, позади шли еще двѣ шлюпки.

Ночь была темная, безлунная, перепадалъ дождикъ; кружилъ вѣтеръ, и волны упыло шумѣли, подбрасывая скорлупы-пароходики. Часа черезъ два въ темнотѣ ночи обрисовались черные силуэты броненосцевъ. Ихъ было три. Дубасовъ выбралъ самый большой и двинулся къ нему на всѣхъ парахъ.

Окрики заспаннаго часового... Выстрѣлъ... Тревога, — и навстрѣчу цѣлые каскады ружейнаго огня.

Но Дубасовъ уже подъ кормой великана. Еще мгновенье, — взрывъ, и корма разлетѣлась. Высоко взвившійся столбъ воды залилъ было пароходикъ-скорлупу. Дубасовъ приказалъ обрубить и бросить якорь въ рѣку, но рулевой Кисловъ совершенно спокойно возразилъ, что-де „казенное имущество негоже туркѣ бросать“...

— Шестаковъ, подходи! скомандовалъ Дубасовъ, и его товарищъ на всѣхъ парахъ рванулся къ монитору, не обращая вниманія на градъ ядеръ и пуль. Вторая мина угодила въ центръ судна. Новый взрывъ, еще ужаснѣй перваго. Массы обломковъ взвились вмѣстѣ съ огненнымъ столбомъ высоко на воздухъ и затѣмъ усѣяли рѣку. Шлюпка Шестакова запуталась было въ обломкахъ и не могла уйти изъ-подъ выстрѣловъ. Мониторъ погружался медленно, и пальба продолжалась. Наконецъ, матросъ Нечипоренко совершенно хладнокровно подъ градомъ пуль распуталъ веревки, державшія шлюпку, и наша побѣдоносная флотилія начала отступать къ Браилову подъ убійственнымъ огнемъ уцѣлѣвшихъ мониторовъ.

Свѣтало. На пристани собрались товарищи и толпы любопытныхъ, желавшихъ видѣть удальцовъ, которые вскорѣ пристали къ берегу при громкихъ кликахъ собравшагося народа.

Взошедшее солнце освѣтило на поверхности Дуная вблизи „могилы“ „Джелиля“ верхушку новой мачты, указывающей, гдѣ затонули развалины второго монитора „Хивзи-Рахманъ“.

Вспоминая подвиги нашихъ моряковъ, нельзя пройти молчаніемъ отважныя дѣянія экипажа крошечной миноноски „Шутки“, находившейся подъ командой Скрыдлова, лейтенанта гвардейскаго экипажа.

Миноноска „Шутка“ служила какъ бы прикрытіемъ нашимъ минерамъ, работавшимъ неподалеку отъ Зимницы и Рущука. Въ этихъ плесахъ Дуная ходили мониторы, выгнанные съ низовъ. Отрядъ миноносокъ былъ собранъ для устрашенія плавучихъ великановъ.

Однажды на „Шуткѣ“ замѣтили, что отъ Рущука отвалилъ гигантъ-пароходъ и прямо направился къ островку, за которымъ шла спѣшная кладка минъ

„Шутка" съ быстротой желѣзнодорожнаго поѣзда, на всѣхъ парахъ рванулась ему навстрѣчу..:

Ее сейчасъ же замѣтили на пароходѣ.

„Что за суматоха поднялась не только на судиѣ, но и на берегу!" пишетъ въ своихъ запискахъ извѣстный художникъ, участникъ молодецкой атаки, Верещагинъ. „Видимо, всѣ поняли, что эта маленькая скорлупа несетъ смерть пароходу. По берегу стрѣлки и черкесы стали кубаремъ спускаться до самой воды, чтобы стрѣлять въ насъ поближе, и буквально осыпали миноноску свинцомъ; весь берегъ былъ въ сплошномъ дыму отъ выстрѣловъ. На палубѣ парохода люди бѣгали, какъ угорѣлые; мы видѣли, какъ офицеры бросились къ штурвалу, стали поворачивать къ берегу, наутекъ, и въ то же время награждали насъ такими ударами изъ орудій, что бѣдная „Шутка" подпрыгивала на ходу.

„Ну, братъ, попался! думалъ я себѣ: живымъ не выйдешь". Я снялъ сапоги и закричалъ Скрыдлову, чтобъ онъ сдѣлалъ то же самое: онъ послушался и приказалъ то же сдѣлать матросамъ.

„Я оглянулся въ это время: другой миноноски не было за нами. Говорили, что у нея что-то случилось въ машинѣ... Дѣло было не ладно... „Шутка" была одна-одинешенька, отрядъ остался далеко позади насъ. Огонь дѣлался невыносимымъ, отъ пуль все дрожало, а отъ снарядовъ просто ветряхивало: уже было нѣсколько серьезныхъ пробоинъ, и одна въ кормѣ, около того мѣста, гдѣ я стоялъ, почти на линіи воды; желѣзная защита наша надъ машиною была также пробита... Мы совсѣмъ подходили къ пароходу. Трескъ и шумъ отъ ударявшихся въ „Шутку" пуль и снарядовъ все усиливались.

„Вижу, что Скрыдлова, сидѣвшаго у штурвала, передернуло, - его ударила пуля, потомъ другая... Любопытство у меня брало верхъ, и я наблюдалъ за турками на пароходѣ. Когда мы подошли вплотную, они просто опѣшѣли, кто въ какой былъ позѣ: съ поднятыми и растопыренными руками, съ головами, наклоненными внизъ, къ намъ, какъ въ заключительной сценѣ „Ревизора". „Шутка" повернулась противъ теченія, медленно подошла къ борту парохода и тихо ткнула его шестомъ... Тишина въ это время у насъ была полная и непріятная тоже; все замерло въ ожиданіи взрыва: минута была жуткая...

Рви, по желанію! раздается команда Скрыдлова, и опять нѣтъ взрыва!

„Между тѣмъ насъ повернуло теченіемъ и запутало сломившимся передовымъ шестомъ въ пароходномъ канатѣ... Корму при этомъ отнесло. Турки опомнились, и съ парохода и съ берега припялись стрѣлять пуще прежняго.

„Скрыдловъ приказалъ отрубить передовой длинный шестъ, и мы пошли, наконецъ, прочь. Тогда пароходъ повернулся бортомъ, да такъ началъ валять, что „Шутка", избитая и пробитая, стала напол-

няться водою: на бѣду еще пары упали, и мы двигались только благодаря теченію. Въ ожиданіи течи, что вотъ-вотъ мы сейчасъ пойдемъ ко дну, я стоялъ, поставивши одну ногу на борть; слышу, сильный трескъ подо мною и ударъ по бедру, да какой ударъ! — точно обухомъ. Я перевернулся и упалъ, однако сейчасъ же всталъ на ноги"...

„Не успѣла „Шутка" пройти десятокъ-другой саженъ, какъ впереди показался дымъ монитора.

— Николай Ларіонычъ! крикнулъ я,— видишь мониторъ?

— Вижу.

— Что ты намѣренъ дѣлать?

— Атакую твоей миной, приготовь ее да бросай ближе.

Но атаковать мониторъ не пришлось. Усилившаяся течь заставила свернуть въ ближайшій боковой рукавъ рѣки и подумать о задѣлкѣ пробоинъ".

Скрыдловъ думалъ не о ранахъ, полученныхъ во время схватки: его гораздо больше мучило то, что мины дали „осѣчку" и не взорвались.

Оказалось, электрическіе провода были перебиты массой падающаго свинца. Дѣло происходило 8 іюля.

Описывать подвиги отдѣльныхъ лицъ и даже частей потребовало бы нѣсколько томовъ убористой печати, что не входитъ въ нашу задачу.

Возвращеніе къ арміи Государя и настоятельныя требованія главнокомандующаго, все это должно было ускорить затянувшуюся переправу. Работы производились безостановочно и днемъ и ночью, но въ разныхъ пунктахъ, чтобъ обмануть бдительность врага. Осмотрѣвъ лично береговую линію, главнокомандующій рѣшилъ произвести переправу у румынскаго городка Зимницы, расположеннаго въ среднемъ теченіи Дуная.

Въ ночь на 15 іюня войска, предназначенныя для переправы, собрались подъ главнымъ начальствомъ генерала Драгомирова у Зимницы. Всюду царила полнѣйшая тишина и безмолвіе. Даже артиллерія подошла безшумно. Орудія были такъ приближены, что не звякнула ни одна цѣпь. Полкамъ, назначеннымъ начать переправу, былъ прочитанъ приказъ генерала Драгомирова, въ которомъ онъ въ нѣсколькихъ словахъ ярко и образно обрисовалъ значеніе предстоящей задачи и ключъ къ ея разрѣшенію. Какія силы ждутъ насъ на непріятельскомъ берегу — это для всѣхъ было тайной. Луна свѣтила, когда работали наши понтонеры, но холмы и деревья, бросая тѣнь на низменный берегъ, прикрывали ихъ. Въ Систовѣ, на противоположномъ берегу, мелькали огоньки, оттуда доносились звуки военной музыки, но вдругъ все смолкло. Огни погасли, и турецкій берегъ потонулъ во мракѣ, такъ

какъ луна закуталась облаками, и только въ томъ мѣстѣ, гдѣ она скрылась, изрѣдка появлялись и исчезали причудливые золотистые узоры.

Вотъ лодки и понтоны вытянулись вдоль берега. Сорвался вѣтеръ, зыбь побѣжала и пустыя суденышки начало покачивать.

Послѣ полуночи началась посадка людей. Первыми размѣстились лихіе пластуны. Это пѣшее казачье войско, въ рваныхъ и затасканныхъ черкескахъ, по удали можетъ равняться только съ былыми „низовыми лыцарями“ славными запорожцами. Пластуны заняли лодки. Въ понтонахъ размѣстились волынцы, донскіе казаки и горная батарея. Съ Богомъ... трогай! раздалась тихая команда, и передовой отрядъ двинулся въ путь по вспѣненнымъ волнамъ Дуная. Окружающая темнота, всплескъ волнъ, грядущая полная неизвѣстность, все это не могло не дѣйствовать на нервы.

Солдаты шопотомъ перебрасывались шуточками. А вѣтеръ разыгрывался и волненіе усиливалось съ каждой минутой. Гребень иной волны съ разбѣгу врывался въ понтонъ и окачивалъ солдатиковъ съ головы до ногъ. Жутко было ожидать, что вотъ-вотъ эту кромѣшную тьму прорѣжутъ огни выстрѣловъ.

— Семеновъ... а Семеновъ! окликаетъ шопотомъ волынецъ сосѣда-товарища.—Курнуть бы передъ смертью...

Курни!.. Егорычъ тебя курнетъ... Приказъ ужо запамятовалъ...

— Нѣ, я такъ... А боязно?

— Чего спрошать? Самъ знаешь.

Тамъ, на землѣ, пущай бьетъ, коли судьба, а тутъ осетрамъ на закуску пойдешь!

Сколько ни думай, не передумаешь... А я вотъ мекаю: какъ моя баба по хозяйству управится... Страда не за горами, а хозяина нѣту... Эхъ, дѣла!..

Понтонъ сильно качнуло, и нить размышленій была прервана.

— А далеко-то до берега? любопытствуетъ другой солдатикъ.

— Ближе, чѣмъ было, отвѣчаетъ ему сосѣдъ.

— Самъ знаю.

Снова тишина и всплескъ волнъ и шопотъ, и все та же мрачная неизвѣстность тяготѣетъ надъ душой.

Вдругъ выстрѣлъ... другой... третій... Гдѣ-то въ сторонкѣ вспыхнулъ огромный сигнальный костеръ.

Тишина нарушена, больше нечего играть въ прятки. Уже слышны громкіе голоса. И лодки и паромы несутся къ берегу. Сознаніе важности момента удесятеряетъ силы гребцовъ. А волны бушуютъ, мѣшаютъ и знать не хотятъ никакихъ моментовъ.

Наконецъ первыя лодки на отмели. Пластуны, подобравъ фалды черкесокъ, съ длинными карабинами наперевѣсъ, уже карабкаются на берегъ. Турецкій пикетъ принятъ сразу въ штыки, и прежде, чѣмъ

солдаты сошли съ понтоновъ, сторожевой турецкій постъ былъ переколоть и безгласная стража въ самыхъ разнообразныхъ позахъ растянулась на прибрежномъ пескѣ.

Вспыхнувшій костеръ сдѣлалъ свое дѣло и поднялъ на ноги пѣхотные батальоны и черкесовъ, дежурившихъ въ таборѣ за пригорками. Луна, выглянувшая изъ-за темной разорванной тучи, освѣтила гребень холмовъ, и теперь ясно были видны темные силуэты бѣгущихъ людей. Это турки спѣшили на выручку караульнымъ, но тѣ, послѣ встрѣчи съ пластунами, уже не слышали родныхъ, ободряющихъ кликовъ.

Первыя лодки высадились сравнительно счастливо съ небольшими потерями. Но дальше дѣло приняло иной оборотъ. Вотъ разсказъ очевидца, волынца:

„Не успѣли мы пристать къ берегу, какъ насъ осыпали градомъ пуль. Несмотря на это, мы мигомъ выскочили на берегъ и бѣгомъ бросились предъ турецкой позиціей по лощинѣ. Съ возвышенности въ насъ стрѣляли, какъ въ зайцевъ. Оставалось одно: погибнуть отъ пуль или броситься въ атаку; и вотъ мы съ первой ротой волынцевъ-стрѣлковъ бросились въ штыки. Турки не выдержали напора и бѣжали, но одна изъ турецкихъ ротъ зашла намъ съ тылу. Въ этотъ моментъ всѣ перемѣшались: и турки и наши; пошла работа штыками. Рѣзня продолжалась недолго,- турки не устояли, и мы заняли гору".

Но это была занята первая возвышенность, а у турокъ оставался еще цѣлый рядъ естественныхъ укрѣпленій, куда они могли отступать и затѣмъ разить своимъ смертоноснымъ огнемъ подходящія колонны.

Разсвѣтъ только усилилъ трудность переправы. Теперь турки стрѣляли не на авось, а по прицѣлу.

Вотъ они выбрали лодку, нагруженную людьми, сколько возможно. Солдаты стоятъ плечо къ плечу. Турецкій свинецъ такъ и хлещетъ по бортамъ, по веламъ: звенятъ вздрагивая штыки при встрѣчѣ съ пулей... Вотъ солдатикъ кивнулъ головой, наклонился и медленно-медленно опустилъ ружье къ самой водѣ... За нимъ другой, третій... Весло разлетѣлось въ щепки, а круглолицый матросъ взмахнулъ руками и безсильно повисъ надъ бортомъ... Другой опрокинулся навзничь... Солдаты стоятъ уже не такой плотной массой: многіе, будто мѣшки, опустились на дно лодки, и ихъ ружья торчатъ, какъ палки, въ разныя стороны. Но уцѣлѣвшіе гребцы работаютъ изъ всѣхъ силъ. А свинецъ и жужжитъ и свиститъ надъ головами. Все меньше и меньше веселъ опускается въ вспѣненную воду... Вскорѣ послѣднія пара веселъ опустилась, какъ крылья мѣтко подбитой птицы... Нагруженная мертвыми тѣлами лодка остановилась, будто задумалась на мгновенье, затѣмъ теченіе заставило ее описать дугу, подхватило и понесло по Дунаю... Гдѣ-то найдутъ пріютъ эти безмолвные гости, такъ мужественно встрѣтившіе смерть?...

На одной изъ такихъ лодокъ изъ 53 человѣкъ уцѣлѣлъ одинъ матросъ, по имени Семенъ Лопатинъ. Лопатинъ бросился въ воду, чтобы плыть обратно къ своимъ, но турецкая пуля перебила ему ключицу. Пришлось дѣйствовать одной рукой. Герой-пловецъ все же держался и кое-какъ добрался до пустыннаго островка. Только гдѣ онъ попытался выползти изъ воды, другая шальная пуля раздробила ему и вторую руку. Къ вечеру только онъ выползъ на сушу. Пять дней провелъ онъ здѣсь, терпя холодъ и голодъ. Въ ранахъ завелись черви, и онъ промывалъ ихъ, залѣзая въ воду. Лишь на пятый день его подобралъ случайно проходившій вблизи нашъ небольшой пароходикъ. Подобный же подвигъ выпалъ и на долю понтоннаго солдата Крылова. Но онъ не только самъ спасся вплавь, а еще на своихъ плечахъ вынесъ и двухъ своихъ раненыхъ товарищей.

Много трудовъ перенесли наши въ эту грозную ночь. Съ полудня стало легче. Каждую пядь земли приходилось брать съ бою, въ штыки, расплачиваясь своей кровью. Въ пять часовъ пополудни замолкъ послѣдній выстрѣлъ, и наши вступили въ Систово.

Описать радость болгарскаго населенія, дождавшагося, наконецъ, своихъ избавителей,—трудно. Нашихъ усталыхъ воиновъ обнимали, цѣловали, какъ близкихъ родныхъ, и угощали, кто чѣмъ могъ. „Хорошо, что Богъ привелъ васъ къ намъ до ночи, говорили болгары. Если бы турки продержались здѣсь до утра, плохо намъ было бы, немногіе вышли бы къ вамъ навстрѣчу. О, они сумѣли бы отомстить за переправу"... Но теперь туркамъ было не до мести. Надо было спасать себя, такъ какъ веретъ на тридцать въ окружности уже рыскали казаки.

Переправа у Зимницы вырвала у насъ изъ строя 300 убитыми и до пятисотъ человѣкъ ранеными. Но турки были увѣрены, что мы гораздо дороже заплатили за переправу.

На слѣдующій вечеръ на берегу Дуная весело потрескивали костры и наши солдатики варили въ котелкахъ ужинъ, шутили, посмѣивались и добродушно балагурили о братушкахъ (болгаръ) и о своихъ ратныхъ дѣлахъ, о побитой „туркѣ". Лишенія, труды, опасности и жертвы—все было забыто.

Изъ-за темнолиловой тучи снова выплыла луна и въ раздумьи остановилась среди неба, позолотивъ края сосѣднихъ облаковъ. Желтый лунный дискъ отразился въ Дунаѣ, но здѣсь онъ не напоминалъ уже небесный свѣтильникъ, заливающій трепетнымъ серебристымъ свѣтомъ дремлющую землю: теперь онъ болѣе походилъ на ярко вычищенный мѣдный щитъ, брошенный воиномъ на полѣ брани.

Горятъ костры... Бесѣда не умолкаетъ...

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ И ГРЕЦІЯ

Масштабъ

ГЛАВА III.

Турецкая твердыня Никополь и ея значеніе. Дѣло подъ Никополемъ. Неожиданная сдача крѣпости.

Чтобы утвердиться на правомъ берегу Дуная и обезопасить себѣ переправу черезъ эту рѣку, русскимъ войскамъ необходимо было овладѣть сильною турецкою крѣпостью Никополемъ.

26 іюня нашъ авангардъ началъ наступленіе. Вслѣдствіе разлива рѣки дороги стали топки и артиллерія положительно вязла въ болотѣ: не лучше было положеніе и обоза. Подъ тяжестью своей поши, истомленные зноемъ пѣхотинцы падали при дорогѣ, не въ силахъ будучи уже вновь подняться на ноги. Весь путь былъ усѣянъ измученными, выбившимися изъ силъ солдатами. Изнуренный зноемъ человѣкъ сначала бросалъ то, что затрудняло его передвиженіе: летѣлъ на пыльную дорогу рапецъ, сумка съ сухарями, тутъ же оставлялись тяжелые сапоги, казавшіеся теперь стопудовыми гирями. Дѣлалось это полубезсознательно, и человѣкъ-автоматъ, придерживая сумку и патронташи и перебрасывая раскаленное ружье съ плеча на плечо, все еще шагалъ, шагалъ и шагалъ... Подкосятся ноги, потемнѣетъ въ глазахъ,—и шагистика окончена: солдатикъ попалъ въ отсталые и валяется у телеграфнаго столба, поджариваемый тѣмъ же безпощаднымъ солнцемъ.

Тяжело было пѣхотѣ, но что должны были испытывать артиллеристы, которымъ нерѣдко приходилось впрягаться въ орудіе и тащить пушки вмѣстѣ съ усталыми лошадьми по рытвинамъ и пескамъ, пока колеса снова выбьются на твердый грунтъ!

Приблизившись, насколько было возможно, къ Никополю, войска наши были раздѣлены на двѣ равныя части: одною командовалъ генералъ Криденеръ, а другой генералъ Шильдеръ-Шульднеръ, на обязанности котораго лежало отрѣзать всякое сообщеніе туркамъ съ Плевной и Раховомъ.

Тьма южной ночи не отдыхъ несла утомленнымъ воинамъ, а новую работу. Подъ непроницаемымъ покровомъ тьмы рабочіе отъ разныхъ частей окапывали мѣста для новыхъ батарей. Трудно было въ короткую ночь завершить работу. Около двухъ часовъ утра забрезжилъ разсвѣтъ, а окопаться не успѣли и наполовину. Чтобъ свѣжая работа не бросилась туркамъ въ глаза, черныя возвышенія съ лицевой стороны стали обкладывать снопами, и вскорѣ они уже ничѣмъ не разнились отъ желтѣющихъ полей.

Приступили къ спѣшной установкѣ орудій. Лишь только на востокѣ вспыхнула заря и въ утреннемъ туманѣ обрисовались контуры непріятельскихъ позицій, какъ вновь возведенная батарея открыла огонь.

— Восьмое! кричитъ офицеръ.

— Пли! командуетъ наводчикъ.

Грохотъ выстрѣла заставилъ вздрогнуть всю окрестность, и первая граната разсѣкла воздухъ, понеслась къ городу. Вскорѣ встрепенулись и турки, сразу почувствовавъ всю трудность „разговора" съ сорока-орудійной батареей. Выстрѣлы уже не слѣдовали одинъ за другимъ, а слились въ общій адскій грохотъ. Дымъ не успѣвалъ разсѣиваться и по временамъ скрывалъ батареи противниковъ или тяжелыми сѣрыми облаками расползался надъ равниной.

Взошедшее солнце начало вскорѣ припекать землю, а масса огня только усиливала этотъ жаръ. Люди задыхались отъ зноя. Но наша батарея уже пристрѣлялась и устроилась по домашнему. Откуда ни возьмись, появились расторопные денщики съ самоварами. Послышались шутки, прибаутки. Офицеры наскоро утоляли нестерпимую жажду чайкомъ.

Около двухъ часовъ пополудни наши полки начали наступленіе, и одновременно двинулась впередъ и артиллерія. Несмотря на дождь гранатъ, орудія въ полномъ порядкѣ выѣзжали изъ-за прикрытій и такъ увѣренно подвигались впередъ, будто не замѣчая окружающаго ада, что даже турки въ концѣ концовъ были смущены этимъ хладнокровіемъ. Наша артиллерія держала себя, какъ на ученьи, а непріятель, глядя на это, невольно смутился, сталъ суетливъ, и турецкіе заряды пошли описывать дуги черезъ наши головы, не причиняя никому вреда.

3-го іюля памятный день для всѣхъ бывшихъ подъ Никополемъ. Досталось въ этотъ день и тамбовцамъ, и галичанамъ, и пензенцамъ. Траншею за траншеей, редутъ за редутомъ брали они подъ страшнымъ огнемъ, бросаясь отважно въ штыки.

Отряду тамбовцевъ, несмотря на всѣ усилія, не удавалось овладѣть редутомъ, и турки силой огня нѣсколько разъ отбрасывали храбрецовъ на дно оврага. Отбивъ послѣднюю атаку, турки изрубили въ куски нѣсколько человѣкъ и сбросили куски въ оврагъ. Это такъ ожесточило нашихъ, что они снова рванулись впередъ, и редутъ былъ взятъ. Обоюдное ожесточеніе не знало предѣловъ.

Въ залитыхъ кровью редутахъ уже было темно, а бойня, жестокая, безпощадная бойня, заставляющая человѣка забывать все человѣческое и превращающая его въ ненасытнаго звѣря, не прекращалась.

Жажда была сегодня главнымъ врагомъ нашихъ солдатъ. Болгарки изъ ближайшихъ деревень, зная, какъ страдаютъ безъ воды ихъ защитники, приносили сражающимся воду. Но турки, замѣтивъ группу „милосердныхъ самаряночекъ", сейчасъ же направили въ нее ожесточенный огонь. Но и это не смущало женщинъ. Каждая изъ нихъ одной рукой осѣняла себя крестомъ, а въ другой держала кувшинъ съ водой для усталаго воина, пришедшаго изъ далекой страны на защиту ея семейнаго очага, ея вѣры, свободы и чести.

Къ вечеру пѣшимые отовсюду турки уже не прочь были бы покинуть Никополь и отступить подъ покровомъ надвигающейся ночи подальше. Но намѣреніе ихъ не было тайной, и имъ помѣшали благополучно ретироваться.

Тьма прекратила сраженіе, но всѣ были увѣрены, что на слѣдующее утро кровопролитный бой возобновится. Истомленные люди уснули крѣпкимъ, хотя и тревожнымъ сномъ. Не дологъ былъ этотъ сонъ. Заря 4 іюля застала наши войска въ боевыхъ колоннахъ. Батальоны и батареи подвигались молча. Послѣ вчерашнихъ кровопролитій всѣ ожидали потоковъ новой крови. Люди хранили упорное, угрюмое молчаніе. Крѣпостныя твердыни, окутанныя утреннимъ туманомъ, тоже безмолствовали.

Это загадочное, непонятное безмолвіе еще больше бередило нервы.

— Неспроста *онъ* притаился и молчитъ, перешептывались солдатики.

— Извѣстно, не спроста... *Онъ* зазываетъ, а подойдемъ, такъ и ахнетъ во-всю...

Но солдатики на этотъ разъ ошиблись. „Онъ“ не зазывалъ, — напротивъ, смущенный вчерашнимъ боемъ непріятель поспѣшилъ выбросить бѣлый флагъ.

Когда надъ крѣпостью взвился бѣлый флагъ, дружное, могучее ура огласило воздухъ, дрогнувшій вслѣдъ затѣмъ отъ залпа нашихъ батарей, которымъ сейчасъ же отвѣтили батареи, возведенныя на румынскомъ берегу.

Войска расположились шпалерами. Изъ цитадели вышелъ сдавшійся паша Гассанъ и вслѣдъ за нимъ потянулась безконечной цѣпью положившая оружіе турецкая армія. Шествіе плѣнныхъ продолжалось нѣсколько часовъ. Кромѣ крѣпости, мы завладѣли семитысячной турецкой арміей; побѣдителямъ досталось болѣе десяти тысячъ ружей, 113 пушекъ, семь знаменъ и два монитора, стоявшіе у дунайскаго берега. За Никополь мы заплатили 276 убитыми и 950 ранеными. Побѣда эта передала намъ турецкій берегъ Дуная отъ Систова до Никополя и открывала путь къ Плевнѣ и Балканамъ.

ГЛАВА IV.

По пути къ Балканамъ.

Часть нашихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Гурко ускореннымъ маршемъ подвигалась по долинѣ рѣки Янтры. Переправа черезъ эту рѣку, сдавленную, высокими крутыми берегами, могла бы надѣлать намъ немало хлопотъ. Но турки, очевидно, все еще находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нашей переправы черезъ Дунай и взятія

Никополя. Только этимъ и можно объяснить ихъ поспѣшное отступленіе отъ города Бѣлы, стоящаго у главнаго моста, переброшеннаго черезъ Янтру. Разъѣзды энергично очищали страну отъ бродячихъ шаекъ башибузуковъ и черкесовъ, которые при приближеніи регулярныхъ войскъ бросались врассыпную, распространяя панику и въ мирныхъ мусульманскихъ поселкахъ. Мусульманское населеніе бѣжало, куда глаза глядятъ. Бѣжалъ и старъ и малъ, всѣ стремились къ Балканамъ, питая надежду укрыться за ихъ природными неприступными твердынями.

Весь переходъ нашихъ войскъ отъ Систова до Балканъ представляется какимъ-то торжественнымъ шествіемъ, чему не мало способствовала разбросанность турецкой арміи.

Смущенные и ослѣпленные первой вспышкой свободной зари, болгаре радостно спѣшили навстрѣчу своимъ освободителямъ. Торжественный видъ имѣли эти истинно братскія встрѣчи двухъ родственныхъ народовъ. Болгарское духовенство встрѣчало прибывающіе отряды съ крестомъ и молитвой: почетные жители выносили хлѣбъ-соль и вино; а молодыя женщины и дѣвушки въ живописныхъ національныхъ нарядахъ спѣшили навстрѣчу усталымъ воинамъ съ кувшинами свѣжей воды, съ цвѣтами, и черезъ нѣсколько минутъ на отточенныхъ пикахъ казаковъ, гусаръ и уланъ уже красовались пестрые букеты, и грудь запыленнаго ултера была перевита зеленой гирляндой. Подъ гулкій шагъ пѣхоты, подъ мѣрный топотъ всадниковъ въ прозрачномъ воздухѣ звенятъ пѣсни, слышатся привѣтственные крики. Это голоса вчерашнихъ рабовъ, сбросившихъ цѣпи. При приближеніи освободителей къ болгарскимъ монастырямъ, монахи извлекали изъ подземелій хранившіеся тамъ въ теченіе четырехъ столѣтій колокола и встрѣчали наши войска торжественнымъ перезвономъ. Никогда еще эта старая мѣдь не гудѣла такъ радостно.

Путь нашихъ войскъ лежалъ на древнюю столицу болгарской земли — городъ Тырновъ, расположенный въ верхнихъ теченіяхъ рѣки Янтры, въ глубокой долинѣ, окаймленной отрогами крутыхъ горъ. Что за красивую картину представляютъ группы бѣлыхъ домиковъ, стройныхъ храмовъ и остроконечныхъ минаретовъ, разбросанныхъ въ зелени садовъ!

Въ годы болгарской независимости, въ дни величавой свободы мѣстные лѣтописцы не называли Тырновъ иначе, какъ „богоспасаемымъ царегра̀домъ, царинов градовъ, славнымъ трновскимъ градомъ, вторымъ послѣ Константинополя". Для насъ Тырновъ имѣлъ огромное значеніе узлового пункта съ путями на Шумлу и Ловчу: отсюда же шли дороги къ горнымъ переваламъ черезъ Балканы: Шипкинскому, Травненскому, Еленинскому и другимъ.

Летучій передовой отрядъ подвигался подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко, который лично руководилъ первой рекогносцировкой.

„Древній городъ былъ занятъ почти безъ потерь съ нашей стороны, такъ какъ турецкая кавалерія отступила съ такой поспѣшностью, что шедшимъ ей на подмогу пѣшимъ батальонамъ оставалось только послѣдовать ея примѣру. А на войнѣ подобные примѣры крайне заразительны, особенно послѣ ряда неудачъ.

Взявъ Тырновъ, русскія войска очутились у подножья Балканъ. Грозная преграда выросла у насъ на пути. Отряду генерала Гурко предстояло одолѣть эту преграду.

Выбить непріятеля изъ Шипкинскаго перевала было дѣломъ настоятельной необходимости. Но дѣйствовать съ фронта было трудно и рискованно съ тѣми силами, которыми располагалъ передовой отрядъ. Удача могла намъ улыбнуться только въ томъ случаѣ, если бы оказалось возможнымъ перевалить черезъ горы въ другомъ мѣстѣ и ударить на турокъ съ тылу.

Болгаре указали мало кому извѣстный горный проходъ, названный по имени деревни Хаинкіой „Хаинкіойскимъ". Это собственно была не дорога, а узкая, извилистая горная тропинка, по которой съ трудомъ могла пробираться навьюченная лошадь съ погонщикомъ. У турокъ этотъ горный проходъ пользовался дурной славой, и поэтому народная молва разукрасила его еще легендами. Говорили, будто онъ поднимается до самыхъ облаковъ, а ведущія къ нему скалы и ущелья до того дики и неприступны, что даже и птица не залетаетъ туда, даже звѣрь не устраиваетъ тамъ логовища. Среди мрачныхъ ущелій царитъ вѣчный сумракъ, солнце не бываетъ здѣсь даже рѣдкимъ гостемъ, и только порывъ вѣтра, случайно ворвавшагося въ лабиринтъ дикихъ ущелій, нарушитъ порой мертвую тишину горной пустыни. „Хаинъ-богазъ", говоритъ турокъ, указывая въ сторону ущелья, что по-русски означаетъ *предательскій проходъ*.

Когда всѣ необходимыя свѣдѣнія о горныхъ проходахъ были собраны, войска получили приказъ готовиться къ выступленію изъ Тырнова. Сухарей приказано было взять пятидневный запасъ и беречь ихъ, какъ зѣницу ока, довольствуя людей по возможности на счетъ страны съ немедленной расплатой за все взятое. Но патроновъ каждый солдатъ долженъ былъ захватить столько, сколько былъ въ силахъ. Всѣ невольно чувствовали, что ихъ ведутъ на серьезное дѣло. Куда лежитъ путь-дорога—этого никто не зналъ.

30 іюня утромъ жители Тырнова проводили своихъ недавнихъ освободителей въ трудную, невѣдомую дорогу.

Отрядъ двинулся къ Хаинкіойскому перевалу, но въ моментъ его выступленія никому и въ голову не приходило, что эти люди идутъ къ „Предательскому проходу", пропасти и ущелья котораго хранятъ такъ много мрачныхъ тайнъ.

ГЛАВА V.

Ханкіойскій перевалъ.—Долина розъ.—Казанлыкъ.

Не успѣлъ отрядъ скрыться въ горномъ проходѣ, какъ ему пришлось столкнуться съ трудностями пути: и люди и лошади выбивались изъ силъ на крутыхъ подъемахъ, усѣянныхъ острыми камнями. Удается втащить орудіе на верхушку подъема, всѣми силами старайся удержать его, чтобы оно не свалилось въ темную пропасть, обрамленную мѣстами жидкимъ кустарникомъ. Иногда не выдерживали окровавленныя лошадиныя ноги, и летѣли измученныя животныя внизъ, увлекая за собой и орудіе.

Тяжелый путь и вѣчное ожиданіе засады,—все это лишало возможности даже подумать о необходимой передышкѣ. Тихо, мертво кругомъ, а сердце бьется учащенно, и жадный слухъ напряженно ловитъ случайные звуки. Мѣстами стѣны ущелья такъ сближаются, что между ними, кажется, изъ ружья можно сдѣлать перекладину.

Ночь на 2-ое іюля была долгая мучительная ночь, полная невыносимыхъ трудовъ и опасеній. Отрядъ подвигался медленно, черепашьимъ шагомъ. Ущелье суживалось все больше и больше. Бывали минуты, когда орудія приходилось тащить на рукахъ. Измученный солдатъ безропотно принималъ на себя лошадиную работу и, забывая голодъ и усталость, тащилъ тяжести наравнѣ съ лошадьми, рискуя ежеминутно свалиться въ черную пропасть.

Гдѣ-то высоко-высоко забрежилъ разсвѣтъ, небо, т.-е. видимая въ ущельѣ узкая полоска неба, стала свѣтлѣй, но въ горной расщелинѣ еще царила ночь. Казаки-развѣдчики доложили, что близокъ выходъ изъ ущелья, а у деревни Ханкіой виднѣется турецкій лагерь.

Турки никакъ не ожидали съ этой стороны непрошенныхъ гостей и поэтому имъ не подъ силу было выдержать стремительную атаку пластуновъ, поддержанную стрѣлками и донцами. Турки бѣжали, оставивъ намъ свой лагерь съ запасами, и русскіе побѣдоносно вступили въ „Долину розъ“.

Теперь передовому отряду оставалось произвести нападеніе съ тылу на Шипкинскій перевалъ, пока турки еще не оправились отъ первой неудачи.

Путь лежалъ къ Казанлыку. Городъ Казанлыкъ отстоитъ верстъ на 15 отъ Ханкіойскаго и Шипкинскаго переваловъ.

Южнѣе Казанлыка, параллельно Великимъ Балканамъ, идетъ другая горная цѣпь - Малыя Балканы. Самый городъ расположенъ въ долинѣ рѣки Тунджи, или въ „Долинѣ розъ“, какъ ее называютъ мѣстные жители. Эта поэтическая долина со всѣхъ сторонъ замкнута отрогами Балканъ. Ущелья, ведущія въ долину, обрывисты и чрезвычайно круты. Главный выходъ представляетъ Еникіойское ущелье

ведущее къ городу того же имени, находящемуся на пути Шипка-Адріанополь.

На востокъ отъ Казанлыка существуетъ еще проходъ черезъ Малыя Балканы къ городу Ени-Загръ, гдѣ находится станція желѣзной дороги, проведенной изъ Адріанополя. Сюда же направляется и шоссе изъ Шумлы. На западъ отъ Казанлыка имѣется третій выходъ изъ долины Тунджи на г. Карлово, соединенный рельсовымъ путемъ съ Филиппополемъ и Ловчей.

Такимъ образомъ огромное значеніе долины Тунджи было для насъ вић сомнѣній, и первой нашей задачей было овладѣть ближайшими городами.

Отрядъ генерала Гурко, не желая напрасно терять время, двинулся къ Казанлыку. Этотъ незначительный переходъ по цвѣтущей долинѣ, усѣянной плантаціями розъ, былъ бы при иныхъ условіяхъ пріятной прогулкой, но усталымъ воинамъ, идущимъ въ новую битву, подъ палящими лучами южнаго солнца, было не до красотъ природы. Солнце жгло безпощадно, и для того, чтобъ хоть на время освѣжиться, солдаты на ходу сворачивали въ ручьи и мелководныя рѣчки, гдѣ и плескались на солнышкѣ, оглашая воздухъ веселыми криками и простодушнымъ смѣхомъ.

Пройдя деревню Карганли, отрядъ увидѣлъ тонувшій въ садахъ Казанлыкъ.

Турецкая пѣхота, поддерживаемая двумя орудіями, встрѣтила огнемъ нашъ авангардъ. Наши въ долгу не остались и отвѣтили тѣмъ же. Послѣ усиленной перестрѣлки турки начали отступать, а появленіе нашей кавалеріи ускорило дѣло. Изъ города высыпала толпа турокъ и начала поспѣшное отступленіе къ Шипкѣ, но стрѣлки бросились наперерѣзъ и задержали движеніе бѣглецовъ.

Кіевскіе гусары и астраханскіе драгуны успѣли уже ворваться въ предмѣстье и, встрѣченные огнемъ, стали выбивать непріятеля изъ домовъ. Узкія улицы вскорѣ такъ переполнились дымомъ, что, казалось, будто дѣло происходитъ не въ полдень, а въ сумерки.

Черезъ часъ Казанлыкъ постигла участь Никополя и Тырнова. Войска турецкія бѣжали, а жители, въ знакъ покорности, вышли съ бѣлыми флагами. Городъ былъ въ нашихъ рукахъ.

ГЛАВА VI.

Нашипка турокъ. Положеніе русскаго передового отряда. Деревня Шипка.

Самоувѣренность, сознаніе своихъ силъ гораздо медленнѣй сообщается людямъ, чѣмъ слѣпая увѣренность въ полномъ безсиліи. Паника — стадное чувство, и оно такъ же быстро охватываетъ двуногихъ,

какъ и четвероногихъ, уничтожая подчасъ между ними всякую разницу.

Рядъ крутыхъ кручъ и этотъ орлиный перелетъ русскаго отряда чрезъ гряды суровыхъ, съ виду неприступныхъ горъ и ущелій, все это не могло не оказать своего вліянія на турокъ. Они видѣли уже предъ собой не просто противника, но противника-удачника, которому и бездны и кручи нипочемъ, который спокойно выдерживаетъ свинцовый дождь и совершенно не знаетъ, что такое усталость.

И турки отступали, отступали безпорядочно, бросая орудія, запасы провіанта и обозы. Порой они останавливались, пытались загородить противнику дорогу; но послѣ дружнаго натиска уступали позиціи и торопливо пробирались дальше, пользуясь прикрытіемъ садовъ и огородовъ. А дальше щитомъ бѣглецамъ служили горы, покрытыя мѣстами лѣсомъ.

Начальникъ передового отряды, конечно, отлично зналъ, что войска его устали донельзя и нуждаются въ отдыхѣ. Достаточно было взглянуть на обугленныя лица этихъ людей, на ихъ впалыя щеки, на покраснѣвшіе отъ солнцепека глаза, чтобъ сразу почувствовать все то, что они вынесли въ послѣдніе дни. Одежда повзносилась, выцвѣла: обувь истопталась. Многіе щеголяли безъ подошвъ, изранивъ до крови ноги. Для парадныхъ смотровъ эти усталые, загнанные люди не годились бы: не было у нихъ парадиаго вида, не было щеголеватости, но зато не было и уныпія. Согнанные и собранные здѣсь со всѣхъ концовъ земли русской, люди эти, несмотря на самыя различныя степени развитія, успѣли проникнуться одной великой идеей, что они принесли за Дунай свои головы не по капризу, не по „щучьему велѣнью“: они знали, что сражаются за свободу угнетенныхъ братій, они воочію видѣли весь ужасъ этого гнета, и потому-то имъ не страшны были ни кручи и ущелья Балканъ, ни волны Дуная, ни твердыни турецкихъ крѣпостей.

Генералъ Гурко зналъ своихъ молодцовъ, и „непарадность“ ихъ не смущала его.

Предъ нимъ была широкая, трудная задача. Остановиться на полпути значило превратить принесенныя жертвы въ ничто. Нужно было не упускать момента и ковать желѣзо, пока оно горячо. Гурко такъ и поступалъ, и вотъ ему пришлось послѣ Казанлыка сейчасъ же поставить на очередь Шипку, чтобы зайти въ тылъ Шипкинскому перевалу. Въ походъ такъ въ походъ. Отрядъ снова вытянулся по дорогѣ, отдѣляющей Шипку отъ Казанлыка.

Деревня Шипка состоитъ дворовъ изъ 300.

Когда наши кавалеристы появились въ деревнѣ, цѣль Гурки была уже достигнута, онъ зашелъ въ тылъ перевалу. Теперь необходимо было выбить изъ укрѣпленныхъ позицій непріятеля. По свѣдѣніямъ, добытымъ болгарами, на Шипкинскомъ перевалѣ было до 500

турокъ съ значительнымъ количествомъ орудій подъ начальствомъ Расима и Хуллуси пашей.

Входъ въ ущелье Шипку замѣчательно живописенъ. Онъ начинается при сліяніи двухъ рѣчекъ: Паничарки и Козерицы, притоковъ р. Янтры. Мѣстами отвѣсныя стѣны ущелья будто высѣчены изъ бѣлаго известняка. Дальше раздвигаются огромныя горы, покрытыя лѣсами. Здѣсь на горномъ скатѣ привольно раскинулась болгарская деревня „Зелено древо". Каменные заборы этой деревни спускаютъ внизъ, въ прохладное ущелье, куда никогда не заглядываетъ солнечный лучъ. Внизъ стремительно несутся горные ключи, безъ устали напѣвая прохожему свои звонкія пѣсенки. Вправо отъ самаго шоссе высится знаменитая гора Св. Николая, забрызганная и нашей и турецкой кровью.

При углубленіи въ ущелье бѣлыя известковыя стѣны вдругъ принимаютъ красноватый цвѣтъ, почему и дорога эта прозвана червоной, или красной. По этой дорогѣ идетъ подъемъ вверхъ по бокамъ горы св. Николая, достигающій трехъ верстъ въ вышину. Названіе Шипки произошло отъ слова шиповникъ, или дикая роза. Отсюда идетъ спускъ въ Долину розъ по теченію Тунджи.

6 іюля въ 8 ч. утра рѣшено было атаковать непріятельскія укрѣпленныя позиціи. Два батальона стрѣлковъ съ двумя сотнями пластуновъ двинулись въ горы при невѣроятной тропической жарѣ, вызывавшей у непривычныхъ людей сплошь и рядомъ солнечные удары. Отъ поддержки артиллеріи атакующій отрядъ долженъ былъ отказаться, такъ какъ тащить пушки по еле проходимымъ тропинкамъ не было никакой физической возможности.

Подъ градомъ пуль наши стрѣлки бодро подвигались къ первой траншеѣ. Но каково же было ихъ изумленіе, когда ружейный огонь, будто по мановенію волшебнаго жезла, прекратился, и непріятель нежданно-негаданно выбросилъ бѣлый флагъ- знакъ перемирія.

Удивленные солдаты и офицеры вышли изъ-за прикрытій и простодушно разглядывали турецкія укрѣпленія, ожидая парламентеровъ. Но вдругъ въ турецкомъ станѣ заиграли рожки и прежде, чѣмъ наши успѣли опомниться, на нихъ со всѣхъ сторонъ хлынули потоки свинцоваго дождя. Цѣлые ряды стрѣлковъ и пластуновъ улеглись на вѣки подъ шумъ этого грознаго дождя. Зато ярость и негодованіе уцѣлѣвшихъ были невѣроятны. Не ожидая команды, стрѣлки взяли ружья наперевѣсъ и, бросившись въ штыки, смяли турокъ въ нѣсколько минутъ.

Непріятель въ паническомъ страхѣ бѣжалъ туда, гдѣ стояли его главныя силы, и атакующіе вскорѣ очутились предъ цѣлой турецкой арміей, засыпавшей ихъ свинцомъ. Пришлось отступать. И если

стрѣлки въ этотъ день отступили, то, значитъ, подвигаться впередъ дѣйствительно не было возможности.

На слѣдующій день, не взирая на послѣднюю неудачу, назначена была новая атака, такъ какъ получилось извѣстіе о предполагаемомъ наступленіи и габровскаго отряда.

Но прежде, чѣмъ войска генерала Гурко приступили къ выполненію возложенной на нихъ задачи, въ ставку генерала явился турецкій офицеръ и объявилъ, что турки готовы безъ боя сложить оружіе, если имъ разрѣшатъ уйти за Тунджу; при этомъ они давали клятву до окончанія войны не браться за оружіе. Вчерашнюю исторію съ „бѣлымъ флагомъ" и всю отвѣтственность за обманъ турецкое начальство свалило на неповиновеніе солдатъ, которые-де самовольно дали залпъ.

Во время этихъ переговоровъ со стороны Габрова началась атака перевала подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го (сына), наканунѣ прибывшаго изъ Тырнова. На молодого генерала, успѣвшаго прослыть баловнемъ удачи и боевого счастья, возлагались не только надежды, нѣтъ, въ него вѣрили уже, и большинство не сомнѣвалось, что судьба готовитъ ему блестящую будущность.

Но каково же было разочарованіе атакующихъ отрядовъ, когда они *не нашли* врага!

Паника турокъ положительно парализовала ихъ способность разсуждать. Они сами создавали себѣ новые и новые ужасы и бороться съ охватившимъ ихъ страхомъ не могли.

Страхъ превращаетъ людей въ животныхъ, сбивая ихъ въ стадныя кучи, а безсильная злоба, соединенная съ фанатизмомъ, прививаетъ стаду звѣрскіе инстинкты. Кровавое подтвержденіе этого было найдено въ турецкихъ траншеяхъ, гдѣ всѣ русскіе раненые оказались перебитыми, при чемъ ихъ предварительно подвергали страшнымъ, безчеловѣчнымъ пыткамъ. Вершина горы св. Николая была увѣнчана пирамидой, составленной изъ отрубленныхъ головъ.

Въ безмолвномъ молчаніи стояли русскіе воины вокругъ страшной пирамиды, всматриваясь въ блѣдныя, искаженныя страданіями лица больныхъ товарищей, тѣла которыхъ валялись тутъ же, вблизи, съ обрубленными руками и ногами.

Здѣсь же на землѣ лежали турецкіе раненые, покинутые своими. Они съ ужасомъ глядѣли на пришельцевъ, недоумѣвая, какую казнь они имъ придумаютъ въ видѣ отмщенія за своихъ страдальцевъ.

Но присутствующіе не о мести думали. Раненые турки сейчасъ же нашли пріютъ подъ стягомъ Краснаго Креста. Поруганные трупы были преданы землѣ.

Печальная судьба выпадала на долю только что освобожденныхъ городовъ и селеній. Надежной защитой нашъ передовой отрядъ не располагалъ, и освобожденные братушки были оставлены въ горо-

дохъ Ени-Загръ и Эски-Загръ на попеченіи болгарскихъ дружинниковъ.

Молодая дружина выполнила возложенную на нее роль блестяще и сумѣла на дѣлѣ доказать свое мужество,

Когда на несчастные города хлынули неудержимымъ потокомъ дикіе таборы Сулеймана-паши, молодые воины мужественно выдерживали грозный натискъ. Въ узкихъ улицахъ изъ тѣлъ доблестныхъ защитниковъ образовались баррикады. Эти страшные курганы, выросшіе на перекресткахъ, давали возможность хоть на нѣсколько минутъ останавливать стремительные натиски турокъ.

Встрѣчая на горныхъ тропинкахъ толпы бѣглецовъ, солдаты дѣлились съ этими голодными, измученными несчастливцами послѣднимъ сухаремъ. Жалобный плачъ осиротѣлыхъ дѣтей находилъ откликъ въ простомъ солдатскомъ сердцѣ. Такъ, 26-й казачій полкъ нашелъ въ одной мусульманской деревнѣ съ полсотни безпомощныхъ голодныхъ дѣтишекъ и, не взирая на то, что это „турчата", забралъ ихъ съ собой, чтобы „приспособить" въ безопасныхъ мѣстахъ. Страшно выглядѣли бородатые кубанцы съ живой поклажей поперекъ сѣделъ, дощцы, прикрывающіе буркой или полой шинели черноглазаго малютку, умѣющаго засыпать въ сѣдлѣ подъ стукъ лошадиныхъ копытъ. Колыбельную пѣсню сиротѣ напѣваютъ балканскіе вѣтры, вмѣсто лампадки, ему свѣтятъ лучистыя горныя южныя звѣзды да вереницы бивачныхъ огней.

Но многихъ ли малютокъ могли спасти солдатскія добрыя души?.. Это была капля въ морѣ.

Въ это время паши разъѣзды донесли, что турки сосредоточили свои силы у Ени-Загры.

Русскимъ оставалось только укрѣпиться на Шипкѣ и въ Хаинкіойскомъ проходѣ, ожидая грозныхъ гостей изъ-за Малыхъ Балканъ.

ГЛАВА VII.

Плевна и ея значеніе.

Во время продолжительныхъ, кровопролитныхъ и упорныхъ войнъ всегда, нежданно-негаданно, возникаютъ пункты, на которыхъ борющіяся стороны напрягаютъ всю свою энергію и отвагу. У этихъ пунктовъ происходитъ затяжка дѣйствія, и тутъ-то съ особенной силой и яркостью проявляются слабыя и сильныя стороны воюющихъ, тутъ-то они имѣютъ возможность щедро платить своимъ боевымъ опытомъ.

Въ войну 54—55 годовъ подъ союзными войсками выросъ Севастополь, и даже вся камышовая впослѣдствіи окрещена по имени

этого еще недавно незначительнаго города, знакомаго большинству только по наслышкѣ.

Кто зналъ до послѣдней войны *Плевну?* Никто. Да и кому пужно было знать этотъ ничтожный городишко съ пятнадцатитысячнымъ смѣшаннымъ населеніемъ, лежащій на перекресткѣ нѣсколькихъ большихъ дорогъ? А между тѣмъ этому городку суждено было получить міровую извѣстность и въ теченіе чуть ли не цѣлаго полугода занимать вниманіе всей Европы.

Если Плевна явилась *сюрпризомъ* для русскихъ, то точно такимъ же сюрпризомъ оказалась она и для самихъ турокъ, оставившихъ сначала въ этомъ городѣ всего-на-все какую-то позабытую роту низама. Свое роковое значеніе для насъ Плевна получила собственно случайно. Мы упустили моментъ завладѣть ею безъ потерь и дорого заплатили за это. Туркамъ и въ голову не могло прійти, что мы „натолкнулись“ на Плевну, что главныя русскія силы, зарвавшись впередъ, необезпечили лѣваго фланга и пріоткрыли этимъ тылъ рущукскаго отряда. Но и это не создало бы еще грозной, кровопролитной Плевны, если бы въ дѣло былъ сразу двинутъ сильный отрядъ и если бы „случайностямъ“ было отведено меньшее мѣсто.

Расположеніе русскихъ войскъ въ эту пору было слѣдующее: отрядъ Наслѣдника Цесаревича (рущукскій) оперировалъ на р. Янтрѣ, на востокъ отъ Плевны, противъ турецкихъ крѣпостей и разградской арміи Ахмеда паши, на соединеніе съ которымъ двигался Османъ паша... Передовой отрядъ генерала Гурко оперировалъ ужъ за Балканами. Главныя русскія силы подвигались по дорогѣ изъ Систова въ Тырновъ, т. е. на юго-востокъ отъ Плевны. Изъ этого расположенія видно, насколько былъ открытъ нашъ правый флангъ.

Шестого іюля командиръ IX корпуса, ген.-лейт. Криденеръ получилъ предписаніе занять Плевну и возложилъ это порученіе на ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера. Рекогносцировочные отряды сообщили главной квартирѣ о приближеніи крупныхъ турецкихъ силъ, но такъ какъ со стороны румынъ не было подтвержденій о выступленіи Османа паши, то и принесенныя извѣстія были отнесены къ разряду преувеличеній. Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ не выслалъ даже развѣдокъ, такъ онъ былъ увѣренъ въ беззащитности городка Плевны. Имѣя въ своемъ распоряженіи бригаду 5-й дивизіи, четыре батареи, казачій полкъ и Костромской пѣхотный полкъ, русскій отрядъ бодро подвигался впередъ. О серьезномъ сопротивленіи не было и рѣчи. Кто его могъ ожидать?.. Вообще это была какая-то игра въ жмурки.

Короткая лѣтняя ночь приближалась къ концу. Это была ночь на 7 іюля. Мирно спавшіе жители Плевны были разбужены ржаніемъ коней, грохотомъ движущихся орудій и топотомъ солдатъ.

Всюду появлялись испуганныя лица. Но у турокъ страхъ смѣнялся радостью, и изъ устъ въ уста переходило извѣстіе, что храбрый Османъ паша занялъ городъ. Обрадовались турки, закручинились болгары. А Османъ уже приказалъ части своего отряда занять лежащія къ сѣверу отъ Плевны высоты и наскоро окопаться.

Все это произошло въ концѣ ночи и ранимъ утромъ, а въ 2 часа пополудни къ Плевнѣ подошелъ генералъ Шильдеръ-Шульдеръ со своимъ отрядомъ. Явись русскіе нѣсколькими часами раньше, и „Плевны" съ ея знаменитыми побоищами не существовало бы. Но на войнѣ, какъ и вообще въ жизни, случай играетъ не послѣднюю роль.

Подошедшій отрядъ не замедлилъ открыть канонаду, но рѣшительная атака была назначена на слѣдующій день, такъ какъ къ этому времени должна была подойти кавказская казачья бригада и Костромской полкъ.

8 іюля наши атаковали противника, но были отброшены съ сильнымъ урономъ. Жестоко поплатился и Костромской полкъ, шедшій на подмогу. Онъ былъ встрѣченъ непріятелемъ у деревни Гривицы. У насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными около 3,000 человѣкъ.

До сихъ поръ мы были слишкомъ избалованы боевымъ счастьемъ, и эта неудача не могла смутить насъ; но, желая избѣжать повторенія, главнокомандующій рѣшилъ возможно усилить оперирующій подъ Плевной отрядъ.

Черезъ десять дней количество нашихъ войскъ было доведено до 32,000 человѣкъ подъ главнымъ начальствомъ барона Криденера, располагавшаго при этомъ артиллерійской силой въ 176 орудій.

Пока стягивались наши силы, разумѣется, не дремалъ и Османъ паша, получая все новыя и новыя подкрѣпленія изъ Софіи. Въ это время турецкій генералъ занялъ Ловчу, придавая огромное значеніе этому пункту. «Занявъ гор. Ловчу, Османъ паша продолжалъ окапываться. Онъ давно оцѣнилъ все огромное значеніе земляныхъ укрѣпленій въ современныхъ войнахъ, гдѣ для стальныхъ дальнобойныхъ снарядовъ нѣтъ болѣе несокрушимыхъ твердынь. Зналъ убѣленный опытомъ воинъ и натуру своего солдата. Турецкій солдатъ хорошій солдатъ, но онъ хорошъ и выпосливъ въ траншеѣ, за земляннымъ валикомъ, а въ открытомъ полѣ блескъ вражескихъ штыковъ слѣпитъ его глаза, а громкое „ура" нерѣдко вызываетъ въ его мозгу преувеличенныя представленія о силахъ и количествѣ противниковъ.

18 іюля былъ произведенъ новый безуспѣшный штурмъ плевненскихъ редутовъ. Это былъ кровавый бой, вырвавшій изъ русскихъ рядовъ 7,300 человѣкъ. Въ то же время пришли нерадостныя вѣсти и изъ-подъ Казанлыка, гдѣ уже обозначились передовые отряды Сулеймана паши. 9-го же августа онъ во главѣ 50 тысячъ отборнаго войска

атаковать Шипку. Въ теченіе шести дней атакующія колоны смѣнялись свѣжими войсками, со страшной силой нападавшими на позиціи русскихъ; но защитники Шипки героически отражали всѣ нападенія враговъ. За шесть дней у русскихъ выбыло изъ строя около 3000 человѣкъ, у турокъ же болѣе 10 тысячъ. Между 1 и 5 сентября Сулейманъ паша съ новыми силами пытался овладѣть Шипкой, но, потерпѣвъ громадныя потери, долженъ былъ отступить.

Такимъ образомъ немногочисленный шипкинскій отрядъ героически выполнилъ случайно выпавшую на его долю важную для дальнѣйшаго хода всей кампаніи задачу: помѣшать Сулейману соединиться съ Османомъ.

Вниманіе главной квартиры было обращено тѣмъ временемъ на Плевну, и, чтобы сократить эту неожиданно выросшую передъ нами твердыню, рѣшено было вытребовать изъ Россіи новыя подкрѣпленія, а въ ожиданіи ихъ нашимъ союзникамъ-румынамъ предложено было передвинуть къ Плевнѣ готовую пятидесятитысячную армію съ 180 орудіями.

Въ Россіи снаряжались къ походу гвардейскій и гренадерскій корпуса.

Турецкое правительство теперь во что бы то ни стало старалось прикрыть путь къ Адріанополю. Съ этой цѣлью оно оказывало давленіе на нашъ рущукскій отрядъ. Османъ же паша тѣмъ временемъ предпринялъ цѣлый рядъ демонстративныхъ вылазокъ.

Девятнадцатаго августа турки съ остервенѣніемъ набросились на деревню „Телишатъ". Но всѣ ихъ атаки были благополучно отбиты. Мало того, судьба, очевидно, рѣшила побаловать насъ, и сильно укрѣпленная Ловча, послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя, перешла въ руки русскихъ.

Уныніе, успѣвшее было уже заглянуть въ нѣкоторыя сердца сейчасъ же уступило мѣсто надеждѣ. Имя Скобелева, окруженное именами менѣе замѣтныхъ героевъ, засіяло еще ярче, и вѣра въ побѣду какъ-то поднята и окрылила всѣхъ отъ мала до велика.

По требованію главной квартиры, рѣшено было не дожидаться подкрѣпленій изъ центральной Россіи и снова попытать счастье на щедро обагренныхъ нашей кровью плевненскихъ редутахъ.

Въ теченіе четырехъ дней продолжалась грозная бомбардировка сотни орудій гремѣли отъ зари до зари, и все это дѣлалось для подготовленія главной атаки. Но на самомъ дѣлѣ этотъ обильный артиллерійскій огонь мало принесъ пользы атакующимъ, такъ какъ бомбы и гранаты не могли принести существеннаго вреда ни землянымъ окопамъ, ни скрывающимся за ними солдатамъ.

Насталъ незабвенный день 30 августа, и войска наши, подъ несмолкаемый грохотъ орудій и трескъ барабановъ, съ развернутыми знаменами двинулись въ атаку. Атакующія колонны стремительно бро-

сались на редуты, но свинцовый дождь смывалъ ихъ, и обратно внизъ катились уже безгласные трупы или залитые кровью калѣки, стоны и вопли которыхъ были заглушаемы грохотами пушечной пальбы.

Штурмующія колонны таяли, а результаты нашихъ нечеловѣческихъ усилій были еще замѣтны. На правомъ крылѣ цѣной огромныхъ жертвъ намъ удалось захватить Гривицкій редутъ, да на лѣвомъ крылѣ съ немепьшими жертвами призракъ удачи достался всегдашнему баловню фортуны Скобелеву. Говоримъ „призракъ" удачи, такъ какъ окопы предмѣстья Плевны, взятые Скобелевымъ и съ такимъ трудомъ, все же ему не пришлось удержать за собой. Не получая ни откуда никакихъ подкрѣпленій, скобелиы должны были на слѣдующій день отступить, оставивъ залитыя русской кровью укрѣпленія непріятелю. Развѣ могла гореть измученныхъ, выбившихся изъ послѣднихъ силъ людей выдержать натискъ главныхъ силъ Османа паши?

30 числа у насъ выбыло изъ строя 16 тысячъ человѣкъ. Что можетъ быть краснорѣчивѣй этой цифры, выписанной кровью? Только скорбь матерей да сестеръ и покинутыхъ отцовъ могутъ отвѣтить на эту цифру: 16,000 кормильцевъ!..

Послѣдняя неудача заставила вспомнить о генералъ-адъютантѣ Тотлебенѣ, и маститый инженеръ былъ по телеграфу вызванъ изъ Петербурга. По прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій, ген. Тотлебенъ, послѣ тщательнаго ознакомленія съ турецкими позиціями, призналъ безцѣльность дальнѣйшихъ массовыхъ атакъ, вырывающихъ изъ строя у атакующаго тысячи жизней.

Несмотря на всѣ свои успѣхи, Османъ паша начиналъ ощущать безпокойство. Зима была не за горами, а турецкая армія не имѣла не только теплаго платья, но и запасы топлива приходили къ концу и уже почти изсякли. Роскошные плевненскіе сады давно пошли на костры. Османъ просилъ свое правительство разрѣшить ему покинуть Плевну и передвинуть армію къ Орханіе, но получилъ отказъ. Пока еще въ довольствіи не ощущалась крайняго недостатка. Но вотъ появился русскій гвардейскій корпусъ и подъ начальствомъ ген. Гурко началъ оперировать на софійскомъ шоссе. Цѣлый рядъ укрѣпленныхъ турецкихъ этаповъ, служившихъ передаточными пунктами для снабженія плевненской арміи провіантомъ, былъ отнятъ у турокъ. Съ лишеніемъ Горнаго Дубняка, Телиша и Дольняго Дубняка путь къ Орханіе былъ прерванъ, и теперь осажденная армія была лишена подвоза.

Въ ноябрѣ для турокъ настали совсѣмъ уже черные дни. Топливо изсякло, порціи давно выдавались половинныя, грозный призракъ голода приближался все ближе и ближе.

Рѣшиться на сдачу, не попытавшись разорвать желѣзное кольцо осаждающихъ, Османъ паша не могъ, и вотъ въ ночь съ 27 на 28

ноября войска его тайкомъ переправились на лѣвый берегъ рѣки Вида. Отчаянная атака побаловала турокъ недолгимъ успѣхомъ, и они завладѣли на первыхъ порахъ линіями нашихъ окоповъ. Но успѣхъ этотъ былъ временный, случайный. Прибывшая помощь дала возможность гренадерамъ отбросить турокъ назадъ къ рѣкѣ. Мосты были въ нашихъ рукахъ, и такимъ образомъ непріятель очутился въ западнѣ. Армія была въ безвыходномъ положеніи, а главнокомандующій Османъ паша раненъ. Судьба Плевны была рѣшена, и въ началѣ 2 часа дня Османъ согласился на безусловную сдачу. Нелегкая задача предстояла и русскимъ: принять на свое попеченіе сорокатысячную армію, состоявшую изъ усталыхъ, отощавшихъ людей.

Надъ недавно еще грозной Плевной взвился бѣлый огромный флагъ; грозной, кровожадной Плевны не существовало болѣе. Измученные недавнимъ боемъ, голодные турецкіе солдаты сбрасывали на землю свои ружья и сумки съ патронами. Но побѣдитель не кичился побѣдой, напротивъ, наши солдатики сейчасъ же старались завязать товарищескія сношенія съ недавнимъ „врагомъ", при чемъ объяснялись на особенномъ московско или полтавско-турецкомъ жаргонѣ.

Генералъ Ганецкій принялъ отъ раненаго главнокомандующаго саблю въ знакъ сдачи, и Османъ-паша въ коляскѣ отправился въ Плевну. По пути туда онъ встрѣтился съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, главнокомандующимъ русской арміей, который послѣ сердечныхъ привѣтствій высказалъ ему свое удивленіе, какъ славному защитнику Плевны. Османъ привсталъ въ коляскѣ, поблагодарилъ за милостивое слово, и подъ усами его дрогнула горькая улыбка. Плевна больше не существовала.

29 ноября на мѣстѣ прежней ставки Османа паши былъ отслуженъ торжественный молебенъ въ присутствіи Государя Императора, лицъ свиты и войскъ. Лицо Царя-Освободителя дышало такой неподдѣльной радостью, что при взглядѣ на него многіе забывали свои лишенія и невзгоды, забывали полученныя раны и всецѣло отдавались бурнымъ проявленіямъ восторга.

Послѣ молебствія, сопровождаемый торжественнымъ грохотомъ орудій, Государь проѣхалъ въ городъ, гдѣ ему былъ представленъ плѣнный турецкій главнокомандующій.

Выразивъ полное уваженіе доблестной храбрости его, Царь-Освободитель обратился къ раненому герою со слѣдующими словами:

Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости, я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и въ Россіи, гдѣ, надѣюсь, вы не будете имѣть причинъ къ какому бы то ни было недовольству.

Османъ паша поклонился Государю съ чувствомъ признательности и, поддерживаемый офицерами, вышелъ во дворъ, гдѣ собравшіеся офицеры устроили ему настоящую овацію.

Въ сердцахъ побѣдителей царила радость: по самый городъ осаж-

денныхъ, прозванный городомъ мертвыхъ, имѣлъ мрачный, угрюмый видъ. Всюду слѣды разрушенія, повсюду валяются обезображенные трупы, палыя животныя; среди вырубленныхъ садовъ торчатъ обгорѣлые остовы зданій... Гдѣ-нигдѣ еще дымятся недавнія пожарища... Изъ погребовъ и заколоченныхъ подваловъ доносится смрадъ: тамъ гніютъ сотни труповъ, не нашедшихъ пріюта въ нѣдрахъ земли.

Такова оборотная сторона блестящей медали, выбиваемой въ память геройскихъ подвиговъ и въ честь войны.

ГЛАВА VIII.

Шипкинскій перевалъ.—Подъ пѣсни вьюги.

Плевна пала. Очередь была за Балканами. Зимній переходъ черезъ нихъ, удача или неудача въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ — вотъ что должно было рѣшить судьбу кампаніи.

Вся западная часть Болгаріи была въ нашихъ рукахъ. Предъ русскими многоопытавшими войсками ужо высились отроги „неприступныхъ“ Балканъ.

Отрядъ генерала Гурко, послѣ упорной восьмидневной битвы съ горами, морозами, снѣгами, бурями и снѣжными мятелями, перешелъ горный кряжъ и спустился въ софійскую долину. Кромѣ того, по распоряженію главной квартиры массы нашихъ войскъ были направлены на Шипку, съ приказаніемъ спуститься въ долину Тунджи. Здѣсь должно было произойти соединеніе войскъ съ передовыми отрядами. Разработка и выполненіе этого плана были поручены генералу Радецкому. Первыми же помощниками ему были назначены Скобелевъ 2-й и князь Святополкъ-Мирскій. Нелегкая задача выпала на долю этихъ испытанныхъ вождей, но отъ удачнаго ея выполненія зависѣлъ исходъ кампаніи. Это отлично понималъ каждый отъ мала до велика.

Отряды Скобелева и Святополка-Мирскаго должны были обойти турецкія позиціи и затѣмъ, переправившись черезъ Балканы, очутиться въ тылу непріятеля.

Для предотвращенія натиска турокъ со стороны Хаскіоя, Святополкъ-Мирскій долженъ былъ занять Маглишъ, въ то время какъ первая скобелевская колонна займетъ Карадику.

Спустившись съ горы, обѣ колонны должны были соединиться и произвести совмѣстную атаку на деревню Шипку.

Если въ знойные лѣтніе дни переходъ черезъ Балканы представлялъ рядъ невѣроятныхъ трудностей, то что же можно было ожидать отъ зимней переправы, когда всѣ тропинки были густо покрыты снѣжнымъ саваномъ, а занесенныя снѣгами пропасти при каждомъ

человѣкомъ шагъ можетъ увлечь свою жертву въ бѣлую, холодную могилу, откуда уже не было возврата! Капризные, сердитые горные вѣтры, захвативъ запасъ тепла въ солнечныхъ долинахъ, гонятъ дождевыя тучи навстрѣчу путнику, заѣдаютъ ему глаза мокрымъ снѣгомъ и въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ бѣлой вьюгой поднимаютъ такую бѣшеную пляску, что въ ней легко можетъ закружиться и потерять дорогу цѣлый отрядъ или навьюченный обозъ, бредущій ощупью надъ горными безднами

Сурова горная зима. Изъ-за горныхъ отроговъ къ вечеру лѣдъ-морозъ выставляетъ свое косматое лицо, освѣщенное бѣлымъ мѣсяцемъ, и дуетъ въ обѣ щеки. Дуетъ, что есть мочи, чтобы смахнуть, какъ пылинку, дерзкаго человѣка, рѣшившагося осквернить своей пятой его бѣлоснѣжныя пустыни.

Въ этомъ году и вѣтеръ, и морозъ, и туманъ особенно озлились на дерзкихъ пришельцевъ, осмѣлившихся разгуливать по вершинамъ Балкапъ.

Они рвали въ клочья ихъ сѣрыя солдатскія шинелишки и башлыки, подгачивали обувь, забирались даже въ землянки и хозяйничали здѣсь, какъ на открытомъ воздухѣ.

Только земляныя мыши чувствовали себя хорошо въ сырыхъ, но утемныхъ землянкахъ. Они ревизовали солдатскіе карманы, вытаскивая крошки недоѣденныхъ сухарей, при чемъ развязно бѣгали по лицу спящаго, путаясь своими гонкими лапками въ его усахъ и бородѣ.

Скобелевскій отрядъ отправился проводить сочельникъ и встрѣтить великій праздникъ всего христіанскаго міра въ занесенныя сыпучими снѣгами горы, покинувъ Зелено Древо. Смѣльчакамъ приходилось взбираться по головокружительнымъ кругамъ и скатамъ, сплошь засыпаннымъ толстымъ слоемъ снѣга. Отрядъ получилъ продовольствіе на восемь дней. Вся эта кладь, состоящая изъ запаса сухарей, крупы, соли, чаю, сахару, спирта и ячменя, была задѣлана въ тюки вмѣстѣ съ патронами. Часть запасовъ передвигалась съ помощью вьюковъ, а часть на людяхъ.

Каково было нашимъ героямъ пробиваться впередъ среди высокихъ снѣжныхъ сугробовъ?! Буквально, каждый шагъ приходилось завоевывать, брать съ бою. Усилія саперъ проложить дорогу лопатами и кирками изнурили и безъ того обезсиленныхъ людей, а результаты замела снѣжная буря. Солдаты, буквально, по шею тонули въ снѣгу.

Рождественскій праздникъ нашли неутомимые богатыри, еще такъ недавно оторванные отъ косы и плуга, встрѣтили подъ облаками, пробираясь по горнымъ выступамъ ползкомъ къ самой возвышенной г. Караджѣ.

Опоясавъ вершину горы узкой тропинкой, отрядъ ползкомъ сталъ снова подвигаться впередъ.

Но вотъ турки, выглядывавшіе изъ своихъ редутовъ на Лысой горѣ, замѣтили нашихъ и стали обсыпать свинцомъ вытянувшуюся въ ленту и пробирающуюся ползкомъ колонну.

Ужасѣе всего былъ спускъ съ горы подъ градомъ вражескихъ пуль.

Не мало нашихъ солдатиковъ, выхваченныхъ злодѣйкой пулей, свалилось въ угрюмыя бездны Балкань. А то и безъ пули... Выбился изъ силъ человѣкъ, закружилась голова, или нога оступилась—и готово, поминай, какъ звали!.. Надо помнить, что этотъ сказочный переходъ совершался не налегкѣ, а съ артиллеріей и боевыми снарядами, размѣщенными на узенькихъ саязкахъ, сопровождающихъ идущую чуть ли не ползкомъ колонну.

Несмотря на эту сверхчеловѣческую трудность передвиженія, скобелевскій отрядъ все же пробился къ с. Имети, обогнувъ такимъ образомъ долину Шипки съ правой стороны.

Князь Святополкъ-Мирскій обогнулъ лѣвую часть шипкинской долины, и оба отряда сошлись у деревни Шеновой, защищенной крѣпкимъ турецкимъ редутомъ.

На слѣдующее утро, 28 декабря, Скобелевъ рѣшилъ произвести атаку, не взирая на туманную погоду, не обращая вниманія на рѣзкій вѣтеръ, шевелявшій въ обледенѣлыя лица пригоршни снѣга и теребившій старыя знамена.

Оглушительные залпы турецкихъ орудій не остановили атакующихъ. Войска шли въ бой, какъ идутъ на праздникъ: съ музыкой, съ пѣснями. Первыми были взяты шеновскія высоты вблизи селенія Шипки.

Тѣмъ же стремительнымъ натискомъ турки были выбиты изъ двѣнадцати траншей. Стремительность атаки въ соединеніи съ полнымъ порядкомъ такъ ошеломила непріятеля, что онъ началъ уступать позицію за позиціей. Скобелевъ со своими любимыми владимирцами тѣснилъ, а затѣмъ и прорвалъ центръ укрѣпленій.

Святополкъ-Мирскій одновременно занялъ Казанлыкъ и придвинулся къ шипкинскимъ турецкимъ позиціямъ. Радецкій громилъ съ фронта высоты, занятыя перетовыми турецкими укрѣпленіями.

Не успѣлъ утренній туманъ подняться, какъ на сѣромъ фонѣ турецкихъ позицій взвился бѣлый флагъ. Турецкій командующій Весель паша рѣшился на сдачу и вмѣстѣ со своимъ штабомъ вышелъ навстрѣчу Скобелеву.

Побѣдитель обласкалъ побѣжденныхъ и возвратилъ турецкому главнокомандующему его саблю.

Но турки были угрюмо сосредоточены, и ихъ едва ли могла особенно радовать учтивость противника.

Вотъ какъ передаетъ очевидецъ эту сцену.

Скобелевъ подалъ руку турецкому главнокомандующему и сказалъ при этомъ нѣсколько любезностей. Турки держались сосредоточено, мрачно. Видимо, имъ было больно, тяжело, невыносимо...

— Сегодня гибнетъ Турція, — такова воля Аллаха! поникнувъ старой головой, произнесъ Хюсни паша—бригадный командиръ. Мы сдѣлали все, что можно, что были въ силахъ, добавилъ онъ съ увѣренностью.

— Вы дрались славно, браво! согласился Скобелевъ.

Турки приложили руки къ сердцу, и головы ихъ еще больше понурились.

— Мы, какъ солдаты, исполнили свой долгъ, отвѣтилъ за товарищей Гагедъ-бей, командиръ таборовъ.

Скобелева всюду встрѣчали и провожали восторженными криками. Громовое „ура" не умолкало. Шипкинская армія сдалась въ плѣнъ. Великій отъ мала до велика, отъ рядового до командира чувствовалъ, что это начало давно желаннаго конца.

Усталыя войска забыли всю тяжесть похода, они видѣли теперь предъ собой путь къ Царьграду, имъ грезилось заключеніе славнаго мира и возвратъ домой въ родную сторонку.

Съ Весселъ-пашей сложили оружіе 32,000 нижнихъ чиновъ, 280 офицеровъ и три паши. Кромѣ того, побѣдителю досталось 105 орудій и много боевыхъ снарядовъ, военныхъ значковъ и знаменъ.

Балканы, какъ преграда, болѣе не существовали.

Послѣдняя побѣда, завершившаяся плѣномъ шипкинской арміи, дѣйствительно оказалась „началомъ конца". Дальнѣйшій путь нашей арміи являлся уже не шествіемъ воиновъ съ человѣческими трудами и рискомъ завоевывающихъ каждую пядь вражеской земли, а церемоніальнымъ маршемъ побѣдителей, увѣренныхъ въ своихъ силахъ, увѣренныхъ въ побѣдѣ.

Дальнѣйшія сраженія носятъ на себѣ совершенно иной отпечатокъ, чѣмъ недавнія битвы. Это послѣдніе аккорды, послѣдніе отголоски грозной отшумѣвшей бури.

Послѣ упорнаго боя подъ Филиппополемъ, разбитая турецкая армія безпорядочно отступала, бросаясь изъ стороны въ сторону, какъ затравленный звѣрь. Но это уже и не была армія въ точномъ смыслѣ этого слова, это былъ сбродъ вооруженныхъ деморализованныхъ шаекъ, создать изъ которыхъ цѣлое, сплотить ихъ воедино было уже не по плечу даже и такому обстрѣленному въ битвахъ воину, какъ Сулейманъ паша.

Растерявъ почти всю свою артиллерію, потерявъ къ тому же массу плѣнными и убитыми, Сулейманъ волей-неволей долженъ былъ открыть врагу путь къ Адріанополю.

Занятіе нашими войсками Адріанополя повергло въ полное сму-

щеніе турецкое правительство, и турки начали настойчиво просить о перемиріи.

ГЛАВА IX.

Война въ Малой Азіи.—Взятіе Ардагана.

Военныя дѣйствія въ Малой Азіи открылись, какъ только была объявлена война, т. е. въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ. Турецкіе аванпосты подъ неожиданнымъ дружнымъ напоромъ нашей кавалеріи, поспѣшно бросали оружіе и искали спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Кадры плѣнныхъ пополнялись съ каждымъ часомъ.

Переправа черезъ Арпачай совершилась безпрепятственно.

Первый обмѣнъ ружейными залпами будто разбудилъ сипяцихъ.

На первыхъ порахъ положеніе нашихъ отрядовъ было самое выгодное. Въ то время, когда наши рванись впередъ, турки поспѣшно покидали мѣста своихъ стоянокъ и искали защиты или за крѣпостными стѣнами, или подъ прикрытіемъ естественныхъ, природныхъ заграждепій.

Турецкая раздѣленная армія заперлась въ Карсъ и Ардаганъ, а Мухтаръ паша со своими батальонами ретировался за Сагаплугъ.

Положительно со сказочной быстротой мы сдѣлались вершителями судебъ горнаго Карскаго пашалыка.

Явившись, нежданно-негаданно временными хозяевами богатой территоріи, русскіе купались, какъ сыръ въ маслѣ. Армянское населеніе встрѣчало ихъ повсюду съ хлѣбомъ-солью, съ торжественными процессіями, при чемъ духовенство привѣтствовало освободителей, призывая на ихъ главы благословеніе небесъ.

Полудикіе курды и каракалпаки ушьло повѣсили носы и стали изображать нашихъ первостепенныхъ друзей. Они охотно переходили въ наши ряды, чему не мало способствовало солидное жалованіе, и не спившееся этимъ господамъ, живущимъ грабежомъ и промышляющимъ разбоемъ и насиліемъ.

По народному сказанью „одна бѣда не идетъ, а и другую ведетъ за собою во слѣдъ“.

То же вполнѣ примѣнимо и къ удачѣ.

Удачно начатое наступательное движеніе вскорѣ ознаменовалось рядомъ выдающихся успѣховъ.

Хорошо укрѣпленному Ардагану суждено было во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Турціей играть не послѣднюю роль. Занятіе Ардагана прерываетъ у непріятеля всѣ сообщенія между его сѣверной арміей и арміей анатолійской, опорой для которой служитъ Карсъ.

Послѣ послѣдней русской-турецкой войны Ардаганъ былъ укрѣпленъ на славу. За его фортами вмѣщался десятитысячный отборный

гарнизонъ, снабженный усовершенствованнымъ оружіемъ и массой патроновъ.

На высотахъ, окружающихъ его съ сѣверной и восточной стороны, возведены были сильные форты.

Усиливъ штурмующій отрядъ частью александропольскихъ войскъ, къ Ардагану прибылъ и командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Тергукасовъ-Меликовъ, оставивъ на время свою главную квартиру въ 20 верстахъ отъ Карса.

Прежде, чѣмъ атаковать городъ, необходимо было овладѣть господствовавшими надъ нимъ высотами. 4 мая въ 6 часовъ утра генералъ-лейтенантъ Девель двинулся съ своимъ отрядомъ на Гиявердынскія высоты. Медленно, шагъ за шагомъ поднимались наши войска по крутому склону подъ убійственнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля. Между тѣмъ наши батареи засыпали своими снарядами непріятельскій лагерь и ихъ горныя укрѣпленія. Выстрѣлы нашихъ пушекъ были такъ мѣтки, что турки скоро стали снимать палатки лагеря, а горная батарея ихъ принуждена была прекратить огонь. Къ десяти часамъ Гиявердынская вершина была занята нашими войсками. Ободренные этимъ успѣхомъ, они, почти не отдыхая, съ громкимъ крикомъ „ура!" бросились впередъ и взяли турецкій лагерь. Турки отступили частью въ Ардаганъ, частью въ нагорное укрѣпленіе Эмирь-Оглы. Необходимо было овладѣть и этимъ укрѣпленіемъ, батареи котораго обстрѣливали наши войска, находившіеся на высотахъ. Генералъ Девель рѣшилъ воспользоваться возбужденнымъ состояніемъ своихъ батальоновъ и немедленно повелъ ихъ на штурмъ. Черезъ часъ укрѣпленіе было взято, 10 пушекъ, множество ружей и боевыхъ запасовъ достались побѣдителямъ.

На слѣдующій день рѣшено было атаковать самый городъ.

Послѣ гремѣвшей съ утра адской канонады, войска наши построились въ штурмовыя колонны и въ началѣ шестого часа пополудни двинулись впередъ. Войска шли спокойно и увѣренно, какъ на парадѣ. Ихъ велъ герой кавказской войны, генералъ Гейманъ.

Русскія дружины, выступающія подъ звуки музыки съ распущенными знаменами и будто не обращающія вниманія на огонь турецкихъ батарей, не могли не произвести впечатлѣнія на турокъ. Защитники города бѣжали къ мостамъ на рѣкѣ Курѣ, покидая безъ выстрѣла грозные редуты.

Началось преслѣдованіе бѣглецовъ. Наши ворвались въ городъ, и имъ приходилось выбивать турокъ не только изъ улицъ и переулковъ, но даже изъ домовъ.

Всюду бѣжали потоки крови: всюду валялись трупы; трескъ ружейнаго огня смѣшивался со стонами умирающихъ и искалѣченныхъ. Кто могъ бѣжать, бѣжалъ. Намъ досталось въ плѣнъ не много здоровыхъ: все больше были раненые или больные.

Ужасенъ былъ погромъ Ардагана. Трудно вообразить себѣ картину, которая представилась нашимъ глазамъ по окончаніи штурма. Турецкіе трупы, рѣдко гдѣ валявшіеся на окраинахъ города, по мѣрѣ приближенія къ центру и къ мостамъ встрѣчались все чаще и чаще. Рѣка приняла въ свои волны болѣе тысячи турецкихъ труповъ. Наши убитые здѣсь почти не попадались, но зато вблизи турецкой цѣпи ихъ было довольно. Здѣсь нашли въ одномъ мѣстѣ двухъ фельдфебелей Бакинскаго полка, лежавшихъ рядомъ. Умирая они, видно, пожали другъ другу руку, да такъ и застыли съ этимъ рукопожатіемъ.

Вооруженіе и запасы, покинутые въ Ардаганѣ, стоили туркамъ около 4 милліоновъ рублей.

Если принять во вниманіе незначительность нашей общей потери людьми, выбитыми изъ строя, то побѣда эта окупилась сторицею, и принесенная жертва потонула въ успѣхѣ.

Блестящій штурмъ Ардагана явился прочнымъ, солиднымъ залогомъ для дальнѣйшихъ успѣховъ.

Карсъ терялъ свое неприступное значеніе. Вопросъ о его взятіи становился очереднымъ вопросомъ.

7 мая подъ Ардаганомъ въ присутствіи всѣхъ войскъ было отслужено торжественное молебствіе. Салютовали отбитыя у турокъ орудія и 101 выстрѣлъ повторилъ вѣсть о побѣдѣ.

Въ этотъ же день въ мѣстномъ округѣ было введено гражданское управленіе.

ГЛАВА X.

Баязетское сидѣніе.

Занятіе Баязета произошло безъ кровопролитія, такъ какъ незначительный турецкій гарнизонъ сейчасъ же отступилъ при появленіи авангарда эриванскаго отряда, постепенно удаляясь въ горы Ала-Дагъ.

Вслѣдъ за очищеніемъ города отъ турецкихъ войскъ, жители вышли навстрѣчу русскимъ и изъявили свое полное повиновеніе. Прибывшій на слѣдующій день начальникъ отряда ген.-лейт. Тергукасовъ былъ встрѣченъ жителями и духовенствомъ, какъ христіанскимъ, такъ и мусульманскимъ. Генералу передали письмо баязетскаго паши, въ которомъ послѣдній умолялъ пожалѣть его гостей отнестись человѣчно и гуманно къ его покинутымъ товарищамъ.

Просьба была излишняя, такъ какъ и безъ нея раненыхъ и больныхъ турокъ немедленно размѣстили въ госпиталѣ и пріемныхъ околоткахъ.

Оставивъ въ занятомъ городѣ небольшой гарнизонъ, генералъ Тергукасовъ съ остальными силами двинулся по большой эрзерумской дорогѣ.

Городъ Баязетъ стоитъ на скалистой горѣ и возвышается надъ уровнемъ моря футовъ тысячъ на семь. Цитадель на восточной сторонѣ горы, она состоитъ изъ замка съ мечетью.

Подъ ней подвалы и склепъ, а внутри дворъ съ казармами и службами перерѣзанный ручьемъ. Внизу расположенъ новый городъ, а вверху старый. Передъ городомъ лежитъ огромная котловина, по которой протекаетъ рѣка Балыкъ-чай, окруженная болотами. Высокія горы окружаютъ Баязетъ каменной стѣной, часть которой составляетъ знаменитая гора Арарать.

Недолго пришлось отдыхать покинутому въ Баязетѣ гарнизону. Вскорѣ городъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ полчищами турецкихъ иррегулярныхъ войскъ. Тяжелыя настали времена для осажденныхъ. Если бъ не желѣзная воля капитана Штоквича, на долю котораго выпало командованіе осажденнымъ гарнизономъ,едва ли бы городъ устоялъ.

Жара стояла невыносимая! Часто вылазка за водой совсѣмъ не удавалась; съѣстные припасы истощаются; помощи ждать не откуда. И вотъ съ каждымъ днемъ порція сухарей и дача воды уменьшается. Были дни, когда сухарей совсѣмъ не выдавалось; въ иные гарнизонъ получалъ всего по четыре лота сухарей въ день на человѣка. Между тѣмъ съ окружающихъ высотъ сыпались пули и снаряды. Особенно одна пушка, стоявшая на высотѣ, вредила крѣпости: въ нее ни откуда съ нашей стороны нельзя было направить выстрѣла. Тогда капитанъ Штоквичъ догадался втащить одну пушку въ верхній этажъ дома, изъ окна котораго видна была непріятельская батарея. Чтобы при выстрѣлахъ не провалился полъ, въ нижнемъ этажѣ подставили подпорки.

Ну-ка, полѣзай, старушка, на печь! радостно привѣтствовали солдаты первые выстрѣлы. „Старушка“ сильно вредила непріятельской батареѣ, но вскорѣ, подбитая турецкой гранатой, должна была замолчать.

Страданія гарнизона, томимаго голодомъ и жаждою, превосходили всякое описаніе. Турки завалили ручей гніющими трупами; но и зараженную воду приходилось добывать гарнизону цѣною жизни и дѣлить почти на капли. Каждая вылазка за водой, пахнувшей мертвечиной, обходилась въ пять и болѣе человѣкъ убитыми!..

При такихъ невыносимыхъ страданіяхъ гарнизона, комендантъ съ презрѣніемъ отвергалъ неоднократно присылаемыя врагомъ заманчивыя предложенія сдаться. Наконецъ, Штоквичу удалось отправить охотника къ генералу Тергукасову съ извѣстіемъ о положеніи гарнизона. Исполнить это трудное и опасное дѣло вызвался одинъ армянинъ, Самсонъ Петросовъ. Обривъ себѣ голову, переодѣвшись въ татарскія лохмотья, онъ ночью спустился по веревкѣ съ крѣпостного вала. Но

едва Петросовъ прошелъ версту, какъ попалъ въ руки курдовъ. На разспросы онъ отвѣчаетъ на ихъ же языкѣ, что онъ бѣдный персіянинъ, ищетъ своего навьюченнаго осла, котораго у него отняли. Ему повѣрили и отпустили. Пройдя еще нѣсколько верстъ, онъ очутился въ христіанской деревнѣ въ то время, когда жителей ея грабили курды.

Чтобы легче отвести подозрѣніе, Петросовъ взваливаетъ себѣ на плечи какую-то корзинку, принимая видъ грабителя.

Однакоже курды замѣтили постороняго человѣка и начали допрашивать. Проглотивъ пилюлю съ скрывавшейся въ ней запиской отъ командира къ генералу Тергукасову, Петросовъ отдѣлался тѣмъ же разсказомъ объ осѣ. Наконецъ, на пятый день доплелся онъ до назначеннаго мѣста.

Генералъ Тергукасовъ, узнавъ о положеніи базаетскаго гарнизона, тотчасъ велѣлъ готовиться своему отряду въ походъ на выручку.

Между тѣмъ турки продолжаютъ бомбардировать истощенную крѣпость и, въ виду неизбѣжной гибели гарнизона, снова посылаютъ коменданту предложеніе сдаться. Чтобы положить конецъ оскорбительной назойливости врага, Штокичъ приказалъ повѣсить присланнаго переговорщика, и съ этой минуты предложенія прекратились... Въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ писемъ къ туркамъ комендантъ писалъ: „Если вы такъ горячо желаете взять крѣпость, берите насъ силою. Вамъ должно быть извѣстно, что русскіе живыми не сдаются“ Турки хорошо знали, что если бы имъ и удалось пробиться въ крѣпость, то за тѣмъ только развѣ, чтобы взлетѣть на воздухъ съ ея защитниками. Наступило 22-ое іюня, а выручки все-таки не было.

Сдѣлали обычную вылазку за водой отбита. Въ приказѣ на другой день по гарнизону выдавать воды больнымъ по четверти кружки, а остальнымъ по ложкѣ. Наконецъ, комендантъ приказалъ зарѣзать двухъ послѣднихъ лошадей и мясо приказалъ не варить, чтобы сохранить воду для питья, а жарить.

Положеніе больныхъ и раненыхъ было самое отчаянное: помѣщеніе тѣсное, неудобное. Недостатокъ воды не позволялъ не только приготовлять для нихъ горячую пищу, но даже промывать ранъ.

Перевязки перемѣнялись рѣже, такъ какъ не въ чемъ было ихъ мыть.

28-го утромъ началось усиленное бомбардированіе. Вдругъ гарнизонъ —о радость! слышитъ условные выстрѣлы приближающагося отряда генерала Тергукасова.

Черезъ восемь часовъ непріятельскій корпусъ былъ разбитъ на голову и разсѣянъ: взято у него 4 орудія и до 80 плѣнныхъ, много провіанту и военныхъ запасовъ; а героическій гарнизонъ, при чрезвычайныхъ мученіяхъ всякаго рода, мужественно выдержавшій 23-хъ дневную осаду, освобожденъ. Кто выразитъ ихъ чувства радости, крики

восторга, слезы благодарности, съ которыми встрѣченъ былъ многострадальнымъ гарнизономъ побѣдоносный отрядъ при вступленіи въ крѣпость, превращенную въ развалины!..

ГЛАВА XI.

Штурмъ Карса.—Паденіе Эрзерума. Бѣлый флагъ.

Въ первыхъ числахъ октября русской арміи, подъ начальствомъ генерала Лорисъ-Меликова, удалось нанести полное пораженіе Мухтару пашѣ. Войска его бросили свои укрѣпленныя позиціи въ горахъ и бѣжали. Нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ со своимъ главнокомандующимъ спаслись въ крѣпость Карсъ, остальные были убиты или взяты въ плѣнъ.

Послѣ этого главныя наши силы были стянуты вокругъ Карса.

Въ нашемъ распоряженіи находилось 35 батальоновъ, 48 эскадроновъ и 138 орудій подъ общимъ начальствомъ генерала-лейтенанта Лазарева.

Его Высочество Великій Князь главнокомандующій и командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ были здѣсь же. Отрядъ вскорѣ былъ еще усиленъ подкрѣпленіемъ, прибывшимъ изъ-подъ Ардагана.

Карсъ представляетъ собой во всякую пору года ряды неприступныхъ твердынь, воздвигнутыхъ самою природою и пополненныхъ изобрѣтательнымъ человѣческимъ умомъ; но въ началѣ горной зимы съ ея бураны и вьюгами онъ положительно не поддастся долгой блокадѣ, такъ какъ при этихъ климатическихъ условіяхъ аванпостная служба невыносима. Затруднительность ея увеличивалась еще и отсутствіемъ теплой одежи и исправной обуви. Пообносились, поизорвались наши богатыри, чтобы бороться съ пургой и морозами.

Приходилось волей-неволей оставить мысль о продолжительной блокадѣ и попытаться взять крѣпость штурмомъ. Для этого нужно было выработать общій планъ атаки, заготовить достаточное количество штурмовыхъ лѣстницъ и дождаться прибытія крупныхъ, дальнобойныхъ орудій, необходимыхъ для подготовительной канонады.

Истомленные бездѣйствіемъ и холодомъ войска жаждали „дѣла" и хоть какого-нибудь выхода изъ настоящаго невыносимаго положенія.

Геройскій подвигъ кутаисцевъ, ворвавшихся со своимъ лихимъ полковымъ командиромъ въ предмѣстье города, при чемъ турецкое укрѣпленіе было взято буквально въ штыки, показало еще разъ наглядно, что для истинной отваги нѣтъ препонъ.

Знаменитый штурмъ „неприступныхъ“ карсскихъ твердынь состоялся въ ночь съ 5-го на 6-е ноября, когда луна свѣтитъ почти въ теченіе цѣлой ночи, освѣщая путь и на „доброе“ и на „злое“.

Въ наши намѣренія не входитъ передавать подробности кровавой бойни. Исторія ревниво сохраняетъ ея для спеціалистовъ. Мы знаемъ одно только твердо—что „мы побѣдили“. Карсъ палъ, болѣе 10,000 плѣнныхъ, до 300 орудій и огромные запасы достались побѣдителямъ.

Значеніе этой побѣды было огромно уже потому, что приближало неизбѣжную развязку войны.

Но на военныхъ картахъ еще оставалось двѣ черныхъ точки, которыя такъ или иначе должны были быть уничтожены,—это Эрзерумъ и Батумъ.

Много бы человѣческой крови понадобилось, чтобъ уничтожить эти „точки“ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, но старикъ морозъ и неизмѣнный спутникъ войнъ—тифъ рѣшили иначе.

Впрочемъ, опытъ блокады Эрзерума былъ сдѣланъ. Измаилъ паша съ 30,000 отрядомъ и 60,000 населеніе было заперто въ городѣ и отрѣзано отъ внѣшняго міра. Покорить этихъ людей рѣшили изморомъ, голодомъ...

Трудно пришлось осажденнымъ, но не красна была жизнь и осаждающихъ. Отрядъ генерала Геймана не получалъ ни бѣлья, ни одежы, ни сапогъ, ни полушубковъ. Обозы изъ Александріи не могли прибывать вслѣдствіе мятелей и снѣжныхъ заносовъ, а край былъ обезсиленъ и разоренъ въ конецъ. Солдаты чинили дырявыя шинелишки кусками турецкихъ палатокъ и ноги вмѣсто сапогъ заворачивали тряпьемъ. Рубахи изорвались въ клочья и еле прикрывали тѣло.

А морозы стояли сердитые, лютые.

Смилостивится морозъ,—глядь—уже мятель расправила крылья и безъ состраданія засыпаетъ снѣгомъ, да такимъ острымъ, колючимъ...

Лютая зима била измученнаго оборваннаго солдатика, а тифъ его доколачивалъ. На каждомъ пунктѣ подъ Эрзерумомъ въ день хоронили до 30 человѣкъ. Въ полкахъ заболѣвала половина людей, въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось по десяти человѣкъ, не болѣе.

Но вотъ 10 февраля съ далекаго Балканскаго полуострова прилетѣла желанная вѣсть о перемиріи. Извѣстіе это побудило турокъ сдать осажденный городъ, и надъ Эрзерумомъ взвился, наконецъ, бѣлый флагъ.

Грохотъ выстрѣловъ смолкъ, и свинецъ не вырывалъ больше жертвъ изъ нашихъ рядовъ; но зато тифъ становился безпощаднѣй съ каждымъ днемъ и производилъ жестокія опустошенія, не щадя ни побѣдителей ни побѣжденныхъ. Онъ сѣялъ смерть, вьюга отпѣвала, а морозъ заколачивалъ ледяными гвоздями братскія могилы, пріютившія страдавшихъ.

19 января въ Адріанополѣ были подписаны предварительныя

условія перемирія, а 19 февраля въ Санъ-Стефано, подъ стѣнами Константинополя, были утверждены и статьи мирнаго договора.

Кровожадная война, съ ея нечеловѣческими жертвами, съ ея жестокостью и массой страданій, была закончена на Балканскомъ полуостровѣ.

Солдатики поговаривали объ обратномъ походѣ, вспоминали родныя деревушки, вспоминали милыхъ сердцу, и въ эти минуты недавнія горести и невзгоды были забыты. И вольный сонъ уносилъ ихъ изъ-подъ стѣнъ Царьграда къ берегамъ родныхъ извилистыхъ рѣчонокъ, гдѣ шепчутся кудрявыя вербы и шумитъ зеленый яворъ, гдѣ бѣлѣютъ хатки, гдѣ не такъ ярко, но зато какъ кротко и ласково свѣтятъ полуночныя звѣзды...

Трагедія была доиграна и воины вложили мечи свои въ ножны...

На основаніи мирнаго договора, подписаннаго въ Санъ-Стефано, Болгарія получила полную независимость, Боснія съ Герцеговиной, Кандія и Арменія—такое самоуправленіе, которое защищало ихъ отъ произвола турецкихъ чиновниковъ.

Англія и другія европейскія державы настаивали на томъ, что дѣла Балканскаго полуострова должны рѣшаться не иначе, какъ съ согласія всѣхъ первоклассныхъ государствъ Европы, и Россія согласилась на созваніе конгресса въ Берлинѣ изъ представителей Россіи, Германіи, Великобританіи, Франціи, Италіи и Турціи. Въ результатѣ совѣщаній этого конгресса рѣшено: Болгарію раздѣлить на двѣ части: самостоятельное княжество и Восточную Румелію, остающуюся подъ властью турокъ, но управляемую христіанскимъ губернаторомъ; Боснія и Герцеговина присоединены къ Австріи. Россія получила часть Бессарабіи, Карсъ, Ардаганъ и Батумъ; Грецію—часть Ѳессаліи и Эпира; Сербія и Черногорія небольшія прирѣзки къ ихъ землямъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

стр.

1. Освобожденіе Греціи.

Введеніе . . . . . 2—6

Главы I—IX. . . . . 6—54

2. Объединеніе Италіи.

Главы I—XIV. . . . . 55—132

Заключеніе . . . . . 132—135

II.

3. Война за освобожденіе негровъ.

Введеніе . . . . . 1—6

Главы I—X. . . . . 6—72

4. Война за освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова.

Введеніе. . . . . 73—76

Главы I—XI. . . . . 76—117